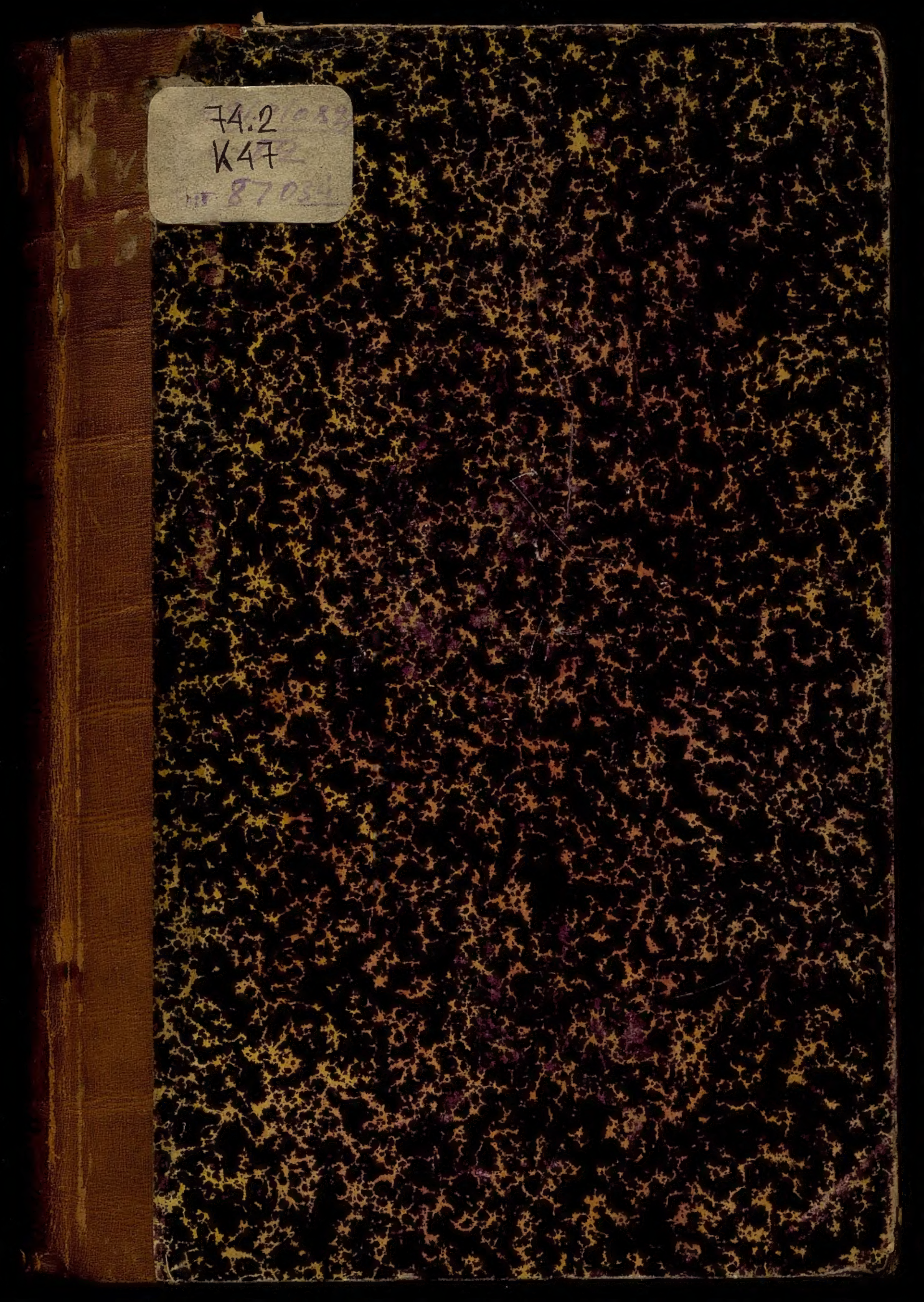
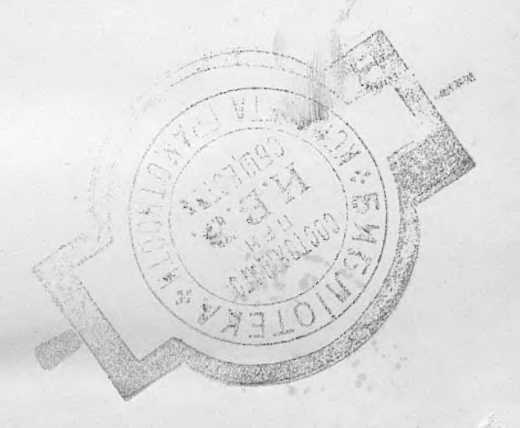

74.2
К47
87034

1941

ПРОВЕРЕНО
1939 г.

КЛАССНАЯ

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

для

МЛАДШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

составленная

Владиміромъ Стоюнинымъ.

Изданіе третье, перепечатанное безъ перемѣнъ со второго изданія, одобреннаго Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 80.
1893.

КЛАССНАЯ
РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

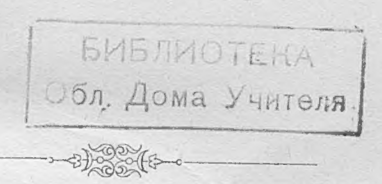
для

МЛАДШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

СОСТАВЛЕННАЯ

Владиміромъ Стоюнинымъ.

Изданіе третье, перепечатанное безъ перемѣнъ со второго изданія, одобреннаго Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 80.
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30-го Октября 1892 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ I.

---

1. Весна въ деревнѣ.

Первая пора.

1. Что чувствуется.

Душа стала чѣмъ-то полна, какое-то дѣло легло на плеча, озабочивало меня, какое-то стремленіе овладѣло мной, хотя въ дѣйствительности я ничѣмъ не занимался, никуда не стремился, не читалъ и не писалъ.

2. Что видится и слышится.

Но до чтенія ли, до письма ли было тутъ, 1) когда душистыя черемухи зацвѣтаютъ, когда пучекъ на березахъ лопается, когда черные кусты смородины опушаются бѣловатымъ пухомъ распускающихся сморщенныхъ листочковъ, когда всѣ скаты горъ покрываются подснѣжными тюльпанами, называемыми *сонъ*, лиловаго, голубаго, желтоватаго и бѣлаго цвѣта, когда полѣзутъ вездѣ изъ земли свернутыя въ трубочки травы и завернутыя въ нихъ головки цвѣтовъ; 2) когда жаворонки съ утра до вечера висятъ въ воздухѣ надъ самымъ дворомъ, разсыпаются въ своихъ журчащихъ, однообразныхъ, замирающихъ въ небѣ пѣсняхъ, которыя хватали меня за сердце, которыхъ я заслушивался до слезъ; когда божьи коровки и всѣ букашки выползаютъ на Божій свѣтъ, крапивныя и желтыя бабочки замелькаютъ, шмели и пчелы зажужжатъ; 3) когда въ водѣ движенье, на землѣ шумъ, въ воздухѣ трепетъ, когда и лучъ солнца дрожитъ, пробивается сквозь влажную атмосферу, полную жизненныхъ началъ.

3. Что хочется дѣлать.

А сколько было мнѣ дѣла, сколько заботъ!

Каждый день надо было раза два побывать въ рощѣ и освѣдомиться, какъ сидятъ на яицахъ грачи; надо было послушать ихъ докучныхъ криковъ; надо было посмотрѣть, какъ развертываются листья на сиреняхъ и какъ выпускаютъ онѣ сизыя кисти будущихъ цвѣтовъ; какъ поселяются малиновки въ смородинныхъ и барбарисовыхъ кустахъ; какъ муравьиныя кучи ожили, зашевелились, какъ муравьи показались сначала понемногу, а потомъ высыпали наружу въ безчисленномъ множествѣ и принялись за свои работы; какъ ласточки начали мелькать и нырять подъ крышу строеній въ старыя свои гнѣзда; какъ клохтала насѣдка, оберегая крошечныхъ цыплятокъ, и какъ коршуны кружились, плавали надъ ними... Я уже не бѣгалъ по двору, а ходилъ и чаще стоялъ на одномъ мѣстѣ, будто не веселый и безпокойный: ходилъ, глядѣлъ и молчалъ, противъ моего обыкновенія.

4. Что дѣлаютъ птички.

Отецъ ходилъ со мною поглядывать за птичками въ садовыхъ кустахъ и разсказывалъ, что онѣ завиваютъ ужъ гнѣзда. Онъ ходилъ со мной и въ грачевую рощу и очень сердился на грачей, что они сушатъ вершины березъ, ломая вѣтви для устройства своихъ уродливыхъ гнѣздъ, даже грозился раззорить ихъ... И какъ онъ обрадовался, услыша издали въ первый разъ пѣніе варакушки. «Ну, Сережа», сказалъ онъ мнѣ, «теперь всѣ птички начнутъ пѣть: варакушка первая запѣваетъ. А вотъ когда одѣнутся кусты, то запоютъ наши соловьи, и еще веселѣе будетъ».

Вторая пора.

1. Пѣнье соловья.

Наконецъ пришло и это время: зазеленѣла трава, распустились деревья, одѣлись кусты, запѣли соловьи—и пѣли, не уставая, и день и ночь. Днемъ ихъ пѣнье не производило на меня особеннаго впечатлѣнья; я даже говорилъ, что и жаворонки поютъ не хуже; но поздно вечеромъ или ночью, когда все вокругъ меня утихало, при свѣтѣ потухающей зори, при блескѣ звѣздъ, соловьиное пѣнье

приводило меня въ волненіе, въ восторгъ и сначала мѣшало спать. Соловьевъ было такъ много, и ночью они, казалось, подлетали такъ близко къ дому, что при закрытыхъ ставнями окнахъ свисты, раскаты и щелканье ихъ врывались съ силою въ нашу закупоренную спальню.

2. Что остается на душѣ.

Я не умѣю сказать, было ли мнѣ тогда весело. Знаю только, что воспоминаніе объ этомъ времени, во всю мою жизнь, разливало тихую радость въ душѣ моей. Наконецъ я сталъ спокойнѣе, присмотрѣлся, попривыкъ къ окружающимъ меня явленіямъ или, вѣрнѣе сказать, чудесамъ природы, которая, достигнувъ полнаго своего великолѣпія, сама какъ будто успокоилась. С. Аксаковъ.

2. Пѣнье соловья.

Соловей являть свое искуство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался,
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.

Крыловъ.

3. Соловей въ неволѣ.

1. Пока соловей заливается пѣснію, его неволя не терзаетъ меня: мнѣ кажется, что онъ счастливъ, не смотря на свое заключеніе, не смотря на то, что клѣтка сковываетъ его полетъ; замолчитъ онъ, и мною овладѣетъ невольная тоска, грусть.

2. Выпустить его, спрашиваю я самъ себя; но какъ? онъ отвыкъ летать, у него подрѣзаны крылья. Дай ему свободу, и онъ погибъ.

3. Правда, я выпускаю его иногда въ комнатѣ или въ маленькомъ саду; но эта свобода его не радуетъ; онъ притаится подъ кустомъ крыжовника, задумается, или слушаетъ веселыя пѣсни малиновокъ. Но эти пѣсни удваиваютъ только его грусть. Такимъ образомъ онъ оставался грустенъ, не прикасался къ корму и подъ открытымъ небомъ, на этой полусвободѣ.

4. Мнѣ пришло въ голову, не повеселѣетъ-ли соловей, если я оставляю его въ саду и буду кормить насѣкомыми, которыми онъ питается въ лѣсу. Новое затрудненіе. Кто рѣшится собирать, приносить на жертву его алчности существа, одаренныя жизнью? Другое дѣло яйца насѣкомыхъ и куколки, эти погруженныя въ сонъ насѣкомыя, которыя продаются на рынкахъ. Ими-то я и кормлю соловья безъ отвращенія.

4. Гнѣздо птички.

1. Моя сестрица была вѣрной моей подругой и помощницей въ собираніи травъ и цвѣтовъ, въ наблюденіяхъ за гнѣздами маленькихъ птичекъ, которыхъ много водилось въ старыхъ смородинныхъ и барбарисовыхъ кустахъ, въ собираніи червячковъ, бабочекъ и разныхъ букашекъ.

2. Замѣтивъ гнѣздо какой нибудь птички, мы всякій день ходили смотрѣть, какъ мать сидитъ на яйцахъ. Иногда по неосторожности мы спугивали ее съ гнѣзда и тогда, бережно раздвинувъ колючія вѣтви барбариса или крыжовника, разглядывали, какъ лежатъ въ гнѣздѣ маленькія, миленькія, пестренькія яички.

3. Случалось иногда, что мать, наскучивъ нашимъ любопытствомъ, бросала гнѣздо; тогда мы, увидя, что уже нѣсколько дней птички въ гнѣздѣ нѣтъ, и что она не покрикиваетъ и не вертится около насъ, какъ то всегда бывало,—доставали яички или даже все гнѣздо и уносили къ себѣ въ комнату, считая, что мы законные владѣльцы жилища, оставленнаго матерью.

4. Когда же птичка благополучно, не смотря на наши помѣхи, высиживала свои яички, и мы вдругъ находили вмѣсто нихъ голенькихъ дѣтенышей съ жалобнымъ тихимъ пискомъ, безпрестанно разѣвающихъ огромные рты; видѣли, какъ мать прилетала и кормила ихъ мушками и червячками;

5. Боже мой, какая была у насъ радость! Мы не переставали слѣдить, какъ маленькія птички росли, перились и наконецъ покидали свое гнѣздо.

Аксаковъ.

5. Ласточки.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ:
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,

Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ.
Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.
Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу—
Пустое гнѣздо подъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ.
А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли
И пуху таскали въ него!
Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!
И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти вели, разговоръ...
Потомъ полетѣли летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!
И вотъ ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ —
Далеко, далеко, далеко!
О, если бы крылья и мнѣ.

Майковъ.

6. Весна.

Вотъ она весна младая!
Свѣжимъ трепетомъ полна,
Благодатная, святая,
Животворная весна!
Въ неба синяго объятья
Поднялась земли краса;
Тише! слышите ли, братья,
Всѣ ликуютъ безъ изъятья,
Всѣ природы голоса!

На изложинахъ [1]) росистыхъ,
На поверхности озеръ,
Вдоль ручьевъ и рѣчекъ чистыхъ,
И куда ни кинешь взоръ,
Всюду звонкая тревога,
Всюду въ зелень убрана,
Торжествуя, хвалитъ Бога,
Жизни полная весна!
Зашумѣли ручьи и расторгнулся ледъ,
И сквозятъ темно-синія бездны,
И на глади зеркальной таинственныхъ водъ
Возрожденныхъ небесъ отражается сводъ
Въ красотѣ лучезарной и звѣздной.
И вверху, и внизу всѣ міры безъ конца
И двояко является вѣчность:
Высота съ глубиной хвалятъ вмѣстѣ Творца,
Славятъ вмѣстѣ его безконечность...

Облака: Миновало холодное царство зимы,
И на встрѣчу движенью живому,
Въ юныхъ солнца лучахъ позлатилися мы
И по небу плывемъ голубому.
Миновало холодное царство снѣговъ,
Не гонимы погодою бурной,
Въ парчевой мы одѣтыя снова покровъ,
Хвалимъ Господа въ тверди лазурной.

Цвѣты: Снова небо съ высотъ улыбается намъ,
И головки поднявъ понемногу,
Возсылаемъ изъ нашихъ мы чашъ ѳиміамъ,
Какъ моленіе Господу Богу.

Журавли: По небеснымъ пространствамъ спѣша голубымъ,
Гдѣ насъ видѣть едва можетъ око,
Ко знакомымъ мѣстамъ мы летимъ и кричимъ,
Длинной цѣпью віясь изъ далека.

---

[1]) Впадина, углубленье, изгибъ.

Видимъ сверху мы праздникъ веселый земли,
Здѣсь кончается наша дорога,
И мы кружимся вкругъ, журавли, журавли,
Хвалимъ криками Господа-Бога.

Гр. А. Толстой.

7. Охота съ ястребомъ.

1. Первые опыты. У насъ каждый день производилась охота съ ястребами за перепелками, которыхъ всѣ любили кушать и свѣжихъ, и соленыхъ.

Въ этотъ годъ также были вынуты изъ гнѣзда и выкормлены въ клѣткѣ, называвшейся «садкомъ», два ястреба.

Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть на эту охоту. Наконецъ отецъ самъ поѣхалъ и взялъ меня съ собою.

Охота мнѣ очень понравилась... Я очень скоро пристрастился къ травлѣ ястребочкомъ и въ тотъ счастливый день, въ который получалъ съ утра позволенье ѣхать на охоту, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ назначеннаго времени, т. е. часовъ двухъ по полудни, когда старый ловчій, выспавшись послѣ ранняго обѣда, явится съ бодрымъ и голоднымъ ястребомъ на рукѣ, съ собственной своей собакой на веревочкѣ и скажетъ: «пора, сударь, на охоту». Роспуски уже давно запряжены, и мы отправлялись въ поле.

2. Травля. Я не только любилъ смотрѣть, какъ рѣзвый ястребъ догоняетъ свою добычу, я любилъ все на охотѣ:

какъ собака, почуявъ слѣдъ перепелки, начнетъ горячиться, мотать хвостомъ, фыркать, прижимая носъ къ самой землѣ;

какъ по мѣрѣ того, какъ она подбирается къ птицѣ, горячность ея часъ отъ часу увеличивается;

какъ охотникъ высоко поднявъ на правой рукѣ ястреба, а лѣвой рукою удерживая на сворѣ горячую собаку, подсвистывая, горячась самъ, почти бѣжитъ за ней;

какъ вдругъ собака, иногда искривясь на бокъ, загнувъ носъ въ сторону, какъ будто окаменѣетъ на мѣстѣ;

какъ охотникъ кричитъ запальчиво «пиль, пиль», и наконецъ толкаетъ собаку ногой;

какъ Богъ знаетъ откуда, изъ подъ самаго носа, съ шумомъ и чоканьемъ вырывается перепелка,

и уже догоняетъ ее съ распущенными когтями жадный ястребъ, и уже догналъ, схватилъ, пронесся нѣсколько сажень и опускается съ добычею въ траву или жниву—

На это, пожалуй, всякій посмотритъ съ удовольствіемъ.

3. Раздѣлъ добычи. Но я также любилъ смотрѣть:

какъ охотникъ, подбѣжавъ къ ястребу, ставъ на колѣни и осторожно наклоняясь надъ нимъ, обмявъ кругомъ траву и оправивъ его распущенныя крылья, начнетъ бережно отнимать у него перепелку;

какъ потомъ полакомитъ ястреба оторванной головкой и снова пойдетъ за новой добычей.

Я любилъ смотрѣть, какъ охотникъ кормитъ своего ловца:

какъ ястребъ щиплетъ перья и пухъ, который пристаетъ къ его окровавленному носу и какъ онъ отряхаетъ, чиститъ его объ рукавицу охотника;

какъ ястребъ сначала жадно глотаетъ большіе куски мяса и даже небольшія кости и наконецъ набиваетъ свой зобъ въ цѣлый кулакъ величиною.

Въ этой-то любви обнаруживался будущій охотникъ. Но увы! какъ я ни старался выгодно описывать мою охоту матери и сестрицѣ— обѣ говорили, что это жалко и противно. С. Аксаковъ.

8. Червячки.

1. Свѣтящіеся червячки прельщали насъ своимъ фосфорическимъ блескомъ.

2. Мы ловили ихъ и держали въ ящикахъ или бумажныхъ коробочкахъ, положивъ туда разныхъ травъ и цвѣтовъ; то же дѣлали мы со всякими червячками, у которыхъ было шестнадцать ножекъ.

3. Свѣтляки не долго жили и почти всегда на другой же день теряли способность разливать по временамъ свой плѣнительный блескъ, которымъ мы любовались въ темной комнатѣ.

4. Другіе червячки жили долго и превращались иногда, къ великой нашей радости, въ хризолиды или куколки. Это происходило слѣдующимъ порядкомъ:

5. Червячки голые, посредствомъ клейкой слизи, привѣшивались,

точно приклеивали себя хвостикомъ къ крышѣ или стѣнкѣ ящика; а червячки мохнатые, завернувшись въ листья и замотавшись въ тонкія, бѣлыя и прозрачныя ниточки или шелковинки, ложились въ нихъ, какъ въ кроватку.

6. По прошествіи извѣстнаго, но весьма неравнаго времени, сваливалась, какъ сухая шелуха, наружная кожа съ гладкаго или мохнатаго червя, и висѣла или лежала куколка: висѣла угловатая, съ рожками, узорчато-сѣрая, бланжевая, даже золотистая хризолида; а лежала всегда темнаго цвѣта, настоящая, крошечная, точно спеленанная куколка.

7. Я зналъ, что изъ первыхъ, висячихъ хризолидъ должны были вывестись денныя бабочки, а изъ вторыхъ, лежачихъ—ночныя; но какъ въ то время, я не умѣлъ еще ходить за этимъ дѣломъ, то превращенія хризолидъ въ бабочки у насъ не было, да и быть не могло, потому что мы ихъ безпрестанно смотрѣли, даже трогали, чтобъ узнать, живы ли онѣ.

Аксаковъ.

9. Насѣкомыя въ заволжскихъ лѣсахъ.

1. Лѣсныя трясины. Въ лѣсахъ (заволжскихъ) работаютъ только по зимамъ. Не то что дорогъ, даже мало-мальски торныхъ тропинокъ тамъ вовсе почти нѣтъ; за то много мѣстъ непроходимыхъ. Гніющаго валежника пропасть, да кромѣ того, то и дѣло попадаются обширныя глубокія болота, а мѣстами трясины... Это страшныя, погибельныя мѣста для небывалаго человѣка. Кто отъ роду впервой попалъ въ невѣдомыя лѣсныя дебри—берегись, гляди въ оба... Много, много чудесъ разсказываютъ лѣсники про эти трясины. Чего тамъ не бываетъ! Не даромъ изстари люди толкуютъ, что въ тихомъ омутѣ черти водятся, а въ лѣсномъ болотѣ плодятся.

2. Комарная сила. Не одна окаянная сила пугаетъ лѣсниковъ въ лѣтнюю пору. Не даютъ имъ работать въ лѣсахъ другіе враги. Миріады разнообразныхъ комаровъ, отъ крошечной мошки, что цѣлыми кучами забиваются въ глаза, носъ и уши, до тощей длинноногой караморы [1]), день и ночь несметными роями толкутся въ воздухѣ, столбами носятся надъ болотами и преслѣдуютъ человѣка нестерпимыми мученьями.

---

[1]) Большой комаръ.

Нѣтъ ему покоя отъ комариной силы, ни въ знойный полдень, ни прохладнымъ вечеромъ, ни темной ночью, только и отрада въ дождливую погоду. Даже на дымныхъ смоляныхъ казанахъ [1]) и на скипидарныхъ заводахъ иначе не спятъ, какъ на подкурахъ, не то комары заѣдятъ до полусмерти. Врываютъ для того въ землю толстыя жерди вышиной сажени по три и мостятъ на нихъ для спанья полати; подъ тѣми полатями раскладываютъ на землѣ огонь: курево отгоняетъ комариную силу. Такъ и спятъ въ дыму прокопченные насквозь бѣдняки, да и тутъ не всегда удается имъ отдѣлаться отъ мелкихъ несносныхъ мучителей.

3. Строка. А кромѣ того оводъ, слѣпни и страшный бичъ домашнихъ животныхъ — строка; имѣетъ она наружное сходство со слѣпнемъ.

Одной строкѣ достаточно залетѣть въ рой слѣпней, вьющихся надъ конями, чтобъ цѣлая тройка, хоть и вовсе притомленная, закусивъ удила, лягаясь задними ногами и отчаянно размахивая по воздуху хвостами, помчалась зря [2]), какъ бѣшеная, сломя голову.

Залетитъ строка въ стадо—весь скотъ взбѣсится, подниметъ неистовый ревъ и задравъ хвосты, зачнетъ метаться во всѣ стороны.

Бѣдные лоси и олени пуще всѣхъ терпятъ мученье отъ этой строки. Она садится на ноги, на спину, или на бока животнаго и прокусываетъ кожу. Раны загноятся, и строка кладетъ въ нихъ свои яйца. На слѣдующую весну изъ яицъ выходятъ личинки и насквозь проѣдаютъ кожу бѣднаго животнаго. Въ то время лось переноситъ нестерпимыя муки, а строка снова рѣжетъ свѣжія мѣста его кожи и снова кладетъ туда яйца. Шкура, снятая со звѣря, убитаго лѣтомъ или осенью, никуда не годится: она усѣяна круглыми дырами въ пятиалтынный и больше. Единственное спасеніе бѣдныхъ звѣрей отъ строки, если они, понуривъ головы и дрожа всѣмъ тѣломъ, добредутъ до озера либо рѣчки. Свѣжаго воздуха, идущаго отъ студеной воды, строка боится.

Да что толковать про беззащитныхъ оленей и лосей, самъ косолапый бояринъ лѣсовъ пуще огня боится строки. За недостаткомъ ли

---

[1]) Котелъ.

[2]) Какъ ни попало, безъ цѣли и надобности.

лосей, по другой ли причинѣ, строка иногда накидывается на медвѣдя. Забившись къ Мишкѣ въ загривокъ, въ ту пору, какъ онъ линяетъ, начинаетъ она прокусывать толстую его шкуру. Благимъ матомъ зареветъ лѣсной бояринъ. Напрасно отмахивается онъ передними лапами—не отстанетъ отъ него строка, пока огрызаясь и рыча на весь лѣсъ, кувыркаясь промежъ деревьевъ, не добѣжитъ Мишенька до воды и не погрузнетъ въ ней головою. Тѣмъ только косматый царь сѣверныхъ звѣрей и спасается отъ крохотнаго палача.

Человѣка, слава Богу, строка никогда не трогаетъ.

Андрей Печерскій.

10. Весна.

Въ старый садъ выхожу я, росинки
Какъ алмазы на листьяхъ горятъ;
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливая кругомъ ароматъ.
Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья,
И прыжки воробья на пескѣ.
За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Подымаются къ небу вдали.
Какъ любовью и радостью дышетъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ.

Плещеевъ.

11. Ласточка.

Травка зеленѣетъ,
Солнышко блеститъ,
Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ.
Съ нею солнце дольше
И весна милѣй . . .

Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй.
Дамъ тебѣ я зеренъ,
А ты пѣсню спой,
Что изъ странъ далекихъ
Принесла съ собой.

Плещеевъ.

12. Пѣсня ласточки.

Ласточка примчалась
Изъ-за бѣла моря,
Сѣла и запѣла:
Какъ, Февраль, ни злися,
Какъ ты, Мартъ, ни хмурься,
Будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ,
Все весною пахнетъ.

Майковъ.

13. Журавли.

Еще весны душистой нѣга
Къ намъ не успѣла низойти,
Еще овраги полны снѣга,
Еще зарей гремитъ телѣга
На замороженномъ пути.
Едва лишь въ полдень солнце грѣетъ,
Краснѣетъ липа въ высотѣ,
Сквозя березникъ чуть желтѣетъ,
И соловей еще не смѣетъ
Запѣть въ смородинномъ кустѣ.
Но возрожденья вѣсть живая
Ужъ есть въ пролетныхъ журавляхъ,
И ихъ глазами провожая,
Стоитъ красавица степная
Съ румянцемъ сизымъ на щекахъ.

Фетъ.

14. Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые
И солнце нити золотитъ.
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный —
Все вторитъ весело громамъ.

Тютчевъ.

15. Пчелиный городокъ.

1. Цѣль построенія. Искуснѣйшіе художники съ одной стороны созидаютъ городъ, съ другой приготовляютъ себѣ общую мать, которая должна продолжать ихъ родъ, быть кумиромъ ихъ общины. Есть нѣчто общее между пчелами, осами, муравьями и всѣми общежительными насѣкомыми. Жизнь тѣхъ и другихъ, какъ жизнь тетушекъ, сестрицъ, трудолюбивыхъ дѣвицъ, вся посвящена безкорыстной материнской любви. Отличіе же пчелъ отъ сходныхъ съ ними породъ составляетъ потребность создать себѣ повелительницу, любовь къ которой и вызываетъ ихъ къ труду.

2. Строители. Не всему обществу предоставляется постройка и устройство городка, а только особенному классу, который составляетъ родъ отдѣльнаго общества. Въ то время, когда огромная толпа пчелъ отправляется въ поле искать себѣ пищи, другія пчелы большихъ размѣровъ обрабатываютъ воскъ, рѣжутъ, приготовляютъ и употребляютъ его искусно на постройку. Это почтенное общество архитекторовъ работаетъ и строитъ по строжайшимъ правиламъ геометріи.

3. Приготовленіе матерьяла. Матерьялы, употребляемые ими, очищены внутренними ихъ соками. Медъ и воскъ — веще-

ства не растительнаго происхожденія. Пчелы отыскиваютъ сокъ цвѣтовъ и приносятъ его уже измѣненнымъ, усовершенствованнымъ ихъ жизнію. Сладокъ и чистъ переходитъ онъ изъ ихъ устъ въ уста ихъ могучихъ сестеръ. Получивъ эту пищу, одинъ изъ разрядовъ пчелъ въ свою очередь обрабатываетъ ее. Мудрые домосѣды дѣлаютъ медъ изъ жидкаго густымъ, медъ крѣпкій, такъ сказать, обдѣланный. Но работа еще не кончена. Это дважды уже измѣненное и орошенное сокомъ животнаго вещество онѣ употребляютъ не иначе, какъ смочивъ еще собственною слюною и тѣмъ сообщивъ ему мягкость при работѣ и упругость послѣ нея. Въ ихъ постройкахъ нѣтъ частицы, которая не была бы переработана три раза. Кто скажетъ, цвѣтокъ ли игралъ главную роль въ этомъ ульѣ или пчела? Дѣло пчелы чрезвычайно важно. Пчелы создаютъ свой городокъ изъ себя самихъ. Пчела и улей—одно и тоже.

4. Построеніе. Но посмотримъ на нихъ во время труда. Въ срединѣ улья, еще пустаго, одна ученая восколейщица подвигается впередъ, осторожно беретъ пластинку воска и лапками подноситъ ее ко рту. Пластинка перетирается зубами, а какъ ея зубы представляютъ полые канальцы, то воскъ выходитъ изъ нихъ въ видѣ ленты. Такимъ образомъ вырабатываются восемь пластинокъ. Потомъ изъ нихъ приготовляются восемь маленькихъ кусочковъ, которые и помѣщаются подобно первымъ брусьямъ начальной постройки и которые служатъ основаніемъ городка. Другія продолжаютъ неуклонно то, что начали первыя. Если какой нибудь непонятливый новичекъ не слѣдуетъ предначертанному плану, то опытныя наставницы тотчасъ исправляютъ его ошибку. Въ цѣльной, хорошо устроенной и выровненной массѣ нужно еще выдолбить форму. Одна пчела отдѣляется отъ прочихъ и въ этомъ твердомъ матерьялѣ выдалбливаетъ своимъ роговымъ язычкомъ, зубами и лапками углубленіе въ формѣ свода. Утомившись, она удаляется, а мѣсто ея занимаютъ другія и даютъ стѣнкамъ надлежащую толщину. Кто же ихъ предостерегаетъ отъ сильнаго удара, чтобы не образовать въ перегородкѣ отверстія? При томъ онѣ никогда не заглядываютъ въ противоположную сторону. Глаза имъ безполезны: онѣ пріобрѣтаютъ своими щупальцами понятіе объ окружающихъ ихъ предметахъ. Это ихъ компасъ. Благодаря очень тонкому осязанію,

онѣ по звуку, издаваемому воскомъ, и по его упругости узнаютъ, можно ли смѣло долбить далѣе, или нужно остановиться.

5. Соты. Работы пчелъ чрезвычайно разнообразны. Медовые соты перерѣзаны въ центрѣ корридорами или маленькими тонелями, сокращающими путь пчелъ. Бережливыя во всемъ, пчелы скупы и на время. Онѣ предпочитаютъ шестиугольную форму, которая едва ли не самая удобная для того, чтобы на маломъ пространствѣ помѣстить большее число ячеекъ. Но эта форма не составляетъ для нихъ необходимаго условія. Первый сотъ, который онѣ приклеиваютъ къ дереву, держался бы на немъ очень слабо и только посредствомъ выпуклостей, если бы онъ состоялъ изъ ячеекъ шестисторонних. Вотъ почему онъ имѣетъ пятисторонною форму и такимъ образомъ плотно прилегаетъ къ дереву широкимъ основаніемъ. Все это соединено, склеено, но не воскомъ, а особымъ смолистымъ веществомъ, которое засыхая становится твердымъ.

6. Колыбельки. Большія клѣточки, колыбели царицъ, будущихъ матокъ, находятся по бокамъ сота. Ихъ форма не шестиугольная, а продолговатая, яйцевидная, представляющая удобство и легкость для развитія этихъ любимицъ всего пчелинаго роя. Наконецъ, даже между самыми обыкновенными пятиугольными ячейками, при внимательномъ наблюденіи, можно замѣтить огромную разницу, хотя съ перваго взгляда онѣ кажутся совершенно одинаковыми; изъ нихъ самыя маленькія назначены для обитательницъ цвѣтовъ и колосьевъ, побольше для художниковъ-восколеевъ, и наконецъ, самыя большія и широкія ячейки для хозяевъ. Каковъ домъ, таковъ и жилецъ: хозяинъ рождается сильнымъ и раздутымъ.

16. Пчелка.

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства восковаго,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:

Скоро-ли будетъ гостья дорогая,
Скоро-ль луга зазеленѣютъ,
Распустятся клейкіе листочки,
Зацвѣтетъ черемуха душиста?

Пушкинъ.

17. Муравьиная война.

1. Муравьи-плотники. Мнѣ принесли изъ лѣсу большой кусокъ земли, перемѣшанной съ мелкими прутиками, обломками хвойныхъ деревъ, иглами сосенъ и мелкими колючими листьями. Среди нихъ шевелилось самое разнообразное населеніе: яйца, куколки, малютки-работники; взрослые муравьи, казалось, были воинами и покровителями. Это былъ цѣлый городъ, полный разнообразія, но отмѣченный однимъ общимъ знакомъ: на кожѣ каждаго изъ его смугло-коричневыхъ обитателей находилось темно-красное пятно. Что это были муравьи-ремесленники, можно было заключить по остаткамъ ихъ раззореннаго жилища. Это были муравьи-плотники, которые подпираютъ верхній этажъ своего жилища деревянными прутиками.

При столь рѣзкой перемѣнѣ своего положенія, этотъ народъ нисколько не терялъ бодрости и по прежнему продолжалъ свои занятія. Главною его заботою было защищать яйца и куколки отъ сильнаго дѣйствія солнечныхъ лучей. Общее движеніе вызвало всѣхъ изъ подъ земли наружу, и тогда-то принялись дѣятельно работать маленькіе муравьи, между тѣмъ какъ большіе бродили и возвращались или собирались въ кружки, даже внѣ большаго горшка съ землею, содержавшею остатокъ разрушеннаго города. Они шли твердо, преодолѣвая всѣ встрѣчавшіяся на пути препятствія, не робѣя даже передъ нами, такъ что когда мы помѣщали на ихъ пути какую либо преграду—вѣточку или палецъ, то они садились на нихъ и съ удивительнымъ искусствомъ дѣйствовали своими маленькими ножками, лаская ими насъ, какъ будто котята.

2. Муравьи-каменщики. Собравшись около горшка, они встрѣтили на пескѣ черно-пепельныхъ муравьевъ, которые были господствующимъ племенемъ въ нашемъ саду и воздвигли въ немъ не огромныя зданія. Они для своихъ построекъ не нуждаются въ деревѣ: они строятъ себѣ жилища изъ песку; цементомъ для нихъ слу-

житъ собственная ихъ слюна, а для просушки и очищенія зданія— муравьиная кислота. Особенно выгодна для нихъ мѣстность, поросшая шиповникомъ, яблонями и персиками, доставляющими имъ обильную пищу въ лиственныхъ насѣкомыхъ; изъ нихъ муравьи добываютъ себѣ и своимъ малюткамъ сладкій медъ.

3. Вражда. Встрѣча была не слишкомъ дружелюбная. Хотя между крупными плотниками находились и довольно мелкіе, но вообще они рѣзко отличались отъ черныхъ муравьевъ высокими ножками и краснымъ пятномъ на грудномъ щиткѣ. Они безпощадно преслѣдовали послѣднихъ. Быть можетъ, они подозрѣвали въ черныхъ бродягахъ шпіоновъ, подосланныхъ для осмотра съ тѣмъ, чтобы вѣрнѣе приготовить сѣти вновь поселившейся колоніи. Словомъ, великаны-плотники умерщвляли малютокъ каменщиковъ.

4. Нападеніе. Послѣдствія этого поступка были ужасны. Къ несчастію горшокъ съ землею былъ поставленъ подлѣ яблони; листья ея были покрыты мохнатыми насѣкомыми, которыхъ такъ усердно преслѣдуютъ садовники, и которыя доставляютъ столько наслажденія муравьямъ. Наши каменщики, желая овладѣть драгоцѣннымъ для нихъ источникомъ сахаристыхъ веществъ, роемъ этихъ насѣкомыхъ, еще прежде собрались въ засаду между корнями дерева... Не прошло и четверти часа, какъ уже весь черный народъ выступилъ съ необыкновенной быстротой черезъ безчисленное множество отверстій, такъ что весь песокъ вскорѣ покрылся длинными черными колоннами. При отвѣсномъ паденіи палящихъ солнечныхъ лучей, наступленіе муравьевъ совершалось еще быстрѣе. Отъ постояннаго пребыванія въ землѣ, ихъ мозгъ, вѣроятно, получилъ чрезвычайную чувствительность. Палящій жаръ и опасеніе за свое племя, которому угрожало нападеніе исполиновъ-непріятелей, управляли ими, побуждали ихъ дѣйствовать наступательно и идти съ полною неустрашимостью на встрѣчу почти неизбѣжной смерти, потому что на каждаго плотника, судя по росту и толщинѣ, нужно было, по крайней мѣрѣ, восемь или десять каменщиковъ. Притомъ наблюденія намъ показали, что при первомъ столкновеніи для малютки каменщика было достаточно одного удара плотника, чтобы существованіе карлика пресѣклось. Правда, каменщики имѣли значительный перевѣсъ по численности; но что было бы, если бы первые ряды были остановлены, поражены? Движеніе арміи впе-

редъ только увеличивало бы собою число жертвъ. Таковы были наши опасенія въ началѣ. Мы опасались за маленькихъ обитателей нашего сада, взволнованныхъ насильственнымъ вторженіемъ чуждаго имъ народа, невѣжественнаго и грубаго, дерзнувшаго безъ всякаго повода наносить имъ смертельные удары. Но мы думали такъ, основываясь только на ихъ матерьяльныхъ силахъ, не обращая вниманія на другія.

5. Мщеніе. При первой стычкѣ, насъ поразила ловкость и дружное дѣйствіе черныхъ малютокъ. Надо было видѣть, съ какимъ проворствомъ, съ какими уловками эти мелкія насѣкомыя, соединившись между собою по шести, мгновенно останавливали одного изъ крупныхъ муравьевъ. Одни дружно схватывали его за ножки, а двое другихъ малютокъ, вскочивъ ему на спину, крѣпко сжимали его щупальцами. Такимъ образомъ этотъ исполинъ, скованный по всѣмъ членамъ, становился совершенно неподвижнымъ и лишался, повидимому, всѣхъ признаковъ жизни, а также и сознанія въ превосходствѣ своихъ силъ. Тогда вмигъ являлись на помощь другіе мелкіе муравьи, которые уже безбоязненно пронзали великана сверху и снизу. Вблизи эта сцена была поразительна.

Какъ ни возбуждала наше участіе отвага малютокъ, ихъ ярость однако казалась намъ ужасной. Мы не могли смотрѣть на этихъ несчастныхъ великановъ: ихъ скованныхъ по всѣмъ членамъ влачили безъ сожалѣнія по волнующимся потокамъ озлобленной толпы. Лишенные возможности сопротивляться, они напоминали собою слабую овцу подъ ножомъ мясника. Мы хотѣли было разнять ихъ, но у кого хватило бы силъ на это?.. Потопить ихъ? но и этотъ потопъ не прекратилъ бы кровопролитія, когда сбѣжала бы вода; борьба продолжалась бы съ неменьшимъ ожесточеніемъ. Оставалось одно: зажечь костры соломы и предать противниковъ на жертву пламени; но это было бы болѣе жестоко и гибельно, чѣмъ самое зло... Великаны, потерявъ присутствіе духа, кидались, какъ нарочно, въ самый пылъ битвы, въ самые густые ряды непріятелей, въ самый центръ опасности. Но они потеряли не только поле битвы и право на побѣду, потеряли даже свой муравьиный разсудокъ. Между тѣмъ муравьи-малютки, знакомые съ родною мѣстностью, бились и преслѣдовали съ неутомимой отвагой иноземцевъ, которые, незнакомые съ мѣстностью страны, на каждомъ шагу встрѣчали новыя затрудненія, новыя неудачи и не находили ни-

тдѣ себѣ убѣжища. Я понимаю ихъ ужасъ. Мы и сами не могли почти безъ ужаса смотрѣть на эти смертоносные легіоны, на это страшное войско черныхъ скелетовъ, когда они наконецъ приступомъ овладѣли несчастнымъ горшкомъ съ землею, пылая яростью и не находя себѣ мѣста въ этомъ тѣсномъ, удушливомъ и жаркомъ пространствѣ, карабкались другъ на друга.

6. Избіеніе дѣтей. По мѣрѣ того, какъ пораженіе гигантовъ становилось сильнѣе, у черныхъ муравьевъ обнаруживалась отважная алчность. Казалось, это были не одни только движенія; казалось, изъ этой толпы звучали слова: «ихъ дѣти доставятъ намъ сытную пищу!» И вотъ они устремились на невинныхъ дѣтей, которыя, принадлежа къ высшему племени, были жирны и тучны. И продолговатыя оболочки ихъ куколокъ, кажется, обѣщали имъ не мало добычи. Въ самомъ дѣлѣ черные, соединясь по два, по три, даже по четыре, съ трудомъ подымали со дна горшка на своихъ скользкихъ спинкахъ по одной куколкѣ. Наконецъ они рѣшились на страшное дѣло: уничтожить покрывало и похитить обнаженныхъ дѣтей. Дѣло довольно трудное, потому что въ куколкѣ малютка крѣпко прирастаетъ къ внутреннимъ стѣнкамъ оболочки, а члены его согнуты и соединены между собою еще плотнѣе, такъ что необходимымъ послѣдствіемъ этого жестокаго поступка были смертельныя раны. Похитители уже уносили съ собою не ребенка, а истерзанный трупъ его. Сначала, глядя на эту сцену, мы приняли ее за ловлю невольниковъ—явленіе нерѣдкое у многихъ породъ муравьевъ; но похитители лишали малютокъ одного изъ главныхъ условій ихъ жизни—оболочки; сдѣлалось яснымъ, что имъ нужна была не жизнь плѣнниковъ, а мясо, которое могло служить нѣжною пищею ихъ дѣтямъ... Подъ тонкою прозрачною тканью они ощущаютъ трепетъ дѣтеныша, который въ это время является еще въ формѣ слабаго, обнаженнаго существа, еще погруженнаго въ сонъ, или въ формѣ существа вполнѣ образовавшагося, способнаго къ ощущенію, но еще безсильнаго защищаться.

Понятно, какъ ужасны должны были быть страданія этихъ маленькихъ изнѣженныхъ и неимовѣрно чувствительныхъ существъ, когда жестокіе непріятели обнажали ихъ, мучили клещами и зубами, безжалостно катали и влачили, подъ палящимъ солнцемъ, по неровностямъ крупнаго песку. Передъ нами происходило ужасное истязаніе живыхъ

невинныхъ созданій, для которыхъ каждое прикосновеніе къ нѣжному тѣлу служило уже источникомъ жестокихъ страданій.

7. Разрушеніе городка. Это страшное нападеніе одного муравьинаго племени на другое и на дѣтей совершилось быстро: городъ былъ совершенно опустошенъ и разрушенъ до основанія... Судьба побѣжденныхъ была рѣшена. Мертвый разрушенный городъ превратился въ кладбище, на которомъ между разбросанными, пораженными тѣлами попадались только остатки дерева, прошлогоднія сережки сѣверныхъ деревьевъ и печальныя иглы ели и сосны, нѣкогда зеленыя и полныя жизни, а теперь мертвыя, подобно городу.

Признаюсь, сперва я былъ расположенъ въ пользу черныхъ муравьевъ-малютокъ, но послѣ страшнаго мщенія я невольно получилъ отвращеніе отъ этихъ варваровъ. Всякій разъ, какъ только я встрѣчалъ неумолимыхъ насѣкомыхъ въ опустошенномъ горшкѣ, я ихъ выбрасывалъ оттуда вонъ. Тщетно доказывали мнѣ, что они совершенно невинны и были вызваны на бой, въ которомъ показали отвагу и неустрашимость, презирая явную гибель. Все это не успокоило меня: такъ сильно я былъ взволнованъ ихъ жестокостью. Я не искалъ ихъ гибели, но признаюсь, если бы они случайно попали мнѣ подъ ногу, я не опасался бы ихъ раздавить.

8. Бѣглецъ. Несчастный опустошенный горшокъ постоянно кружилъ мнѣ голову. Не смотря на совершенное отсутствіе въ немъ движенія, я упорно желалъ открыть въ немъ признаки, что не все еще окончено. Можно было подумать, что по нашему желанію, какъ по мановенію какой-то волшебной силы, снова пробудилась жизнь — явилось какое-то жалкое существо: одна изъ спасшихся жертвъ осиротѣлаго города. Она стремилась удалиться отъ этой юдоли смерти, и какъ мы замѣтили, тащила съ собою куколку... Наступила ночь, а нашъ бѣглецъ былъ въ мѣстѣ, совершенно чуждомъ для него, всюду усѣянномъ непріятелями; и въ самомъ дѣлѣ, всякая изрѣдко встрѣченная въ землѣ скважина, гдѣ онъ надѣялся бы найти убѣжище, была адскимъ жерломъ его враговъ. Несчастный муравей, обремененный тяжестію ноши, которая еще усиливала его несчастіе, бѣжалъ въ отчаяніи, самъ не зная куда. Я слѣдилъ за нимъ взоромъ, сердцемъ; но наступившій мракъ ночи скрылъ его отъ моихъ глазъ.

18. Малиновка.

Да, ты клѣтки ненавидишь;
Ты съ тоской глядишь въ окно,
Воли просишь... только видишь—
Право, рано: холодно!
Пережди снѣга и вьюгу,
Вотъ олиствятся лѣса;
Вотъ разсыплется по лугу
Влажнымъ бисеромъ роса.
Клѣтку я тогда открою
Ранымъ рано поутру,
И порхай, Господь съ тобою,
Въ крупно-ягодномъ бору.
Птичкѣ весело на полѣ
И въ лѣсу, да, веселѣй
Жить на волѣ, пѣть на волѣ
Съ красныхъ зорекъ до ночей...
Ужъ летятъ твои сестрицы
Къ намъ изъ-за моря сюда:
Жди же, жди весны-царицы,
Теплой ночи и гнѣзда.
Я пущу тебя на волю;
Но послушай: заведешь
Ты мнѣ пѣсенку, что полю
И темнымъ лѣсамъ поешь?
Знаешь ту, что полюбили
Волны, звѣзды и цвѣты,
А задумали-сложили
Ночи вешнія да ты.

Мей.

19. Весна.

Ужъ верба вся пушистая
Раскинулась кругомъ;
Опять весна душистая
Повѣяла крыломъ.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И въ душу снова просятся
Плѣнительные сны.
Вездѣ разнообразною
Картиной занятъ взглядъ,
Шумитъ толпою праздною
Народъ—чему-то радъ...
Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И надъ душою каждою
Проносится весна.

Фетъ.

20. Весна.

Великолѣпный день! На мягкой муравѣ
Лежу; ни облачка въ небесной синевѣ;
Цвѣтетъ зеленый лугъ; чистѣйшій воздухъ горный
Прохладой сладостной и нѣгой животворной
Струится въ грудь мою, и полонъ я весной!
И вотъ пѣвецъ ея летаетъ надо мной,
И звуки надо мной веселые летаютъ!
И чувство дивное тѣ звуки навѣваютъ
Мнѣ на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мнѣ, такъ легко, какъ будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою.

Языковъ.

21. Посѣвъ.

1. Поле. Какъ только провяла земля, начались полевыя работы, т. е. посѣвъ ярового хлѣба.

Видъ весеннихъ полей вскорѣ привлекъ мое вниманіе, и радостное чувство овладѣло моей душой.

Поднимаясь отъ гумна на гору, я увидѣлъ, что всѣ долочки весело зеленѣли сочной травой. На горахъ зацвѣтала вишня и дикая акація. Жаворонки такъ и разсыпались пѣснями вверху; иногда проно-

сился крикъ журавлей, вдали заливался звонкими трелями кроншнепъ, слышался хриплый голосъ кречетокъ, стрепета [1]) поднимались съ дороги и тутъ же садились. Это былъ особый птичій міръ, совсѣмъ не похожій на тотъ, который подъ горою населялъ воды и болото—и онъ показался мнѣ еще прекраснѣе.

Тутъ только, на горѣ, почувствовалъ я неизмѣримую разность между атмосферами внизу и вверху. Тамъ пахло стоячею водой, тяжелою сыростью, а здѣсь воздухъ былъ сухъ, ароматенъ и легокъ.

2. Видъ вспаханной земли. Вскорѣ зачернѣлись полосы вспаханной земли и подъѣхавъ, я увидѣлъ, что крестьянинъ, уже не молодой, мѣрно и бодро ходитъ взадъ и впередъ по десятинѣ, разсѣвая вокругъ себя хлѣбныя сѣмена, которыя доставалъ онъ изъ лукошка, висящаго у него черезъ плечо. Издали за нимъ шли три крестьянина за сохами: запрежянныя въ нихъ лошадки казались мелки и слабы; но онѣ не останавливаясь и безъ напряженнаго усилія, взрывали сошниками черноземную почву, разсыпая рыхлую землю направо и налѣво, разумѣется, не новь, а мякоть, какъ называется нѣсколько разъ паханная земля.

За ними тащились три бороны съ желѣзными зубьями, запряженныя такими же лошадками; ими управляли мальчики.

Не смотря на утро и еще весеннюю свѣжесть, всѣ люди были въ днѣхъ рубашкахъ, босикомъ и съ непокрытыми головами.

3. Трудъ. И весь этотъ трудъ, повидимому, тяжелый трудъ, производился легко, бодро и весело. Глядя на эти правильно и непрерывно движущіяся фигуры людей и лошадей, я забылъ окружающую меня красоту весенняго утра. Важность и святость труда, которыхъ я не могъ тогда вполнѣ ни понять, ни оцѣнить, однако глубоко поразили меня. Оглянувшись вокругъ себя и увидя, что въ разныхъ мѣстахъ много людей и лошадей двигались также мѣрно и въ такомъ же порядкѣ взадъ и впередъ, я крѣпко задумался, самъ хорошенько не зная о чемъ. Отецъ спросилъ: «что ты, Сережа?». Я отвѣчалъ множествомъ вопросовъ о работающихъ крестьянахъ и мальчикахъ, на которые отецъ отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно и подробно. Слова его запали мнѣ въ сердце.

---

[1]) Трясучка, степная птица, изъ рода драхвы.

Я сравнивалъ себя съ крестьянскими мальчиками, которые цѣлый день, отъ восхода до заката солнечнаго, бродили взадъ и впередъ, какъ по песку, по рыхлымъ десятинамъ, которые кушали хлѣбъ да воду, и мнѣ стало совѣстно, стыдно; и рѣшился я просить отца и мать, чтобъ меня заставили бороновать землю.

Полный такихъ мыслей, воротился я домой и принялся передавать матери мои впечатлѣнія и желаніе работать. Она смѣялась, а я горячился, наконецъ она съ важностью сказала мнѣ: «выкинь этотъ вздоръ изъ головы: пашня и бороньба не твое дѣло; впрочемъ, если хочешь попробовать, я позволю».

Черезъ нѣсколько времени дѣйствительно мнѣ позволили попробовать бороновать землю. Оказалось, что я никуда не годенъ: не умѣю ходить по вспаханной землѣ, не умѣю держать возжи и править лошадью, не умѣю заставить ее слушаться. Крестьянскій мальчикъ шелъ рядомъ со мною и смѣялся. Мнѣ было стыдно и досадно, и я никогда уже не поминалъ объ этомъ. С. Аксаковъ.

22. Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней-десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица—зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большаго лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ!
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю . . .
Ну, тащися, сивка!

Пашеньку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать—земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну, тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка,
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть-рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну, тащися, сивка!
Накормлю до сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ, мое богатство!

Кольцовъ.

23. Лѣтнія страды.

Стали замолкать соловьи, стали стихать другія голосистыя пташки. Не слышать больше звонкаго, переливистаго ихъ щебетанья. Иные пѣвуны съ иными пѣснями смѣнили ихъ: только что закатится солнышко, въ озимяхъ перепела затюкають, въ дымящемся бѣломъ туманномъ болотѣ дергачъ [1]) закричитъ, да на разные лады заведутъ пѣсни лягушки... Полетѣла пчела—божья угодница на расцвѣтшіе луга и поляны, за обножью [2]). Отколь ни возьмись комарпная сила, и напалъ на скотину оводъ; по лугамъ и перелѣскамъ во всѣ стороны заметалась скотина, забѣгала, задравъ хвосты, словно бѣшеная.

Межипарье [3]) приспѣло. Вывезли мужики на паровыя поля сколько у кого накопилось навозу, двойчатыми желѣзными вилами бабы по всей полосѣ раскидывали его, чтобъ лежалъ ровненько — уродилъ хлѣба полненько. Конецъ первой страдѣ [4]). Не за горами и вторая; а вторая страда горше первой. Извѣстно дѣло: на перву страду выльешь поту жбанъ, на втору полный чанъ.

Травы налились, зацвѣли, раздушились. Недалеко косовица—зеленый покосъ, не за горами и жнитва, озимая пахота, сѣвъ. Вволакиваютъ мужики заброшенныя по задворкамъ послѣ яровой пахоты сохи и косули (легкій плугъ), вынимаютъ изъ клѣтей серпы да косы. Тутъ не безъ хлопотъ: косы надо наклепать, серпы назубрить, брусницы [5]) варомъ облить, да пескомъ усыпать. Брусницу сладить дѣло

---

[1]) Болотная птица—коростель.

[2]) Добыча, которую пчела набираетъ за одинъ вылетъ.

[3]) Пора между весенними и лѣтними полевыми работами, отъ конца посѣвовъ до начала сѣнокоса.

[4]) Рабочее время въ поляхъ.

[5]) Брусница употребляется для точенья косъ —это дощечка въ видѣ маленькой лопатки, облитая варомъ, (смолою хвойнаго дерева, очищенною и сгущенною варкой, а потомъ посыпанная пескомъ).

не важное, и подростокъ сможетъ, но клепка косъ и зубренье серповъ не всякому зипуну къ рукаву подойдетъ. Тутъ нужна сметка въ головѣ, да проворъ въ рукѣ: безъ умѣнья колоти молоткомъ по заклепкамъ, сколько хочешь, одна пустая маята выйдетъ, пожалуй еще порча.

А. Печерскій.

24. Мой садикъ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь . . .
Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ,
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ;
Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожитъ себѣ дорожку,
Всю поросшую травой . . .
И весь день въ травѣ высокой,
Лежа, слушать-бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжатъ.
А когда на садикъ сыплетъ
Блескъ лучей своихъ луна,
Я сажусь въ раздумьи тихомъ
У открытаго окна.
Посребренныхъ и дрожащихъ
Листьевъ я внимаю шумъ,
И одна другой смѣняясь,
Грезы мнѣ волнуютъ умъ.

Плещеевъ.

25. Лѣтняя ночь.

Я жду . . . Соловьиное эхо
Несется съ блестящей рѣки,

Трава при лунѣ въ брилліантахъ,
На тминѣ горятъ свѣтляки.
Я жду... Темносинее небо
И въ мелкихъ и въ крупныхъ звѣздахъ;
Я слышу біеніе сердца
И трепетъ въ рукахъ и ногахъ...
Я жду... Вотъ повѣяло съ юга:
Тепло мнѣ стоять и идти:
Звѣзда покатилась на западъ,
Прости, золотая, прости!

Фетъ.

26. Вечеръ надъ рѣкою.

Прозвучало надъ ясной рѣкою,
Прозвенѣло въ померкшемъ лугу,
Прокатилось надъ рощей нѣмою,
Засвѣтилось на томъ берегу,
Далеко въ полумракѣ луками
Убѣгаетъ на западъ рѣка;
Погорѣвъ золотыми коймами,
Разлетѣлись, какъ дымъ, облака.
На пригоркѣ то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть въ дыханьѣ ночномъ...
Но зарница ужъ теплится ярко
Голубымъ и зеленымъ огнемъ.

Фетъ.

27. Лѣтній вечеръ въ деревнѣ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ!..

Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса;
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ широкія слились;
Встрѣтить ночь готовится природа,
Запахи повсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ, и будто шевелится,
И ростетъ, и шепчется трава!
Гдѣ жъ крестьяне? День работавъ бодро,
Всѣ теперь за ужиномъ они:
Толкъ идетъ, чтобъ устояло ведро,
Чтобъ еще продлились эти дни.
Нѣтъ, ужъ дождь ихъ къ утру не разбудитъ,
Облака давно сбѣжали прочь!
Что за вечеръ! И какая будетъ
Теплая и мѣсячная ночь!

К. Аксаковъ.

28. Сѣнокосъ.

Наконецъ пришло время сѣнокоса. Его начали за недѣлю до Петрова дня.

Эта работа одна изъ всѣхъ крестьянскихъ полевыхъ работъ, которой я до тѣхъ поръ еще не видывалъ, понравилась мнѣ больше всѣхъ.

Въ прекрасный лѣтній день, когда солнечные лучи давно уже поглотили ночную свѣжесть, подъѣзжали мы съ отцомъ къ такъ называемому «Потаенному колку», состоящему по большей части изъ молодыхъ и уже довольно толстыхъ, какъ сосна, прямыхъ, липъ—колку, давно заповѣданному и сберегаемому съ особенною строгостію. Лишь только поднялись мы къ лѣсу изъ оврага, сталъ долетать до моего слуха глухой необыкновенный шумъ: то какой-то отрывистый и мѣрный шорохъ, на мгновенье перемежающійся и вновь возникающій, то

какое-то звонкое металлическое шарканье. Я сейчасъ спросилъ: «что это такое? «А вотъ увидишь», отвѣчалъ отецъ, улыбаясь. Но за поростью молодого и частаго осинника ничего не было видно. Когда же мы обогнули его, чудное зрѣлище поразило мои глаза:

Человѣкъ сорокъ крестьянъ косили, выстроясь въ одну линію, какъ по ниткѣ. Ярко блестя на солнцѣ, взлетали косы и стройными рядами ложилась срѣзанная густая трава.

Пройдя длинный рядъ, вдругъ косцы остановились и принялись чѣмъ-то точить свои косы, весело перебрасываясь между собою шутливыми рѣчами, какъ можно было догадываться по громкому смѣху: разслышать словъ было еще невозможно. Металлическіе звуки происходили отъ точенья косъ деревянными лопаточками, обмазанными глиною съ пескомъ, о чемъ я узналъ послѣ.

Когда мы подъѣхали близко, и отецъ мой сказалъ обыкновенное привѣтствіе: «Богъ помочь» или «Богъ на помочь», громкое «благодарствуйте, батюшка», огласило поляну, отозвалось въ оврагѣ, и снова крестьяне продолжали широко, ловко, легко и свободно размахивать косами. Въ этой работѣ было что-то доброе, веселое, такъ что я не вдругъ повѣрилъ, когда мнѣ сказали, что она тоже очень тяжела.

Какой легкій воздухъ, какой чудесный запахъ разносился отъ близкаго лѣса и скошенной еще рано утромъ травы, изобиловавшей множествомъ душистыхъ цвѣтовъ, которые отъ знойнаго солнца уже начали вянуть и издавать особенный пріятный ароматическій запахъ!

Не тронутая трава стояла стѣной, въ поясъ вышиною.

По зеленымъ высокимъ рядамъ скошенной травы уже ходили галки и вороны, налетѣвшія изъ лѣса, гдѣ находились ихъ гнѣзда. Мнѣ сказали, что онѣ подбираютъ разныхъ букашекъ, козявокъ и червячковъ, которые прежде скрывались въ густой травѣ, а теперь бѣгали на виду по опрокинутымъ стеблямъ растеній и по обнаженной землѣ. Подойдя поближе, я своими глазами удостовѣрился, что это совершенная правда. Сверхъ того я замѣтилъ, что птица клевала и ягоды.

Въ травѣ клубника была еще зелена, за то необыкновенно крупна; на открытыхъ же мѣстахъ она уже поспѣвала. Изъ скошенныхъ рядовъ мы съ отцомъ набрали по большой кисти такихъ ягодъ, изъ которыхъ иныя попадались крупнѣе обыкновеннаго орѣха; многія изъ нихъ, хотя еще не покраснѣли, но были мягки и вкусны.

Мнѣ такъ было весело на сѣнокосѣ, что не хотѣлось даже ѣхать домой, хотя отецъ уже звалъ меня.

Изъ лѣснаго оврага, на днѣ котораго, тихо журча, бѣжалъ маленькій родничекъ, неслось воркованье дикихъ голубей или горлинокъ, слышался также кошачій крикъ и заунывный стонъ иволги; звуки эти были такъ различны, противуположны, что я долго не хотѣлъ вѣрить, что кричитъ одна и та же миловидная желтенькая птичка.

Вдругъ копчикъ вылетѣлъ на поляну, высоко взвился и кружась надъ косцами, которые выпугивали иногда изъ травы маленькихъ птичекъ, сторожилъ ихъ появленье и падалъ на нихъ, какъ молнія изъ облаковъ. Его быстрота и ловкость были такъ увлекательны, а участіе къ бѣдной птичкѣ такъ живо, что крестьяне привѣтствовали громкими криками и удальство ловца, и проворство птички всякій разъ, когда она успѣвала упасть на траву или скрыться въ лѣсу. Долго копчикъ потѣшалъ всѣхъ проворнымъ, хотя безуспѣшнымъ преслѣдованіемъ своей добычи; но наконецъ поймалъ птичку и держа ее въ когтяхъ, полетѣлъ въ лѣсъ. «А, попалась бѣдняга, подцѣпилъ, понесъ въ гнѣздо дѣтей кормить», раздавались голоса косцовъ, прерываемые и заглушаемые иногда шарканьемъ косъ, шорохомъ рядами падающей травы.

Отецъ въ другой разъ сказалъ, что пора ѣхать, и мы поѣхали. Веселая картина сѣнокоса не выходила изъ моей головы во всю дорогу.

С. Аксаковъ.

29. Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами ..
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ сухое убираютъ;
Мужики его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ...
Возъ ростетъ, ростетъ, какъ домъ.
Въ ожиданьи конь убогій
Точно вкопанный стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги
И какъ будто стоя спитъ.

Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ лая въ попыхахъ.

Майковъ.

30. Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь, повсюду рожь густая!
Иду—съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колятъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О Божья благодать! о какъ прилечь отрадно
Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вотъ по зорѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударяя.
О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай—дары святые неба;
Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!

Майковъ.

31. Урожай.

I.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула,
По лицу земли
Туманъ стелется.
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,
Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...
Ополчается
Громомъ-бурею,
Огнемъ-молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилася
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля до сыта.

II.

На поля, сады,
На зеленые
Люди сельскіе
Не насмотрятся.
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою. —
За одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали —
Богу-Господу
Помолилися;
Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
  Да кривой сохой
  Перепахивать
  Бороны зубьемъ
  Перечесывать...

III.

Посмотрю-пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ...
  Выше пояса
  Рожь зернистая
  Дремитъ колосомъ
  Почти до земли.
Словно Божій гость
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
  Вѣтерокъ по ней
  Плыветъ-лоснится,
  Золотой волной
  Разбѣгается...

IV.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
  Въ копны частыя
  Снопы сложены,
  Отъ возовъ всю ночь
  Скрипитъ музыка.
На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

V.

  Видитъ солнышко —
  Жатва кончена,
  Холоднѣй оно
  Пошло къ осени;
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей матери.

Кольцовъ.

32. Лѣсной ручей.

Торжественное, безмятежное спокойствіе царствовало во всемъ лѣсу; одинъ только плескъ ручья нарушалъ его. Кто не знаетъ этой тишины—величественной, таинственной тишины лѣса? Кого она не приведетъ въ восторгъ? Чья душа въ подобныя минуты останется холодною? Все такъ спокойно, торжественно. Это таинственная молитва природы!

Даже птицы и звѣри какъ-то присмирѣютъ, притихнутъ; даже

самый охотникъ чувствуетъ какой-то священный сладостный трепетъ и забываетъ жестокую свою страсть. У него не достаетъ духа нарушить этотъ величественный миръ; онъ опускается на траву и задумывается, раздѣляя общее спокойствіе лѣса. Это и есть пора, когда лѣсной ручей разсказываетъ лучшія свои сказки деревьямъ и цвѣтамъ.

И вотъ что ручей говоритъ:

Знаете ли вы мое происхожденіе? Знаете ли вы мое начало?

О луговой рѣчкѣ всѣмъ хорошо извѣстно, откуда она берется. Всѣ знаютъ, что она выходитъ изъ-подъ камыша, течетъ сперва тонкою струйкою, потомъ постепенно ростетъ и ширится, принимая все больше и больше воды, и наконецъ не довольствуется уже мягкими своими берегами, какъ ни старается изъ любви къ ней бѣдная травка густѣть и рости, и рѣчка тогда окаймляется длиннымъ жесткимъ тростникомъ съ лентообразными листьями и черными пушистыми султанами.

Колыбель горнаго ручья тоже давно знаютъ. На высотахъ лежитъ снѣгъ, вѣковая шапка горныхъ вершинъ, которую только солнце при восходѣ и закатѣ расписываетъ радужными цвѣтами, да облака убираютъ дивными своими покрывалами, когда несутся мимо горъ; ниже въ ущельяхъ синѣютъ прозрачные ледники. На поверхности ихъ не замѣтно никакой перемѣны: они все также тверды, также холодны, но внутри все жизнь и дѣятельность: тамъ таетъ, каплетъ, течетъ и черезъ разселины и ущелья свѣтлыя капли весело догоняютъ и ловятъ другъ друга; а все это потому, что свѣтлое солнышко постоянно ласкаетъ, цѣлуетъ вершины горъ... Весело играютъ эти струйки, опережая и отъискивая другъ друга, пока имъ не станетъ тѣсно, не захочется на просторъ: въ минуту отъищутъ онѣ тогда себѣ выходъ. Но когда онѣ выйдутъ на свѣтъ, то бываютъ удивлены и поражены необъятностью пространства передъ ними. Другія столь же любопытныя струйки выбѣгаютъ вслѣдъ за ними: тогда онѣ дѣлаются смѣлѣе и рѣшаются бѣжать дальше. Сперва онѣ струятся осторожно и медленно; потомъ бѣгъ ихъ становится быстрѣе и быстрѣе; наконецъ онѣ сливаются и превращаются въ кипучій горный потокъ. Клубится, пѣнится и весело скачетъ онъ по каменному своему ложу, бросая во всѣ стороны свѣтлыя брызги. То онъ высоко поднимаетъ пѣ-

нящіяся свои воды, какъ снѣговыя вершины, то прозраченъ и ясенъ, какъ свѣтлое зеркало, какъ глыбы родныхъ ледниковъ. Такъ струится, бѣжитъ онъ, пока не достигнетъ мирной долины: тутъ и онъ умѣряетъ тревожный свой бѣгъ и становится тихъ и спокоенъ, какъ все окружающее его.

Но откуда являюсь я, лѣсной ручей? Напрасно будете вы искать моихъ источниковъ: Не думайте, чтобы я былъ дитя снѣга и льда. Послѣдуйте противъ моего теченья. Здѣсь, подумаете вы, здѣсь долженъ быть его источникъ, и станете искать за камнемъ, за мшистымъ холмомъ; да, какъ бы не такъ! не тутъ-то было! ручей вдругъ исчезъ, совсѣмъ пропалъ, а смотришь—въ нѣсколькихъ шагахъ онъ изъ-за стараго пня лукаво подсмѣивается надъ вашей неудачной попыткой. То широкимъ зеркаломъ я раскину свѣтлыя мои воды среди душистыхъ травъ и пестрыхъ цвѣтовъ, то спрячусь въ груду камней, которые, завидуя свѣжей зелени лѣсовъ, тоже одѣли сѣдыя свои головы зелеными моховыми шапками; тамъ быстръ и веселъ мой бѣгъ, здѣсь тонкою струйкою просачиваюсь я, пролагая себѣ путь дальше. Но источника моего вы не найдете: онъ навсегда останется тайною лѣса...

Мой источникъ, какъ источникъ людскихъ слезъ, находится въ сердцѣ, въ скрытомъ отъ взоровъ всѣхъ сердцѣ лѣса. Когда тоска, горе, несчастіе падутъ на него, то слезы вырвутся оттуда, заструятся свѣтлою лентою. Лѣтомъ, когда столько дѣтей лѣса падаютъ подъ жестокими ударами немолимаго рока, я постоянно тихо струюсь. Осенью, когда все разстается, все прощается, я грустно оплакиваю цвѣты и листья, которые бурный вѣтеръ такъ часто бросаетъ въ мои свѣтлыя воды, плачу, чтобъ скорбь о нихъ была вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ могилою.

Въ дикую пору скучной и долгой зимы я цѣпенѣю, и слезы мои превращаются въ свѣтлыя бусы. На камняхъ, на корняхъ деревьевъ виснятъ тогда мои бусинки, точно слезы на рѣсницахъ печальныхъ и несчастныхъ.

Но весною, когда сердце снова закипитъ жизнію, слеза лѣса заструится отъ радости и грусти, тогда высоко поднимутся свѣтлыя мои воды, и я далеко выступлю изъ береговъ своихъ, чтобы привѣтствовать цвѣты и травы, гдѣ только могу достичь ихъ.

Участіе къ горю ближнихъ тоже всегда волнуетъ меня: вотъ отчего, когда облака плачутъ дождемъ, а цвѣты росою, то вода прибываетъ и въ лѣсномъ ручьѣ. Развѣ все во мнѣ не говоритъ вамъ ясно, что источникъ мой въ сердцѣ лѣса? не живо ли всѣ вы ощущаете, какъ отъ меня такъ и вѣетъ чувствомъ, участіемъ, любовью. Унылый тростникъ тѣснится по берегамъ моимъ, и вездѣ, гдѣ я струюсь, чувствительная незабудка, такъ живо напоминающая грустный прощальный взоръ вѣрныхъ голубыхъ глазъ, непремѣнно найдетъ мѣстечко пріютиться. Вѣчно скорбящая плакучая ива неизмѣнно съ грустію и любовью склоняетъ зеленыя свои вѣтви до самыхъ моихъ водъ. Вездѣ и во всемъ возбуждаю я сочувствіе. Даже камень, подлѣ котораго я протекаю, холодный и твердый камень, на который всеразрушающая рука времени имѣетъ такъ мало вліянія, проливаетъ вслѣдъ за мною свѣтлыя слезы, если волна моя коснется его мои поцѣлуи—одно, противъ чего онъ не въ силахъ устоять. Вотъ по чему я люблю камень.

33. Лѣсъ.

Полуднемъ жаркимъ ухожу я
На отдыхъ праздный въ темный лѣсъ
И тамъ ложусь и все гляжу я
Между вершинъ на даль небесъ.
И безконечно тонутъ взоры
Въ ихъ отдаленьи голубомъ;
А лѣсъ шумитъ себѣ кругомъ,
И въ немъ ведутся разговоры:
Щебечетъ птица, жукъ жужжитъ,
И листъ засохшій шелеститъ,
На хворостъ падая случайно —
И звуки всѣ такъ полны тайной...
Въ то время страннымъ чувствомъ мнѣ
Всю душу сладостно объемлетъ;
Теряясь въ синей вышинѣ,
Она лѣсному гулу внемлетъ
И въ забытьи какомъ-то дремлетъ.

34. Утро.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой.

Фетъ.

35. Грибовныя гулянки.

Межипарье [1])—развеселая пора деревенской молодежи—веселѣй той поры во все лѣто нѣтъ. Работы мало, что ни вечеръ, то на вспольѣ хороводы, либо пѣсни, либо лясы-балясы да смѣхи на улицѣ у завалинъ... А тутъ глядишь и земляника въ муравѣ заалѣла, и черника вызрѣла, и тройчатая костяника [2]), пошелъ и сизый гонобобель [3]).

Въ слѣдъ за ягодами изъ земли грибы полѣзли, ровно претъ ихъ оттуда чѣмъ нибудь. Первымъ явился щеголекъ-масляникъ, на низенькомъ корешкѣ въ широкой бурой шляпкѣ съ желтоватымъ подбоемъ; а за нимъ изъ лѣтошной полусгнившей листвы полѣзли долгоногіе березовики и сине-алыя сыроѣжки, однимъ крайкомъ стали высовываться и бѣлые грибы.

Радуются дѣвки грибамъ-первочкамъ, промежь себя уговоръ держатъ, какъ бы цѣлой деревней по грибы идти, какъ бы нажарить ихъ въ темномъ перелѣскѣ, самимъ до сыта наѣсться и парней накормить, коли придутъ на грибовныя дѣвичьи гулянки... Въ волю бы дѣвки надъ ними натѣшились, до крови нарвали бы уши на нову новинку... Для того больше грибовныя дѣвичьи гулянки и затѣваются. Масломъ надо да сметаной раздобыться...

Уговорились дѣвки; съ ранняго утра въ каждой избѣ хлопотливо

---

[1]) Пора между весенними и лѣтними полевыми работами.
[2]) У нея всегда по три ягодки вмѣстѣ.
[3]) Голубица, пьяница.

снуютъ онѣ вокругъ матерей у печей, помогая стряпать на спѣхъ—скорѣй бы отобѣдать да въ лѣсъ съ кузовками. Разсыпались дѣвки по лѣсу, хрустятъ подъ ихъ ногами сухіе прутья, хлещутъ древесные сучья и вѣтви, раздвигаемыя руками деревенскихъ красавицъ. Клики не смолкаютъ, ауканьямъ конца нѣтъ, стономъ стоятъ по лѣсу звонкіе голоса.

Пришли и парни. Они безъ плетюхъ (кузововъ). Ихъ дѣло не грибы сбирать, а краснымъ дѣвкамъ помогать. Только что въ лѣсъ—хохотъ, взвизги!.. Понабравши грибовъ, парни огни развели, дѣвки въ глиняныхъ плошкахъ, принялись грибы жарить. Ложекъ парни не захватили, дѣвки кормятъ каждая со своей ложки. А кормя наровятъ, чтобы парень ошпарилъ языкъ, глаза выпучилъ и слова не могъ бы промолвить. А тутъ ложкой его по лбу, да за уши драть, не забылъ бы новой новинки. Что смѣху тутъ, что веселья!...

Ан. Печерскій.

36. Лѣсная дорожка.

Люблю дорожкою лѣсною,
Не зная самъ куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь—и нѣтъ конца пути...
Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зеленый.
Уже румянитъ осень клены,
А ельникъ зеленъ и тѣнистъ;
Осинникъ желтый бьетъ тревогу;
Осыпался съ березы листъ,
И какъ коверъ усталъ дорогу...
Идешь какъ будто по водамъ—
Нога шумихъ—а ухо внемлетъ
Малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ,
Гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,
А красныхъ мухоморовъ рядъ,
Какъ карлы сказочные, спятъ...
Ужъ солнца лучъ ложится косо...
Вдали проглянула рѣка...
На тряской мельницѣ колеса
Уже шумятъ издалека...

Вотъ на дорогу выѣзжаетъ
Тяжелый возъ—то промелькнетъ
На солнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ...
И крикомъ клячѣ помогаетъ
Старикъ, а на возу дитя,
И дѣда страхомъ тѣшитъ внучка;
А хвостъ пушистый опустя,
Вкругъ съ лаемъ суетится жучка,
И звонко въ сумракѣ лѣсномъ
Веселый лай идетъ кругомъ.

Майковъ.

37. Осенній лѣсъ.

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу...
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу.
Съ холоду щеки горятъ;
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать.
Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;
Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей;
Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ.
Листья шумятъ подъ ногой;
Смерть стелетъ жатву свою;..
Только я веселъ душой
И какъ безумный пою.

Майковъ.

38. Ночевка въ лѣсу.

Путники рѣшились заночевать въ лѣсу. Лошадей выпрягли, задали имъ овса. Утоптали вокругъ снѣгъ и сдѣлали привалъ. Топоровъ оказалось два, работники зачали сучья да валежникъ рубить, костры складывать вокругъ привала, и когда стемнѣло, зажгли ихъ. Потапъ Максимычъ вытащилъ изъ саней большую кожаную кису, выпулъ изъ нея хлѣба, пироговъ, квашеной капусты и мѣдный кувшинъ съ квасомъ. Устроили постную трапезу: тюри съ лукомъ накрошили, капусты съ квасомъ, грибовъ соленыхъ. Хоть не вкусно, да здорово поужинали. И бутылочка нашлась у запасливаго Потапа Максимыча. Роспили...

Ночь надвигалась. Красное зарево костровъ, освѣщая низину лѣса, усиливало мракъ въ его вершинахъ и по сторонамъ. Съ трескомъ горѣвшихъ вѣтвей ельника и фырканьемъ лошадей смѣшались лѣсные голоса... Ровно плачущій ребенокъ, запищалъ гдѣ-то сычъ, и потомъ вдали послышался тоскливый крикъ, будто человѣкъ въ отчаянномъ бореньи со смертью зоветъ къ себѣ на помощь: то были крики пугача (филина)... Поближе завозилась въ вершинѣ сосны векша, проснувшаяся отъ необычнаго свѣта; едва слышно перепрыгнула она на другое дерево, потомъ на третье и все дальше и дальше отъ людей и пылавшихъ костровъ... Чуть стихло, и вотъ уже доносится издали легкій хрустъ сухаго валежника: то кровожадная куница осторожно пробирается изъ своего дупла къ дереву, гдѣ задремалъ глупый красноглазый тетеревъ. Еще минута тишины, и въ вершинѣ раздался отрывистый, жалобный крикъ птицы, хлопанье крыльевъ, и затѣмъ все смолкло: куница поймала добычу и пьетъ горячую кровь изъ перекушеннаго горла тетерева... Опять тишь, опять глубокое безмолвіе, и вдругъ слышится точно кошачье прысканье: это рысь, привлеченная изъ чащи чутьемъ, заслышавшимъ присутствіе лакомаго мяса въ видѣ лошадей Потапа Максимыча. Но огонь не допускаетъ близко звѣря, и вотъ рысь сердится, мурлычитъ, прыскаетъ, съ досадой сверкая круглыми зелеными глазами, и прядетъ кисточками на концахъ высокихъ прямыхъ ушей... Опять тишь, и вдругъ, либо заверещитъ бѣдный зайчишка, попавшій въ зубы хищной лисѣ, либо завозится что-то въ вѣтвяхъ: это сова поймала спавшаго рябчика... Лѣсные обитатели живутъ не понашему — обѣдаютъ по ночамъ...

Но вотъ вдали, за версту или больше, заслышался вой, ему откликнулся другой, третій вой—все ближе и ближе. Смолкъ, и послышалось пряданье [1]) звѣрей по насту, [2]) ворчанье, стукъ зубовъ... Ни одинъ звукъ не пропадаетъ въ лѣсной тиши.

— Волки! боязно прошепталъ Потапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

Дюковъ и работники давно уже спали крѣпкимъ сномъ.

— А?.. Что?... промычалъ, приходя въ себя Стуколовъ.—Что ты говоришь?

— Слышишь? Воютъ, — говорилъ смутившійся Потапъ Максимычъ.

— Да, воютъ... равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ.—Экъ ихъ что тутъ! Чуютъ мясо, стервецы!

— Бѣда, шопотомъ промолвилъ Потапъ Максимычъ.

— Какая же бѣда? Никакой бѣды нѣтъ... А вотъ побольше огня надо... Эй, вы, ребята, крикнулъ онъ работникамъ.

— Проснись!—Эка заспались!.. Вали на костры больше. Работники встали неохотно и вмѣстѣ со Стуколовымъ и съ самимъ Потапомъ Максимычемъ навалили громадные костры. Огонь сталъ было слабѣе, но вотъ заиграли пламенные языки по хвоѣ, и зарево разлилось пó лѣсу пуще прежняго.

— Видимо не видимо!.. говорилъ оторопѣвшій Потапъ Максимычъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.

Звѣрей уже можно было видѣть. Освѣщенные заревомъ, они сидѣли кругомъ, пощелкивая зубами. Видно, въ самомъ дѣлѣ они справляли именины звѣринаго царя.

— Ничего, успокаивалъ Стуколовъ,—огонь бы только не переводился. То-ли еще бываетъ въ сибирскихъ тайгахъ! [3]).

Въ самомъ дѣлѣ волки никакъ не смѣли близко подойти къ огню, хоть ихъ голодныхъ и сильно тянуло къ лошадямъ, а пожалуй, и къ людямъ.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ: пугнулъ бы сѣрыхъ, молвилъ Стуколовъ.

---

[1]) Метанье туда и сюда съ безпокойствомъ.

[2]) Отвердѣвшій отъ морозовъ снѣгъ.

[3]) Обширные сплошные лѣса.

— Молчи ты, какое тутъ еще ружье! Того и гляди сожрутъ... Тревожно говорилъ Потапъ Максимычъ. — Глянь-ко, глянь-ко, со всѣхъ сторонъ навалило!.. Ахъ ты Господи, Господи!.. Знать бы да вѣдать, ни за что бы не поѣхалъ... А волки все близятся, было ихъ до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой: не дальше какъ въ трехъ саженяхъ сидѣли они вокругъ костровъ, щелкали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и прядая ушами, тревожно озирались. У Потапа Максимыча зубъ на зубъ не попадалъ, вездѣ и всегда безстрашный, онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Растолкали Дюкова, тотъ потянулся въ своей лисьей шубѣ, зѣвнулъ во всю сласть и, оглянувшись промолвилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:—Волки никакъ!

Безъ малаго часъ времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя: тогда пожалуй и костры не помогутъ, да не хватитъ и заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но Стуколовъ человѣкъ бывалый, не даромъ много ходилъ по бѣлу свѣту. Когда волки были уже на столько близко, что до любаго изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ спутниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу, разомъ бросать въ волковъ изо всей силы горящія лапы [1]).

— Разъ... два... три!.. крикнулъ Стуколовъ, и горящія лапы полетѣли къ звѣрямъ.

Тѣ отскочили и сѣли подальше, щелкая зубами и огрызаясь.

— Разъ... два... три!.. онъ крикнулъ опять, и выступивъ за костры, путники еще пустили въ стадо по горящей лапѣ.

Завыли звѣри, но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженную пылающую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порскнули вдаль, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ, молвилъ Стуколовъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани.

— Дошлый же ты человѣкъ Якимъ Прохорычъ, молвилъ Потапъ

---

[1]) Горящія вѣтви хвойнаго лѣса; во время лѣсныхъ пожаровъ онѣ переносятся вѣтромъ на огромныя разстоянія.

Максимычъ, когда опасность миновалась.—Не будь тебя, сожрали-бы они насъ. Стуколовъ не отвѣчалъ. Завернувшись съ головой въ шубу, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ. Ан. Печерскій.

39. Лѣсной пожаръ.

Солнце багровѣло все больше и больше, сѣрожелтый туманъ застилалъ лазурь небеснаго свода и съ каждымъ часомъ больше и больше темнѣлъ. И на землѣ затуманились дальніе предметы: перелѣсокъ и строенья ровно въ дыму закутались. Гарью запахло, значитъ пожаръ разгорался не на шутку, но гдѣ, близко-ль, далеко-ли, не знаетъ никто. Во время лѣсныхъ пожаровъ сухой туманъ и запахъ гари распространяется иногда на сотни верстъ отъ горѣлаго мѣста. Отъ того всѣ и были спокойны—никто не тревожился: «горитъ гдѣ-то далеко, до насъ не дойдетъ...» Больше двадцати верстъ надо было проѣхать сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ. Дальше начинались жилыя мѣста, окруженныя обширными пашнями и чищобами; тамъ бы уже совершенно было безопасно отъ лѣснаго пожара. А покамѣсть дорога шла узкая, извилистая; чуть не на каждомъ шагу пересѣкалась она корневищами. Съ обѣихъ сторонъ сумрачными великанами высились громадныя ели и лиственицы; межъ нихъ во всѣ стороны разросся густой непроходимый чапыжникъ [1]). Узкая полоса дневнаго свѣта тянулась надъ вершинами непроглядной лѣсной чащи, и хоть далеко было еще до вечера, а въ лѣсу было ужъ темно, какъ въ осенніе сумерки. Конюхъ Дементій ѣхалъ впереди поѣзда; онъ не жалѣлъ лошадей: то и дѣло стегалъ ихъ по непривычнымъ къ сильнымъ ударамъ бедрамъ. Другіе вощики отъ Дементья не отставали. Жирные выхоленные кони, сроду не знавшіе скорой ѣзды, мчались во весь опоръ. Проскакали полдороги. Верстъ одиннадцать или двѣнадцать осталось до рѣки...

Вдругъ влѣво отъ дороги послышался въ отдаленьи необычный, несмолкаемый трескъ... Съ каждой минутой онъ возрасталъ, обдавая странниковъ ужасомъ. Свистъ и визгъ разносились по лѣсу. Зашумѣло въ вершинахъ елей и лиственицъ: то стада бѣлокъ, спасаясь отъ огня, перелетали съ дерева на дерево. Почуявъ не доброе,

---

[1]) Частый кустарникъ.

лошади закусили удила и помчались сломя голову; запрыгали повозки по толстымъ корневищамъ: того и гляди, либо ось пополамъ, либо все на боку.

— Огонь идетъ! вскрикнулъ Дементій. И отчаянный крикъ его едва слышенъ былъ за страшнымъ шумомъ огненнаго урагана.

Всѣ крестились, творили молитвы, женщины плакали навзрыдъ.

Вдругъ смолистымъ дымомъ пахнуло, и по узкой свѣтовой полосѣ, что высилась надъ дорогой, какъ громадныя огненныя птицы, стаями понеслись горящія лапы [1]), осыпая дождемъ искръ весь поѣздъ. Вой урагана превратился въ одинъ нескончаемый оглушающій раскатъ грома. Ему вторили, какъ пушечные выстрѣлы, стоны падавшихъ деревьевъ, вой спасавшихся отъ гибели волковъ, отчаянный ревъ медвѣдей. Вотъ перерѣзало дорогу быстро промчавшееся по чапыжнику стадо запыхавшихся лосей. Вотъ надъ деревьями, тяжело размахивая утомленными крыльями, быстрѣй вихря пронеслись лѣсныя птицы. Багрово-синими какъ бы кровавыми волнами заклубился надъ лѣсомъ дымъ. Палящій огнедышащій вѣтеръ понесся низомъ межь деревьями, разстилался надъ землей удушающій смрадъ. Вдругъ между вершинами деревьевъ блеснула огненная змѣйка, за ней другая, третья, и мигомъ всѣ верхи елей и лиственицъ подернулись пламеннымъ покровомъ. Брызнула изъ деревьевъ смола, и со всѣхъ сторонъ полились изъ нихъ огненныя струйки.

Вдругъ передняя пара лошадей круто поворотила направо, и во весь опоръ помчалась по прогалинѣ, извивавшейся середь чапыжника. За передней парою кинулись остальныя.

— Куда ты, куда, Дементьюшка?..

— Кони лучше нашего знаютъ куда, молвилъ Дементій, опуская возжи. И снявъ шапку, сталъ креститься. «Слава тѣ, Господи! Слава тебѣ, царю небесному!» говорилъ онъ. Не прошло трехъ минутъ, какъ лошади изъ пылающаго лѣса вынесли погибавшихъ въ обширное моховое болото. —

А. Печерскій.

[1]) Горящія вѣтви хвойныхъ деревъ.

40. Лѣсной дѣдъ.

Двойнымъ зеленымъ строемъ
Вдоль узкаго проселка,
Подъ снѣжной шапкой дремлетъ
И сосенка и елка;
Осина коченѣетъ
И дрогнетъ отъ мороза,
И вся въ слезахъ алмазныхъ
Плакучая береза.
Ихъ предки—въ три обхвата,
Поодаль отъ опушки,
Взнесли надъ молодежью
Маститыя макушки...
Зимою *дѣдъ* сугробы
Въ овраги заметаетъ,
И тропки онъ лисицамъ
И зайцамъ прочищаетъ;
И снѣгомъ онъ обноситъ
Берлогу медвѣженка
И вьетъ мохнатой лапой
Гнѣздо для вороненка...
Всего любезнѣй вёсны
Для *дѣда*: припадаетъ
Къ сырой землѣ онъ ухомъ
И слышитъ: все копаетъ,
Все роется подъ склепомъ
Своей темницы тѣсной,
Все дышитъ жаждой жизни
И силою воскресной.
И травка, и муравка,
И первые цвѣточки,
И первыя на волю
Пробившіяся почки,
Вотъ все зазеленѣло;
Летучими цвѣтками
И бабочки, и мушки
Порхаютъ надъ лугами;
Жужжа роятся пчелы;
Поютъ на гнѣздахъ птицы,
И на небѣ играютъ
Весеннія зарницы.
Дѣдъ долго и любовно
По лѣсу ходитъ-ходитъ,
Порой съ былинки малой
По часу глазъ не сводитъ.
И все онъ на сторожкѣ—
Съ зари до полуночи,
Пока ужъ напослѣдокъ
Не выбьется изъ мочи,
Устанетъ, притомится
И спать придетъ охота—
Уйдетъ въ дубовый островъ
Въ любимое болото.
И спится *дѣду*: будто
По всей его дубравѣ,
Чудно́е что творится,
И все какъ будто вновѣ...
Что мчится издалека
Невѣдомая сила
И старую трущобу
Всю лоскомъ положила:
Подсѣченъ, срубленъ, свàленъ
И сгубленъ топорами.
Кругомъ весь островъ стонетъ
Дрожащими вѣтвями;
Что просѣка съ полверсту
Идетъ поверхъ болота

И вдалекѣ сверкаетъ
Зловѣщимъ окомъ что-то.
И мчится-мчится-мчится,
И ближе подлетаетъ,
Паръ изъ ноздрей и искры,
Слѣдъ полымя сметаетъ.
Шипитъ-шипитъ и свищетъ,
И словно змѣй крылатый
Грозитъ чугунной грудью
Груди его косматой...
Проснулся, глянулъ—видитъ:
Не островъ, а площадка;
Дубовъ, какъ не бывало:
Все срублено, все гладко
Засыпано болото
Пескомъ, дресвой и щебнемъ,
И мостъ надъ нимъ поднялся
Гранитнымъ сѣрымъ гребнемъ,
И разсыпая искры,
Далеко въ полѣ чистомъ
Летитъ змѣя-чугунка
Съ шипѣніемъ и свистомъ.

Мей.

41. Тропическій лѣсъ.

1. Мы вышли на довольно широкую дорогу и очутились въ непроходимомъ тропическомъ лѣсу, окруженные блестящею декораціею кокосовыхъ пальмъ, которыя то тянулись длиннымъ строемъ, то сбившись въ кучу, вмѣстѣ съ кустами представляли непроницаемую зеленую чащу.

2. Мы остановились и озирались кругомъ, нѣмѣя отъ изумленія, отъ восторга, не вѣрили глазамъ, не вѣрили себѣ, что мы не во снѣ и не на сценѣ видимъ эту картину, что мы въ центрѣ чудесъ природы. Что шагъ, то новый роскошный и невиданный для сѣверныхъ глазъ ландшафтъ.

3. Нельзя богаче и наряднѣе одѣть землю, какъ она одѣта здѣсь. Право, глядя на эти лѣса, не повѣришь, чтобъ случай игралъ здѣсь группировкой деревьевъ. Купы пальмъ такъ необыкновенно гармонируютъ съ кустами, тамъ прижались другъ къ другу, а тамъ, какъ будто съ умысломъ, оставлена лужайка или небольшое болото, поросшее тѣмъ крупнымъ, крѣпкимъ, желтымъ тростникомъ, изъ котораго у насъ дѣлаютъ такія славныя трости.

4. Посмотришь ли на каждую пальму отдѣльно: какая оригинальная красота! Она граціозно наклонилась; листья, какъ длинные, правильными прядями разчесанные волосы, надъ ними висятъ тяжелыя кисти огромныхъ орѣховъ. Все будто убрано заботливою и терпѣли-

вою рукою человѣка, который долго и съ любовью трудился надъ отдѣлкою каждой вѣтви, листка, всякой мелкой подробности. А между тѣмъ это дикіе лѣса. Человѣкъ почти не касался этихъ чудесъ.

5. Бѣдный Малаецъ только что врубается въ чащу, отнимая пространство у звѣрей. Мы видѣли новыя, заброшенныя въ глушь лѣса, еще строющіяся хижины, подъ пальмами и изъ пальмъ, крытыя пальмовыми же листьями. Къ этимъ хижинамъ едва-едва протоптаны свѣжія дорожки.—

6. Мы шли, прислушиваясь къ каждому звуку, къ крику насѣкомыхъ, неизвѣстныхъ намъ птицъ, и пугали другъ друга. «Тигръ!» скажетъ кто нибудь. «Змѣя», говоритъ другой, прочіе невольно быстро оглянутся и потомъ засмѣются сами надъ собою.

Гончаровъ.

42. Въ Индѣйскомъ лѣсу.

Пошла Дамаянти пустынным
Лѣсомъ впередъ, и чѣмъ далѣе шла, тѣмъ мрачнѣй становился
Лѣсъ; деревья сплетались вѣтвями; мошки, густою
Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы, и ужасный
Въ хворостѣ шорохъ отъ тигровъ, буйволовъ, рысей, медвѣдей
Слышался ей; нигдѣ дороги не было; всюду
Падшія гнили деревья, межъ трупами ихъ пробивались
Дикія травы, въ которыхъ, шипя, ворочались змѣи;
Вправѣ и влѣвѣ, въ кустахъ и въ вершинахъ деревъ раздавались
Крики орловъ плотоядныхъ и хлопали крыльями совы.
Лѣсъ наконецъ уперся въ высокую гору, которой вершина
Въ небо вдвигалась, а темное чрево хранилищемъ рѣдкихъ
Камней было. Тамъ чудно скалы на скалы громоздились;
Били живымъ серебромъ по бокамъ ихъ ключи; водопады
Мчались, сверкали, кипѣли, ревѣли межъ скалъ; неподвижно
Черная тѣнь лежала въ долинахъ и ярко блистали
Голые камни вершинъ; въ бездонно глубокихъ пещерахъ
Грозно таились драконы и грифы.
Вдругъ передъ нею явилась чудесно-густая
Роща дубовая... Тамъ было
Все благовонно, цвѣты и плоды сіяли межъ темныхъ

Листьевъ, сверкали ручьи, на ихъ берегахъ антилопы
Съ легкими сернами прыгали, вѣтви обвивши хвостами,
Съ крикомъ качались на нихъ обезьяны; по сучьямъ деревьевъ
Ползали, перьями ярко блестя, попугаи. Жуковскій.

43. Сибирскія тундры.

1. Здѣсь никто не живетъ, начиная отъ Ледовитаго моря до Китайскихъ границъ, кромѣ кочевыхъ Тунгусъ, разбросанныхъ кое-гдѣ на этихъ огромныхъ пространствахъ. Даже птицы, и тѣ мимолетомъ здѣсь. Звѣрей, говорятъ, много, но мы кромѣ бурундуковъ и бѣлокъ, другихъ не видали. И слава Богу: встрѣча съ медвѣдемъ могла бы доставить удовольствіе, а можетъ быть, и нѣкоторую выгоду—только ему одному: насъ она повергла бы въ недоумѣніе, а лошадей въ неистовый испугъ.

2. Тоска сжимаетъ сердце, когда проѣзжаешь эти нѣмыя пустыни. Вопросилъ бы стоящія по сторонамъ горы, когда онѣ и все окружающее ихъ увидѣло свѣтъ, да не умѣю; спросилъ бы что нибудь кого нибудь, хоть нашего проводника Якута: сколько верстъ осталось, да онъ не умѣетъ отвѣтить порусски. Выработанному человѣку въ этихъ невыработанныхъ пустыняхъ пока дѣлать нечего. Надобно быть отчаяннымъ поэтомъ, чтобы на тысячахъ верстъ наслаждаться величіемъ пустыннаго и скукой собственнаго молчанія, или дикаремъ, чтобы считать эти горы, камни, деревья за мебель и украшеніе своего жилища, медвѣдей—за товарищей, а дичь—за провизію.

3. Вчера мы были одиннадцать часовъ въ сѣдлахъ, а съ остановками двѣнадцать съ половиною. Дорога шла было хорошо, нельзя лучше, даже безъ камней, но вдругъ мы въѣхали въ заросшія лѣсомъ болота. Лѣсъ частъ, какъ волосы на головѣ, болота топки, лошади вязли по брюхо и не знали, что дѣлать, а мы всадники еще меньше. Переѣзжая болота, только сидишь и ждешь съ безпокойствомъ, которой ногой оступится лошадь. Вездѣ мохъ и болото; напрасно вы смотрите кругомъ во всѣ стороны: нѣтъ выхода изъ безконечныхъ тундръ, непроходимыхъ безъ проводника. Горе тому, кто бы самъ собою попробовалъ сунуться въ сторону: дороги нѣтъ, указать ее некому.

4. Болота такъ задержали насъ, что мы не могли доѣхать до станціи и остановились въ пустой брошенной юртѣ, гдѣ развели огонь,

пили чай и ночевали. Холодно было; летѣла изморозь, дулъ вѣтеръ, небо мрачное и темное—осень, осень! Якуты повели лошадей на кормовище за рѣчку, тамъ развели огонь и заварили свои два блюда: вареную въ водѣ муку съ масломъ и муку, вареную въ водѣ безъ масла.

5. Что каменистая дорога, что горныя рѣчки въ сравненіи съ болотами! Подъѣзжаете вы къ грязному пространству: сверху вода; проводникъ останавливается и осматриваетъ, нѣтъ ли объѣзда; если нѣтъ, онъ нехотя пускаетъ свою лошадь; она еще болѣе нехотя осторожно ступаетъ, за ней другія. Вдругъ та оступилась передними, другая задними ногами, а та и тѣми и другими. Всадникъ въ безпокойствѣ сидитъ на готовѣ упасть, если упадетъ лошадь, но упасть, какъ можно безопаснѣе. Между тѣмъ, лошадь чувствуетъ, что вязнетъ глубоко, вотъ она начинаетъ дѣлать отчаянныя усилія и порывисто подымаетъ кверху то крестецъ, то спину, то голову. Хорошо въ это время сѣдоку! Наконецъ побившись, она ложится набокъ, ложитесь поскорѣй и вы: оно безопаснѣе.

6. Въ лѣсу немного посуше—это правда; но за то ноги уходятъ въ мохъ, вся почва зыблется подъ ногами; вы ѣдете вблизи деревьевъ, третесь о нихъ ногами, вѣтви хлещутъ въ лицо; лошадь ваша то прыгаетъ въ яму и выскакиваетъ стремительно на кочку, или останавливается въ недоумѣніи передъ лежащимъ на дорогѣ бревномъ, наконецъ перескочитъ черезъ него и очутится опять на топкой ямѣ. Иногда Якутъ вдругъ остановится, видя, что не туда завелъ, впереди все одно непроходимое и безконечное топкое болото, дорожки не видать, и мы пробираемся назадъ. Пытка!

7. Якуты ласковы и внимательны: они насъ буквально на рукахъ снимаютъ съ сѣделъ и сажаютъ на нихъ: иначе бы не взлѣсть на сѣдло, потомъ на подушку, да еще въ дорожномъ платьѣ... Развлеченій никакихъ, развѣ только наблюдаешь, какая новая лошадь попалась, кусается ли, лягается, или просто лѣнится. Онѣ иногда лукавятъ: если сѣдло ѣздитъ, надо подтянуть подпругу — она надуетъ брюхо и подтянуть нельзя.

Гончаровъ.

44. Волжское нагорье.

Отъ устья Оки до Саратова и дальше правая сторона Волги *Горами* зовется. Начинаются горы еще надъ Окою, выше Мурома, тя-

нутся до Нижняго, потомъ по Волгѣ внизъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ выше онѣ. Рѣдко горы перемежаются—тамъ только, гдѣ съ праваго бока въ Волгу рѣка пала. А такихъ рѣкъ не много. Мѣста «на Горахъ» ровно окаменѣлыя волны бурнаго моря: горы, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядами и кряжами тянутся во всѣ стороны межъ доловъ, логовъ, овраговъ и суходоловъ; рѣки и рѣчки колесятъ во всѣ стороны, пробираясь межъ угорій и на каждомъ изгибѣ встрѣчая возвышенности. По инымъ мѣстамъ рѣдко такія рѣки найдутся какъ Пьяна, Свіяга, Кудьма.

Еще первыми русскими насельниками Пьяной рѣка за то прозвана, что шатается она, мотается во всѣ стороны ровно хмѣльная баба и пройдя закрутасами да изворотами верстъ съ пятьсотъ, подбѣгаетъ къ истоку и чуть не возлѣ него въ Суру выливается.

Свіяга—та лучше еще Пьяны куралеситъ: подошелъ къ Симбирску, версты полторы до Волги остается, нѣтъ, повернула въ сторону и пошла рядомъ съ Волгой: Волга на полдень, а она на полночь, и верстъ триста рѣки другъ дружкѣ на встрѣчу текутъ, а слиться не могутъ.

Кудьма—та совсѣмъ къ Окѣ подошла, только бы влиться, такъ нѣтъ же, вильнула въ сторону, да верстъ за сотню въ Волгу ушла. Не захотѣлось, слышь, Кудьмѣ Оку въ матеряхъ держать, захотѣлось сестрицей быть, Волгиной дочерью. Такъ говорятъ... Другія рѣки и рѣчки, что текутъ на Горахъ, всѣ до единой извилисты.

Издревле та сторона была крыта лѣсами дремучими, сидѣли въ нихъ Мордва, Черемисы, Булгары, Буртасы и другіе языки чужеродные; лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ того русскіе люди стали селиться въ той сторонѣ. Константинъ Васильевичъ, великій князь Суздальскій, въ половинѣ XIV вѣка, перенесъ свой столъ изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ, назвалъ изъ чужихъ княженій русскихъ людей и разселилъ ихъ по Волгѣ, по Окѣ и по Кудьмѣ...

Русскіе люди, чуждую землю занявъ, селились въ ней по путямъ, по дорогамъ. Въ даль не забирались, чтобъ середи враждебныхъ племенъ на всякій случай быть на готовѣ, другъ ко дружкѣ поближе. Путями-дорогами—рѣки были тогда. И до сихъ поръ по рѣкамъ примѣтны слѣды старо-русскаго разселья. По Волгѣ, по Окѣ, по Сурѣ и по меньшимъ рѣкамъ живетъ народъ совсѣмъ другой, чѣмъ вдали отъ

нихъ: ростомъ выше, станомъ стройнѣй, изъ себя красивѣй, силою крѣпче, умомъ богаче сосѣдей—издавна обрусѣвшей Мордвы, что совсѣмъ позабыла и древнюю вѣру, и родной языкъ, и преданья своей старины. Мѣстами Мордва еще сохраняетъ народность, но съ каждымъ поколѣньемъ больше и больше русѣетъ. Такъ межъ Сурой и Окой.

Ниже Сурскаго устья верстъ на двѣсти по обѣ стороны Волги сплошь чужеродцы живутъ, они не русѣютъ: Черемисы, Чуваши, Татары. И ниже тѣхъ мѣстъ по нагорному берегу Волги встрѣтишь ихъ поселенья, но отъ Самарской луки вплоть до Астрахани сплошь русскій народъ живетъ, только округъ Саратова, на лучшихъ земляхъ пшеничнаго царства нѣмцы поселились; и живутъ они межъ русскихъ тою жизнію, какой жили на далекой своей родинѣ, на прибрежьяхъ Рейна и Эльбы... Велика, обширна ты, матушка наша, земля святорусская. Въ волю простора, въ волю раздолья! Всѣхъ, матушка, кормишь, поишь, одѣваешь, обуваешь, всѣмъ, мать-кормилица, хлѣбъ даешь—и своимъ, и чужимъ, и роднымъ сынамъ, и пришлымъ изъ чужа пасынкамъ. Любишь гостей угощать... Кто ни пришелъ, всякому: милости просимъ—честь да мѣсто къ русскому хлѣбу да соли! Ну ничего, насъ не объѣдятъ.

Въ стары годы росли на горахъ лѣса кандовые [1]), мѣстами досель уцѣлѣли они, больше по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ Чуваши, Черемиса да Мордва живутъ. Любятъ тѣ племена лѣса дремучіе, да рощи темныя, ни одинъ изъ нихъ безъ нужды деревца не тронетъ, ронить лѣсъ безъ пути по ихнему грѣхъ великій, по старинному закону ихъ: лѣсъ—жилище боговъ. Лѣса истреблять—божество оскорблять, его домъ раззорять—кару на себя накликать. Такъ думаетъ Мордвинъ, такъ думаютъ Черемисъ и Чувашинъ. И потому еще, можетъ быть, любятъ чужеродцы родные лѣса, что въ старину, не имѣя ни городовъ, ни крѣпостей, долго въ недоступныхъ дебряхъ отстаивали они вольную волю; сперва отъ татаръ, потомъ отъ русскихъ людей... Русскій не то, онъ прирожденный врагъ лѣса: свалить вѣковое дерево, чтобы вырубить изъ сука ось либо оглоблю, сломить ни на что ненужное деревцо, ободрать липку, изсушить березку, выпуская изъ нея сокъ, либо снимая бересту на подтопку—ему ни почемъ. Столѣт-

[1]) Крѣпкій, плотный, здоровый лѣсъ.

ніе дубы даже ронить, обобрать бы только съ нихъ желуди свиньямъ на кормъ. Въ старые годы, когда шагъ за шагомъ Русь отбивала у древнихъ насельниковъ землю, нещадно губила лѣса, какъ вражескія твердыни. Привычка осталась; и теперь на Горахъ, гдѣ коренные русскіе люди живутъ, не помѣсь съ чужеродцами, а чистой славянской породы, лѣсовъ больше нѣтъ, остались кой-гдѣ рощицы, кустарникъ да ерники... [1]) По инымъ мѣстамъ таково стало безлѣсно, что ни прута, ни лѣсинки, ни барабанной палки, такая голь, что кнутовища негдѣ вырѣзать, парнишку нечѣмъ посѣчь.

Хлѣбопашество—главное занятье нагорнаго крестьянина, но повсюду оно объ руку съ какимъ ни на есть промысломъ идетъ, особливо по рѣчнымъ берегамъ, гдѣ живетъ чистокровный славянскій народъ. Въ однихъ селеньяхъ слесарничаютъ, въ другихъ скорняжничаютъ, шорничаютъ, столярничаютъ, веревки вьютъ, сѣти вяжутъ, проволоку тянутъ, гвоздь куютъ, суда строятъ, сундуки дѣлаютъ, изъ мѣди кольца, наперстки, кресты тѣльники да бубенчики льютъ, всего не перечесть... Кромѣ того, народъ тысячами каждый годъ въ отхожіе промысла расходится: кто въ лоцмана, кто въ Астрахань на рыбныя ватаги [2]), кто въ Сибири на золотые пріиски, кто въ самарскія степи пшеницу жать. Всего больше уходило прежде народу въ бурлаки; теперь пароходство въ конецъ убило тотъ тяжелый и вредный промыселъ. И слава Богу!

Охочь до отхожихъ работъ нагорный крестьянинъ, это не степнякъ домосѣдъ, что вѣкъ сидитъ на мѣстѣ словно медъ киснетъ, и кромѣ сосѣдняго базара, да развѣ еще своего уѣзднаго города, съ роду нигдѣ не бываетъ. Любитъ нагорный крестьянинъ постранствовать, любитъ людей посмотрѣть, себя показать. «Дома сидѣть—ни гроша не высидишь, онъ говоритъ, подъ лежачій камень вода не течетъ, на одномъ мѣстѣ камень мохомъ обростаетъ». Нѣтъ выгоднаго на сторонѣ промысла—въ извозъ... Не то избойну [3]), мочену грушу, да парену рѣпу по деревнямъ поѣдетъ мѣнять на кость, на тряпье, на желѣзный поломъ.

До того велика у нагорныхъ крестьянъ охота на чужой сторонѣ

---

[1]) Мелкій, уродливый лѣсъ.

[2]) Артель, товарищество для работы.

[3]) Выжимки конопляныя, маковыя, орѣховыя.

побродить, что изстари завелся у нихъ такой промыселъ, какого опричь еще литовскихъ Сморгань на всемъ свѣтѣ нигдѣ не бывало. Въ Сергачскомъ уѣздѣ деревень до тридцати медвѣжатнымъ промысломъ кормилось—жилось не богато, а въ добрыхъ достаткахъ. Закупали медвѣжатъ у сосѣднихъ Чувашъ, да Черемисъ Казанской губерніи, обучали ихъ всякой медвѣжьей премудрости: «какъ баба угорѣла въ нетопленной горницѣ; какъ малы ребята горохъ воровали, какъ у Мишеньки съ похмѣлья голова болитъ». Хаживали сергачи со своими питомцами, куда глаза глядятъ, ходили вдоль и поперегъ, по русской землѣ, заходили и въ нѣмечину на Липецку [1]) ярмарку. Изстари велся тотъ промыселъ: еще на Стоглавомъ соборѣ, жалуясь Грозному на поганскіе обычаи, архіереи про сергачей говорили, что они «кормяще и храняще медвѣдя на глумленіе и на прельщеніе простѣйшихъ человѣкъ велію бѣду на христіанство наводятъ...» Силенъ, могучъ, властенъ и грозенъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, а медвѣжатниковъ не могъ извести...

Чуть не по всѣмъ нагорнымъ селеньямъ каждый крестьянинъ хоть самую пустую торговлю ведетъ: кто хлѣбомъ, кто мясомъ по базарамъ переторговываетъ, кто за рыбой ѣздитъ въ Саратовъ, да зимой ее по деревнямъ продаетъ; кто сбираетъ тряпье, овчины, шерсть, который строевой лѣсъ съ Унжи, да съ Немды [2]) гоняетъ; есть и «навольные мясники», что кошекъ, да собакъ бьютъ и шкурки ихъ скорнякамъ продаютъ. Мало-мальски денегъ залежныхъ накопилось, тотчасъ ихъ въ оборотъ. И если по скорости мужикъ не свихнется, непремѣнно выйдетъ въ люди, тысячами ворочать зачнетъ. Бывали на Горахъ крѣпостные съ мильонами... Теперь на горахъ много крестьянъ сотнями десятинъ владѣютъ. За то тутъ же рядомъ и бѣднота не покрытая. У инаго дворъ крытъ свѣтомъ, обнесенъ вѣтромъ, платья, что на себѣ, а хлѣба, что въ себѣ, голь да перетыка—и голо, и босо и безъ пояса. Такой бѣдности не замѣтно однакожь по близости рѣкъ, только въ мѣстахъ отъ нихъ удаленныхъ можно встрѣтить ее... Въ лѣсахъ за Волгой бѣдняковъ, какіе живутъ на Горахъ, наврядъ найти, за то и заволжскимъ тысячникамъ далеко до нагорныхъ богачей.

---

[1]) Лейпцигъ.

[2]) Рѣки въ Костромской губерніи текутъ по лѣсамъ.

Только эти богачи не въ примѣръ тяжелѣй для бѣдныхъ людей, чѣмъ зоволжскіе тысячники. Лѣсной народъ добродушнѣй, проще, а нагорному пальца въ ротъ не клади. Нагорный богачъ наровитъ изъ осьмины четвертину вытянуть, изъ блохи голенище скроить.

Ан. Печерскій.

45. Рейнъ и Волга.

Я видѣлъ, какъ бѣгутъ твои зелены волны:
Онѣ, при вешнемъ свѣтѣ дня,
Играя и шумя, летучимъ блескомъ полны,
Качали ласково меня;
Я видѣлъ яркія, роскошныя картины:
Твои изгибы, твой просторъ,
Твои веселые каштаны и раины,
И виноградъ по склонамъ горъ,
И горы, и на нихъ высокія могилы
Твоихъ былыхъ богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувшихъ дней!
Я волжанинъ: тебѣ привѣты Волги нашей
Принесъ я. Слышалъ ты объ ней?
Великъ, прекрасенъ ты! Но Волга больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не такъ, не такъ она бурлитъ,
Когда подымется погодка верховая,
И бѣлый валъ заговоритъ!
А какова она, шумящихъ волнъ громада,
Весной, какъ съ выси береговъ
Черезъ ея разливъ не перекинешь взгляда,
Чрезъ море водъ и островов!
По царству и рѣка!.. Тебѣ привѣтъ заздравный
Ея, властительницы водъ,
Обширныхъ русскихъ водъ, простершей ходъ свой славный,
Всегда торжественный свой ходъ,
Между холмовъ и горъ, и доловъ многоплодныхъ

До темныхъ Каспія зыбей!
Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,
Ея подручницъ и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелѣетъ тысячи судовъ,
Идущихъ пестрыми, красивыми толпами
Подъ звучнымъ пѣніемъ пловцовъ:
Тебѣ привѣтъ Оки поемистой, дубравной;
Въ раздольѣ муромскихъ песковъ
Текущей царственно, блистательно и плавно,
Въ виду почтенныхъ береговъ, —
И храмы древніе съ лучистыми главами
Глядятся въ ясны глубины,
И тихій благовѣстъ несется надъ водами,
Завѣтный голосъ старины!
Суры, красавицы, задумчиво бродящей,
То въ густоту своихъ лѣсовъ
Скрывающей себя, то на поляхъ блестящей
Подъ опахаломъ парусовъ;
Свіяги пажитной, игривой и безсонной,
Среди хозяйственныхъ заботъ,
Любящей стукъ колесъ, и блескъ неугомонный,
И гулъ работающихъ водъ;
Тебѣ привѣтъ изъ странъ Біарміи [1]) далекой,
Привѣтъ царицы хладныхъ рѣкъ,
Той Камы сумрачной широкой и глубокой,
Чей сильный водобѣгъ,
Подъ кликами орловъ свои валы сѣдые
Катя въ кремнистыхъ берегахъ,
Несетъ желѣзо, лѣсъ и горы соляныя
На исполинскихъ ладіяхъ;
Привѣтъ Самары, чье теченіе живое
Не слышно въ говорѣ гостей,

---

[1]) Пермскій край.

Ссыпающихъ въ суда богатство полевое,
Пшеницу—золото полей;
Привѣтъ проворнаго, лихаго Черемшана
И двухъ Иргизовъ луговыхъ,
И тихо-струйнаго, привольнаго Сызрана,
И всѣхъ и бо́льшихъ и меньшихъ,
Несмѣтныхъ данниковъ и данницъ величавой,
Державной сѣверной рѣки,
Привѣты я принесъ тебѣ!... теки со славой,
Князь многихъ рѣкъ, свѣтло теки:
Блистай, красуйся, Рейнъ! да ни грозы военной,
Ни пѣсенъ радостныхъ врага
Не слышишь вѣчно ты; да миръ благословенный
Твои покоитъ берега!

Языковъ.

46. Вскрытіе рѣки.

Съ крыльца нашего была видна рѣка Бѣлая, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она вскроется. И наконецъ пришелъ этотъ желанный день и часъ! Торопливо заглянулъ Евсеичъ въ мою дѣтскую и тревожно-радостнымъ голосомъ сказалъ: «Бѣлая тронулась». Въ одну минуту, тепло одѣтый, я уже стоялъ на крыльцѣ и жадно слѣдилъ глазами, какъ шла между неподвижныхъ береговъ огромная полоса синяго, темнаго, а иногда и желтаго льда. Далеко уже уплыла поперечная дорога, и какая-то несчастная черная корова бѣгала по ней, какъ безумная отъ одного берега до другаго. Стоявшія около меня женщины и дѣвушки сопровождали жалобными восклицаніями каждое неудачное движеніе бѣгающаго животнаго, котораго ревъ долеталъ до ушей моихъ, и мнѣ стало очень его жалко. Рѣка на поворотѣ загибалась за крутой утесъ, и скрылась за нимъ дорога и бѣгающая по ней черная корова.

Вдругъ двѣ собаки показались на льду; но ихъ суетливые прыжки возбудили не жалость, а смѣхъ въ окружающихъ меня людяхъ, ибо всѣ были увѣрены, что собаки не утонутъ, а перепрыгнутъ, или переплывутъ на берегъ. Я охотно этому вѣрилъ и позабывъ бѣдную

корову, самъ смѣялся вмѣстѣ съ другими. Собаки не замедлили оправдать общее ожиданіе и скоро перебрались на берегъ.

Ледъ все еще шелъ, крѣпкою, сплошною, неразрывною безконечною глыбою. Евсеичъ, опасаясь сильнаго и холоднаго вѣтра, сказалъ мнѣ: «пойдемъ, соколикъ, въ горницу; рѣка еще не скоро изломается, а ты прозябнешь, лучше я тебѣ скажу, когда ледъ начнетъ трескаться». Я очень не охотно послушался...

Въ самомъ дѣлѣ не ближе какъ черезъ часъ Евсеичъ пришелъ сказать мнѣ, что ледъ на рѣкѣ ломается... Одѣвшись еще теплѣе, я вышелъ и увидалъ новую, тоже невиданную мною картину: ледъ трескался, ломался на отдѣльныя глыбы, вода всплескивалась между ними; онѣ набѣгали одна на другую, большая и крѣпкая затопляла слабѣйшую, а если встрѣчался сильный упоръ, то поднималась однимъ краемъ вверхъ, иногда долго плыла въ такомъ положеніи, иногда обѣ глыбы разрушались на мелкіе куски и съ трескомъ погружались въ воду. Глухой шумъ, похожій по временамъ на скрипъ или отдаленный стонъ, явственно долеталъ до нашихъ ушей.

Полюбовавшись нѣсколько времени этимъ величественнымъ и страшнымъ зрѣлищемъ, я воротился къ матери и долго съ жаромъ разсказывалъ ей все, что видѣлъ. Пріѣхалъ отецъ, и я принялся съ новымъ жаромъ описывать ему, какъ прошла Бѣлая, и разсказывалъ ему еще долѣе, еще горячѣе, потому что онъ слушалъ меня какъ-то охотнѣе. Съ этого дня Бѣлая сдѣлалась постояннымъ предметомъ моихъ наблюденій.

Рѣка начала выступать изъ береговъ и затоплять луговую сторону. Каждый день картина измѣнялась и наконецъ разливъ воды, простиравшійся слишкомъ на восемь верстъ, слился съ облаками. Налѣво виднѣлась необозримая водяная поверхность, чистая и гладкая, какъ стекло, а прямо противъ нашего дома вся она была точно усѣяна верхушками деревъ, а иногда до половины затопленными огромными дубами, вязами, вышина которыхъ только тогда вполнѣ обозначилась; они были похожи на мелкіе какъ будто плавающіе островки.

Долго не сбывала полая вода.

С. Аксаковъ.

47. Рѣки.

Игриво поверхность земли разсѣкая,
Волнуясь и пѣнясь, кипя и сверкая,
Хрустальныя рѣки текутъ въ океанъ,
Бѣгутъ, низпадаютъ по склону земному
Въ бездонную пасть къ великану сѣдому,
И ихъ поглащаетъ сѣдой великанъ.
О какъ разновиденъ ихъ бѣгъ своенравный,
Та мчится угрюмо подъ тѣнью дубравной,
А эта—широкой жемчужной стѣной
Отважно слетѣла съ гранитной стремнины
И стелется легкой веселой волной...
Здѣсь бурный потокъ, весь лишь пѣна и прахъ,
Дрожитъ и вздуваетъ хребетъ серебристый,
Упорствуетъ въ схваткѣ съ оградой кремнистой
И мучится сжатый въ крутыхъ берегахъ.
Тамъ рѣчка безъ битвы напрасной и трудной
Преграды обходитъ покорной дугой
И чистаго поля коверъ изумрудный
Рѣзвясь огибаетъ алмазной коймой,
И дальше—спокойно, струею безмолвной,
Втекла въ многоводный, шумливый потокъ:
Взыгралъ многоводный, въ строптивыя волны
Взялъ капли той рѣчки и въ море повлекъ.
И что-жъ? Океанъ испаряетъ могучій
Ту влагу, что взялъ онъ отъ вьющихся рѣкъ
И свѣжимъ дождемъ опрокинувъ изъ тучи,
Проточный опять возвращаетъ ей бѣгъ.

Бенедиктовъ.

48. Осенняя переправа черезъ Волгу.

Погода стояла самая благопріятная: повременамъ шелъ мелкій осенній дождь и постоянно дулъ страшный вѣтеръ. Мы выкормили лошадей и сейчасъ поѣхали на перевозъ. Спускъ съ Симбирской горы представлялъ теперь несравненно болѣе трудностей, чѣмъ подъемъ на

нее; гора ослизла, тормоза не держали и карета катилась бокомъ по косогору. Оставаться въ экипажѣ было опасно, и мы, не смотря на грязь и дождь, должны были идти пѣшкомъ.

Волга... страшно вообразить, что такое была Волга! Она вся превратилась въ водяные бугры, которые ходили взадъ и впередъ, желтые и бурые около песчаныхъ отмелей, и черные по срединѣ рѣки; она билась, кипѣла, металась во всѣ стороны, и точно стонала; волны безпрестанно хлестали въ берегъ, вбѣгая на него, болѣе чѣмъ на сажень. По всему водяному пространству, особенно посреди Волги, играли *бѣляки*, такъ называются всплески воды, когда гребни валовъ, достигнувъ крайней высоты, вдругъ обрушиваются и разсыпаются въ брызги и бѣлую пѣну.

Невыразимый ужасъ обнялъ мою душу, и одна мысль плыть по этому страшному пути леденила мою кровь и почти лишила меня сознанія. На берегу сказали намъ, что теперь перевозу нѣтъ и что всѣ перевощики разошлись. Но отецъ мой немедленно хотѣлъ ѣхать и послалъ отъискать перевощиковъ; сейчасъ явилось нѣсколько человѣкъ, и сказали, что надо часокъ погодить, что передъ солнечнымъ закатомъ вѣтеръ постихнетъ, и что тогда можно благополучно доставить насъ на ту сторону.

Между тѣмъ въ ожиданіи этого благополучнаго часа стали грузиться. Выбрали лучшую и новую завозню [1]), поставили нашу карету, кибитку и всѣхъ лошадей. Вѣтеръ въ самомъ дѣлѣ сталъ какъ будто утихать. Замѣтили, что съ той стороны отвалила завозня, и наша проворно отчалила отъ пристани и пошла на шестахъ вверхъ около берега, намѣреваясь взвестись, какъ можно выше.

Приготовили и для насъ большую лодку. Явился знакомый намъ хозяинъ или перевощичій староста, какъ его иногда называли; онъ самъ хотѣлъ править кормовымъ весломъ и отобралъ отличныхъ шестерыхъ гребцовъ, но предложилъ подождать еще съ полчасика. Слава Богу, что онъ сдѣлалъ намъ это предложеніе, потому что вѣтеръ, утихнувъ на нѣсколько минутъ, разъигрался пуще прежняго и пуще прежняго закипѣла Волга, и сами перевощики сказали, что «оно конечно

---

[1]) Плоскодонная лодка сажени въ три, которая завозитъ и закидываетъ якорь впередъ.

доставить можно, да будетъ маленько страховито; лодка станетъ нырять и пожалуй господа напугаются». Тутъ я точно очнулся отъ какого-то оцѣпенѣнія, и со слезами принялся просить и молить, чтобы сегодня не ѣздить. Въ первый разъ я видѣлъ, что отецъ сердился на меня и говорилъ, что я «дрянь, трусишка». Мать, видя, что я весь дрожу отъ страха, стала уговаривать отца остаться до утра. Отецъ все не соглашался. Перевощики, молча, смотрѣли на насъ нѣсколько времени; наконецъ хозяинъ сказалъ: «али до утра, ваше благородіе? На зарѣ безпремѣнно вѣтеръ затихнетъ, и мы васъ мигомъ доставимъ. Погодка точно разъигралась, и вашу завозню больно далеко снесетъ. Вонъ она только что пошла на перебой, а ужъ теперь ниже пристани. Версты двѣ снесетъ. Придется имъ заночевать и завтра наврядъ имъ добиться до пристани прежде васъ». Эти слова порѣшили дѣло.

Но теперь возникъ вопросъ, гдѣ почевать, на чемъ спать и что ѣсть. Платье, подушки, постели, съѣстные припасы, все было отправлено на ту сторону; а утренней зари надо дожидаться часовъ двѣнадцать. Хозяинъ вывелъ насъ изъ затрудненія: онъ предложилъ намъ свою квартиру, а что-нибудь поѣсть обѣщалъ намъ достать изъ харчевни...

Чуть брежжилось, когда насъ разбудили; даже одѣваться было темно. Боже мой, какъ намъ съ сестрицей не хотѣлось вставать. Изъ теплаго гнѣздышка идти на сырой и холодный осенній воздухъ, на самомъ разсвѣтѣ, когда особенно сладко спится, да еще прямо на лодку! Но отецъ безпрестанно торопилъ, и мы, одѣвшись, почти бѣгомъ побѣжали на пристань: красная заря горѣла сквозь сѣрое небо и предвѣщала сильный вѣтеръ. Дождя не было, но нельзя сказать, что было тихо: рѣзкій вѣтерокъ уже упорно тянулъ и крупной рябью подергивалъ водяную поверхность. Гребцы, держа въ рукахъ весла, сидѣли на своихъ мѣстахъ. Хозяинъ поспѣшно перевелъ насъ по доскамъ на лодку и усадилъ въ ней по лавкамъ на самой серединѣ. Страхъ сжималъ мое сердце, и я сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ.

Мы не долго взводились вверхъ и скоро пошли на перебой. Гребцы работали съ необыкновеннымъ усиліемъ, лодка летѣла; но едва мы, достигнувъ середины Волги, вышли изъ подъ защиты горы—подулъ

сильный вѣтеръ, страшныя волны встрѣтили насъ, и лодка начала то подыматься носомъ кверху, то опускаться кормою внизъ. Я вскрикнулъ и бросился къ матери, прижался къ ней и зажмурилъ глаза. Я открылъ ихъ тогда, когда услышалъ, что до берегу недалеко.

Точно, берегъ былъ ужъ близокъ; но въ лодкѣ происходила суматоха, которой я съ закрытыми глазами до тѣхъ поръ не замѣчалъ, и нашъ кормщикъ казался очень озабоченнымъ и даже испуганнымъ. Гребли только четверо, а двое гребцовъ выливали воду, одинъ—какимъ-то длиннымъ ковшомъ, а другой—шляпой. Вода въ лодкѣ выступила ужъ сквозь полъ и подмочила намъ ноги, а въ кормѣ было ея очень много. Я не вполнѣ понялъ важность происшествія, и очень удивился, когда отецъ, высадивъ насъ всѣхъ на берегъ, накинулся съ бранью на хозяина гребцовъ... Бѣдный нашъ кормщикъ, стоя безъ шляпы и почтительно кланяясь, говорилъ: «помилуйте, ваше благородіе, развѣ я этому дѣлу радъ, развѣ мнѣ свой животъ надоѣлъ? Вѣдь и я потонулъ бы вмѣстѣ съ вами»... Отцу моему захотѣлось узнать, отчего потекла наша лодка: ее вытащили на берегъ, обернули вверхъ дномъ и нашли, что у самой кормы она проломлена чѣмъ-то острымъ, дыра была пальца въ два шириною. Какъ это случилось, никто объяснить не могъ. Долго толковали перевощики и наконецъ порѣшили, что это кто нибудь со зла проломилъ желѣзнымъ ломомъ. Отверстіе было довольно высоко надъ водою, и въ тихую погоду можно было плавать на лодкѣ безопасно, но гребни высокихъ валовъ попадали въ дыру. Еслибъ недоглядѣли и не принялись вовремя выливать воду, лодка наполнилась бы ею, сѣла глубже, и тогда гибель была неизбѣжна. Тутъ только я понялъ, какой опасности мы подвергались, и боязнь, отвращеніе отъ переправъ черезъ большія рѣки прочно поселилась въ моей душѣ.

Завозни нашей съ каретой еще у пристани не было: предсказаніе нашего хозяина-кормщика сбылось изъ слова въ слово. Она медленно подвигалась на шестахъ съ низу и находилась еще отъ насъ не менѣе версты, какъ говорили перевощики... Наконецъ приплыла наша завозня; она точно ночевала на мели, кое какъ привязавшись къ воткнутымъ въ песокъ шестамъ. Люди наши разсказывали, что натерпѣлись такого страху, какого съ роду не видывали, что не спали

всю ночь и пробились съ голодными лошадьми, которыя не стояли на мѣстѣ и нѣсколько разъ едва не опрокинули завозню.

Аксаковъ.

49. Осень.

Настала осень. Скученъ городъ.
Дожди, туманы, рѣзкій холодъ,
Ночь черная и сѣрый день—
И по нуждѣ покинуть лѣнь
Свой теплый уголъ. Вечерами
Вороны, галки надъ садами
Кричатъ, сбираясь на ночлегъ,
Порой нежданный мокрый снѣгъ
Кружится, кровли покрываетъ,
Къ лицу и платью пристаетъ,
И снова мелкій дождь пойдетъ,
И вѣтеръ свистомъ досаждаетъ.
Куда ни глянешь—ручейки,
Да грязь и лужи. Окна плачутъ,
И морщась, пѣшеходы прячутъ
Свои носы въ воротники.

Никитинъ.

50. По Окѣ.

Небо чисто и ясно, утренняя заря румянцемъ разливается по небу и, отражаясь въ тихихъ зеркальныхъ водахъ Оки, обливаетъ ихъ розовымъ сіяньемъ. Вдали за песчаной косой засвистѣлъ пароходъ... Вотъ паромъ и нѣсколько лодокъ стоитъ у пристани, наполняются тѣ лодки молодицами и дѣвушками съ подойниками, крытыми чистыми тряпицами. Идутъ межъ ними шутливыя перебранки и веселые разговоры; порой вырываются громкіе, визгливые крики. Паромъ отвалилъ; за нимъ и лодочки поплыли на луговой берегъ. Ни при городѣ, ни при слободѣ, что возлѣ него длиннымъ поселкомъ вытянулась по берегу, нѣтъ ни пяди выгонной земли—луга за рѣкой. Только сольетъ рѣка съ поймы [1]), скотъ перевозятъ обоиполъ (на тотъ берегъ), тамъ и пасется онъ до поздней осени. Оттого каждый

[1]) Рѣка войдетъ въ свои берега послѣ весенняго разлива.

день на утренней зарѣ и передъ солнечнымъ закатомъ бабы ѣздятъ за Оку коровушекъ доить...

Съ оглушительнымъ свистомъ подбѣжалъ пароходъ. Причалилъ, забираетъ охотниковъ ѣхать... Опять пронзительно свистнуло... Разъ, два, и зашумѣли колеса, и побѣжалъ пароходъ по желтосинему лону Оки. Яркое, привѣтно сіяющее солнце поднимается надъ горами праваго берега. Длинной предлинной полосой растянутыя на восточной сторонѣ неба, облака серебромъ засверкали отъ всплывшаго подъ ними свѣтила, хлынули съ небесной высоты золотые лучи и подернули чуть замѣтную рябь рѣчнаго лона сверкающими переливами яркаго свѣта.

Шумитъ, бѣжитъ пароходъ, безпрестанно мѣняются виды: высятся крутыя горы, то покрытыя темнозеленымъ орѣшникомъ, то обнаженныя и прорѣзанныя глубокими и далеко уходящими врáгами (оврагами). Рѣка извивается, и съ каждымъ изгибомъ ея горы то подходятъ къ водѣ и стоятъ надъ ней краснобурыми стѣнами, то удаляются отъ рѣки, и отъ подошвы ихъ широко и привольно раскидываются яркозеленые сочные покосы поемныхъ луговъ. Тамъ и сямъ на вѣнцѣ горъ чернѣютъ ряды высокихъ бревенчатыхъ избъ, бѣлѣютъ сельскія церкви, помѣщичьи усадьбы.

Шумитъ, бѣжитъ пароходъ... Вотъ на желтыхъ шипучихъ пескахъ обширныя слободы сливаются въ одно непрерывное селенье... Дома все большіе, двухэтажные, за ними дымятся заводы, а дальше въ густомъ желтосѣромъ туманѣ виднѣются огромныя кирпичныя зданія, надъ ними высятся церкви, часовни, минареты, китайскія башенки. Впереди рѣки не видать — сплошь заставлена она рядами разновидныхъ судовъ. Направо по горамъ и по скатамъ раскинулись сады и зданія большаго стариннаго города. **Ан. Печерскій.**

51. Перевозъ черезъ Каму.

Мы пріѣхали въ полдень на лѣтній перевозъ черезъ Каму, противъ села Шурана. На берегу дожидались переправы три крестьянскихъ телѣги съ поклажей и вощиками и десятка полтора бабъ съ кузовами ягодъ. Бабы возвращались домой пѣшкомъ на противоположный берегъ Камы. Перевощиковъ на перевозѣ не было: куда раз-

брелись они, не знаю. Потолковавъ нѣсколько времени, крестьяне и мои люди рѣшились сами переправиться черезъ рѣку, потому что одинъ изъ крестьянъ вызвался править кормовымъ весломъ, увѣривъ, что онъ нѣсколько лѣтъ былъ перевощикомъ. И такъ выбрали лучшій дощаникъ, поставили три крестьянскія телѣги съ лошадьми, мою кибитку и всѣхъ трехъ нашихъ лошадей: разумѣется, взяли и всѣхъ бабъ съ ягодами; мнимый перевощикъ сталъ на кормѣ, двое крестьянъ, мой кучеръ и лакей Иванъ Малышъ (молодецъ и силачъ, одинъ стоившій десятерыхъ) сѣли на весла, и мы отчалили отъ пристани. Между тѣмъ черная туча взмывала на западѣ и мало по малу охватывала край горизонта; ея нельзя было не примѣтить, но всѣ думали: авось пройдетъ стороной, или, авось успѣемъ переѣхать. Пристань находилась противъ самаго Шурана, и для того, чтобы не быть снесеннымъ быстротою теченія сердитой Камы, и чтобы угодить прямо на перевозъ,—надобно было подняться вверхъ по рѣкѣ на шестахъ слишкомъ версту. Это производилось очень медленно, а гроза быстро начала приближаться. Чтобы ускорить переѣздъ, поднялись вверхъ только съ полверсты, опять сѣли въ весла и перекрестившись, пустились на перебой поперекъ рѣки; но лишь только мы добрались до середины, какъ туча съ неимовѣрной скоростью обхватила весь горизонтъ; почернѣвшее небо еще чернѣе отразилось въ водѣ, стало темно, и страшная гроза разразилась молніей, громомъ и внезапной неистовой бурей. Кормщикъ нашъ въ испугѣ бросилъ кормовое весло и признался, что онъ совсѣмъ не перевощикъ и править не умѣетъ; вихрь завертѣлъ нашъ паромъ, какъ щепку, и понесъ внизъ по теченію; бабы подняли пронзительный вой—и ужасъ овладѣлъ всѣми. Я такъ испугался, что не могъ промолвить ни одного слова и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вихремъ и быстротой теченія снесло нашъ дощаникъ нѣсколько верстъ внизъ по рѣкѣ, и наконецъ бросило на песчаную отмель, по счастію саженяхъ въ пятидесяти отъ противоположнаго берега. Иванъ Малышъ спрыгнулъ въ воду; она была ему по поясъ; онъ дошелъ бродомъ до берега, глубина воды нигдѣ не доставала выше груди. Онъ воротился тѣмъ же путемъ на паромъ, стащилъ съ него одну изъ нашихъ лошадей посмирнѣе; посадилъ меня верхомъ, велѣлъ крѣпко держаться за гриву и за шею лошади и повелъ ее въ поводу; Евсеичъ шелъ подлѣ и поддерживалъ меня

обѣими руками. Мутныя и огромныя волны хлестали черезъ насъ и окачивали съ головой; по несчастію Малышъ, идя впереди, сбился съ того броду, по которому прошелъ два раза и попалъ на болѣе глубокое мѣсто; вдругъ онъ нырнулъ въ воду, лошадь моя поплыла и Евсеичъ отсталъ отъ меня; тутъ-то я почувствовалъ такой страхъ близкой смерти, котораго я не забылъ до сихъ поръ; каждую минуту я готовъ былъ лишиться чувствъ и едва не захлебнулся; по счастію глубина продолжалась не болѣе двухъ или трехъ саженъ; Малышъ плавалъ мастерски, лошадь моя отъ него не оставала и, не выпуская повода изъ рукъ, онъ скоро выплылъ на мелкое мѣсто и благополучно вывелъ на берегъ моего коня; но Евсеичъ, неумѣвшій хорошо плавать, едва не утонулъ и насилу выбился на берегъ. Меня, мокраго до послѣдней нитки, сняли съ лошади почти безъ памяти, пальцы мои закоченѣли, замерли въ гривѣ моего коня; но я скоро опомнился и невыразимо обрадовался своему спасенію. Евсеичъ остался со мной, а Малышъ пустился опять къ дощанику, съ котораго бабы съ криками и воплями, не разставаясь съ кузовьями ягодъ, побросались въ воду; мужики постолкали своихъ лошадей и телѣги и всѣ кое какъ, по отмели, удачно отыскавъ бродъ помельче, добрались до берега. Дощаникъ, облегченный отъ большей части груза, поднялся и его начало тащить водою внизъ по теченію. Вотъ тутъ-то пригодилась сила Ивана Малыша: онъ удерживалъ дощаникъ до тѣхъ поръ, покуда нашъ кучеръ столкнулъ на отмель лошадей и нашу повозку; Малышъ пересталъ держать паромъ, и его сейчасъ унесло внизъ по рѣкѣ. Стоя въ водѣ по поясъ, заложили лошадей, и повозка моя, подмочивъ все въ ней находившееся, выѣхала на берегъ. Мы сѣли мокрые и озябшіе и поскакали въ Шуранъ, тамъ обогрѣлись, обсушились, напились горячаго чаю, и холодная ванна не имѣла для насъ никакихъ дурныхъ физическихъ послѣдствій. Но зато напугалась моя душа, и я во всю мою жизнь не могъ и не могу смотрѣть равнодушно на большую рѣку, даже въ тихое время; а во время бури, чувствую невольный ужасъ, котораго не въ силахъ преодолѣть.

Аксаковъ.

52. Водопадъ.

Между стремнинъ съ горы высокой
Ручьи прозрачные журчатъ

И вдругъ сливаясь въ токъ широкій,
Являютъ грозный водопадъ;
Громады волнъ буграми хлещутъ
Въ паденьи быстромъ и крутомъ
И разлетѣвшись, ярко блещутъ
Вокругъ серебряннымъ дождемъ;
Реветъ и стонетъ гулъ протяжный
По разорвавшейся рѣкѣ
И исчезая съ пѣной влажной,
Смолкаетъ глухо вдалекѣ.

Полежаевъ.

53. Обвалъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.
Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ
Свои брега.
И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
    Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ [1])
    Небесъ жилецъ.

Пушкинъ.

54. Днѣпровскіе пороги.

1. Видъ пороговъ. Представьте себѣ гряды камней, брошенныхъ черезъ рѣку отъ берега до берега въ нѣсколько рядовъ, одинъ ниже другаго, и вы будете имѣть понятіе о порогѣ. Стремясь внизъ, вода съ большою быстротою бросается сквозь промежутки этихъ каменьевъ и пѣнится съ оглушающимъ шумомъ. Въ иномъ порогѣ ряды каменныхъ грядъ доходятъ до двѣнадцати. Между этими грядами есть однакоже мѣста, гдѣ судно можетъ пройти свободно и эти-то мѣста называются старымъ или козачьимъ ходомъ.

2. Приготовленіе судна. Суда, намѣревающіяся спуститься за пороги, обыкновенно приходятъ въ лоцманскую Каменку (селеніе) и предъявляютъ свои бумаги въ контору, съ требованіемъ лоцмана. Атаманъ (старшина) тотчасъ ѣдетъ обмѣрять грузъ, и смотря по горизонту воды, иногда велитъ отгружать судно до извѣстной степени, ибо по водомѣру видно, въ какомъ грузу можно безпрепятственно пройти въ порогахъ. Послѣ этого онъ тщательно осматриваетъ якоря, канаты, весла, а главное *стерень* или *стерно* (руль), которое по большей части тутъ же и придѣлывается на мѣсто прежняго. Неуклюжее это орудіе—единственное средство провести черезъ пороги барку, въ свою очередь нелѣпую и неуклюжую, да наконецъ самое граціозное судно не можетъ здѣсь пройти иначе, какъ подобнымъ стерномъ, состоящимъ изъ мачтоваго дерева, сажень въ десять длины, къ которому еще придѣлывается лопасть или перо сажени въ четыре. Въ порогахъ безполезенъ обыкновенный руль, который, ворочаясь у самой кормы, можетъ дать только извѣстное направленіе, но не можетъ удержать его при быстротѣ пороговаго теченія; кромѣ того стерно и поворачиваетъ сильнѣе, имѣя упоръ въ нѣсколькихъ саженяхъ.

[1]) Вѣтеръ.

3. Лоцманы. На судно назначается первостатейный лоцманъ и его помощникъ, и если рабочихъ мало, то хозяинъ обязанъ нанять нѣсколько прибавочныхъ. Иногда, если лоцманъ еще молодой, ему придается дядя изъ опытныхъ старыхъ лоцмановъ, который, слѣдя за дѣйствіями молодаго товарища, помогаетъ ему совѣтами и учитъ нѣкоторымъ уловкамъ, пріобрѣтеннымъ во время многолѣтняго плаванія. Самъ лихой кормчій, молодой лоцманъ всегда съ уваженіемъ обращается къ дядѣ и называетъ его по старому козацкому обычаю *батько*... Впрочемъ каменскимъ лоцманамъ нечего учиться ловкости и смѣтливости: они изучили ходъ по каналамъ и ловко съ знаніемъ дѣла лавируя между камнями, проходятъ благополучно. Имъ опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ только въ самую тихую погоду, когда, что называется, не шелохнетъ. Но и въ самый благопріятный день схватываются *полосы* (вѣтеръ), и если такая полоса застигнетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни поворотить, ни бросить якорь, тогда съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь...

4. Отправленіе. Обыкновенно передъ отплытіемъ, принявъ барку на свою отвѣтственность, лоцманъ возвышаетъ голосъ, переходящій въ тонъ командирскій и приказываетъ всѣмъ, по малорусскому обычаю, присѣсть на секунду и потомъ начинаетъ молиться Богу съ колѣнопреклоненіемъ. Суровое, умное лицо лоцмана въ это время выражаетъ такую набожность, такую искреннюю молитву, что всякій прочтетъ въ этихъ чертахъ пламенную преданность Провидѣнію. Всѣ присутствующіе молятся нѣсколько минутъ. При этомъ на нѣкоторыхъ лицахъ видна тревога, по которой можно узнать новичковъ или *перваковъ*, какъ называютъ ихъ лоцманы. Поднявъ якорь, барка тихо оборачивается; человѣкъ шесть управляютъ стерномъ по указаніямъ лоцмана и, смотря потому, идти ли старымъ путемъ или въ каналъ, судно принимаетъ направленіе. Поплыли внизъ по теченію; раздается мѣрный ударъ веселъ; берега начинаютъ уходить назадъ. Раздается команда лоцмана: *шабашъ!* Весла приподнимаются къ верху, и судно несется плавно стремленіемъ Днѣпра. Здѣсь начинаются разговоры, распросы; но лоцманъ не словоохотенъ; онъ умными своими глазами смотритъ впередъ и заложивъ руки за спину, дѣлаетъ своему помощнику замѣчанія.

5. Въ порогѣ. И вотъ опять раздается команда: гребемъ! Весла снова зашумѣли, барка снова пошла быстрѣе... Въ то время какъ пороговое стремленіе подхватило судно, лоцманъ снова командуетъ: шабашъ! къ стерну! И гребцы, остановивъ весла, спѣшатъ на подмостки и становятся по обѣимъ сторонамъ стерна, которое въ верхнемъ концѣ имѣетъ нѣсколько небольшихъ жердей для того, чтобъ можно было поварачивать лопасть плашмя при переносѣ стерна съ одной стороны на другую. Здѣсь чувствуется какое-то легкое замираніе сердца, что-то въ родѣ испуга, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробѣгаетъ какое-то пріятное ощущеніе, когда чердакъ (носъ судна) спустится въ первую пѣну, которая высоко брыжжетъ съ оглушающимъ шумомъ. Лоцманъ устремилъ глаза впередъ. Всплески мѣшаютъ слушать. Лоцманъ рукою показываетъ движеніе и самъ бросается къ стерну.

— Держи!

И усилія всѣхъ напряжены, и барка несется по уступамъ, какъ по стрункѣ. Въ каналѣ тоже самое, только меньше страха, а также весело, потому что вода несетъ необыкновенно быстро.

6. Выходъ. По выходѣ изъ порога, когда проплыли большое волненіе, лоцманъ становится на колѣни, его примѣру слѣдуютъ всѣ и благодарятъ Бога за благополучную переправу, потомъ кормчій поздравляетъ хозяина и прибавляетъ:

— Дай Боже такъ и до мѣста!

Выйдя на тихую воду, всѣ отдыхаютъ, а гребцы принимаются за завтракъ, потому что до другихъ пороговъ еще далеко, но лоцманъ стоитъ у стерна... Хозяева иногда выносятъ ему стаканъ чаю (если они не евреи); но водку пьетъ развѣ самый отчаянный лоцманъ; да такихъ кажется и немного. Слова нѣтъ, доставивъ судно на мѣсто, иной лоцманъ кутнетъ во всю ивановскую; но въ порогахъ это не въ обычаѣ. Такъ предки ихъ запорожцы, кутившіе въ Сѣчи, иногда по суткамъ безъ просыпу, въ походѣ не употребляли водки, потому что за пьянство на судахъ топили въ воду, а на сушѣ казнили кіями. Эта казацкая *регула* (правило) сохраняется и понынѣ, по крайней мѣрѣ во время прохода черезъ пороги.

7. Порогъ-Ненасытецъ. Если плывутъ двѣ барки одного хозяина, то находящаяся впереди, бросаетъ якорь у Козлова или у Ткачева острова и высылаетъ обоихъ лоцмановъ и нѣсколько человѣкъ

коренныхъ (рабочихъ) баркѣ, плывущей позади, которая, принявъ подкрѣпленіе, спускается къ порогу. Здѣсь всѣ творятъ краткую но пламенную молитву. За островами теченіе воды довольно быстро и несетъ судно къ старому проходу, не требуя отъ лоцмана особыхъ усилій. Страшный шумъ здѣсь уже явственно даетъ знать о близости *Дѣда*, какъ называютъ лоцманы Ненасытецъ, и вскорѣ вправо показываются огромные всплески волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между каменьями. Оба берега скалисты.

— Къ стерну! вскрикиваетъ лоцманъ и становится у стерна, за которое ухватилось человѣкъ двадцать людей, готовыхъ исполнять малѣйшее его приказаніе.

Всплески виднѣе и слышнѣе... Порогъ показался весь покрытый *букомъ* (пѣной). Состоитъ онъ изъ двѣнадцати *лавъ* (рядовъ каменьевъ), которыя очень ясно обозначаются пѣнистыми рядами. Управляемая искуснымъ лоцманомъ, барка бросается съ первой лавы, и въ этомъ омутѣ, въ этомъ страшномъ шумѣ Днѣпра, бьющагося межъ каменьями, не всегда слышна команда лоцмана, который движеніемъ показываетъ направленіе и изъ всѣхъ силъ кричитъ: держи! если нужно держать стерно неподвижно. Съ уступа на уступъ несется барка естественнымъ фарватеромъ, повинуясь могучему стерну и пробѣгаетъ порогъ почти въ три минуты; въ это время она гнется, скрипитъ и иногда словно стонетъ. Волненіе страшное, всплески, въ особенности въ послѣдней лавѣ, схватываются на чердакъ и обливаютъ... Но вотъ она на вольной водѣ, и снова всѣ становятся на колѣни благодарить Бога.

У Ненасытца были притоны дикихъ кочевыхъ народовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и до сихъ поръ курганы, разбросанные по прибережью. Собственно порогъ состоитъ изъ двѣнадцати рядовъ каменьевъ, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, который бросаясь съ перваго уступа и низвергаясь далѣе, шумитъ ужасающимъ образомъ. Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ. Мнѣ хотѣлось узнать, отчего во второй лавѣ два камня названы *службами*. Послѣ долгихъ распросовъ мое любопытство было удовлетворено. Камни эти имѣютъ видъ опрокинутыхъ сосудовъ, и вода, переливаясь черезъ нихъ, будто звонитъ *до службы* (къ обѣднѣ). Съ

верху горы видъ на порогъ превосходный, гдѣ Ненасытецъ представляется съ птичьяго полета, весь покрытый бѣлой жемчужной пѣной. Шумитъ онъ какъ-то особенно, порою случается слышать въ его гулѣ необыкновенно дикіе переливы; но бываетъ что онъ стихаетъ совершенно и только вблизи слышно, какъ переливается вода черезъ каменья... Лоцманы и береговые жители предъугадываютъ по этому погоду.

8. Спасительныя лодки. Сверху и снизу порога во время навигаціи стоятъ спасительные *дубы* (большіе лодки) съ очередными лоцманами, которыхъ обязанность во время несчастья подавать поспѣшную помощь погибающимъ. И лоцманы исполняютъ свою обязанность съ удивительнымъ самоотверженіемъ. Верхній дубъ не только спасаетъ потерпѣвшихъ крушеніе въ порогѣ, но если только очередные лоцманы замѣтятъ, что плотъ сбило вѣтромъ съ ходу, что онъ плыветъ прямо на камни, тотчасъ же гребутъ къ плоту и снимаютъ людей и ихъ одежду. Случается, что плотъ зацѣпляется въ самомъ порогѣ о камни, и его бьетъ на какой нибудь лавѣ. Картина ужасная: связки разрываетъ, толстыя бревна ломаются, какъ щепки, и тутъ-то людямъ предстоитъ гибель, какъ отъ воды, такъ и отъ разбивающагося лѣса. Спасители спускаются внизъ и схватываютъ погибающихъ, то ловя ихъ въ пучинахъ, то снимая съ камней. Нижній дубъ, въ случаѣ крушенія, ближе къ выходу, употребляя усилія, старается съ своей стороны спасать бѣдствующихъ.

Било огромную барку. Страшно было смотрѣть. Носъ вошелъ въ пучину, люди держались на кормѣ, а вокругъ такіе буруны и всплески, что трудно составить себѣ о нихъ понятіе. Всплески и буруны эти называются у лоцмановъ *грозою*, и мнѣ кажется, что удивительно мѣтко подобное названіе. Верхнему дубу нельзя было *напуститься*, потому что онъ не могъ бы удержаться по быстротѣ водопада, а нижній, сколько ни употреблялъ усилій, не могъ выгресть—его захлестывало волною. Сквозь пыль этой *грозы* я видѣлъ только благородныя головы лоцмановъ, спѣшившихъ на помощь, и отчаянную фигуру рулеваго въ черной бараньей шапкѣ, стоявшаго у своего мѣста... Погибавшіе бросили однако бревно, привязавъ его къ веревкѣ, схватясь за которую, спасители подтянулись къ баркѣ и начали снимать людей.

Афанасьевъ-Чужбинскій.

55. Зимній путь по рѣкѣ Ленѣ.

Я выѣхалъ изъ Якутска при 30 градусахъ мороза; воздухъ чистъ, сухъ, остръ, рѣжетъ легкія, и горе страждущимъ грудью! но зато не пріобрѣтешь простуды, флюса, какъ напримѣръ, въ Петербургѣ, гдѣ стоитъ только распахнуть для этого шинель. Замерзнуть можно, а простудиться трудно. И какое здѣсь прекрасное небо, даромъ что якутское: чистое, съ радужными оттѣнками. Даха, т. е. козья шкура, рѣшительно защищаетъ отъ всякаго мороза, и не надо никакого тулупа подъ нее: только тяжести прибавитъ; она легка, пушиста и грѣетъ въ 40 градусовъ, не защититъ лишь отъ вѣтра, отъ котораго ничто не защититъ. Какъ же тогда? Опустите заметъ у повозки, или спрячьтесь, или наконецъ, какъ знаете. Лошади отъ вѣтра воротятъ морды назадъ, ямщики тоже, и сѣдоки прячутъ лицо въ подушки— напрасно: такъ и рѣжетъ шею, спину, грудь и непремѣнно доберется до носа. У меня даже пятка озябла—это самая безчувственная часть у всякаго. Сижу въ своей открытой повозкѣ, какъ въ комнатѣ; а прежде боялся, думалъ, что въ 30 градусовъ не проѣдешь тридцати верстъ; теперь узналъ, что проѣдешь лучше при 30 градусахъ и скорѣе, потому что ямщики мчатъ, что есть мочи; у нихъ зябнутъ руки и ноги, зябъ-бы и носъ, но они надѣваютъ на шею боа.

Ѣду я все еще по пустынѣ и долго ѣхать, дни, недѣли, почти мѣсяцы. Это не поѣздка, не путешествіе, это особая жизнь—такъ длиненъ этотъ путь, такъ однообразно тянутся дни за днями, мелькаютъ станціи за станціями, стелются безконечныя снѣжныя поля, идутъ по сторонамъ Лены высокія горы, съ красивымъ лиственичнымъ лѣсомъ. Еще однообразнѣе всего этого лежитъ глубокая ночь двѣ трети сутокъ надъ этими пустынями. Солнце поднимается не высоко, выглянетъ изъ-за горъ, протечетъ часа три, не отрываясь отъ ихъ вершинъ-холмовъ, и спрячется, оставивъ послѣ себя продолжительную огнистую зарю. Звѣзды въ этомъ прозрачномъ небѣ блещутъ такъ же ярко, лучисто, какъ подъ другими, не столь суровыми небесами.

По Ленѣ живутъ всѣ русскіе поселенцы и, кромѣ того, много Якутовъ; оттого всѣ русскіе здѣсь говорятъ поякутски, даже между собою. Всѣ ихъ сношенія ограничиваются Якутами, да рѣдкими проѣзжими. Лѣтомъ они занимаются хлѣбопашествомъ, сѣютъ рожь и

ячмень, больше для своего употребленія, потому что сбывать некуда. Тѣ, которые живутъ выше по Ленѣ, могутъ сплавлять свои избытки по рѣкѣ на золотые пріиски, находящіеся между городами Киренскомъ и Олекмой. Зимой крестьяне держатъ лошадей на станціяхъ, лошади не сильны, хотя и рѣзвы; кормъ ихъ одно сѣно и потому, если разъѣздъ великъ, лошади теряютъ силу и едва выдерживаютъ гоньбу по длиннымъ станціямъ. Всѣ станціи расположены на пригоркахъ, оттого при подъемѣ и спускѣ всегда берутся предосторожности. Экипажи спускаютъ на Лену на одной лошади, или *конь* какъ здѣсь всѣ говорятъ, и уже внизу подпрягаютъ другихъ, и тутъ еще держатъ ихъ человѣкъ пять ямщиковъ, пока садится очередной ямщикъ; и когда онъ заберетъ вожжи, всѣ разступятся и тройка или пятерка помчитъ, что есть мочи, но скоро утомится: снѣгъ глубокъ, бѣжать вязко, или, по здѣшнему, *убродно*. Я удивился этимъ предосторожностямъ при спускѣ съ горъ, чѣмъ, конечно, проѣзжіе обязаны начальству. Сами мужики, какъ мнѣ сказывали ѣзжавшіе прежде, обходились и безъ предосторожностей; да и станетъ-ли принимать ихъ русскій мужикъ? Во всякомъ расположенномъ на крутизнѣ селѣ видишь и не понимаешь, какъ это лѣпится по боку горы возъ съ человѣкомъ и кладью? Иногда онъ и сорвется, двое пойдутъ подымать его, а прочіе возы тянутся туда-же. Я знаю въ одной деревенькѣ холмъ, подъ нимъ рѣчку, за рѣчкой лѣсъ: съ холма къ рѣчкѣ за водой, а зимой за рѣчку за дровами съѣхать невозможно. По крайней мѣрѣ если послать туда англичанъ, да нѣмцевъ, такъ они, вымѣривъ, взвѣсивъ, и исчисливъ, сказали-бы, что тутъ не съѣдешь, а мужички ѣздятъ, потому что объѣзжать кругомъ горы будетъ чуть не версту. Они не то, что ѣздятъ—имъ это рѣдко удается, они низвергаются вдругъ, и съ дровнями, и съ боченками, и съ лошадью—зимой быстро, въ одно мгновеніе, а лѣтомъ потише, но вскачь, такъ что лошадь съ размаха по-брюхо забѣжитъ въ воду. Въ другомъ мѣстѣ, въ маленькомъ городкѣ, я знаю большую гору, по которой извилинами идетъ между садами дорога вверхъ. По этой дорогѣ спустится или поднимется пустая телѣга весьма осторожно, или всадникъ, и то на такой лошади, которую въ три кнута на силу со двора сгонишь. Въ другихъ экипажахъ никто по этой горѣ никогда и не съѣзжалъ. Но одинъ купецъ, очень веселый человѣкъ, умный и слово-

охотливый, любившій попировать, тотъ, если позовутъ его на гору, на пиръ, вечеромъ спускался къ себѣ подъ гору, на возвратномъ пути, всегда по этой горѣ въ дрожкахъ и самъ правилъ. Утромъ, ѣдучи не съ пира, а изъ своей лавки, онъ возвращался по обыкновенной дорогѣ, и никогда не случалось, чтобъ Михей Евлампіевичъ (такъ звали купца) и конь не воротились домой, хотя частенько они возвращались порознь. Вотъ мнѣ и странно показалось, что ленскіе мужички обращаютъ вниманіе на такую мелочь, спускаютъ съ горъ на одномъ конѣ: ну, какъ бы не махнуть на тройкѣ! Впрочемъ я радъ за шею ближняго, и въ томъ числѣ за свою.

Многимъ нравится дорога, не какъ путешествіе, т. е. наблюденіе нравовъ, перемѣна мѣстъ и проч. а просто какъ дорога. Славно, говорятъ любители дороги, когда намерзнешься, заиндивѣешь весь и потомъ ввалишься въ теплую избу, наполнивъ холодомъ и избу, и чуланчикъ, и полати, и даже подъ лавку дунетъ холодъ, такъ что сидящіе по лавкамъ ребятишки подожмутъ голыя ноги, а котъ уйдетъ изъ подъ лавки на печку... Хозяйка, самоваръ! И пойдетъ суматоха. Да, какъ въ 35 градусовъ замерзнутъ брови и рѣсницы, отъ дыханія шарфъ *закуржавѣетъ* и примерзнетъ къ лицу, на шапкѣ замерзшее дыханіе обращается въ сосульки, которыя таютъ и каплютъ на лицо, тогда пожелаешь поскорѣе кончить дорогу.

Здѣсь идетъ правильный почтовый трактъ и весьма исправный, но дорога не торная, по причинѣ малой ѣзды. Проѣдетъ почта, или кто нибудь изъ служащихъ, и опять замолкнетъ надолго путь, а дорогу замететъ первымъ вѣтромъ. Приходится проѣзжему вновь прокладывать ее по снѣжнымъ буграмъ: отъ этого здѣсь дорога постоянно тяжела для лошадей. Ѣдутъ и рѣкой, гдѣ можно, лугами, островами и берегомъ. На одной станціи случается ѣхать по берегу, потомъ спуститься на протокъ Лены, потомъ переѣхать островъ, выѣхать на самую Лену, а съ нея опять на берегъ, въ лѣсъ. Иногда-же, напротивъ, ѣдешь по Ленѣ отъ станціи до станціи, любуешься то горами, то торосомъ, т. е. буграми льда, гдѣ Лена встала неровно; иногда видишь, въ одномъ мѣстѣ стоитъ паръ надъ рѣкой. «Что такое?» спросишь.—«Наледи» говорятъ, т. е. проступающая сквозь ледъ вода, или вытекающіе на ленскій ледъ горные ключи, вѣроятно, минеральные, которые иногда вовсе не замерзаютъ, можетъ быть, отъ

присутствія въ нихъ газовъ. Къ веснѣ, въ февралѣ и мартѣ, дорога по Ленѣ, говорятъ, очень хороша, укатана.

Какія развлеченія на такомъ длинномъ переѣздѣ?

Пріѣдешь на станцію: «скорѣй, скорѣй дай *кусочекъ* вина и *кружекъ* щей». Все это заморожено и везётся въ твердомъ видѣ; пельмени тоже, рябчики, которыхъ здѣсь множество, и другая дичь. Надо имѣть замороженный черный и бѣлый хлѣбъ. На станціяхъ есть молоко, кое-гдѣ яйца, мѣстами овощи, но на это нельзя разсчитывать. Жители, по малому числу проѣзжихъ, держатъ все это для себя или отправляютъ, если близко, на пріиски, которые много поддерживаютъ здѣшнія мѣста, доставляя работу.

Первые дни морозъ былъ ужъ очень силенъ. Высунешь на минуту руку поправить что нибудь—и пальцы озябнутъ до костей; дотронешься даже до дерева и то жжется, какъ желѣзо. На одной станціи я спросилъ, сколько считаютъ они градусовъ такого морозу. «Градусовъ пятьдесятъ, батюшка» сказала мнѣ старуха. Человѣкъ мой усмѣхнулся. «Градусовъ пятьдесятъ не бываетъ», сказалъ онъ. «И! родимый! у насъ и семьдесятъ бываетъ», отвѣчала она. «Когда же кончаются эти морозы?» — «А въ апрѣлѣ, кормилецъ; въ маѣ все таетъ, а ужъ въ іюнѣ въ половинѣ, и высохнетъ все». — «Какъ вы это живете тутъ?» спросилъ я. «Да мы ужъ *обнатуренные*», сказала она.

Хороши камельки или чувалы на станціяхъ и вообще въ юртахъ. Какъ войдешь съ морозу, охватитъ васъ и въ минуту согрѣетъ тепло, которое такъ и пышетъ отъ цѣлаго костра стоймя горящихъ полѣньевъ лиственницы.

Она лучше даже березы на дрова: славно горитъ и долго держитъ жаръ. Толпа крестьянъ, женщинъ, мальчишекъ въ минуту похватаютъ у насъ, кто шарфъ, кто шапку, рукавицы, и тотчасъ высушатъ, держа у камина. Тотъ вамъ подвигаетъ скамью, другой— стулъ. На станціяхъ большею частью опрятно, сухо и просторно; столы, лавки и кровати — все выстругано изъ чистаго бѣлаго дерева.

Все еще пустыня, все Лена! Я сейчасъ изъ лѣса: какъ онъ хорошъ, осыпанный, обремененный снѣгомъ! Столѣтнія сосны, ели, лиственницы толпятся группами, или разбросаны врозь. Взошелъ моло-

дой мѣсяцъ и освѣтилъ лѣсъ—чего тутъ нѣтъ? То будто женщина стоитъ на колѣняхъ, окруженная малютками и о чемъ-то умоляетъ: все это деревья и кусты съ нависшимъ снѣгомъ; то будто танцующія фигуры, то медвѣдь на заднихъ лапахъ; а мертвецовъ какая пропасть! Особенно, когда заснешь — бѣда: у шапки образуются сосульки и идутъ къ бровямъ, отъ бровей другія къ рѣсницамъ, а отъ рѣсницъ къ усамъ и къ шарфу. Сквозь эту ледяную рѣшетку лѣсъ кажется совсѣмъ фантастическимъ. Пока я носился мыслью такъ далеко, повозка моя вдругъ засѣла въ ямѣ, въ вымерзнувшей рѣчкѣ: это яма изъ ямъ. Я вышелъ вонъ и сталъ на холмѣ. Лошади не могутъ вытащить. Тимоѳей совѣтовалъ бить передовыхъ лошадей (мы ѣхали гусемъ), я посовѣтовалъ запречь тройку рядомъ и ушелъ опять на холмъ; наконецъ ямщикъ нарубилъ кольевъ, и мы стали поднимать повозку сзади, а онъ кричалъ на лошадей: «Эй, ну—дружки, чтобъ васъ задавило, проклятые!» Но дружки ни съ мѣста. Къ счастью морозу было всего какихъ нибудь 31 градусъ.

Лена, Лена и Лена! но все еще пустая Лена; кое гдѣ на лугахъ видны большія кучи снѣгу—это стога сѣна; кое гдѣ три, четыре двора, есть хижины, буквально заваленныя снѣгомъ, съ отверстіями т. е. окошками, въ которыхъ вставлены льдины вмѣсто стеколъ; ничего, тепло, только на улицу ничего не видать. Въ другихъ избахъ, и это большею частью, окна затянуты бычачьими пузырями. На каждой станціи кучи ямщиковъ толпятся у экипажа. Деревеньки содержатъ гоньбу всѣмъ міромъ, т. е. съ каждаго мужика требуется пара лошадей. Всѣ ямщики ладятъ коней и толпой идутъ спускать съ горы. Двое везутъ.

Гончаровъ.

56. Зима.

Вотъ и зима. Трещатъ морозы.
На солнцѣ искрится снѣжокъ.
Пошли съ товарами обозы
По Руси вдоль и поперекъ.
Ползетъ, скрипитъ дубовый полозъ,
Рѣка ли, степь ли, нѣтъ нужды,

Вездѣ проложатся слѣды!
На мужичкѣ бѣлѣетъ волосъ,
Не веселъ онъ; идетъ-кряхтитъ,
Казну на холодѣ копи́тъ.

Никитинъ.

57. Морозъ.

Чу! съ двора стучится въ ставни:
Узнаю богатыря,
Здравствуй, другъ, пріятель давній,
Здравствуй чадо Декабря!
Дымъ изъ трубъ ползетъ лѣниво,
Снѣгъ подъ полозомъ визжитъ;
Солнце блѣдное спѣсиво,
Сквозь туманъ на міръ глядитъ!
Я люблю сей благодатный
Острый холодъ зимнихъ дней.
Сани мчатся. Кучеръ статный,
Окрыливъ лихихъ коней,
Бодръ и красенъ, кровь играетъ,
И окладисто-горда
Серебрится и сверкаетъ
Въ снѣжныхъ искрахъ борода!

Венедиктовъ.

58. Зимняя картина.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна,
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

Фетъ.

59. Зима.

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы,
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.

Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ,

Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Баратынскій.

60. Бѣлое море.

— Ну, вотъ, твоя милость, все ты пыталъ спрашивать: гдѣ море, гдѣ море? на, вонъ тебѣ и море!

И ямщикъ показалъ кнутовищемъ въ дальнюю сторону разстилавшагося впереди насъ небосклона. Первый разъ въ жизни приводилось мнѣ видѣть море, быть подлѣ него. Я спѣшилъ посмотрѣть по направленію руки ямщика; но на первый разъ увидѣлъ немногое: тускло и непривѣтливо глядѣло, по обыкновенію, сѣренькое архангельское небо и хотя на немъ на этотъ разъ, во всей своей яркости сіяло лѣтнее солнце, которое въ описываемую пору скрывалось подъ горизонтомъ на какіе-нибудь два-три часа, тѣмъ не менѣе близость моря почти была несомнѣнна. Въ воздухѣ чувствовалась та свѣжая, замѣтно крѣпкая, но пріятная прохлада, которая нѣсколько, но довольно слабо, можетъ напоминать ощущенія человѣка, вдругъ вышедшаго изъ густаго смолистаго лѣса въ жаркую лѣтнюю пору, на берегъ большаго болотистаго озера.

Рѣзкій довольно свѣжій вѣтерокъ, *морянка*, время отъ времени начиналъ вѣять въ лицо и даже замѣтно разгонялъ миріады комаровъ, охотно кучившихся въ лѣсной духотѣ. Но моря я еще не видалъ. Бѣлесоватая, широкая полоса, плотно слившаяся съ небосклономъ, могла впрочемъ казаться дальнимъ краемъ морской воды, и это не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію съ той поры, какъ на этой бѣлесоватой полосѣ далеко впереди показался бѣленькій парусокъ... Но ближняя часть моря еще закрыта была отъ насъ сосѣднимъ перелѣскомъ: видѣлся парусокъ, полоса на горизонтѣ—и только. Ближе къ намъ всетаки продолжали еще тянуться длинные густые ряды невысокихъ, плотно стоявшихъ одна отъ другой сосенъ и елей въ перемежку съ необъятно густыми, приземистыми и широкими кустами можжевельника. Ниже по землѣ, у самой окраины дороги, начиналось и тянулось въ лѣсную даль, черезъ кочки и мшины, безчисленное мно-

жество красныхъ кустовъ желтой морошки (ягоды), находившейся на этотъ разъ въ полномъ цвѣту, и зеленѣли кусты цѣпкой вороницы, всегда разбрасывающей свои длинныя вѣтви по голымъ и сухимъ мѣстамъ, каковы здѣшніе камни и подводныя *луды* (голые гранитные острова). Влѣво отъ насъ неоглядно въ даль краснѣло топкое болото, вплотную почти усыпанное той же морошкой и той же вороницей съ сверкающими кое гдѣ на солнцѣ лужами—и только...

Между тѣмъ, мы спускались подъ гору. Лѣсъ прекратился, и море, во всей своей неоглядной ширинѣ, лежало передъ нами, сверкающее отъ солнца, пустынное, безбрежное, на этотъ разъ гладкое, какъ стекло. Сливаясь вдали съ горизонтомъ, оно обозначилось въ этомъ мѣстѣ густо-черной, но узкой полосой, какъ бы свидѣтельствовавшей о томъ, что дальше ея глазъ человѣческій проникнуть уже не можетъ. Невозмутимая тишина по всей этой свѣтлой поверхности, неосмысленная ни единымъ знакомымъ признакомъ жизни, производила какое-то неисходное, тяжелое впечатлѣніе, еще болѣе усилившееся крикомъ чаекъ, которыя то поднимались, то опускались на огромный камень, краснѣвшій далеко отъ берега. Страшилъ на ту пору и этотъ лѣсъ, который мрачно потянулся впередъ и назадъ по берегу, и эта пустынность и одиночество вдали отъ селеній, вдали отъ людей, о бокъ съ громадною массою воды и дикою природою. Визгъ чаекъ начиналъ становиться едва выносимымъ...

Спустившись подъ гору, мы подъѣхали почти къ самой водѣ, направляясь по гладко-обмытому, какъ бы укатанному и еще мокрому песку; чуть не на колеса телѣги начали плескаться волны, которыя съ шумомъ отпрядывали назадъ, подсѣкаясь на возвратномъ пути другими, новыми. Я заговорилъ съ ямщикомъ.

— Что же у васъ дорога-то тутъ и идетъ подлѣ самой воды?

— Дорога *горой* пошла: да вишь, теперь *куйпога* (отливъ), а по ней ѣхать завсегда выгоднѣй; и кони не заматываются и твоей милости не обидно; *горой*-то смотри всего бы обломало.

Видимо, ѣхали мы подлѣ морской воды въ тотъ періодъ ея состоянія, когда отливъ унесъ ее вдаль отъ берега (въ голомя) и продолжалось еще то время, когда полая (прибылая) вода не неслась еще приливомъ къ берегу. Черезъ шесть, можетъ быть даже черезъ пять, четыре часа, то мѣсто, по которому мы ѣдемъ, на аршинъ покроется

водой... Для приморскаго жителя всѣ виды мѣстностей дѣлятся только на два рода: *море* и *гору*, и горой называетъ онъ высокій морской берегъ, и все что дальше отъ моря, хотя бы тутъ не было не только горы но даже и какого нибудь признака холма, пригорка и проч.

Вѣроятно поощренный моимъ вопросомъ, ямщикъ обратился ко мнѣ съ своимъ замѣчаніемъ. Растопыривши свою пятерню противъ вѣтра, къ сторонѣ моря, онъ говорилъ:

— Вѣдь оно у насъ такъ-то никогда не живетъ, чтобы спокойно стояло, какъ въ ведрѣ бы, примѣрно, али въ кадкѣ: все зыбитъ, все шевелится, все этотъ *колышенъ* въ немъ ходитъ, какъ вотъ и теперь бы взять. И нѣтъ ему такъ-то ни днемъ, ни ночью покою: изъ вѣковъ ужъ знать такое, съ той самой поры, какъ Господь Богъ его въ нашей сторонушкѣ проліялъ... А вотъ по осени у насъ пойдутъ вѣтра, ан, какъ оно разгуляется! *взводнишно* (волненіе) такой распуститъ, что безъ нужды-то большой и не суются... И вотъ гляди, твоя милость—продолжалъ онъ все тѣмъ же поучительнымъ тономъ, какимъ началъ, указывая своей пятерней на разстилавшееся подъ нашими ногами море: никакую дрянь эту наше море въ себѣ не держитъ, все выкидываетъ вонъ изъ себя: всѣ эти бревна, щепы тамъ что ли, все на берегъ мечетъ: чистоту блюдетъ!

И онъ показалъ при этомъ на ряды сухихъ сучьевъ, досокъ и тому подобнаго, рядами сбитые на прибрежный песокъ, по которому мы продолжали ѣхать все дальше влѣво...

— Вонъ, коли хочешь, поле-то наше, все оно тутъ на лицо! продолжалъ ямщикъ, опять указывая на море. Это поле и пахать не надо; само безъ тебя рожаетъ. Вонъ откуда мы хлѣбушко-то свое добываемъ, и не обижаетъ, ей Богу! Поведешь съ нимъ дѣло, безъ лихвы не выйдешь изъ него, ей Богу!

Мы повернули въ гору. Вода значительно прибывала, чѣмъ дальше тѣмъ больше. Волны морскія становились круче и отдавали глухимъ шумомъ, который такъ увлекателенъ былъ во всемъ этомъ безлюдьи. Есть гдѣ разгуляться и этому морю, и этому шуму, изъ-за котораго не слыхать уже было ни чаекъ, не видать уже было ни ладьи, ни сторожевыхъ карбасовъ.

Максимовъ.

61. Море.

Струится и блещетъ свѣтло, какъ хрусталь,
Лазурное море, огнистая даль
Сверкаетъ багрянцемъ, и вѣтеръ шумитъ
Попутный: легко твой корабль побѣжитъ.
Но кормчій, пускается весело въ путь,
Смотри ты: надежна ли мѣдная грудь,
Крѣпки-ль паруса корабля твоего,
Здоровы-ль дубовыя ребра его?
Вѣдь море лукаво у насъ: неравно
Смутится и вдругъ обуяетъ оно,
И страшною силой съ далекаго дна
Угрюмая встанетъ его глубина,
Расходится, будетъ кипѣть, бушевать
Сердито, свирѣпо и дастъ себя знать.

Языковъ.

62. Морское купанье.

Изъ бездны морской бѣлоглавая встала
Волна, и лучами прекраснаго дня
Блеститъ подвижная громада кристала,
И тихо качаясь, идетъ на меня;
Вотъ словно въ раздумьи она отступила,
Вотъ берегъ она подъ себя подкатила,
И выше сама поднялась и падетъ;
И громомъ, и пѣной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружитъ, и бросаетъ, и душитъ, и бьетъ...
И стихла. Мнѣ любо. Изъ грома, изъ пѣны
И холода легокъ и свѣжъ выхожу;
Живѣе мои выпрямляются члены;
Вольнѣе дышу, веселѣе гляжу
На берегъ, на горы, на свѣтлое море;

Мнѣ чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая жъ, какъ прежде была,
Во мнѣ встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распѣвать, красоваться готова,
Свободна, безпечна, рѣзва, удала.

Языковъ.

63. Кораблекрушенія.

Я убѣдился, что читать и слушать разсказы объ опасныхъ странствіяхъ гораздо страшнѣе, нежели испытывать. Говорятъ, и умирающему не такъ страшно умирать, какъ свидѣтелямъ смотрѣть на это. Потомъ, вникая въ устройство судна, въ исторію всѣхъ этихъ разсказовъ о кораблекрушеніяхъ, видишь, что корабль погибаетъ не легко и не скоро, что онъ до послѣдней доски борется съ моремъ и носитъ въ себѣ пропасть средствъ къ защитѣ и самохраненію, между которыми есть много предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ, что, лишась почти всѣхъ своихъ членовъ и частей, онъ еще тысячи миль носится по волнамъ въ видѣ остова и долго хранитъ жизнь человѣка. Между обреченнымъ гибели судномъ и разсвирѣпѣвшимъ моремъ завязывается упорная борьба: съ одной стороны слѣпая сила, съ другой отчаяніе и зоркая хитрость, указывающая самому крушенію совершаться постепенно, по правиламъ. Срѣжетъ ли ураганъ у корабля всѣ три мачты: кажется, какъ бы не погибнуть? Вѣдь это все равно, что отрѣзать возжи у горячей лошади, а между тѣмъ поставятъ фальшивыя мачты изъ запаснаго дерева—и идутъ. Оторвется ли руль: надежда спастись придаетъ изумительное проворство, и дѣлается фальшивый руль. Оказывается ли сильная пробоина, ее затягиваютъ на первый случай просто парусомъ, и отверстіе засасывается холстомъ и не пропускаетъ воду, а между тѣмъ десятки рукъ изготовляютъ новыя доски, и пробоина заколачивается. Наконецъ, судно отказывается отъ битвы и идетъ ко дну; люди бросаются на шлюпку и на этой скорлупѣ достигаютъ ближайшаго берега, иногда за тысячу миль.

На Нѣмецкомъ морѣ мы видѣли одно такое безнадежное судно. Мы сначала не знали, что подумать о немъ. Флага не было: оно не подняло его, когда мы требовали этого, поднявъ свой. Подойдя ближе,

мы не замѣтили никакого движенія на немъ. Накопецъ поѣхали на шлюпкѣ къ нему—на немъ ни одного человѣка: судно было брошено на гибель. Трюмъ постоянно наполнялся водою; и еслибъ мы остались тутъ, то вѣроятно къ концу дня увидѣли бы, какъ оно погрузится на дно. Видите ли, сколько времени нужно и безнадежному судну, чтобы потонуть... къ концу дня! А оно уже было лишено своего разума и воли т. е. людей, и слѣдовательно перестало бороться. Оно гибло безотвѣтно. Носовая его часть опустилась: печальная картина, какъ картина агоніи...

Вбѣжитъ иногда въ капитанскую каюту вахтенный (очередный на палубѣ) и тревожно скажетъ: «купецъ наваливается, ваше высокоблагородіе!» Книги, обѣдъ все бросается, бѣгутъ наверхъ. Въ самомъ дѣлѣ купеческое судно, называемое въ морѣ коротко *купецъ*, для отличія отъ военнаго, сбитое теченіемъ или отъ неумѣнья править, такъ и ломитъ или на носъ или на корму, того и гляди стукнется, повредитъ какъ нибудь и не перечтешь, сколько надѣлаетъ вреда себѣ и другимъ. Начинается крикъ, шумъ, угрозы, съ одной стороны порусски, съ другой отвѣты и оправданія поголландски, или поанглійски, понѣмецки. Другъ друга въ суматохѣ не слышатъ, не понимаютъ, а кончится всетаки тѣмъ, что расцѣпятся и все смолкнетъ: корабль нѣмъ и недвижимъ опять. Завидятъ ли огни ночью— еще больше тревоги. На бдительность купеческихъ судовъ надѣяться нельзя. Тамъ все принесено въ жертву экономіи, отъ этого людей на нихъ мало, рулевой большею частію одинъ; нельзя понадѣяться, что ночью онъ не задремлетъ надъ колесомъ и не прозѣваетъ встрѣчныхъ огней. Столкновеніе двухъ судовъ ведетъ за собою неминуемую гибель одного изъ нихъ, меньшаго непремѣнно, а иногда и обоихъ. Отъ этого всегда поднимается гвалтъ на суднѣ, когда завидятъ идущіе на встрѣчу огни: кричатъ, бьютъ въ барабанъ, жгутъ бенгальскіе огни, и если судно не мѣняетъ своего направленія, палятъ изъ пушекъ. Это особенно пріятно, когда многіе спятъ по каютамъ и не знаютъ въ чемъ дѣло, а тутъ вдругъ раздается трескъ, отъ котораго дрогнетъ корабль. Но и къ этому привыкаешь.

Гончаровъ.

64. Пловецъ.

Вотъ мрачится
Сводъ лазурный!
Вотъ крутится
Вихорь бурный!
Вѣтеръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ—
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!
Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный,
Все страшнѣе
Воютъ бездны!
Глубь безъ дна!
Смерть вѣрна!
Какъ заклятый
Врагъ грозитъ,
Вотъ девятый
Валъ бѣжитъ!

Горе, горе!
Онъ настигнетъ:
Въ шумномъ морѣ
Челнъ погибнетъ!
Гробъ готовъ!
Трескъ громовъ
Надъ пучиной
Ярыхъ водъ
Вздохъ пустынно
Разнесетъ.
Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный!
Все страшнѣе
Воютъ бездны!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ—
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ.

Полежаевъ.

65. Корабль.

Люблю смотрѣть на сине море
Въ тотъ часъ, какъ съ края въ край на волновомъ просторѣ,
Гроза рокочетъ и реветъ;
А побѣдитель волнъ, громовъ и непогодъ
И смѣлъ, и гордъ своею славой,
Корабль въ даль бурныхъ водъ уходитъ величаво.

Языковъ.

66. Въ бурномъ морѣ.

Мы плыли все еще между островами, хотя и послѣдними, и все-таки попрежнему на греблѣ; вѣтеръ установился сначала въ южный,

потомъ перебѣжалъ, перемѣнился на западъ. Но оба, легкимъ дуновеніемъ, незамѣтно располагали ко сну, на этотъ разъ и монотонно затянутая кормщикомъ пѣсня послужила для послѣдняго занятія хорошимъ, благопріятнымъ подспорьемъ. Я, убаюканный всѣмъ этимъ и легкимъ покачиваньемъ карбаса на легкихъ волнахъ, заснулъ. Просыпаюсь: чувствую ознобъ и холодъ, который, вѣроятно, и разбудилъ меня; вижу обручья будки, слышу ужасный шумъ и свистъ, въ которыхъ ничего нельзя разобрать; смотрю впередъ — гребцы положили весла, подняли свои косые паруса, и вмѣсто того, чтобы спать по обыкновенію, молча, сидятъ на своихъ мѣстахъ, закутавшись въ полушубки. Дѣйствительно, холодная, проницающая сырость наполняла и мою будку; холодно было и мнѣ, одѣтому однако не совсѣмъ полѣтнему. Неопредѣленность эта, торжественность молчанія сосѣдей, на первыхъ минутахъ пробужденія, подѣйствовали какъ-то смутно, тяжело. Мнѣ сдѣлалось безсознательно страшно.

— Въ чемъ, братцы, дѣло? спросилъ я.

Отвѣта не было. Я обратился къ кормщику, но и тотъ молчалъ. Неопредѣленный страхъ мой усилился. Я настаивалъ таки на своемъ и опять опросилъ кормщика.

— Пылко больно! отвѣчали они мнѣ сердито и неохотно.

— Какой вѣтеръ?

— Полупошникъ.

Въ словахъ этихъ представилось мнѣ столько ужаса и двусмысленности, что, помнится, сердце облилось кровью и какъ будто перестало биться. Съ такою же безсознательностью я позволилъ себѣ, нѣсколько оправившись, другое движеніе—вонъ изъ будки. Страхъ мой былъ не напрасенъ: море буквально кипѣло котломъ; высокія волны бороздили его справа и слѣва, вѣтеръ свистѣлъ невыносимо. Дальнее море въ туманномъ мракѣ слилось уже съ хмурымъ небомъ, затянутымъ въ свою очередь черными тучами безъ просвѣта, какъ въ глухую осеннюю *волчью* ночь.

Мы были на половинѣ пути, въ самой срединѣ Кандалажской губы. Вѣтеръ ходилъ здѣсь свободно, безъ препятствій, безъ остановокъ; здѣсь онъ былъ полный и неограниченный властелинъ и хозяинъ; надо было крайнее умѣнье, чтобы бороться своимъ умомъ и толкомъ съ его враждебными порывами. Мнѣ дѣлалось уже оконча-

тельно страшно и привелось даже пожалѣть о томъ, что холодъ разбудилъ меня прежде времени. Лучше было бы проснуться въ то время, когда карбасъ миновалъ всѣ опасности, а не теперь, когда она на носу, когда отъ нея никуда не спрячешься, когда на десять верстъ впередъ, на десять верстъ назадъ нѣтъ ни одной хоронушки, ни одного становища, хоть бы одинъ островокъ, хоть бы одна скала даже и на полъ-аршина надъ водою. Кипѣвшее море, постепенно крѣпчавшій вѣтеръ ужасомъ обдавали попрежнему сердце и нагоняли мрачныя и страшныя мысли. Я спрятался опять подъ будку, хотѣлъ заснуть—не могъ; масса разныхъ воспоминаній путалась въ головѣ безъ связи, безъ порядка, но такъ въ то же время быстро и своеобразно, что трудно было услѣдить за мыслями...

Обливши меня щедро брызгами, волна плеснула въ грудь и лица гребцовъ и заставила одного изъ нихъ нарушить его упорно сдерживаемое молчаніе.

— Ишь, лѣшая, плескается! успѣлъ онъ однозвучно выговорить и опять замолчалъ.

Молчаніе это продолжало меня томить и возмущать душевный покой попрежнему. Попрежнему проходили въ головѣ новыя воспоминанія, быстро погоняя одно другое. Но одна мысль о томъ, что мы, во всякомъ случаѣ, ѣдемъ по морю, которое имѣетъ здѣсь сто саженъ глубины, опережала всѣ прочія. Не желалъ бы выходить изъ будки въ другой разъ, чтобы, не видя воочію опасности, спокойнѣе выждать благополучный и, пожалуй ужъ, и не благополучный исходъ ея, если того требуетъ судьба и житейская случайность. Набѣжитъ волна, подхватитъ нашъ карбасъ, явится ей немедленно другая волна на подмогу: разобьютъ они сообща не плотно-шитое суденко наше; разломятъ его на двѣ, на три, на четыре части, увлечетъ насъ собственная наша тяжесть на этихъ осколкахъ судна, между тѣми же осколками, на самое дно, гдѣ и холодно, гдѣ и темно, и гдѣ, наконецъ, вѣрная смерть—всегда мрачный, хладнокровный, безнадежный, неумолимый врагъ! Плыть отъ врага этого—не уплывешь: самый ближній берегъ чуть виденъ, и волны ходятъ такія крутыя и высокія, съ которыми и могутъ бороться одни только суда, затѣмъ выстроенныя, на то приспособленныя цѣлыми вѣками, не однимъ десяткомъ умовъ. Нѣтъ, тяжело умирать такой смертью, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни привѣту, ни

отвѣту, вдали отъ людей, вдали отъ родной семьи, вдали отъ искренних!..

— Слушай, Васька! на берегъ прiѣдемъ, нос и уши обрублю; вѣрь ты моему слову не лестному! кричалъ кормщикъ гребцу-лопарю, и какъ будто уже замѣтно болѣе спокойнымъ голосомъ. Онъ былъ такъ щедръ на слова, что, казалось, въ душѣ его затихла буря: онъ какъ будто не сердится уже на свое ремесло, а съ любовiю, крѣпко налегши на руль и внимательно устремивши глаза свои впередъ на дальнiй берегъ, что-то высматриваетъ честно безропотно, и, хотя молча, но справляетъ свою обязанность. Съ нимъ, казалось мнѣ, уже можно было заговорить и не разсердить его.

— Что не страшно теперь? доѣдемъ?

— Что страшно? Чего доѣдемъ? извѣстно доѣдемъ... Сидѣлъ бы, твоя милость, подъ будкой; а то на будкѣ то сидя, мѣшаешь, заслоняешь, не видно! отвѣчалъ онъ рѣзко, но опять таки спокойнѣе и не съ-сердцовъ.

Онъ опять замолчалъ, опять крѣпко налегъ на руль и то повернетъ его вправо, то отдастъ немного назадъ, и опять двигаетъ головой по сторонамъ, что-то сосредоточенно, внимательно высматриваетъ. Опять кричитъ на помощниковъ:

— Отдай, Гришка, кливера (косой треугольный парусъ), рулю тяжело, скорѣй. Ужо вотъ я васъ... шевелись! Набѣжитъ бойчѣе волна, рулю тяжело, руки то у меня не каменныя, жильныя, чай, саднѣетъ ужъ!... Ну живѣй! стрѣлья бы вамъ въ спину обоимъ!..

Кажется мнѣ, невольно ухватившемуся за его мысль, что слова эти были справедливы и брань сыпалась по заслугамъ. Какъ будто нарочно, медленно, не живо брались гребцы за свое дѣло, какъ будто бы мертвымъ узломъ крѣпили они веревки, и вотъ, того и гляди, вырвется бичевка изъ рукъ, начнетъ хлестаться на водѣ. Набѣжитъ въ это время волна, неумѣющая медлить и пережидать лѣниваго; но кормщикъ молчалъ: стало быть все хорошо. Мысль объ опасности пропала окончательно; даже весело было смотрѣть, какъ одна волна, набѣгая страшной горой на самый карабасъ, готовая залить его, ломалась подлѣ борта, словно нагибалась тутъ и проходила подъ судномъ на правую сторону уже неопасною, уже побѣжденною, а потому и покорною. Новая, такая же высокая, такая же страшная,

точно также съ тѣмъ же шумомъ вздымалась налѣво отъ насъ, точно также опускалась и проходила подъ карабасъ, легонько покачнувши его и отдавая свою пѣну назадъ, на новыя волны, которыхъ постигала та же участь. Весело было смотрѣть въ это время на всю эту игру расходившагося взводня (волненія), весело было встрѣчать всѣ другія, новыя волны и слѣдить за ними на другой сторонѣ за карабасомъ, который продолжалъ тянуть за собою свѣтящійся, свободный отъ пѣны слѣдъ все больше и дальше. Вдали, въ крайней дали, едва досягаемой взглядомъ, неугомонныя волны заметали этотъ слѣдъ, уничтожали его навсегда, какъ лишній, безполезный, обидный признакъ побѣды усталаго суденка-щепки, но выстроеннаго для борьбы этой и этой побѣды человѣкомъ и для человѣка...

Между тѣмъ вѣтеръ, надувши наши паруса, продолжалъ крѣпчать; судно разсѣкало, рѣзало волны и быстро бѣжало впередъ, скоро успѣло подтянуть къ намъ острова, скоро бросило нѣкоторые изъ нихъ назади. Взводень оказался между островами этими дѣйствительно слабѣе и рыдалъ только тамъ, гдѣ оставался между островами свободный проходъ для вѣтра, свободный проходъ въ море. Наконецъ, и послѣдніе острова остались назади; мы ѣхали рѣкой Кавдой между затопленными судами, между избами; слышался давно знакомый шумъ пороговъ, который какъ будто, на этотъ разъ, разносился еще сильнѣе, еще рѣзче. Но вотъ уже карабасъ нашъ привязанъ; мы на берегу и въ теплой комнатѣ; передо мною кормщикъ держитъ руки, всѣ окровавленныя, всѣ имѣвшія поразительно непріятный, отталкивающій видъ, и проситъ на водку гривенникъ для косушки, простосердечно давая этому гривеннику огромное значеніе десяти рублей серебромъ.

— А, вѣдь страшно было ѣхать! замѣтилъ я ему.

— Чего страшнаго; этакъ ли еще бываетъ? отвѣчалъ онъ прежнимъ своимъ равнодушнымъ голосомъ и съ прежнимъ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Ну да, однако, и съ нами хорошо было?

— Хорошо-то хорошо!.. Страшно было! два раза чуть не опружило (залило); а все вотъ эти черти...

И онъ указалъ на гребцовъ.

— Что-же ты съ ними сдѣлаешь?

— А что съ ними сдѣлать? далъ ты намъ большія деньги—пойдемъ, выпьемъ вмѣстѣ за твое здоровье. Да надо-же будетъ и намъ переждать здѣсь: вѣтеръ-отъ теперь противнякъ на Терской берегъ...

— А я могу ѣхать дальше?

— Отчего не ѣхать? можешь; а лучше бы, кабы и ты переждалъ; не ровенъ, вѣдь, часъ!..

Двое сутокъ тянулъ потомъ крѣпкій сѣверо-востокъ и держалъ меня въ селѣ Ковдѣ, не пуская съ мѣста. Каждый разъ, какъ ни пошлешь посмотрѣть на море, приносился одинъ отвѣтъ:

— Пыль, пыль, страшная пыль на морѣ; вода словно мыломъ налита.

— Спасъ тебя Богъ на этотъ разъ, нечего въ другой разъ смерти пытать. Кормщикъ-отъ у тебя былъ золотой человѣкъ, этакихъ-то по всему поморью только только три и есть и всѣхъ по именамъ знаютъ: малаго ребенка спроси объ Иванѣ Архиповѣ. Съ этимъ человѣкомъ можно горе горевать: другой на такомъ взводнищѣ; да на такомъ крутомъ вѣтрѣ, пожалуй, безотмѣнно бы пустилъ тебя рыбу ловить.

С. Максимовъ.

67. Пѣсня Балтійскимъ водамъ.

Пою васъ, балтійскія воды! вы краше
 Другихъ, величайшихъ морей;
Лазурно-широкое зеркало ваше
 Свободнѣе, чище, свѣтлѣй:
На немъ не крутятся огромныя льдины,
 Въ щепы разбивая суда;
На немъ не блуждаютъ холмы и долины
 И горы полярнаго льда;
Въ немъ нѣтъ плотоядныхъ и лютыхъ чудовищъ
 И мерзостныхъ гадовъ морскихъ;
Но много прелестныхъ и милыхъ сокровищъ:
 Приволъ янтарей золотыхъ
И рыбы вкуснѣйшей! Балтійскія воды!
 На вольной лазури своей
Носили вы часто въ старинные годы
 Станицы норманскихъ ладей;

Носили вы древле и грузы богатства
    На Русь изъ нѣмецкой земли,
Когда, согpаждане ганзейскаго братства,
    И Псковъ, и Новгородъ цвѣли;
И нынѣ вы носите грозные флоты:
    Не рѣдко въ строю боевомъ
Гуляютъ на васъ громовые оплоты
    Столицы, созданной Петромъ,
И тысячи, тьмы росписныхъ пароходовъ
    И всякихъ торговыхъ судовъ
Съ людьми и вещами всѣхъ царствъ и народовъ
    Изъ дальнихъ и ближнихъ краевъ.

Языковъ.

68. Буря на морѣ.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ и скрыли блистательный день;
И въ синюю бездну спустились глубоко
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь.
Но бездна морская уже негодуетъ,
Ей хочется свѣта и ропщетъ она
И скоро могучая встанетъ грозна,
Пространно и громко она забушуетъ.
    Великую силу уже поднимая,
Полки она строитъ изъ водныхъ громадъ,
И валъ-великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ;
И вотъ свои смуглыя лица нахмуря,
И бѣлые гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
И громъ загудѣлъ!.. Начинается буря!

Языковъ.

69. Смерчь.

Однажды я, въ изнеможеніи, сѣлъ въ первой каютѣ на диванъ и нечаянно заснулъ. Слышу крикъ, просыпаюсь—свѣтло! Спрашиваю, который часъ? шестой, говорятъ. «Зарядить пушку ядромъ!» кричитъ

вахтенный. Что это? кого тамъ? подумалъ я. Въ это время пришли съ вахты сказать, что видѣнъ пароходъ, не пароходъ, а Богъ знаетъ что. Я бросился наверхъ, вскочилъ на пушку, смотрю: близко, въ полуверстѣ, мчится на насъ въ самомъ дѣлѣ «Богъ знаетъ что»: черный крутящійся столбъ съ дымомъ, похожій, пожалуй и на пароходъ; но съ неба, изъ облака, тянется къ нему какая-то темная, узкая полоса, будто рукавъ, все ближе и ближе. «Готова ли пушка?» закричалъ вахтенный. «Готова!» отвѣчали снизу. Но явленіе начало блѣднѣть, разлагаться и вскорѣ, въ саженяхъ въ ста-пятидесяти отъ насъ, пропало безъ всякаго слѣда. Извѣстно, что смерчи или водяные столпы розбиваютъ ядрами съ кораблей, иначе они, налетѣвъ на судно, могутъ сломать мачту или изорвать паруса. Отъ ядра они разлетаются и разрѣшаются обильнымъ дождемъ. **Гончаровъ.**

70. Тропическое небо надъ моремъ.

Плывите скорѣй сюда и скажите, какъ назвать этотъ нѣжный воздухъ, который, какъ теплыя волны, омываетъ, нѣжитъ и лелѣетъ васъ, этотъ блескъ неба въ его фантастическомъ неописанномъ уборѣ, эти цвѣта, среди которыхъ утопаетъ вечернее солнце? Океанъ въ золотѣ или золото въ океанѣ, багровый пламень; чистый, ясный, прозрачный, вѣчный, непрерывный пожаръ, безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоминающей землю. На этомъ пламенно-золотомъ, необозримомъ полѣ лежатъ цѣлые міры волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей—все изъ облаковъ. Вотъ смотрите громада исполинской крѣпости рушится медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастіонъ [1]), за нимъ валится другой; тамъ опустилась, подавляя собственный фундаментъ, высокая башня, и опять тихо отливается въ форму горы, острововъ, съ лѣсами, съ куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ уже таетъ и распадается, и на мѣсто его тихо воздвигся откуда-то корабль и повисъ на воздушной почвѣ; изъ огромной колесницы уже сложился станъ исполинской женщины; плеча еще цѣлы, а бока уже отпали и вышла голова верблюда; на нее напираетъ и поглащаетъ все собою рядъ солдатъ, не-

---

[1]) Выступъ въ укрѣпленіи.

сущихся цѣлымъ строемъ... Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидитъ-ли руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнія. Тихо, нѣжно и лѣниво ползутъ эти тонкіе и прозрачные узоры въ золотой атмосферѣ.

Пусть живописцы найдутъ у себя краски, пусть хоть назовутъ эти цвѣта, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса. Посмотрите: фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пурпуромъ; прошло мгновеніе и сквозь нея проступаетъ болѣзненно-зеленый, яшмовый оттѣнокъ: онъ въ свою очередь овладѣлъ небомъ. А за́мки башни, лѣса, розовые, палевые, коричневые, сквозятъ отъ послѣднихъ лучей быстро исчезающаго солнца, какъ освѣщенный храмъ... Вы недвижны, безмолвны, млѣете передъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ прощальнымъ лучемъ раздражаетъ нервы глазъ, но вы погружены въ туманѣ поэтической думы; вы не отводите взора; вамъ не хо́чется выйти изъ этого млѣнія, изъ нѣги покоя.

Очнувшись, со вздохомъ скажешь себѣ: ахъ, еслибъ всегда и вездѣ такова была природа, такъ-же горяча и такъ величаво и глубоко покойна! Еслибъ такова была и жизнь!.. Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще додумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ — звѣзды, звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный крестъ [1])! Темнота, какъ шапка, накрыла васъ: острова, башни, чудовища—все пропало. Звѣзды искрятся сильно, нескромно, дерзко, какъ будто спѣшатъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны; ихъ прибываетъ все больше и больше; онѣ проступаютъ сквозь небо. Та-же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди, и засіялъ вечерній пиръ. Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ. Опять, какъ вчера, она ищетъ въ огняхъ—разума, жадно читаетъ огненныя буквы и порывается туда... Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива и не туманна, какъ у насъ, а чиста, прозрачна, какъ хрусталь, гордо сіяетъ бѣлымъ блескомъ. Хлынулъ по морю и по небу ея пронзительный свѣтъ; она усмирила дерзкое сверканье звѣздъ и воцарилась кротко и вели-

---

[1]) Созвѣздіе.

чаво до утра. А океанъ, вы думаете заснулъ? Нѣтъ: онъ кипитъ и сверкаетъ пуще звѣздъ. Подъ кораблемъ разверзается пучина пламени, съ шумомъ вырываются потоки золота, серебра и раскаленныхъ углей. Вы ослѣплены, оглушены, объяты сладкими творческими снами... вперяете неподвижный взглядъ въ небо... Гончаровъ.

71. Звѣзды.

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь—
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась,
Я думалъ... не помню, что думалъ;
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ. Фетъ.

72. Мѣсяцъ.

Мерцаютъ звѣзды. Городъ сонный,
Какъ будто вымеръ, такъ онъ тихъ!
Сквозь сумракъ камни мостовыхъ
Бѣлѣютъ смутно. Мѣсяцъ полный
Свободу далъ своимъ лучамъ:
По крышамъ лазятъ, по стѣнамъ;
Одинъ въ окно слезу подмѣтитъ;
Другой какъ хитрый чародѣй,
Въ тюрьму проникнетъ безъ ключей
И цѣпь колодника освѣтитъ,
Неслышно церковь навѣститъ,
Окладъ иконъ посеребритъ;
Не зная страха и запрета,
Войдетъ въ алтарь, осмотритъ полъ,
Скорбящій ликъ Владыки свѣта,
И дерзко ляжетъ на престолъ.
Иль въ чащу сада проберется,
По темной зелени блеснетъ,

Росинку на листѣ найдетъ,
Росинка искрою зажжется.
Порой по улицѣ пустой
Безсонный сторожъ молча ходитъ
И въ доску бьетъ, и эхо вторитъ;
Тѣнь позади на мостовой
Махаетъ, какъ и онъ, рукой,
И снова тихо... звѣздъ сіянье
Такъ чудно! Вдругъ въ лицо пахнетъ.
Что это? Вѣтерка дыханье,
Иль духа горняго полетъ?

Никитинъ.

73. Ночное море.

Какъ хорошо ты, о море ночное!
Здѣсь лучезарно, тамъ сизо-черно!
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,
Ходитъ и дышитъ, и блещетъ оно.
    На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ...
    Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
    Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая;
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты...

Тютчевъ.

74. Буря (Аквилонъ).

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь,
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?
Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался;
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ непадмной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой:
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.

Пушкинъ.

75. Гроза дорогой.

Не охотно и не смѣло
Солнце смотритъ на поля...
Чу! за тучей прогремѣло,
Принахмурилась земля.
    Вѣтра теплаго порывы,
    Дальній громъ и дождь порой...
    Зеленѣющія нивы
    Зеленѣе подъ грозой.
Вотъ пробилась изъ-за тучи
Синей молніи струя;
Пламень бѣлый и летучій
Окаймилъ ея края.
    Чаще капли дождевыя,
    Вихремъ пыль летитъ съ полей,
    И раскаты громовые
    Все сердитѣй и смѣлѣй.
Солнце разъ еще взглянуло
Изъ-подлобья на поля —
И въ сіяньи потонула
Вся смятенная земля.

Тютчевъ.

76. Ураганъ.

Надо знать, что еще въ Гонгъ-Конгѣ и китайцы, и европейцы говорили намъ, что въ этотъ годъ поджидается ураганъ, что ураганов не было уже года четыре. Ураганъ можно опредѣлить такъ: это такой вѣтеръ, который большія военныя суда, купеческіе корабли, пароходы, лодки и все, что попадается на морѣ, иногда и самое море кидаетъ на берегъ; а крыши, стѣны домовъ, деревья, людей и все, что попадается на берегу, иногда и самый берегъ кидаетъ въ

море. Съ нами ничего подобнаго этому не случилось, впрочемъ, можетъ быть, оттого, что не было близко берега. Поэтому вѣтеръ кидалъ лишь по морю, игралъ нами, какъ тигръ цыпленкомъ: схватитъ, ударитъ съ яростью о волны, поставитъ бокомъ. . . . тутъ бы на дно, а онъ перекинетъ на другой бокъ, подниметъ и поставитъ на минуту прямо, потомъ ударитъ сверху и погрузитъ судно въ хлябь; волны вытолкнутъ его назадъ, а вѣтеръ заревѣтъ, закружится около, застонетъ, засвиститъ, обрызжетъ и обольетъ корабль облакомъ воды, вырветъ парусъ и торжествующій понесется по необозримому, мрачному пространству, гоня воду, какъ прахъ. Однако ничего важнаго не могъ онъ сдѣлать. Китайцы называютъ ураганъ «тайфунъ», т. е. сильный вѣтеръ, а мы измѣнили это слово въ тифонъ.

Стало быть всего лучше уходить въ море? сказалъ я негоціанту-нѣмцу, который грозилъ намъ ураганомъ.

— Богъ спаетъ, гдѣ лучше! отвѣчалъ онъ.

Послѣдній разъ, во время урагана, потонуло до восьмидесяти судовъ въ морѣ, а на берегу опрокинуло цѣлый домъ и задавило пять человѣкъ; въ гонъ-конгской гавани погибло безъ счета лодокъ и съ ними до ста человѣкъ.

Гончаровъ.

77. Морская качка.

Океанъ не забылъ про насъ. Къ вечеру стало покачивать. Ну, что за важность? пусть немного и покачаетъ, на то и океанъ. Странно, даже досадно было бы, еслибъ дѣло обошлось такъ тихо и мирно, какъ гдѣ нибудь въ Финскомъ заливѣ. Къ чаю надо было уже положить на столъ рейки, т. е. поперечныя дощечки, а то чашки, блюдечки, хлѣбъ и прочее ползло то въ одну, то въ другую сторону. Да и самимъ неловко было сидѣть за столомъ: сосѣдъ *навалился* на сосѣда. Начались обыкновенныя явленія качки: вдугъ дверь отворится и съ шумомъ захлопнется; въ каютахъ то тамъ, то здѣсь что нибудь со стукомъ упадетъ со стола или сорвется со стѣны, выскочитъ изъ шкапа и со звономъ разобьется — стаканъ, чашка, а иногда и самъ шкапъ зашевелится; а тамъ вдругъ, слышишь, сочится гдѣ-то сквозь стѣну струя и падаетъ

дождемъ на что случится, безъ разбора — на столъ, на диванъ, на голову кому нибудь. Сначала это возбуждало шутки. Смѣшно было смотрѣть, когда кто нибудь пойдетъ въ одинъ уголъ а его отнесетъ въ другой: никто не ходилъ какъ слѣдуетъ, все притоптывая. Юность рѣзвилась, каталась изъ угла въ уголъ, какъ съ горъ. Вѣстовые бѣгали то туда, то сюда на шумъ упавшей вещи, съ тѣмъ, чтобъ поднять уже черепки. Сразу не примешь всѣхъ мѣръ противъ непріятныхъ случайностей. Эта качка напоминала мнѣ пока наши похожденія въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ—не больше. Не привыкать уже было засыпать подъ размахи койки взадъ и впередъ, когда голова и ноги постепенно поднимаются и опускаются. Я кое какъ заснулъ, и то съ грѣхомъ пополамъ; но не одинъ разъ будилъ меня стукъ, топотъ людей, суматоха съ парусами. Едва станешь засыпать — во снѣ вѣдь другая жизнь, стало быть, другія обстоятельства — кругомъ знакомыя лица; говоришь, слушаешь музыку — вдругъ хаосъ—лица искажаются въ какіе-то призраки; полуоткрываешь сонные глаза и видишь, не то во снѣ, не то на яву, половину фортепіано и половину скамьи; на картинѣ, вмѣсто женщины, очутился часовой; раздался внезапный трескъ, звонъ— очнешься—что такое? ничего: заскрипѣлъ трапъ, хлопнула дверь, упалъ графинъ, или кто нибудь вскакиваетъ съ постели и бранится облитый водою, хлынувшей прямо на тюфякъ. Утомленный, заснешь опять: вдругъ ударъ, точно подземный, такъ что сердце дрогнетъ— проснешься: ничего—это поддало въ корму, т. е. ударило волной... И такъ до утра: все еще было сносно, не болѣе того, что мы уже испытали прежде. Но утромъ стало посерьезнѣе. «Буря», сказали бы вы, а мои товарищи называли это очень свѣжимъ вѣтромъ. Я пробовалъ пойти на верхъ или на улицу, какъ я называлъ верхнюю палубу; но ходить было нельзя. Я постоялъ, посмотрѣлъ, какъ море вдругъ скроется изъ глазъ совсѣмъ подъ фрегатъ, и передъ вами палуба стоитъ стоймя, то вдругъ скроется палуба, и вмѣсто нея очутится стѣна воды, которая такъ и лѣзетъ на насъ; но не бойтесь: она сейчасъ опять спрячется, только держитесь обѣими руками за что нибудь. Оно красиво, но однообразно... Я воротился въ общую каюту. Трудно было и обѣдать: чуть зазѣваешься, тарелка наклонится, и ручей супа быстро потечетъ по столу до тѣхъ поръ,

пока обратный толчокъ не погонитъ его пазадъ. Мнѣ ужъ становилось досадно: дѣлать ничего нельзя, даже читать. Сидя-ли, лежа-ли, а все надо думать о равновѣсіи, упираться то ногой, то рукой. Вечеромъ я лежалъ на кушеткѣ у самой стѣны, а напротивъ была софа, устроенная кругомъ мачты, которая проходила чрезъ каюту внизъ. Вдругъ поддало, т. е. шальной или, пожалуй девятый валъ ударилъ въ корму. Всѣ ухватились, кто за что могъ. Я, прежде нежели подумалъ объ этой предосторожности, вдругъ почувствовалъ, что кушетка отдѣлилась отъ стѣны, а я отдѣляюсь отъ кушетки. «Куда»? мелькнулъ у меня вопросъ въ головѣ, а за нимъ и отвѣтъ: «на круглую софу». Я такъ и сдѣлалъ; распростеръ руки и преспокойно перевалился на мягкія подушки круглой софы; присутствовавшіе сначала подумали, не ушибся ли я, и увидя, что нѣтъ, расхохотались. Но смѣяться на морѣ безнаказанно нельзя: кто-нибудь тутъ-же пойдетъ по каютѣ, его повлечетъ наклонно по полу; онъ не успѣетъ наклониться и, смотришь, пріобрѣлъ шишку на головѣ; другого плечомъ ударило о косякъ двери, и онъ начинаетъ бранить Богъ знаетъ кого.

Скучное дѣло качка; всѣ недовольны; нельзя какъ слѣдуетъ читать, писать, спать; видны также блѣдныя, страдальческія лица. Порядокъ дня и ночи нарушенъ, кромѣ собственно-морскаго порядка, который, напротивъ, усугубленъ; но за то обѣдъ, ужинъ и чай становятся какъ будто постороннимъ дѣломъ. Занятія, бесѣды нѣтъ... просто нѣтъ житья.

Вотъ вѣтеръ уже превратился въ крѣпкій и жестокій, какого еще у насъ не было. Всѣ полупортики, люминаторы [1]) были на глухо закрыты, верхніе паруса убраны, пушки закрѣплены, чтобъ не давили тяжестью своею борта. Я не только стоять, да и сидѣть уже не могъ, если не во что было упираться руками и ногами. Кое какъ добрался я до своей каюты, въ которой не былъ со вчерашняго дня, отворилъ дверь и не вошелъ—всѣ эти термины теряютъ значеніе въ качку—былъ втиснутъ толчкомъ въ каюту и старался удержаться на ногахъ, упираясь кулаками въ обѣ противоположныя стѣны. Я ахнулъ: платье, бѣлье, книги, часы, сапоги, всѣ мои письменныя принадлежности, которыя я было расположилъ такъ акуратно по ящикамъ бюро—все это

[1]) Или иллюминаторы—толстое стекло, вставляемое въ палубу и въ борты судовъ для свѣта.

въ кучѣ валялось на полу и при каждомъ толчкѣ металось то направо, то налѣво. Ящики выскочили изъ своихъ мѣстъ, щетки, гребни, бумаги, письма—все ѣздило по полу, въ перегонку, что скорѣе скакнетъ въ уголъ, или оттуда на середину.

Качка усиливалась. Изъ обоихъ оконъ мнѣ видно было море. Что за безобразіе, или, пожалуй, что за красота! «Буря—прекрасно! поэзія!» скажете вы въ ребяческомъ восторгѣ. «Какая буря—свѣжій вѣтеръ!» говорятъ вамъ. Можетъ-быть, оно и поэзія, если смотрѣть съ берега, но быть героемъ этого представленія, которымъ природа время отъ времени угощаетъ плавателей, право, не занимательно. Сами посудите, что тутъ хорошаго?

Огромные холмы съ бѣлымъ гребнемъ, съ воемъ толкая другъ друга, встаютъ, падаютъ, опять встаютъ, какъ будто толпа вдругъ выпущенныхъ на волю бѣшеныхъ звѣрей дерется въ остервенѣніи, только брызги какъ дымъ поднимаются, да стонъ носится въ воздухѣ. Фрегатъ взберется на голову волны, дрогнетъ тамъ на гребнѣ, потомъ упадетъ на бокъ и начинаетъ скользить съ горы, спустившись на дно между двухъ бугровъ; выпрямится, но только затѣмъ, чтобъ тяжело перевалиться на другой бокъ и лѣзть вновь на холмъ. Когда онъ опустится внизъ, по сторонамъ его вздымаются водяныя стѣны. Въ каютѣ лампы, картины, висячій барометръ вытягивались горизонтально. Нѣсколько стульевъ повольничали было, оторвались отъ своихъ мѣстъ и полетѣли въ уголъ, но были пойманы и привязаны опять. Какія бы однако ни были взяты предосторожности противъ паденія разныхъ вещей, но почти при всякомъ толчкѣ что-нибудь да найдетъ случай вырваться: или книга свалится съ полки, или куча бумагъ, карта поползетъ по столу и тутъ же захватитъ по дорогѣ чернильницу, или подсвѣчникъ. Вечеромъ разъ упала зажженная свѣча и прямо на карту. Я былъ въ каютѣ одинъ, всталъ, хотѣлъ подбѣжать, но неодолимая тяжесть гнула меня къ полу, а свѣча вспыхивала сильнѣе, вотъ, того и гляди, вспыхнетъ и карта. Я ползкомъ подобрался къ ней и кое какъ поставилъ на свое мѣсто.

Сначала качка наводитъ съ непривычки страхъ. Когда судно катится съ вершины волны къ ея подножію и переходитъ на другую волну, оно дѣлаетъ такой размахъ, что кажется, сейчасъ разсыплется въ дребезги; но когда убѣдишься, что этого не случится, тогда дѣ-

лается скучно, досадно; досада превращается въ озлобленіе, а потомъ въ уныніе. Время идетъ медленно: его измѣряешь не часами, а ровными, тяжелыми размахами судна и глухими ударами волнъ въ бока и корму. Это не тихое чувство покорности, а чистая злоба, которая пожираетъ васъ, портитъ кровь, печень, желудокъ, производитъ желчь. Во рту сухо, языкъ горитъ. Нѣтъ ни аппетита, ни сна; ѣшь, чтобъ какъ-нибудь наполнить праздное время и пустой желудокъ; не спишь, потому что не хочется спать, а забываешься отъ утомленія въ полудремотѣ, и въ этомъ состояніи опять носятся надъ головой уродливыя грезы, опять галлюцинаціи: знакомые являются какъ миѳологическіе боги и богини.

Гончаровъ.

78. Степь.

Вы собрались въ отъѣзжее поле, въ степь. Верстъ десять пробирались вы по проселочнымъ дорогамъ—вотъ наконецъ большая. Мимо безконечныхъ обозовъ, мимо постоялыхъ дворпковъ съ шипящимъ самоваромъ подъ навѣсомъ, раскрытыми настежь воротами и колодеземъ, отъ одного села до другаго, черезъ необозримыя поля, вдоль зеленыхъ коноплянниковъ, долго-долго ѣдете вы. Сороки перелетаютъ съ ракиты на ракиту; бабы съ длинными граблями въ рукахъ бредутъ въ поле, прохожій человѣкъ въ поношенномъ нанковомъ кафтанѣ, съ котомкой за плечами, плетется усталымъ шагомъ; грузная помѣщичья карета, запряженная шестерикомъ рослыхъ и разбитыхъ лошадей, плыветъ вамъ на встрѣчу. Изъ окна торчитъ уголъ подушки, а на запяткахъ на кулькѣ, придерживаясь за веревочку, сидитъ бокомъ лакей въ шинели, забрызганный до самыхъ бровей. Вотъ уѣздный городокъ съ деревянными кривыми домишками, безконечными заборами, купеческими, необитаемыми, каменными строеніями, стариннымъ мостомъ надъ глубокимъ оврагомъ... Далѣе, далѣе... Пошли степныя мѣста. Глянешь съ горы—какой видъ! Круглые, низкіе холмы, распаханные и засѣянные до верху, разбѣгаются широкими волнами; заросшіе кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшія рощи; отъ деревни до деревни бѣгутъ узкія дорожки; церкви бѣлѣютъ; между лозниками сверкаетъ рѣчка, въ четырехъ мѣстахъ

перехваченная плотинами; далеко въ полѣ гуськомъ торчатъ драхвы; старенькій господскій домъ съ своими службами, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду. Но далѣе, далѣе ѣдете вы. Холмы все мельче и мельче, дерева почти не видать. Вотъ она, наконецъ—безграничная необозримая степь!..

Тургеневъ.

79. Степь.

Степь раздольная
Далеко вокругъ
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося...
Раззудись плечо!
Размахнись рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ, съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава
Подкошенная!
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!

Кольцовъ.

80. Степь вечеромъ.

Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ,
Хотятъ въ росѣ понѣжиться поля,
Въ послѣдній разъ за третьимъ переваломъ
Пропалъ ямщикъ, звеня и не пыля.
Нигдѣ жилья не видно на просторѣ,
Вдали огня иль пѣсни и не ждешь!
Все степь, да степь! Безбрежная, какъ море,
Волнуется и наливаетъ рожь.
За облакомъ, до половины скрыто,
Луна свѣтить еще не смѣетъ днемъ,

Вотъ жукъ взлетѣлъ и прожужжалъ сердито,
Вотъ лунь [1] проплылъ, не шевеля крыломъ.
Покрылись нивы сѣтью золотистой,
Тамъ перепелъ откликнулся вдали,
И слышу я въ изложинѣ росистой
Въ полголоса кричатъ коростели.
Ужъ сумракомъ пытливый взоръ обманутъ,
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вотъ съ неба звѣзды глянутъ,
И какъ рѣка, засвѣтитъ млечный путь.

Фетъ.

81. Степь.

Охъ, ты степь, ты приволье раздольное,
Молодецкая ширь необъѣздная,
Поросла по яругамъ ты тальникомъ [2])
И травой-муравой пріукрасилась.
Хорошо на просторѣ тебѣ, неоглядная,
Залегать не оря и не сѣючи,
А шелковымъ ковромъ зеленѣючи!
Гдѣ рѣка пробѣжитъ, тамъ и за́тоны [3]),
Гдѣ лѣсокъ проскочилъ, тамъ и за́бѣга
Звѣрю всякому, тамъ же и гнѣздышко
Птицѣ всякой пролетной, привычливой;
А охотнику знай да натягивай
Тетиву у лука круторогаго,
Аль спускай съ рукавицы, гдѣ воззрился, со́кола.

Мей.

82. Чумаки.

Берпславъ (городокъ Херсонской губерніи) самый важный пунктъ, черезъ который слѣдуютъ чумацкіе обозы по случаю постоянной переправы (черезъ Днѣпръ). Съ открытіемъ весны или вѣрнѣе сказать съ

[1]) Хищная птица мышатникъ.
[2]) Ветла, верба.
[3]) Длинный рѣчной заливъ, притокъ рыбы.

появленіемъ подножнаго корма, любопытные и праздные торговцы отправляются толпами къ мельницамъ, и взобравшись на лѣсенки, посматриваютъ на широкую дорогу, пропадающую въ степи между курганами. И вотъ гдѣ нибудь въ отдаленіи зоркій глазъ любопытнаго замѣчаетъ сѣрую движущуюся полосу.

— Чумаки идутъ! раздается восклицаніе какимъ-то неестественнымъ голосомъ, и вся публика встрепенулась и на всѣхъ лицахъ появляется радостное выраженіе. Убѣдясь въ дѣйствительности желаннаго появленія, толпа спѣшитъ въ городъ, бросая каждому встрѣчному фразу: чумаки идутъ! и лавки наполняются полнымъ комплектомъ сидѣльцевъ.

И вотъ чумаки вышли изъ-за послѣдняго кургана. Медленно идутъ добрые волы, скрипятъ телѣги, рослые люди въ высокихъ бараньихъ шапкахъ идутъ тяжелой поступью въ сторонѣ, помахивая длинными батогами. Нерѣдко оттуда несется пѣсня, та широкая и разгульная пѣсня, какія обыкновенно существуютъ между чумаками. Это особенныя мелодіи, чисто народныя и даже сословныя, безъ примѣси чужаго элемента. Но вотъ затихаетъ пѣсня, чумаки ближе и уже слышны возгласы: гей! собъ! цабе! Еще нѣсколько минутъ, и валка (обозъ) останавливается на городскомъ выгонѣ. Чумакъ непремѣнно встрѣтитъ надобность въ чемъ нибудь, и потому выпрягши воловъ, нѣсколько человѣкъ отправляется въ городъ—кто въ лавки, кто на базаръ, кто въ кабакъ, смотря по обстоятельствамъ.

Афонасьевъ-Чужбинскій.

83. Ночлегъ чумаковъ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно, и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ...
Между возовъ огонь горитъ,
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ не вдалекѣ
Волы усталые пасутся:
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно у огня въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И вдаль невесело глядятъ.

Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно-ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?..

И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!

Кольцовъ.

84. Степной край.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?
Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?
Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицко [1]),
И паробки, кружась на пожнѣ гладкой,
Взрываютъ пыль веселою присядкой?
Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батыя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи,
И вы, чубы, остатки славной Сѣчи [2])!

---

[1]) Маруся и Грицко малороссійскія имена; здѣсь авторъ съ именемъ Маруси представляетъ молодую дѣвушку, съ именемъ Грицко малороссійскаго *кобзаря* т. е. пѣвца.

[2]) Запорожской Сѣчи—товарищества воинственныхъ козаковъ старыхъ временъ; они отращивали большія пряди волосъ на головѣ, которыя и назывались *чубами*.

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Такъ звонко льется жаворонковъ пѣнье,
Стада блеятъ, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ козачки пестрыми толпами? Гр. А. Толстой.

85. Ночь въ степи.

Теплымъ вѣтромъ потянуло
Смолкъ далекій гулъ...
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщикъ уснулъ [1]).
Въ загородкѣ улеглися
И жуютъ волы,
Звѣзды чистыя зажглися
По навѣсу мглы.

Только выше все всплываетъ
Мѣсяцъ золотой,
Только стадо обѣгаетъ
Песъ сторожевой.
Рѣдко, рѣдко кочевая
Тучка броситъ тѣнь...
Неподвижная, нѣмая
Ночь свѣтла, какъ день.

Фетъ.

86. Караванъ.

«Идетъ, идетъ!» раздалось въ пестрой толпѣ, стоявшей отдѣльными кучками, смотря по званію и сословію или знакомствамъ и связямъ зрителей: «караванъ идетъ!» И толпа, многоязычная, многоглавая и разнообразная, какъ самая молва, зашевелилась. Ребятишки, оборванные татарчата, полунагіе, но въ огромныхъ, мохнатыхъ шапкахъ, обгоняли съ криками другъ друга и давали почтительные круги около зрителей высшаго сословія, чинно выступавшихъ въ головѣ отряда; разнородная челядь тѣснилась вслѣдъ—хотя тѣсниться было не для-чего, и простора во всѣ четыре стороны на необозримой степи довольно. Тутъ шло нѣсколько чиновныхъ и должностныхъ съ семействомъ; тутъ были торгаши мыльные и сальные, въ долгополыхъ сюртукахъ и въ пестрыхъ шейныхъ платочкахъ; были и приписные, и бѣглые мѣщане, отбивающіе у первыхъ мѣновой торгъ съ кайсаками, коимъ отсыпаютъ нерѣдко щедрою рукой за барана нѣсколько помад-

---

[1]) Гуртовщикъ, который гонитъ гуртъ или стадо воловъ.

ныхъ банокъ нюхальнаго табаку, да мѣрочку муки, пополамъ съ золою, съ известью и съ пескомъ; были и татары, промышляющіе шумами, тулупами, и шкурами, такіе-же пройдохи какъ и тѣ; было и нѣсколько человѣкъ, такъ называемыхъ, конфетчиковъ, т. е. просто лавочниковъ, содержащихъ въ городѣ, въ частныхъ домахъ, плохія лавки, подъ названіемъ магазиновъ. Въ Оренбургѣ есть и гостинный воръ, но это огромное зданіе болѣе походитъ на арестантскій дворъ дили на монастырь; лавки всѣ обращены внутрь, а снаружи видны только однѣ стѣны, все глухо, пусто, мертво и покупщики неохотно туда заходятъ. Въ толпѣ нашей были и козаки, коихъ впрочемъ можно было признать козаками только по навыку, по остаткамъ малиновыхъ лампасовъ, сквозящихся въ дыры подпоясаннаго полотенцемъ стеганаго халата. Въ толпѣ, о которой говоримъ, поражаетъ новаго зрителя странность одежды и нарядовъ, а слушателя—общее употребленіе татарскаго языка. Тутъ видите вы многополосные халаты, желтые и красные кожаны, сшитые шерстью вверхъ конныя дахи и ергаки [1]); тутъ шапки невиданнаго покрою и неслыханнаго цвѣту; кожаные шаровары и армяки; и все это изношено, изодрано—что и придаетъ цѣлому какой-то пестрый, махровый видъ. Но верхъ безобразія представляютъ здѣсь собою жалкіе человѣкотвари-байгуши, киргизскіе нищіе: степные дикари эти нищаютъ цѣлыми аулами и поколѣніями и гибнутъ голодомъ и стужей безъ всякой надежды на помощь. Толпа народа, которую я описалъ, стояла на лѣвомъ, азіатскомъ берегу Урала, не подалеку оренбургскаго мѣноваго двора, подалась, при восклицаніи: «караванъ идетъ!» нѣсколько шаговъ впередъ и обратила вниманіе свое на стелющееся по степи облако пыли. Въ тылу у зрителей былъ огромный каменный мѣновой дворъ, коего стѣны, безконечнаго протяженія, казалось бы, готовы заключить въ себѣ всѣхъ верблюдовъ Средней Азіи...

И такъ вотъ что было въ тылу зрителей; но что же было передъ ними, тамъ куда обращены ихъ мысли, взоры и шаги? Если вамъ угодно сдѣлать снимокъ, не имѣя подлинника, то возьмите въ руки перо или карандашъ, положите передъ собой большой листъ бумаги или склейте ихъ нѣсколько десятковъ вмѣстѣ: начните карандашомъ

[1]) Тулупъ или халатъ изъ коротко-шерстныхъ шкуръ, шерстью наружу.

съ одного конца и ведите прямо до другаго края бумаги, а потомъ подпишите выше черты: *небо*, а ниже: *земля*, и я, не видавъ художественнаго произведенія вашего скрѣплю: съ подлиннымъ вѣрно, приложу руку и печать.

И такъ вы познакомились съ видомъ въ зауральскую степь; справедливость требуетъ однако же сказать, что такой печальный видъ степь представляетъ только, начиная отъ Оренбурга до самаго взморья: Оренбургъ, по увѣренію книжниковъ, стоитъ мало выше океана; здѣсь-то и степь наша сама принимаетъ видъ сухаго моря. Выше, мѣста разнообразнѣе, частію гористы и лѣсисты. Отдаленная пыль, ложащаяся клубомъ подъ вѣтеръ, постепенно приближалась къ зрителямъ изъ ровной необозримой степи возникали движущіяся громады, и обманывая зрѣніе, казались не верблюдами, а огромными слонами. Марево, это обыкновенное въ степяхъ состояніе нижнихъ слоевъ воздуха въ жаркіе лѣтніе дни, показывающее все отдаленное въ превратномъ безобразномъ видѣ, и такъ часто обманывающее насъ призракомъ воды, марево это и теперь превращало лошадей въ верблюдовъ, а верблюдовъ въ слоновъ. Это, какъ я упомянулъ, обыкновенное явленіе въ знойные, ясные, лѣтніе дни.

Въ темную весеннюю или осеннюю ночь обширный кругъ зрѣнія, сливающійся съ отдаленнымъ небосклономъ, представляетъ здѣсь новое зрѣлище: васъ окружаетъ далекое, великолѣпное зарево, огненная полоса замыкаетъ предѣлы зрѣнія, и ослѣпляетъ очи. Не мудрено, зазѣвавшись оступиться въ это время и полетѣть съ Оренбургскаго вала, съ котораго общество наше нерѣдко наслаждается этимъ зрѣлищемъ. Причины зарева этого степные палы, пожары; весною и осенью зажигаютъ старую траву, пускаютъ палъ, земля удобряетя золою; а зеленая травка пробивается скорѣе и гуще; старая трава, въ особенности ковыль, образуетъ толстую непроницаемую кошму (войлокъ), и молодая травка не можетъ пробить ее свѣжими ростками. Гдѣ есть возможность выкашивать старую траву, палы вовсе не нужны; но и вообще они дѣлаютъ столько же или болѣе зла, какъ добра: истребляютъ звѣря и птицу, которые водятся весною, и что еще хуже, уничтожаютъ лѣса, скошенное сѣно, иногда хлѣбъ и даже стада и цѣлые аулы. Палы — главнѣйшая причина тому, что одни только

жалкіе остатки лѣсовъ въ степи доказываютъ ихъ прежнее существованіе.

Воротимся къ каравану. Нѣсколько вершниковъ, ѣздившихъ встрѣчать караванъ, по дѣлу или отъ бездѣлья, мчались по гладкой дорогѣ, на которой-бы и лучшій уровень остался безъ дѣла, и наѣздничали вкругъ спѣшившихъ изъ каретъ и колясокъ зрителей... Но—караванъ нашъ уже тянется канителью мимо зрителей: верблюды рычатъ, медленно поварачиваютъ долговязыя шеи свои въ сторону и разглядываютъ чужаго для нихъ покроя людей: продѣтый въ носовой хрящъ шерстяной или волосяной арканъ, привязанный за хвостъ предшествующаго верблюда, напоминаетъ однако же мечтателю, что при такомъ снарядѣ задумываться невыгодно; преклонивъ и протянувъ журавлиную шею свою, дѣлаетъ онъ два, три перемета рысью и потомъ опять продолжаетъ плавный, шаткій и валкій шагъ свой, и огромные тюки, висящіе въ высокихъ, туго набитыхъ мѣшкахъ, по обѣ стороны вьючнаго сѣдла, постоянно раскачиваются большими разводами взадъ и впередъ. Такъ тянется верблюдъ за верблюдомъ на нѣсколько верстъ; легко расчесть, что походнымъ строемъ этимъ, гуськомъ, пойдетъ ихъ на версту не съ большимъ сотни двѣ. Верблюды каждаго возчика-киргиза составляютъ небольшое особое отдѣленіе; хозяинъ разъѣзжаетъ съ боку, на конѣ, а иногда и сидитъ, какъ и работники его, пополамъ съ кладью, на верблюдахъ, назначенныхъ подъ собственный скарбъ, дрова и продовольствіе. Каждый шагъ этого подвижнаго амбара, который нагружается двумя *батманами*, 16 пудами, раскачиваетъ и кидаетъ сѣдока своего отъ горба до горба: не завидная ѣзда! килевую качку эту можетъ переносить равнодушно только привычный морякъ: иначе, не только укачаетъ любого, но, чего добраго, выломитъ изъ крестца поясницу! Чалмоносные хозяева товаровъ возсѣдаютъ обыкновенно, подобравъ ноги, въ люлькахъ, койкахъ или клѣткахъ, подвѣшенныхъ по обѣ стороны верблюда; мохнатый возчикъ въ ергакѣ, въ мѣховой огромной шапкѣ, сидя на верблюдѣ, между страннообразной клади своей, походитъ на какого-то лѣшаго или домоваго съ того свѣта. Проходя мимо васъ, кажется, отвѣшиваетъ онъ на каждомъ шагу верблюда, по нижайшему поклону: не безпокойтесь, не откланивайтесь; онъ это дѣлаетъ нехотя, поневолѣ. По обѣ стороны поѣзда тянется рѣденькое карантинное прикрытіе, отрядецъ козаковъ,

встрѣтившихъ караванъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Линіи. Но въ головѣ каравана, на первомъ верблюдѣ, виситъ въ люлькѣ своей караванъ-башъ, караванный голова. Это важнѣйшее и главное лицо цѣлаго явленія; онъ одинъ отвѣчаетъ за успѣхъ и неудачу избраннаго степнаго пути, который пролагаетъ вновь при каждомъ новомъ походѣ: онъ дѣлаетъ привалъ, роздыхъ, дневку, назначаетъ подъемъ, принимаетъ мѣры противу грабежа—которыя впрочемъ, при неизъяснимой безпечности народовъ этихъ, состоятъ большею частію только въ томъ, что стараются избирать менѣе извѣстные пути, не проходить чрезъ враждебный родъ, а въ крайности откупаются отъ хищниковъ и никогда почти не защищаются, хотя всѣ, съ ногъ до головы, вооружены.

Голова беретъ и перемѣняетъ, гдѣ нужно, вожаковъ, юлъ-баши, словомъ, онъ хозяинъ на походѣ, и весь караванъ у него въ безусловномъ повиновеніи. Дошедши до воротъ мѣноваго двора, верблюдъ его припадаетъ на колѣни, караванъ—башъ слѣзаетъ, и подошедъ къ стоящимъ здѣсь таможеннымъ чиновникамъ, здоровается съ каждымъ побратски, принимая руку его въ обѣ ладони свои и кланяясь. Съ близкими, старыми знакомыми здороваются азіатцы наши, взявшись за обѣ руки и прижимая, взаимно и поочередно, руку друга къ сердцу.

Накопецъ, караванъ вступаетъ въ мѣновой дворъ, верблюды идутъ въ проходной, складочный сарай, порусски, пакгаузъ; по слову: чокъ! припадаютъ, ложатся, арканы развязываются и огромные тюки и мѣшки сваливаются въ кучу. Глядя на эти груды или цѣлую гору товаровъ, которые доставлены, изъ отдаленнаго края, изъ Хивы, изъ Бухары, изъ Китайскаго Туркестана, доставлены съ трудомъ и усиліемъ даже съ опасностію жизни, захотите вы узнать, какая это кладь? что за товары? Кашемирскія шали, которымъ нѣтъ цѣны? — Восточные ковры, издѣліе, въ коемъ шелкъ поддѣланъ шерстью?—Драгоцѣнныя каменья?—Алмазы, яхонты, бирюза? По крайней мѣрѣ жемчугъ?—... Однимъ словомъ, хотя что нибудь подобное тому, что мы привыкли называть восточными товарами, что вывозятъ другіе народы изъ Азіи? —Ничего не бывало; это—стыдъ сказать и грѣхъ утаить—по взгляните на Оренбургскій мѣновой дворъ, и вы увидите сами,—это хламъ и дрязгъ, почти такой-же, какъ вы сейчасъ видѣли на возчикахъ, на конвойныхъ, на байгушахъ. Это—стеганые, бумажные халаты, гдѣ

подбой и покрышка состоятъ изъ бязи, толстой и самой простой выбойки, халаты эти составляютъ не прихоть, не щегольство жителей здѣшнихъ, но вся Линія, всѣ народы и сословія линейныхъ жителей носятъ каждодневно халаты эти, какъ русскій мужикъ свою сермягу. Далѣе: это войлоки, по здѣшнему кошмы, это толстыя бязи, выбойки, бумажныя одѣяла, самыя грубыя ткани и издѣлія, которыя, кажется, не стоятъ перевозки на сто верстъ, не только черезъ все пространство степей Турана. Нѣсколько мѣшковъ урюку, али-бохары, фисташекъ, манны, вяленыхъ полосокъ, дынь въ плетешкахъ, что все извѣстно вообще подъ именемъ кунакъ-ашъ, гостинцы для пріятелей, и все это перегажено шерстью, пылью и всякою нечистью; накопецъ, видите вы и нѣсколько хлопчатой и пряденой бумаги, и вотъ все. И по всей Оренбургской Линіи тоже, и вотъ въ чемъ состоитъ весь торгъ нашъ съ сосѣднею Азіей!

Даль.

87. Аравійская степь.

(Три пальмы—восточное сказаніе).

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ [1]) между ними изъ почвы безплодной,
Журча пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.
И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей [2]) зеленой.
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать!
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,

---

[1]) Источникъ.
[2]) Шалашъ, шатеръ.

Ни чей благосклонный не радуя взоръ?
Не правъ твой, о Небо, святой приговоръ!»
И только замолкли, въ дали голубой,
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.
Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой поднимали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И станъ худощавый къ лукѣ [1]) наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.
И конь на дыбы поднимался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса [2]) вились въ безпорядкѣ,
И съ крикомъ, и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье наскаку.
Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданыхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.
Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ —
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.
Когда же на западъ умчался туманъ,—
Урочный свой путь совершалъ караванъ:

---

[1]) Передняя часть сѣдла.
[2]) Наѣздника.

И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный.
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ, ихъ въ степи потомъ разнесло.
И нынѣ все дико и пусто кругомъ,
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ;
Напрасно пророка [1]) о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Лермонтовъ.

88. Буранъ.

Ни облака на туманномъ, бѣловатомъ небѣ; ни малѣйшаго вѣтра на снѣжныхъ равнинахъ. Красное, но неясное солнце своротило съ невысокаго полудня къ недалекому закату. Жестокій крещенскій морозъ сковалъ природу, сжималъ, палилъ, жегъ все живое. Но человѣкъ улаживается съ яростію стихій: русскій мужикъ не боится мороза.

Небольшой обозъ тянулся по узенькой, какъ ходъ крестьянскихъ саней, проселочной, не торной дорожкѣ, или лучше сказать—слѣду, будто недавно проложенному, по необозримымъ, снѣжнымъ пустынямъ. Пронзительно, противно для непривычнаго уха, скрипѣли, визжали полозья. Одѣтые въ дублепые полушубки, тулупы и сѣрые суконные зипуны, нахлобученные башкирскими глухими малахаями (шапками), весело бѣжали мужики за своими возами. Запушенные инеемъ, обмерзшіе ледяными сосульками, едва разѣвая рты, изъ которыхъ бѣлый дымъ вылеталъ, какъ изъ пушки при выстрѣлѣ, и не скоро расходился, — они шутили, припрыгивали, боролись, толкали, будто невзначай, другъ друга съ узенькой тропинки въ глубокій сугробъ; столкнутый долго барахтался и не скоро вылѣзалъ изъ мягкаго, снѣговаго пуха на твердую дорогу. Тутъ то сыпались русскія остроты: — «Небольно болтай» — говорилъ одинъ другому — «языкъ обожжешь: вишь, зной какой, такъ и палитъ!» — «Шути, шути», — отвѣчалъ другой, — «самого-то цыганскій потъ проши-

[1]) Магомета.

баетъ!»—Всѣ хохотали. Такъ грѣются на морозѣ духъ и тѣло русскаго мужичка.

Подвигаясь скорымъ шагомъ, обозъ поднялся на возвышеніе и въѣхалъ въ березовую рощу — единственный лѣсокъ на большомъ степномъ пространствѣ. Чудное, печальное зрѣлище представляла бѣдная роща! Какъ будто ураганъ или громовые удары тѣшились надъ нею долгое время: такъ все было исковеркано. Молодыя деревья, согнутыя въ разновидныя дуги, увязили гибкія вершины свои въ сугробахъ и какъ будто силились вытащить ихъ. Деревья постарѣе, пополамъ изломанныя, торчали высокими пнями; а иныя, разодранныя на-двое, лежали, развалясь на обѣ стороны. — «Что за чертовщина?» сказалъ молодой мужикъ, — «какой лѣшій исковеркалъ березникъ?» — «Не лѣшій, а иней,» — отвѣчалъ старикъ. — «Глядь-ко, сколько его нальнуло къ сучьямъ... тяга смертная! Вѣдь подъ инеемъ-то ледъ, толщиной въ руку, и все къ одной сторонѣ, все къ полуночи. Это живетъ послѣ оттепелей, случается не каждый годъ и вѣщуетъ урожай: хлѣба будетъ въ волю.»—«Да куда съ нимъ дѣваться?...» подхватилъ молодой крестьянинъ и хотѣлъ продолжать; но старикъ, съ нѣкотораго времени внимательно озиравшійся на всѣ стороны, съ прищуреннымъ глазомъ припадавшій къ дорогѣ, сурово крикнулъ: «полно калякать, ребята! До умета [1]) далеко, ночь близка, дѣло негожо. Бери вожжи, садись, погоняй лошадей!..» Безмолвно повиновались строгому голосу старика, умудреннаго годами опытовъ, проницательный взоръ котораго провидѣлъ въ ясности тьму, въ тишинѣ бурю. Всѣ струсили, хотя ничего страшнаго не видали. Проворно повскакали на воза; крикнули, тронули вожжами невзнузданныхъ лошадей, и обозъ, выбравшись изъ рощи на покатую равнину, побѣжалъ шибкою рысью.

Все попрежнему казалось ясно на небѣ и тихо на землѣ. Солнце склонялось къ западу и, косыми лучами скользя по необозримымъ громадамъ снѣговъ, одѣвало ихъ бриллiантовой корою, а изуродованная налипнувшимъ инеемъ роща, въ снѣговомъ и ледяномъ своемъ

---

[1]) Такъ называются одинъ или два двора, поселенныхъ на степной дорогѣ для ночевки или кормежки обозовъ.

уборѣ представляла издали чудные и разновидные обелиски, осыпанные также алмазнымъ блескомъ. Все было великолѣпно... Но стаи тетеревовъ вылетали съ шумомъ изъ любимой рощи искать себѣ ночлега на высокихъ и открытыхъ мѣстахъ; но лошади храпѣли, фыркали, ржали и какъ будто о чемъ-то переклпкались между собою; но бѣловатое облако, какъ голова огромнаго звѣря, выплывало на восточномъ горизонтѣ неба; но едва замѣтный, хотя и рѣзкій, вѣтерокъ потянулъ съ востока къ западу, — и наклонясь къ землѣ, можно было замѣтить, какъ все необозримое пространство снѣговыхъ полей бѣжало легкими струйками, текло, шипѣло какимъ-то змѣинымъ шипѣньемъ, тихимъ, но страшнымъ! Знакомые съ бѣдою, обозы знали роковыя примѣты, торопились доѣзжать до деревень или уметовъ, сворачивали въ сторону въ ближнюю деревню съ прямой дороги, если ночлегъ былъ далеко, и не рѣшались на новый переѣздъ даже немногихъ верстъ. Но горе неопытнымъ, запоздавшимъ въ такихъ безлюдныхъ и пустыхъ мѣстахъ, гдѣ нерѣдко, проѣзжая цѣлые десятки верстъ, не встрѣтишь жилья человѣческаго.

Въ такомъ именно положеніи находился незадолго передъ этимъ веселый обозъ, состоявшій изъ осьмнадцати подводъ и десятерыхъ возчиковъ. Они ѣхали съ хлѣбомъ въ Оренбургъ, гдѣ надѣялись, продавъ свои деревенскіе избытки, хотя не дорогой цѣною, взять изъ Елецкой Защиты каменной соли, которую иногда удается сбывать весьма выгодно на сосѣднихъ базарахъ, если по распутицѣ мало бываетъ подвозу. Они выѣзжали на большую Оренбургскую дорогу, перебивая поперекъ такъ называемый *Общій Сыртъ*, плоское возвышеніе, которое тянется къ Яику, нынѣшнему Уральску, и по которому лежитъ извѣстная яицкая козачья дорога. Хотя опытный старикъ примѣтилъ грозу заблаговременно, но переѣздъ былъ диненъ, лошади тощи, на кормежкѣ обозъ позамѣшкался, и бѣда пришла неминучая.

Быстро поднималось и росло бѣлое облако съ востока, и когда скрылись за горой послѣдніе блѣдные лучи закатившагося солнца — уже огромная снѣговая туча заволокла большую половину неба и посыпала изъ себя мелкій снѣжный прахъ, уже закипѣли степи снѣговъ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышался иногда какъ

будто отдаленный плачъ младенца, а иногда вой голоднаго волка. «Поздно, ребята!» закричалъ старикъ.—«Стой, нечего гнать и мучать понапрасну лошадей. Поѣдемъ шагомъ. Если не собьемся съ дороги, авось, Богъ помилуетъ. Петровичъ»,—сказалъ онъ, оборотясь къ высокому, плотному мужику, также не молодому,—«поѣзжай сзади: твой Гнѣдко хоть не боекъ, за то нестомчивъ, не отстанетъ, да и ты не задремлешь. Гляди въ оба, чтобы кто не отсталъ, да въ сторону по дровяной или сѣнной дорогѣ не отбился; а я поѣду передовымъ!» Съ большимъ трудомъ перетащили стариковъ возъ впередъ; а лошадь Петровича, столкнувъ съ дороги въ сторону, объѣхали; потомъ вытащили ее изъ сугроба, и Петровичъ сталъ заднимъ. Старикъ снялъ рысій малахай, вымѣненный у башкирскаго кантоннаго старшины на жирную молодую лошадь, въ осеннюю гололедицу переломившую ногу,—помолился Богу и сѣвъ на возъ: «ну, Сѣрко!» сказалъ хотя не веселымъ, но твердымъ голосомъ: «выручалъ ты меня не одинъ разъ, послужи и теперь, не сшибись съ дороги...» и обозъ поѣхалъ шагомъ.

Снѣговая, бѣлая туча, огромная какъ небо, обтянула весь горизонтъ и послѣдній свѣтъ красной, погорѣлой вечерней зари быстро задернула густою пеленою. Вдругъ настала ночь... наступилъ буранъ со всей яростью, со всѣми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣтеръ на привольи, взрылъ снѣговыя степи, какъ пухъ лебяжій, вскинулъ ихъ до небесъ... Все одѣлъ бѣлый мракъ, непроницаемый, какъ мракъ самой темной осенней ночи! Все слилось, все смѣшалось: земля, воздухъ, небо превратились въ пучину кипящаго, снѣжнаго праха, который слѣпилъ глаза, занималъ дыханье, ревѣлъ, свисталъ, вылъ, стопалъ, билъ, трепалъ, вертѣлъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, обвивался какъ змѣй и душилъ все, что ему ни попадалось.

Сердце падаетъ у самаго неробкаго человѣка, кровь стыиетъ, останавливается отъ страха, а не отъ холода, ибо стужа во время булановъ значительно уменьшается. Такъ ужасенъ видъ возмущенія зимней, сѣверной природы. Человѣкъ теряетъ память, присутствіе духа, безумѣетъ... и вотъ причина гибели многихъ несчастныхъ жертвъ.

Долго тащился нашъ обозъ съ своими двадцатипудовыми возами. Дорогу заносило, лошади безпрестанно оступались. Люди, по большей части, шли пѣшкомъ, увязая по колѣно въ снѣгу: наконецъ всѣ выбились изъ силъ; многія лошади пристали. Старикъ видѣлъ это, и

хотя его Сѣрко, которому было всѣхъ труднѣе, ибо онъ первый прокладывалъ слѣдъ, еще бодро вытаскивалъ ноги,—старикъ остановилъ обозъ. «Други»,—сказалъ онъ, скликнувъ къ себѣ всѣхъ мужиковъ,—«дѣлать нечего, надо отдаться на волю Божію, надо здѣсь ночевать. Составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ, кружкомъ. Оглобли свяжемъ и поднимемъ вверхъ, оболочемъ ихъ кошмами (войлокомъ), сядемъ подъ ними, какъ подъ шалашомъ, да и станемъ дожидаться свѣту Божьяго и добрыхъ людей. Авось, не всѣ замерзнемъ!»

Совѣтъ былъ страненъ и страшенъ; но въ немъ заключалось единственное средство къ спасенью. Но къ несчастью, въ обозѣ были молодые, неопытные. Одинъ изъ нихъ, у котораго лошадь менѣе другихъ пристала, не захотѣлъ послушаться старика. «Полно, дѣдушка!» сказалъ онъ, «Сѣрко-то у тебя сталъ, такъ и намъ околѣвать съ тобою? Ты уже пожилъ на бѣломъ свѣту, тебѣ все равно; а намъ еще пожить хочется. До умета верстъ семь, больше не будетъ. Поѣдемъ, ребята! Пусть дѣдушка остается съ тѣми, у кого лошади совсѣмъ стали. Завтра, Богъ дастъ, будемъ живы, воротимся сюда и откопаемъ ихъ». Напрасно говорилъ старикъ, напрасно доказывалъ, что Сѣрко истомился менѣе другихъ; напрасно поддерживалъ его Петровичъ и еще двое изъ мужиковъ: шестеро остальныхъ, на двѣнадцати подводахъ, пустились далѣе.

Буранъ свирѣпѣлъ часъ отъ часу. Бушевалъ всю ночь и весь слѣдующій день такъ, что не было никакой ѣзды. Глубокіе овраги дѣлались высокими буграми... Наконецъ стало понемногу затихать волненіе снѣжнаго океана, которое и тогда еще продолжается, когда небо уже блеститъ безоблачной синевою. Прошла еще ночь. Утихъ буйный вѣтеръ, улеглись снѣга. Степи представляли видъ бурнаго моря, внезапно оледенѣвшаго... Выкатилось солнце на ясный небосклонъ; заиграли лучи его на волнистыхъ снѣгахъ. Тронулись пережидавшіе буранъ обозы и всякіе проѣзжіе.

По самой этой дорогѣ, возвращался обозъ порожнякомъ изъ Оренбурга. Вдругъ передній наѣхалъ на концы оглобель, торчащихъ изъ снѣга, около которыхъ намело снѣговой шишъ, похожій на стогъ сѣна или копну хлѣба. Мужики стали разглядывать и примѣтили, что легкій паръ повѣвалъ изъ снѣга около оглобель. Они смекнули дѣломъ, принялись отрывать, чѣмъ ни попало, и отрыли старика, Петровича

и двоихъ изъ товарищей: всѣ они находились въ сонномъ, безпамятномъ состояніи, подобномъ состоянію сурковъ, спящихъ зиму въ норахъ своихъ. Снѣгъ около нихъ обтаялъ, и у нихъ было тепло, въ сравненіи съ воздушной температурой. Ихъ вытащили, положили въ сани и воротились въ уметъ, который точно былъ недалеко. Свѣжій, морозный воздухъ разбудилъ ихъ; они стали двигаться, раскрыли глаза; но все еще были безъ памяти, какъ бы одурѣлые, безъ всякаго сознанія.—Въ уметѣ, не внося въ теплую избу, растерли ихъ снѣгомъ, дали выпить вина и потомъ уложили спать на полати.—Проспавшись настоящимъ сномъ, они пришли въ чувство и остались живы и здоровы. Шестеро смѣльчаковъ, или лучше сказать, глупцовъ, послушавшихся молодаго удальца, вѣроятно, скоро сбились съ дороги, по обыкновенію принялись ее отыскивать, пробуя ногами, не попадется ли въ мягкомъ снѣгу жесткая полоса, разбрелись въ разныя стороны, выбились изъ силъ и всѣ замерзли. Весною отыскали тѣла несчастныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ, прислонясь къ забору того самаго умета... Аксаковъ.

89. Зимнее утро въ деревнѣ.

Вотъ утро сѣвера—сонливое, скупое,
Лѣниво смотрится въ окно волоковое;
Въ печи трещитъ огонь—и сѣрый дымъ ковромъ
Тихонько стелется надъ кровлею съ конькомъ.
Пѣтухъ заботливый, копаясь на дорогѣ,
Кричитъ... а дѣдушка брадатый на порогѣ
Кряхтитъ и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья бѣлыя летятъ ему въ лицо...
И полдень настаетъ. Но Боже! какъ люблю я,
Какъ тройкою ямщикъ кибитку удалую
Промчитъ—и скроется... И долго, мнится мнѣ,
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинѣ. Фетъ.

90. На Соловецкомъ островѣ.

Дорога пошла по Соловецкому острову гладкимъ, исправленнымъ полотномъ; по сторонамъ ея потянулся лѣсъ, со всею своею обычною

обстановкою, невычищенный, съ множествомъ валежника неприбраннаго. Во многихъ мѣстахъ лѣсъ этотъ отдавалъ рѣшительною дичью; все въ немъ напоминало лѣса нашихъ приволжскихъ губерній: тѣ-же высокія деревья, словно и не полярныя, не архангельскія, та же спутанность сортовъ и видовъ ихъ: тутъ и березовая полоса, перепутанная съ ивнякомъ; тутъ и соснякъ съ кустами густаго, цѣпкаго волжскаго можжевельника; соснякъ перепутанъ съ ельникомъ; даже кое-гдѣ между ними проглянула лиственница. Между деревьями, по кочкамъ, иногда мшистымъ, иногда обтянутымъ травою, разсыпались кусты ягодъ вороницы и можжевельника; кое-гдѣ красовался цвѣтами шиповникъ; во многихъ мѣстахъ зацвѣтала малина и даже краснѣла уже ягодами. Въ воздухѣ разлита была чарующая свѣжесть, которою дышишь—не надышишься; то вдругъ прольется струя цѣлебной смолки, то здоровый запахъ травы, то вдругъ опять пролетитъ нѣжная струйка, пущенная цвѣтами шиповника. Луга, выглянувшіе между деревьями, усыпаны были цвѣтами и рисовались такимъ же пестрымъ ковромъ, который такъ обыкновененъ вездѣ, кромѣ Архангельскаго края. Мѣстность Соловецкаго острова рѣшительный контрастъ со всѣми сосѣдними ей: словно природа огорчилась, истощенная въ береговыхъ тундрахъ и болотахъ, и собравши послѣднія оставшіяся силы, произвела на острову новый, особенный міръ, въ которомъ такъ всѣмъ привольно, и такъ все сродни и знакомо дальнему, заѣзжему человѣку. Вотъ пошла дорога подъ гору, на мостикъ, перекинутый черезъ бойкій ручеекъ; вотъ побѣжала она въ гору, взрытую по мѣстамъ колеями; вотъ каналы, прорытые по сторонамъ полотна ея, и опять та же лѣсная чаща и между нею болото такое же ржавое, такое же зыбкое, какъ вездѣ и всюду въ Россіи, богатой и горами, и болотами, и роскошными лугами. Вотъ прекратился лѣсъ, открылась поляна, на полянѣ посѣяна рожь, рожь уже наливается, наливъ идетъ къ концу; васильки въ полной силѣ; вотъ вправо отъ дороги, между рѣдко разставленными деревьямы, черезъ поляну, засыпанную хвоемъ, выглянуло озеро большое, рыбное, на этотъ разъ свѣтлое, зеркальное. Лѣсная чаща продолжаетъ, попрежнему, окружать насъ со всѣхъ сторонъ и дышитъ на насъ своимъ здоровымъ, цѣлебнымъ дыханіемъ; въ ней запѣла даже гдѣ-то птичка, другая... третья... и четвертая. Весело на душѣ, летятъ всѣ черныя мысли прочь; забываешь обо

всемъ прежнемъ и живешь только настоящимъ. Пусть бы дальше и больше тянулась эта дорога съ вѣчно-увлекающими своими видами, съ своею свѣжестью. С. Максимовъ.

91. Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою, надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины ,
Паритъ неподвижно со мной наровнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь шумятъ водопады,
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи,
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады. Пушкинъ.

92. Въ Грузіи.

(Разсказъ мальчика).

Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,

И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.
Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущельи шакалъ
Кричалъ и плакалъ, какъ дитя,
И гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней:
Но страхъ не сжалъ души моей...
Внизу глубоко подо мной
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотнѣ голосовъ
Подобился. Хотя безъ словъ
Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ;
И вотъ въ туманной вышинѣ
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился; вѣтерокъ
Сырые шевельнулъ листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И, какъ они, навстрѣчу дню,
Я поднялъ голову мою...
Я осмотрѣлся; не таю...
Мнѣ стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ;
Туда вели ступени скалъ...
Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
Растеній радужныхъ нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;

И грозды полныя на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ страннымъ голосамъ:
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли:
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Тогда къ потоку съ высоты,
Держась за гибкіе кусты,
Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
Сорвавшись, камень иногда
Катился внизъ—за нимъ бразда
Дымилась, прахъ вился столпомъ;
Гудя и прыгая, потомъ
Онъ поглощаемъ былъ волной;
И я висѣлъ надъ глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я съ крутыхъ высотъ
Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
Повѣяла навстрѣчу мнѣ.
И жадно я припалъ къ волнѣ.
Вдругъ голосъ... легкій шумъ шаговъ...
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Я поднялъ боязливый взглядъ
И жадно вслушиваться сталъ:
И ближе, ближе все звучалъ

Грузинки голосъ молодой...
Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу. Порой
Она скользила межъ камней
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ;
И шла она легко назадъ;
Изгибы длинные чадры [1])
Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрыли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея; и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ...
Трудами ночи изнуренъ,
Я легъ въ тѣни. Отрадный сонъ
Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
Я пробудился. Ужъ луна
Вверху сіяла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Какъ за добычею своей,
Объятья жадныя раскрывъ.
Міръ теменъ былъ и молчаливъ;
Лишь серебристой бахрамой
Вершины цѣпи снѣговой
Вдали сверкали предо мной,
Да въ берега плескалъ потокъ.
Въ знакомой саклѣ огонекъ
То трепеталъ, то снова гасъ:
На небесахъ въ полночный часъ
Такъ гаснетъ яркая звѣзда...
И вотъ дорою прямой
Пустился, робкій и нѣмой;
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ

[1]) Покрывало.

И тутъ съ пути сбиваться сталъ.
Напрасно въ бѣшенствѣ порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющемъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова.
Я сталъ взлѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горячею росой...
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ—и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ

Зажглося жаждою борьбы...
Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачекъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ:
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь—
Хотя лила изъ раны кровь
Густой широкою волной,
Бой закипѣлъ, смертельный бой.
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ,
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ

Блеснули грозно и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу.

Лермонтовъ.

93. Южный край Африки.

Ступивъ на берегъ, мы попали въ толпу Малайцевъ, Негровъ и *Африканцевъ*, какъ называютъ себя бѣлые, родившіеся въ Африкѣ. Одни работали въ адмиралтействѣ, другіе праздно глядѣли на море, на корабли, на пріѣзжихъ, или просто такъ, на что случится. За нами шли наши слуги; кто несъ ружье, кто сѣтку ловить насѣкомыхъ, кто молотокъ разбивать каменья. «Смотрите, говорили мы другъ другу: уже нѣтъ ничего нашего, начиная съ человѣка; все другое: и человѣкъ, и платье его, и обычай». Плетни устроены изъ кустовъ кактуса и алоэ: не дай вамъ Богъ схватиться за кустъ—что наша крапива! не только честный человѣкъ, но и воръ не перелѣзетъ черезъ такой заборъ: милліонъ едва замѣтныхъ глазу иглъ вонзится въ руку. И камень не такой, и песокъ рыжій, и травы странныя: одна какая-то кудрявая, другая въ палецъ толщиной, третья бурая, какъ мохъ, та дымчатая. Пошли за городъ, по мелкому и чистому песку на взморье; подъ ногами хрустѣли раковины. Все не наше, не такое, твердили мы, поднимая то раковину, то камень. Промелькнетъ воробей—гораздо наряднѣе нашего, франтъ, а сейчасъ видно, что воробей, какъ онъ ни франти. Тотъ же летъ, тѣ-же манеры, и также копается, какъ нашъ, во всякой дряни, разбросанной по дорогѣ. И ласточки, и вороны есть; но не тѣ: ласточки сѣрѣе, и вороны чернѣе гораздо. Собака залаяла, и то не такъ, отдаетъ чужимъ, какъ-будто на иностранномъ языкѣ лаетъ. По улицамъ бѣгали черномазые, кудрявые мальчишки, толпились черныя или коричневыя женщины. Малайцы въ высокихъ соломенныхъ шляпахъ, похожихъ на колокола, но съ болѣе раздвинутыми, или поднятыми нѣсколько кверху полями. Только свинья также неопрятна, какъ и у насъ, и такъ-же неистово чешетъ бокъ объ уголъ, какъ будто хочетъ своротить весь домъ, да кошка, сидя въ палисадникѣ, среди миртъ, преусердно лижетъ лапу и потомъ мажетъ

ею себѣ голову.—Мы прошли мимо домовъ, садовъ, по песчаной дорогѣ, миновали крѣпость и вышли налѣво загородъ.

Насъ предупреждали, чтобъ мы не ходили въ полдень близъ кустовъ; около этого времени выползаютъ змѣи грѣться на солнцѣ; но мы не слушали, шевелили палками въ кустахъ, смѣло прокладывая себѣ сквозь нихъ дорогу. Змѣи, кажется, еще болѣе остерегаются людей, нежели люди ихъ. Я видѣлъ только ящерицу, хотѣлъ прижать ее тростью на мѣстѣ, но зеленая тварь съ непостижимымъ проворствомъ скользнула въ норку. Гончаровъ.

94. Подъ экваторомъ.

Гдѣ я, о, гдѣ я, друзья мои? Куда бросила меня судьба отъ нашихъ березъ и елей, отъ снѣговъ и льдовъ, отъ злой зимы и безхарактернаго лѣта? Я подъ экваторомъ, подъ отвѣсными лучами солнца на межѣ Индіи и Китая, въ царствѣ вѣчнаго, безпощадно-знойнаго лѣта. Глазъ, привыкшій къ необозримымъ полямъ ржи, видитъ плантаціи (засѣянныя поля) сахара и риса; вѣчно зеленая сосна смѣнилась неизмѣнно-зеленымъ бананомъ, кокосомъ; клюква и морошка уступили мѣсто ананасамъ и мангу. Я на родинѣ ядовитыхъ перцовъ, пьяныхъ кореньевъ, слоновъ и тигровъ, львовъ; въ странѣ бритыхъ и бородатыхъ людей, изъ которыхъ одни не вѣдаютъ шапокъ, другіе носятъ кучу ткани на головѣ; одни вѣчно гомозятся за работой, съ молоткомъ, съ ломомъ, съ иглой, съ рѣзцомъ; другіе едва принимаютъ на себя трудъ съѣсть горсть рису и перемѣнить мѣсто въ цѣлый день; третьи, объявивъ вражду всякому порядку и труду, на легкихъ «проа» отважно рыщутъ по морямъ и насильственно собираютъ дань съ промышленныхъ мореходцевъ.

Осторожно и медленно подходили мы къ сингапурскому рейду. Наконецъ отдали якорь—и напряженное вниманіе, заботливое выпытываніе мѣстности и суетливая дѣятельность людей на фрегатѣ тотчасъ же замѣнились беззаботностью отдыха. Подъ покровомъ черной, но прекрасной, успокоительной ночи, какъ подъ шатромъ, хорошо было и спать мертвымъ сномъ уставшему матросу, и разговаривать за чайнымъ столомъ офицерамъ. Наверху царствуетъ торжественное, но не мертвое безмолвіе, хотя ни вѣтерокъ не шелохнется въ воздухѣ, нѣтъ

ни малѣйшей зыби на водѣ. Но сколько жизни покоится въ этой мягкой, нѣжной теплотѣ, передъ которой вы довѣрчиво, безъ опасенія открываете грудь и горло, какъ передъ ласками добрыхъ людей довѣрчиво открываете сердце! Сколько значенія таится въ этомъ неимовѣрно яркомъ блескѣ звѣздъ и въ этомъ морѣ, которое тихонько ползетъ цѣлой массой то впередъ, то назадъ, движимое теченіемъ, даже въ темныхъ глыбахъ скалъ и въ бахрамѣ вѣнчающихъ ихъ вершины лѣсовъ! Все кажется, что среди этой тишины зрѣетъ въ природѣ дума, огненные глаза сверкаютъ сверху такъ выразительно и умно, внезапный, тихій всплескъ воды какъ будто промолвился отвѣтомъ на чей-то вопросъ; все ждешь, что, среди тишины и живой, теплой мглы, раздастся какой-нибудь таинственный и торжественный глаголъ. Чего-то ждешь, о чемъ-то думаешь, что-то чувствуешь, чего ни опредѣлить, ни высказать не можешь; только сердце трепещетъ отъ силы необъяснимаго ощущенія; нервамъ больно!

Гончаровъ.

95. Сельдяной походъ.

Арктическіе (самые сѣверные) льды и приполюсныя страны почитаются кореннымъ мѣсторожденіемъ сельдей. Здѣсь мечется ими икра, и здѣсь же родятся несчетныя миріады существъ сельдянаго рода. Подъ вѣчными стоячими ледяными полями, можетъ быть, такъ же древними, какъ самая вѣчность, выростаетъ на самомъ днѣ неизмѣримо глубокомъ, все поколѣніе сельдянаго рода. Все это несчетное множество въ первые дни по рожденіи, спокойно въ тиши морской пучины, въ сторонѣ отъ лютыхъ враговъ своихъ, выростаетъ въ нѣжную крупную бѣлую рыбу и вслѣдъ затѣмъ весною вся эта масса народившихся сельдей подымается съ океанскаго дна на поверхность и начинаетъ отдѣльными отрядами, семьями, *рунами* совершать свои полярныя переселенія. Сельди идутъ всегда къ югу тѣсными, плотными рунами подъ предводительствомъ королька. Инстинктъ этого вожатаго ведетъ все стадо въ тѣ мѣста, гдѣ, можетъ быть, разъ онъ былъ и нашелъ безопасность и тихія мѣста, которыя такъ дороги рыбамъ съ перваго момента ихъ рожденія.

Походъ этотъ представляетъ человѣческому взору огромное, величественное зрѣлище. Зрители съ высокихъ корабельныхъ мачтъ не

могутъ обнять даже вооруженнымъ глазомъ всего пространства моря, сребровиднаго отъ сельдяпаго блеска. Представьте десятки миль покрытыхъ густою массою сельдей. Это стадо окружается плотоядными рыбами, макрелями, сайдою, тресками, семгами, палтусами и многими другими: онѣ тѣснятъ одна другую на поверхности моря. Къ этой окружной чертѣ примыкаютъ звѣри земноводные—тюленьей породы; а ихъ въ свою очередь стѣсняютъ звѣри рыбовидные: дельфины, бѣлуги, акулы, финъ-рыба, кошелоты и другіе изъ китовыхъ родовъ. Эти огромныя чудовища сами приводятся въ смятеніе своими собственными мучителями—пильщиками, палашниками, единорогами, которые стадами преслѣдуютъ ихъ. Надъ этой смятенной водной стихіей носятся тучи морскихъ птицъ, преслѣдующихъ сельдяной родъ: однѣ плаваютъ по воздуху, другія опускаются на густую массу рыбъ, ходятъ по ней, пожираютъ ихъ и оглашаютъ море своимъ разноголоснымъ крикомъ, какъ бы извѣщая о сельдяномъ походѣ. Кромѣ птицъ въ воздухѣ видятся водяные столпы, которые киты выпрыскиваютъ до значительной высоты. Эти огромные фонтаны раздробляются въ брызги, а воздухъ, отъ переломленія въ нихъ солнечныхъ лучей, дѣлается радужно блестящимъ и дымящимся; шипѣнье и обратное паденье водометовъ на поверхность моря сливается въ одинъ буйный шумъ. Ко всему этому еще присоединяется стенаніе китовъ, которыхъ терзаютъ ихъ враги мучители: оно подобно подземному, томному но весьма слышному реву. Все это, равно какъ удары китовыхъ хвостовъ о поверхность моря, приводитъ воздухъ въ колебаніе. Такое зрѣлище представляетъ несмѣтное множество живыхъ существъ, которыя нападаютъ одно на другаго, мучатъ, терзаютъ, поглощаютъ, пожираютъ, истребляютъ; одно стремится жить на счетъ другаго; а центръ всего, сельди дѣлаются здѣсь общею добычею. Въ желудкѣ выкинутаго на берегъ кита найдено было болѣе шестисотъ тресокъ съ многими птицами и громадою неизгнившихъ еще сельдей.

Но количество истребляемыхъ въ походѣ сельдей пополняется новыми рунами: сельди продолжаютъ метать икру и во время похода, такъ что еще несмѣтное количество сельдей укрывается отъ преслѣдованій морскаго звѣря въ тихихъ мелкихъ губахъ нашего Мурманскаго берега, Канинской и Новой Земли, въ Обской губѣ, по прибрежьямъ сѣверной и западной части Норвегіи, острововъ Гренландіи, Исландіи

по сѣвернымъ конечностямъ сѣверной Америки у острововъ Оркадскихъ и около береговъ Великобританіи. Отсюда направляясь дальше, сельдяныя руны испытываютъ превращенія: проходя Атлантическимъ океаномъ и Гибралтарскимъ проливомъ, онѣ, истомляясь долгимъ и дальнимъ путемъ, изростаются, уменьшаются въ тѣлѣ, измѣняются во вкусѣ. Въ сѣверныхъ заливахъ Средиземнаго моря сельдь уже является въ видѣ *сардинки*. Точно тѣмъ же превращеніямъ подвергается и та сельдь, которая проходитъ изъ океана въ наше Бѣлое море; величина рыбы уменьшается до одной трети относительно полярной, гренландской и даже мурманской; бѣлое мясо становится замѣтно красноватымъ.

Мурманскіе промышленники начинаютъ ловить сельдь въ концѣ іюля, и только черезъ мѣсяцъ, а чаще и въ сентябрѣ появляется сельдь въ Бѣломъ морѣ на зимовкѣ и опять таки подъ предводительствомъ тѣхъ же корольковъ. Несчастный случай погибели королька дѣлается гибелью всего руна: сельди тогда разсыпаются на мелкіе отряды, рѣдко счастливымъ случаемъ попадаютъ въ заливы и губы, чаще попадаются на открытые морскимъ вѣтрамъ берега; здѣсь разбиваются онѣ напоромъ волнъ о гранитные камни и выметываются грудами на прибрежья. Однажды былъ такой случай на отмеляхъ въ семи верстахъ отъ города Колы; стадо сельдей обсохло въ колѣно вышиною и выкинуто было потомъ на берегъ, такъ что весною принуждены, для предотвращенія заразы, сносить ихъ дальше въ тундру. У Канинскаго полуострова сельдь даже и ловить некому: она легко здѣсь дѣлается добычею морского звѣря, который зато и приходитъ сюда въ замѣтно большомъ количествѣ. Исключительный уловъ сельдей производится только въ Бѣломъ морѣ. Дѣломъ этимъ заняты всѣ приморскія селенія, которыя помѣстились вблизи мелкихъ защищенныхъ отъ морскихъ вѣтровъ губъ.

96. Охота на нерьпу.

(Разсказъ рыбака).

Нерьпа [1]) лукавый звѣрь, особо та, которая около жила шатается. Съ этой похрисхіански-то, по православному не сладишь. Не чутка

[1]) Звѣрь тюленьей породы въ Бѣломъ морѣ и въ Ледовитомъ океанѣ.

она на носъ, зато далеко беретъ глазомъ; это не моржъ—запримѣтитъ человѣчье тѣло версты за двѣ—сейчасъ въ воду, а тамъ лови ты ее, когда семи пядей во лбу. Бродитъ эта нерьпа около припаевъ ледяныхъ, и мѣста-то мы эти знаемъ ужъ по своей по старой вѣрѣ, по старымъ примѣтамъ. И то мы знаемъ, что человѣка она къ себѣ близко не подпускаетъ. Вотъ тутъ и хитритъ человѣкъ — Божье рожденье, и хитритъ-то онъ вотъ какъ: вотъ нерьпа лежитъ—вижу, окомъ своимъ вижу и себѣ вѣрю, что Богу—и лежитъ она не одна, а много. Я сейчасъ на раздумье и сейчасъ къ дѣлу. На плечи напялю черный совикъ (верхняя одежда), на голову—бѣлую шапку безпремѣнно, за спину вскину ружье, противъ себя доску держу, и водой я эту доску оболью и заморожу, и по доскѣ по этой *петничекъ* (деревянныхъ гвоздочковъ) насажаю пропасть, чтобы снѣгъ держался, и поползу на колѣнкахъ на льдину на ту. Нерьпа видитъ доску мою,—льдиной почитаетъ; лежитъ и глядитъ на доску на эту зорко, во всѣ глаза. «Надулъ, думаю, стой теперь: я еще тебѣ штуку подпущу, знай ты меня!» И сейчасъ кричать, сейчасъ стучать, какъ смогу и съумѣю, и опять однимъ глазкомъ своимъ накинусь на звѣря. Вижу, мечется онъ, по сторонамъ бросается; въ прорубь сунется, опять выскочитъ, ухо прилаживаетъ, прислушивается къ проруби то, не тамъ ли, молъ, шумитъ кто; опять у проруби мечется, долго, круто мечется. Думаю: забрало! пошла битка въ конъ [1])!... гуляй, молодецъ,—твоя недѣля. Онъ-то мечется! а я ему: «ого-го» свое; онъ-то пляшетъ да скачетъ, а я свое дѣло правлю: ружье налаживаю, да пулей прямо въ морду, такъ и уткнется, такъ и придернетъ его всего крѣпкой судорогой. Ей Богу! это дѣло—ладное дѣло! На берегъ выйдешь, не прохохочешься.

Эхъ, молъ, ты человѣкъ дикой да глупой, хуже, молъ, ты самоѣда нашего! право! Эдакъ-то, мы по веснамъ больше...

— А есть у насъ, твое благородье, и такіе смѣльчаки (про себя только боюсь тебѣ сказывать), что облукавливаютъ звѣря всякаго: и нерьпу, и тевяка, и заячей [2]). И облукавливаютъ они его вотъ какъ,

---

[1]) Поговорка; битка—бабка, которою бьютъ въ игрѣ; конъ—рядъ бабокъ, въ которыя цѣлятся.

[2]) Также тюленьей породы.

и это труднѣе того, что разсказано. Доски на этотъ разъ не берутъ; тутъ человѣкъ самъ за себя отвѣчай, за свой умъ, за все свое. Человѣкъ этотъ выходитъ на льдину весь бѣлый, ворочается: нерьпу раздразнитъ, расшевелитъ. Она свое дѣлаетъ, и онъ по ее: она въ одну сторону дернетъ и головушкой тряхнетъ — и онъ также; она ухомъ къ проруби своей приложится—и онъ свое ухо на ледъ. Такъ и надуетъ! Такъ и облукавитъ! Звѣрь помечется, побѣсится; видитъ—человѣкъ, что нерьпа, свой братъ: возьметъ, да и ляжетъ, успокоится и отворотится. Тутъ ей и пуля горячая!..

— Мы, вѣдь, ваша милость, изъ своихъ изъ плохихъ винтовокъ на 50 саженъ хватаемъ и прямо въ морду. И до того глупа на тотъ часъ нерьпа бываетъ, что щелкаешь ты выстрѣлами однѣхъ—другія не шелохнутся! Выстрѣлы то эти, надо быть, за трескъ торосьевъ [1]) почитаютъ. Облукавленный звѣрь—пропащій звѣрь, какъ передъ Богомъ!..

С. Максимовъ.

97. Охота на льва.

Со мною былъ мой вѣрный слуга Аполлонъ изъ Готтентотовъ и люди изъ Намака, нанятые мною передъ отъѣздомъ въ страну Дамара (въ южной Африкѣ). Я остановился у маленькаго озера, куда ночью приходили разные звѣри утолять жажду. По всему берегу были видны ихъ слѣды. Мѣсто было знакомо Намакамъ: они просили меня удалиться, говоря, что въ этихъ окрестностяхъ львы очень свирѣпы, и ночью могутъ напасть не только на нашихъ быковъ, но и на насъ самихъ. А если левъ хоть разъ попробовалъ человѣческаго мяса, то предпочитаетъ его всякому другому и охотно бросаетъ другую добычу, когда можетъ овладѣть человѣкомъ. Мнѣ не для чего было подвергать опасности моихъ быковъ и прислугу, и я охотно отошелъ мили на двѣ въ сторону и въ маленькой долинѣ расположился на ночлегъ. Мы развели большой огонь, чтобы предохранить себя отъ дикихъ звѣрей и пустили быковъ щипать траву между скалами.

---

[1]) Торосы—ледяныя горы, образующіяся изъ ледниковъ, которые постепенно спускаются въ море весьма широкими полосами и вышиною до 40 саженъ надъ поверхностью моря; отъ нихъ отламываются приливомъ большія массы и носятся по океану.

Но мнѣ все-таки хотѣлось послать пулю въ какого-нибудь льва; уже три года я не испытывалъ этого удовольствія. Только трое изъ моихъ слугъ согласились слѣдовать за мною на эту охоту, другіе остались поддерживать огонь и присматривать за быками. Передъ солнечнымъ закатомъ мы пришли къ озеру и тотчасъ же принялись за работу: кирки и заступы были съ нами; на сто шаговъ отъ воды вырыли мы яму, глубиною отъ трехъ до четырехъ футовъ. Вырытую землю мы положили по краямъ и, зарядивъ ружья, засѣли въ наше укрѣпленіе ожидать львовъ. Ночь прошла въ ожиданіи. Множество животныхъ приходило на водопой, только льва не было въ ихъ числѣ Къ намъ приближались на выстрѣлы серны, газели, зебры, дикія лошади и другіе звѣри, но мы не стрѣляли, намъ не нужно было ихъ мяса, а выстрѣлы могли предостеречь львовъ. Но и сидя смирно, мы не выиграли ничего. На всходѣ солнца мы вышли изъ засады, усталые, раздосадованные, измученные безсонною ночью. Мы слышали ревъ, но не видали ни одного льва: наши повозки и быки отвлекали ихъ отъ озера. Наши люди усердно поддерживали огонь; въ крайнемъ страхѣ, вмѣстѣ съ быками они держались огня такъ близко, что ни одинъ левъ не осмѣлился напасть на нихъ.

И такъ я потерялъ надежду встрѣтиться съ этимъ гордымъ животнымъ; но какъ мнѣ не хотѣлось воротиться съ пустыми руками, то мы и рѣшились подстрѣлить хоть что-нибудь, и тѣмъ вознаградить себя за свою неудачу. Едва успѣли мы пройти нѣсколько саженъ, какъ изъ колючаго кустарника выскочило на насъ небольшое стадо сернъ; какой-то страхъ гналъ ихъ прямо на насъ; я выстрѣлилъ изъ двухъ стволовъ своего ружья и свалилъ изъ нихъ самаго большого; мои слуги послѣдовали моему примѣру, но безъ успѣха. Еще не успѣлъ я опустить прикладъ, какъ изъ кустарниковъ вышелъ огромный левъ и медленно пошелъ на насъ. Разстояніе было всего сто саженъ, такъ что зарядить ружье было невозможно. Притомъ же неожиданное появленіе льва такъ поразило меня, что нѣсколько секундъ я не зналъ, на что рѣшиться. Послѣ перваго изумленія, я наконецъ увидѣлъ, что намъ оставалось одно средство. Когда туземцы идутъ на льва, вооруженные копьями и ножами, то поступаютъ такъ: съ приближеньемъ звѣря они опускаются на землю, одинъ подлѣ другого. Левъ бросается на одного изъ нихъ: иногда бѣднякъ бываетъ убитъ однимъ ударомъ

когтей или зубовъ; по большей части отдѣлывается опасной раной. Другіе въ то же время хватаютъ льва за хвостъ, приподнимая его, что льву мѣшаетъ обернуться; остальные же быстро поражаютъ его копьями и ножами. Случается, что левъ бываетъ убитъ; случается, что и онъ разорветъ двоихъ или троихъ изъ людей, другіе же спасаются бѣгствомъ.

Мнѣ оставалось употребить тотъ же способъ: дерзко встрѣчая врага, мы могли устрашить его или по крайней мѣрѣ выиграть время и успѣть зарядить ружье. И такъ я громко закричалъ: садитесь, садитесь! Но тутъ же замѣтилъ, что мои спутники убѣжали при одномъ видѣ льва и уже взлѣзали на холмъ, на которомъ были наши повозки. Аполлонъ думалъ, какъ онъ послѣ увѣрялъ меня, что и я спасаюсь бѣгствомъ, только не такъ скоро, какъ они. Онъ взбѣжалъ на холмъ и уже тогда замѣтилъ свою ошибку.

И такъ я остался одинъ. Бѣжать было поздно, да еслибъ я даже побѣжалъ вмѣстѣ съ Намаками, и тогда левъ догналъ бы меня на первыхъ шагахъ. Ружье не было заряжено; охотничій ножъ былъ у Аполлона, который взялъ его у меня, когда мы копали яму. Одинъ, безъ оружія, я считалъ себя навѣрно погибшимъ. «Боже, вскричалъ я, будь милостивъ къ моей женѣ и дѣтямъ», и со страхомъ ожидалъ послѣдней минуты.

Между тѣмъ левъ, казалось не торопился; онъ приближался спокойно, мало по малу уменьшая шагъ. Наконецъ не вдалекѣ отъ меня остановился, сѣлъ на землю какъ кошка и зорко смотрѣлъ на меня; я также присѣлъ и сколько могъ бодрѣе, смотрѣлъ на него. Еще въ школѣ мнѣ случалось читать, будто животныя не выносятъ зоркаго взгляда человѣка, и хоть никогда мнѣ не удавалось въ этомъ убѣдиться на опытѣ, я всетаки рѣшился употребить въ дѣло свои глаза. Къ несчастію, мой взглядъ не производилъ дѣйствія: левъ только жмурилъ глаза, посматривалъ по сторонамъ, вотъ и все. Наконецъ онъ прилегъ, поджавъ лапы и опустивъ подбородокъ на землю, совершенно какъ кошка, слѣдящая за мышью. Повременамъ онъ облизывалъ губы: по всей вѣроятности онъ недавно пообѣдалъ и теперь вовсе не хотѣлъ ѣсть. Я угадывалъ его намѣреніе: ему хотѣлось приберечь меня къ слѣдующему обѣду; львы любятъ свѣжее мясо, и мой непріятель явно рѣшился ждать апетита.

Я не спалъ всю предъидущую ночь; можно вообразить, какъ я былъ утомленъ и голоденъ. Къ счастью, еще утромъ я выпилъ достаточно воды и жажда меня не мучила. Безъ этого я навѣрно былъ бы побѣжденъ утомленіемъ и тяжелыми впечатлѣніями дня. Солнце ярко освѣтило пустыню; песокъ накалился и жегъ мнѣ ноги. На мнѣ была войлочная шляпа съ широкими полями; они защищали меня отъ лучей, и всетаки солнце никогда такъ жестоко не мучило меня. Но я еще не терялъ бодрости и готовъ былъ воспользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ. Пробовалъ я зарядить ружье, да не удалось. При первой попыткѣ старый разбойникъ поднялъ голову и заворчалъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «потише, любезнѣйшій, не съ мѣста, или знаешь...» Не успѣлъ бы я насыпать пороху, какъ ужъ былъ бы у него въ зубахъ и въ когтяхъ.

Передо мной былъ самый огромный левъ, какого только мнѣ удавалось видѣть, съ огромной сѣдой гривой и прелукавыми глазами. Нельзя себѣ представить, какъ смышлены эти старые львы; напримѣръ, онъ зналъ, что ружье можетъ повредить ему, зналъ тоже, что мои люди находятся вблизи, и повременамъ обращалъ въ ту сторону пытливые глаза. Въ такихъ случаяхъ сердце у меня сильно билось, и потъ выступалъ каплями на лицѣ.

Левъ былъ въ безпрестанномъ движеніи. Это самое поддерживало мое вниманіе и не позволяло мнѣ уступить усталости. Стадо зебровъ бѣжало мимо насъ. Замѣтивъ льва, они, какъ съумасшедшіе, бросились въ сторону; левъ приподнялся съ земли и поглядѣлъ на бѣглецовъ. Львы очень любятъ мясо зебровъ, и я надѣялся, что это избавитъ меня отъ непріятеля, но онъ остался: конечно, разсудилъ, и очень основательно, что можетъ быть, ему не удастся догнать зебровъ, а меня упуститъ.

И такъ онъ снова прилегъ, посматривая на меня съ особенною живостью и съ страшнымъ ревомъ; ему хотѣлось сказать мнѣ: «ты видишь, пріятель, я предпочелъ тебя зебру, ты, конечно, меня вознаградишь». Въ душѣ я проклиналъ стараго злодѣя; но остерегался браниться вслухъ, опасаясь привлечь его особенное вниманіе. Но вотъ новая тревога! Левъ внимательно посмотрѣлъ по направленію къ повозкамъ, поднялся, оскалилъ зубы и зарычалъ, какъ будто замѣтилъ что нибудь особенно непріятное. Послѣ я узналъ, что Аполлонъ

уговорилъ другихъ слугъ освободить меня вооруженною рукою. Они вооружились съ ногъ до головы и взобрались на холмъ. Отсюда ихъ зоркіе глаза могли разсмотрѣть насъ; но стоило льву приподняться и зарычать, какъ всѣ храбрецы, безъ ума отъ страха, были опять у повозокъ. Левъ снова прилегъ, протянулъ лапы, зѣвнулъ, поморгалъ глазами и, казалось, былъ утомленъ. Но онъ рѣшился ждать ночи, иначе онъ теперь же покончилъ бы со мною.

Къ вечеру я услышалъ отдаленный ревъ. Онъ до крайности встревожилъ льва. По звуку, казалось, львица ищетъ своего супруга. Онъ вставалъ и снова ложился, расхаживалъ взадъ и впередъ, вообще не зналъ, на что рѣшиться. Но не откликнулся, и голосъ львицы замеръ вдали. Это была самая ужасная для меня минута: еслибъ левъ подалъ голосъ своей супругѣ, она, навѣрное голодная, мигомъ бросилась бы на готовый ужинъ. Кажется, старый мошенникъ имѣлъ ту же самую мысль и счелъ за лучшее помолчать.

Наконецъ наступила ночь. Звѣзды ярко заблестѣли на небѣ, но луна не выходила. Кругомъ было совершенно темно, только на востокѣ можно было видѣть очертаніе холмовъ. Левъ лежалъ неподвижно, невдалекѣ отъ меня, и хотя я видѣлъ его очень не ясно, но былъ увѣренъ, что онъ не спитъ и наблюдаетъ за мною: повременамъ, глаза его яркіе, какъ раскаленный уголь, обращались ко мнѣ. Мнѣ оставалась одна надежда: неподвижностью и молчаніемъ я могъ его утомить или по-крайней-мѣрѣ отдалить время нападенія, ожидая особеннаго случая, который-бы могъ избавить меня отъ непріятеля. Но чтобы не потерять этой послѣдней надежды, я долженъ былъ не спать, а это было до крайности трудно. Уже тридцать шесть часовъ я провелъ безъ сна и двадцать четыре часа безъ пищи! Воздухъ былъ свѣжъ, и эта самая свѣжесть, послѣ утомительно жаркаго дня, клонила меня ко сну. Глубокое молчаніе царствовало въ пустынѣ; поддерживать отяжелѣлыя вѣки стоило мнѣ огромныхъ усилій. Иногда я впадалъ въ забытье и тотчасъ-же просыпался при мысли, что левъ уже готовъ броситься на меня. Я просыпался, какъ человѣкъ, осужденный на смерть, просыпается отъ одного ожиданія близкой казни. Въ такомъ ужасномъ положеніи трудно было надѣяться—выдержать цѣлую ночь. Это было выше человѣческихъ силъ.

Разныя животныя стали приходить одно за другимъ къ озеру. Я

слышалъ ихъ шаги, но за темнотою не могъ ничего видѣть. Левъ видѣлъ все, но не трогался съ мѣста, а только поводилъ головой. Надежда, что онъ покинетъ меня для другой добычи, исчезла совсѣмъ. Вдругъ онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на меня и заревѣлъ. Наступило время умирать, думалъ я. Левъ поднялся и заревѣлъ еще громче, устремивъ взоръ на меня еще съ большей энергіей. Я приготовился къ бою, въ лѣвой рукѣ ружье, въ правой платокъ. Я рѣшился сунуть ему въ пасть прикладъ ружья и задушить его, запихивая платокъ, какъ можно дальше въ горло. Исполнить это было очень трудно, но вѣдь эта была послѣдняя борьба; безъ нея не хотѣлось мнѣ сдаться. Левъ такъ мучилъ меня съ утра, что я отъ души возненавидѣлъ его и рѣшился повредить ему, что будетъ силъ. Но опять напрасная тревога: свирѣпый звѣрь успокоился и снова присѣлъ; но ужъ не ложился, какъ прежде, а все сидѣлъ и смотрѣлъ въ мою сторону, вытянувъ впередъ шею, какъ кошка, когда она что нибудь внимательно наблюдаетъ. Наконецъ онъ снова растянулся, повидимому, успокоенный своими наблюденіями...

Вдругъ, едва прошло десять минутъ, онъ опять всталъ и заревѣлъ ужаснѣе прежняго. Я полагалъ, какой нибудь хищный звѣрь подкрадывается сзади, и мой левъ долженъ будетъ оспаривать у него добычу. Можетъ быть, думалъ я, пользуясь темнотой, мои люди рѣшились попробовать счастья. Но трудно было этого ожидать: я хорошо зналъ чрезмѣрную ихъ трусость. При такой опасности моя сонливость исчезла; и я нетерпѣливо ждалъ развязки. Левъ продолжалъ ревѣть, ходилъ взадъ и впередъ и, казалось, не зналъ, на что рѣшиться. Наконецъ онъ остановился, и я видѣлъ, что онъ готовъ сдѣлать прыжокъ и покончить со мною.

Въ это самое мгновеніе за мною раздался страшный вой; яркое пламя освѣтило кругомъ всѣ предметы и какое-то существо, все въ огнѣ бросилось между мной и львомъ. Левъ страшно зарычалъ, но больше отъ страха, чѣмъ отъ злобы, и большими прыжками скрылся въ темнотѣ. Тогда я узналъ моего Аполлона. Исчезло пламя вокругъ его головы и плечъ, а онъ все продолжалъ бѣсноваться, кричать, яростно махалъ двумя горящими вѣтками, которыя держалъ въ рукахъ. Онъ былъ очень похожъ на чудовище. Бѣдняжка былъ въ такомъ сильномъ страхѣ, что не слыхалъ моихъ словъ.

— Заряжайте ружье! кричалъ онъ самымъ отчаяннымъ голосомъ, заряжайте ружье! Большой звѣрь можетъ воротиться. Заряжайте ружье!

Поднимаясь съ земли, я чувствовалъ онѣмѣніе во всѣхъ членахъ, какъ будто былъ въ параличѣ. Но вскорѣ кровь стала обращаться правильнѣе; я зарядилъ ружье и тотчасъ же побѣжалъ къ повозкамъ. Аполлонъ все бѣжалъ передо мною съ горящими вѣтвями, прыгалъ и кричалъ какъ сумасшедшій, чтобы предохранить насъ отъ дикихъ звѣрей. Наконецъ, мы добѣжали до повозокъ. Утоливъ голодъ, я просилъ своего избавителя разсказать мнѣ, что было у нихъ безъ меня и какимъ образомъ онъ спасъ меня отъ ужасной смерти.

Оказалось, что Аполлонъ цѣлый день уговаривалъ другихъ слугъ идти ко мнѣ гурьбою. Сначала они согласились; вооруженные съ ногъ до головы, взошли на холмъ, но скоро страхъ взялъ свое, и они бѣжали. Вечеромъ Аполлонъ рѣшился идти одинъ. Онъ взялъ большую сковороду, насыпалъ на нее слой пороха, смоченнаго такъ, чтобъ могъ онъ медленно горѣть; порохъ прикрылъ соломой, сверху насыпалъ сухаго пороху и все это прикрылъ сухими вѣточками. Съ наступленіемъ ночи онъ пустился въ путь, прикрѣпивъ сковороду къ головѣ. На половинѣ пути онъ припалъ къ землѣ и поползъ. Левъ заревѣлъ въ первый разъ, когда мой слуга былъ во ста шагахъ отъ меня. «Этотъ ужасный ревъ,—говорилъ Аполлонъ,—сковалъ мои члены, и я готовъ былъ упасть безъ чувствъ». Совершенная неподвижность слуги обманула льва: онъ успокоился. Аполлонъ поползъ опять, пріостанавливаясь почти каждую минуту. Не вдалекѣ отъ меня онъ вынулъ химическую спичку и зажегъ солому на головѣ. Мигомъ вспыхнулъ порохъ; Аполлонъ бросился на льва, и левъ обратился въ бѣгство.

78. На островѣ Мадера.

Тутъ солнце свѣтитъ не по нашему, какъ-то румянѣе; тѣни отъ того всѣ рѣзче, или уже мнѣ такъ показалось послѣ продолжительной дороги. Изъ-за заборовъ выглядываетъ не наша зелень. Вездѣ по стѣнамъ и около оконъ фестономъ лѣпится безконечный плющъ, да цѣлая ширма широколиственнаго винограда; мѣстами видны, поверхъ заборовъ, высокія стройныя деревья съ мелкою зеленью, это мирты

и кипарисы. Народъ непохожій на нашъ сѣверный: все смуглыя лица, да рѣзкія подвижныя черты. А вотъ вдругъ вижу, однакожъ, что-то почти сѣверное. Что за странность: экипажи на полозьяхъ, изъ свѣтлаго, какъ будто ясеневаго или пальмоваго дерева; на нихъ мѣста, какъ въ кабріолетѣ; запряжены эти сани парой быковъ, которые, разумѣется шагомъ, тащатъ странный экипажъ по каменьямъ. Въ экипажѣ сидитъ семейство: мужъ съ женой и дѣти. Стало быть колясокъ и каретъ здѣсь нѣтъ, заключилъ я: мало мѣста, и ѣздить имъ на гору круто, а по городу негдѣ. Ѣздятъ верхомъ и въ носилкахъ. Мимо меня проскакала, на небольшой красивой лошадкѣ, плотная барыня, вся въ бѣлой кисеѣ, въ бѣлой шляпкѣ; подлѣ, держась за уздечку, бѣжалъ проводникъ. И наши поѣхали съ проводниками, которые тоже бѣжали рядомъ съ лошадью, да еще въ гору—что же у нихъ за легкія? Другую барыню быстро пронесли мимо меня въ паланкинѣ. Такъ вотъ онъ, паланкинъ! Это маленькая повозочка или колясочка, обитая какой нибудь матеріей, обыкновенно ситцемъ или клеенкой. Къ крышкѣ ея придѣлана посрединѣ толстая жердь, которую проводники кладутъ себѣ на плечи. Я все шелъ пѣшкомъ, и двое мальчишекъ со мной. Въ домахъ иногда открывалось жалюзи; изъ-за него сверкалъ чей-то глазъ, и потомъ рѣшетка снова захлопывалась. Это какой нибудь сонный португалецъ или португалька, услыхавъ звонкіе шаги по тихой улицѣ, на минуту выглядывали, какъ въ провинціи, удовлетворить любопытству, и снова погружались въ дремоту. Дальше, опять я видѣлъ важно шагающаго англичанина въ бѣломъ галстухѣ, и если не съ зонтикомъ, такъ съ тростью. Тамъ, должно быть у шпика, толчется кучка народу. Но все тихо: по климату—это столица міра; по тишинѣ, малолюдству и образу жизни—незавидная провинція.

Слышу топотъ за собой. За мной мчится паланкинъ; проводники догнали меня и поставили носилки на землю. Напрасно я упрашивалъ ихъ дать мнѣ походить: они схватили меня съ крикомъ за обѣ руки и буквально упрятали въ колыбель. Мнѣ было какъ то не ловко, совѣстно ѣхать на людяхъ, и я опять было выскочилъ. Они опять стали бороться со мной и таки посадили или, лучше сказать, положили, потому что сидѣть было неловко. А что-жъ? ничего! думалъ я, мнѣ хорошо, какъ на диванѣ; каково имъ? пусть себѣ несутъ, коли есть

охота! Я ожидалъ, что они не поднимутъ меня, но они, какъ ребенка, вскинули меня съ паланкиномъ вверхъ и помчали по улицамъ. А всего двое: но за-то, что за рослый, красивый народъ! какъ они стройны, мужественны на взглядъ! Изъ-за отстегнутаго воротника рубашки глядѣла смуглая и крѣпкая грудь. Оба, разумѣется, черноглазые, черноволосые, съ длинными бородами. Скоро мы стали подниматься въ гору; я думалъ, тутъ устанутъ они, но они шли скорымъ шагомъ. Однакожъ лежать мнѣ надоѣло, я привсталъ, чтобъ сѣсть и смотрѣть по сторонамъ. Преширокая ладонь подкралась сзади и тихонько опрокинула меня опять на спину. Это что? Я опять привсталъ, колыбель замоталась и пошла медленнѣе. Опять таже ладонь хочетъ опрокидывать меня. «Я сидѣть хочу! закричалъ я. Они объяснили, что имъ такъ неловко нести, тяжело... «А, тяжело; мнѣ что за дѣло: взялись, такъ несите». Но чуть я задумывался, ладонь осторожно пыталась, какъ будто незамѣтно отъ меня самого, опрокинуть меня. Мнѣ надоѣло это, и я пошелъ пѣшкомъ. «Зима— хороша зима!» думалъ я, скидая жакетку. А консулъ совѣтовалъ надѣть еще пальто; говоритъ, что въ горахъ воздухъ холоденъ. Какъ не холоденъ—печетъ! Проводники вдругъ остановились у какого-то домика, что-то крикнули, и намъ вынесли кружки три вина. Подаютъ и мнѣ—какъ не попробовать: вѣдь это мадера и прямо изъ источника! Точно мадера; но что за дрянь! должно быть, молодое вино. Я отдалъ кружку назадъ. Проводники поклонились мнѣ и мгновенно осушили свои кружки, а двое мальчишекъ, которые бѣжали рядомъ съ паланкиномъ и на гору, выпили мою. Все это, конечно, на мой счетъ, потому что, подавъ кружки, португалецъ обратился ко мнѣ со словами: «one shilling, signor [1])». Изъ-за забора выглядывала виноградная зелень, но винограда уже не было — ни одной ягоды: онъ весь собранъ давно. Меня понесли дальше; съ проводниковъ ручьями лилъ потъ. «Какъ же вы пьете вино, когда и такъ жарко?» спросилъ я ихъ съ помощью мальчишекъ и посредствомъ трехъ или четырехъ языковъ. «Вино-то и помогаетъ: безъ него устали бы», отвѣчали они и, вѣроятно, на основаніи этого правила, черезъ полчаса остановились на горѣ у другого виноградника и другой лавочки,

---

[1]) Одинъ шиллингъ, сударь.

и опять выпили. Тутъ на дверяхъ висѣла связка какихъ-то незнакомыхъ мнѣ плодовъ, съ виду похожихъ на огурцы средней величины; кожа, какъ на бобахъ—на иныхъ зеленая, на другихъ желтая. «Что это такое?» спросилъ я. «Бананы»—говорятъ. «Бананы! тропическій плодъ! Дайте, дайте сюда!» Мнѣ подали всю связку. Я оторвалъ одинъ и очистилъ — кожа слѣзаетъ почти отъ прикосновенія; попробовалъ—не понравилось мнѣ: прѣсно, отчасти сладко, но вяло и приторно, вкусъ мучнистый, похоже немного и на картофель, и на дыню, только не такъ сладокъ, какъ дыня, и безъ аромата или съ своимъ собственнымъ, какимъ-то грубоватымъ букетомъ; это скорѣе овощь, нежели плодъ. Я заплатилъ шиллингъ и пошелъ къ носилкамъ: но хозяинъ лавочки побѣжалъ за мной и совалъ мнѣ всю связку. «Не надо», сказалъ я. — «Вы заплатили за всю, signor, такъ надо», говорилъ онъ и положилъ связку въ носилки.

Мы поднимались все выше; дорога шла круче. «Что это такое», спрашивалъ я, часто встрѣчая по сторонамъ прекрасные сады съ домами.—«Англійскій садъ», говорили проводники. На лучшихъ мѣстахъ вездѣ были англійскіе сады. Я входилъ въ ворота и глаза разбѣгались по прекраснымъ аллеямъ изъ тополей, акацій, кипарисовъ. Въ тѣни зелени прятались домы изящной архитектуры, съ галереями, верандами, со всѣми затѣями барской роскоши; тутъ-же были и ихъ виноградники. Англичане здѣсь господа; лучшее вино идетъ въ Англію. Между португальскими торговыми домами мало богачей. Нашъ консулъ считается значительнымъ виноторговцемъ, но онъ живетъ очень скромно, въ сравненіи съ британскими негоціантами. Они торгуютъ не однимъ виномъ. По просьбѣ консула, не смотря на воскресенье, намъ отперли одинъ магазинъ, лучшій на всемъ островѣ, и этотъ магазинъ—англійскій. Чего въ немъ нѣтъ! англійскія иглы, ножи и прочія стальныя вещи, англійскія бумажныя и шерстяныя ткани, сукна; ихъ-же бронза, фарфоръ, ирландскія полотна. Сожалѣть-ли объ этомъ, или досадовать—право не знаю. Оно досадно, конечно, что англичане на всякой почвѣ, во всѣхъ климатахъ пускаютъ корни, и всюду прививаются эти корни. Но зачѣмъ-же не сказать и правды? не будь ихъ на Мадерѣ, гора не воздѣлывалась бы такъ дѣятельно, не была бы застроена такими изящными виллами, да и дорога туда не была-бы такъ удобна; народъ этотъ одѣвался бы не такъ

чисто по воскресеньямъ. Не даромъ онъ говоритъ поанглійски: даромъ южный житель не пошевелитъ пальцомъ, а тутъ онъ шевелитъ языкомъ, да еще поанглійски. Англичанинъ даетъ ему нескончаемую работу и за все платитъ золотомъ, котораго въ Португаліи немного.

Мы продолжали подниматься по узкой дорогѣ между сплошными заборами по обѣимъ сторонамъ. Кое-гдѣ между зелени выглядывали цвѣты, но мало. А зима, говоритъ консулъ; хороша зима! олеандръ въ цвѣту.

Вдругъ въ одномъ мѣстѣ мы вышли на открытую со всѣхъ сторонъ площадку. Португальцы поставили посилки на траву. «Bella vischta, signor!» [1]) сказали они. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасный видъ! Описывать его смѣшно. Уже лучше снять дагеротипъ: тотъ по крайней мѣрѣ передастъ всѣ подробности. Мы были на одномъ изъ уступовъ горы, на половинѣ его высоты... и того нѣтъ: подъ ногами нашими цѣлое море зелени, внизу городъ, точно игрушка; тамъ чуть-чуть видно, какъ ползаютъ люди и животныя, а дальше—вовсе не игрушка, океанъ, на рейдѣ въ морѣ опять игрушки—корабли, въ томъ числѣ и нашъ. Не хотѣлось уходить оттуда, а пора, да и жарко. Но я все стоялъ. «Bella vischta!» сказалъ я португальцамъ и потомъ прибавилъ gratia—не зная, какъ сказать имъ «благодарю». Они поклонились мнѣ, значитъ поняли. Можно снять посредствомъ дагаротипа, пожалуй, и море, и небо, и гору съ садами, но не нарисуешь этого воздуха, которымъ дышитъ грудь, не передашь его легкости и сладости. Много разсказываютъ о цѣлительности воздуха Мадеры; можетъ быть, дѣйствіе этого воздуха на здоровье замѣтно по послѣдствіямъ; но сладостью, которою онъ напитанъ, упиваешься, лишь только ступишь на берегъ. Я дышалъ, бывало, воздухомъ нагорнаго берега Волги и думалъ, что нигдѣ лучшаго не можетъ быть. Откроешь утромъ въ лѣтній день окно, и въ него дунетъ такая свѣжая здоровая прохлада. На Мадерѣ я чувствовалъ ту-же свѣжесть и прохладу волжскаго воздуха, который пьешь, какъ чистѣйшую ключевую воду, да сверхъ того, онъ будто растворенъ... мадерой: скажите вы? нѣтъ, тонкими ароматами этой удивительной почвы, питающей сѣверные

---

[1]) Хорошій видъ, сударь.

деревья и цвѣты, рядомъ съ тропическими, на каждомъ клочкѣ въ нѣсколько саженъ, и неотравляющей воздуха никакимъ ядовитымъ дыханіемъ жаркаго пояса. Въ этомъ состоитъ особенность и знаменитость острова.

Кажется, ни за что не умрешь въ этомъ цѣлебномъ, полномъ нѣги, воздухѣ, въ теплой атмосферѣ, т. е. не умрешь отъ болѣзни, а отъ старости развѣ, и то когда заживешь чужой вѣкъ.

Хороша зима! А кто-же это порхаетъ по кустамъ, поетъ? Не наши ли лѣтнія гостьи? А тамъ, какіе это цвѣты выглядываютъ изъ-за забора? Бываютъ-же такія зимы на свѣтѣ!

Гончаровъ.

99. Кругосвѣтное путешествіе.

Прочтите описаніе кругосвѣтнаго путешествія, совершеннаго пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Что это было?—пытка! Путешественникъ проходилъ сквозь строй лишеній, нуждъ, питался соленымъ мясомъ, пилъ воду, зажавъ носъ, дрался съ дикими. А теперь? Вы едва являетесь въ портъ къ Индѣйцамъ, къ Китайцамъ, дикимъ—васъ окружаютъ лодки, какъ окружили здѣсь насъ; прачка — Китаецъ или Индіецъ, беретъ ваше тонкое бѣлье, крахмалитъ, моетъ, какъ въ Петербургѣ; является портной, съ длинной косой, въ своей кофтѣ и шароварахъ, показываетъ образчики суконъ, матерій, снимаютъ мѣрку и шьютъ европейскій костюмъ; съѣдете на берегъ — жители не разбѣгаются въ стороны, а встрѣчаютъ толпой не затѣмъ, чтобы драться, а чтобъ предложить карету, носилки, проводить въ гостинницу. Тамъ тотъ-же мягкій бифстексъ, тотъ-же лафитъ, хересъ и чистая постель, какъ въ Европѣ.

Гончаровъ.

100. Рудокопъ.

(Неожиданное свиданіе).

Лѣтъ за семьдесятъ, въ Швеціи, въ городѣ горномъ Фаллунѣ
Утромъ одинъ молодой рудокопъ, на свиданьи съ своею
Скромной, милой невѣстою, такъ ей сказалъ: «черезъ мѣсяцъ
(Мѣсяцъ не дологъ) мы будемъ мужъ и жена, и надъ нами
Благословеніе Божіе будетъ».—«И въ нашей убогой

Хижинѣ радость и миръ поселятся», сказала невѣста.
Но когда возгласилъ во второй разъ священникъ въ приходской
Церкви: *кто законное браку препятствіе знаетъ,*
Пусть объявитъ о немъ, тогда съ запрещеньемъ явилась
Смерть. Накапунѣ брачнаго дня, идя въ рудокопню,
Въ черномъ платьѣ своемъ (рудокопъ никогда не снимаетъ
Чернаго платья) женихъ постучался въ окошко невѣсты,
Съ радостнымъ чувствомъ сказалъ онъ ей: *доброе утро!* но *добрый*
Вечеръ! онъ ужъ ей не сказалъ, и назадъ не пришелъ онъ
Къ ней ни въ тотъ день, ни на другой, ни на третій, ни послѣ..
Рано поутру одѣлась она въ вѣнчальное платье
Долго ждала своего жениха, и когда не пришелъ онъ,
Платье вѣнчальное снявши, она заплакала горько,
Плакала долго объ немъ, и его никогда не забыла...

А поля, какъ всегда, покрывалися жатвой,
Пашни сочной травой, холмы золотымъ виноградомъ,
Пахарь сѣялъ и жалъ, и мельникъ мололъ, и глубоко
Въ нѣдра земли проницалъ съ фонаремъ рудокопъ, открывая
Жилы металловъ. И вотъ случилось, что близко Фаллуна,
Новый ходъ проложивъ, рудокопы въ давнишнемъ обвалѣ
Вырыли трупъ неизвѣстнаго юноши: былъ онъ не тронутъ
Тлѣньемъ, былъ свѣжъ и румянъ; казалось, что умеръ
Съ часъ не болѣ, иль только прилегъ отдохнуть и забылся
Сномъ. Когда же на свѣтъ онъ изъ темной земныя утробы
Вынесенъ былъ—отецъ, и мать, и друзья, и родные
Мертвы ужъ были давно; не нашлось никого, кто-бъ о спящемъ
Юношѣ зналъ, кто-бъ помнилъ, когда съ нимъ случилось несчастье.
Мертвый товарищъ умершаго племени, чуждый живому,
Онъ сиротою лежалъ на землѣ, посреди равнодушныхъ
Зрителей, всѣмъ незнакомый, дотолѣ, пока не явилась
Тутъ невѣста того рудокопа, который однажды
Утромъ за день до свадьбы своей пошелъ на работу
Въ рудникъ, и болѣ назадъ не пришелъ. Подпираясь клюкою,
Трепетнымъ шагомъ туда прибрела сѣдая старушка;
Смотритъ на тѣло и вмигъ узнаетъ жениха. И съ живою
Радостью болѣ, чѣмъ съ грустью, она предстоявшимъ сказала:

Это мой бывшій женихъ, о которомъ такъ долго, такъ долго
Плакала я, и съ которымъ Господь еще передъ смертью
Далъ мнѣ увидѣться. За день до свадьбы пошелъ онъ работать
Въ землю, но тамъ и остался.—У всѣхъ разгорѣлося сердце
Нѣжнымъ чувствомъ при видѣ бывшей невѣсты, увядшей,
Дряхлой, надъ бывшимъ ея женихомъ, сохранившимъ всю прелесть
Младости свѣжей. Но онъ не проснулся на голосъ знакомый;
Онъ не открылъ ни очей для узнанья, ни устъ для привѣта.
Въ день же, когда на кладбище его понесли, съ умиленьемъ
Друга давнившія младости въ землю она проводила;
Тихо смотрѣла, какъ гробъ засыпали; когда же исчезъ онъ,
Свѣжей могилѣ она поклонилась, пошла и сказала:
«Что однажды земля отдала, то отдастъ и въ другой разъ»!

Жуковскій.

ОТДѢЛЪ II.

---

101. Деревенская сирота.

Въ сиротствѣ жить—только слезы лить; житье сиротинкѣ—что гороху при дорогѣ; кто пройдетъ, тотъ и порветъ. Мало-ль щипковъ да рывковъ, мало ли бою до синяковъ, рванья косъ до плѣшинъ приняла Дарёнка, волочась подъ оконьемъ по сосѣднимъ деревнямъ. Не царствомъ небеснымъ было ей житье и при матери; бивала ее, и шибко бивала покойница, особенно какъ подъ пьяную руку дѣвочка ей подвернется; да все не какъ чужіе люди. Вѣдь мать хоть и высоко руку подыметъ, да не больно спуститъ, чужой же человѣкъ колотитъ дитя, не разсуждая, не велика, дескать, бѣда, хоть и калѣкой станетъ вѣкъ доживать. Бивали Дарёнку старые, бивали ее малые, отъ деревенскихъ ребятишекъ проходу не было. Только бывало сиротку завидятъ, тотъ часъ и обидятъ, а пожалуется, не стерпя побоевъ, Дарёнка, ей же пуще достанется... Правду люди говорятъ, что пчелки безъ матки—пропащія дѣтки. Горько бывало безродной сироткѣ глядѣть, какъ другіе ребятишки отцомъ, матерью пригрѣты, обуты, одѣты, накормлены, приголублены, а ее кто приласкаетъ, ей кто доброе словечко хоть въ Свѣтло Христово Воскресенье вымолвитъ? Тогда только и праздникъ былъ ей, какъ иная баба, обозлясь на мужа, либо на свекра, обносочекъ какой на сиротку надѣнетъ. Да и та радость бывала не надолго: узнаетъ мужъ либо свекоръ, что баба спроворила, Дарёнку оголятъ середь улицы, да отколотятъ еще напридачу.

Родись она парнишкой, иная бы доля ей выпала. Слаще бы не впримѣръ сиротское житье ей досталось. «Пущай его ростетъ», рѣшили-бы мужики, «въ годы войдетъ за міръ въ рекруты пойдетъ—

плакать по немъ будетъ некому». И крѣпко на крѣпко заказали бы бабамъ беречь сироту, приглядывать, чтобъ конмъ грѣхомъ не окривѣлъ, аль зубовъ переднихъ ему не выбили; не то бѣда: задаромъ пропадутъ и мірской хлѣбъ и поспротскіе хлопоты.

Дѣвченкѣ не та судьбина. Беречь ее не для чего, знай колоти, сколько хочется, одного берегись—мертваго тѣла не сдѣлай, чтобъ судъ не наѣхалъ, да убытковъ и хлопотъ міру не принесъ.

Печерскій.

102. Сиротка.

Шелъ кобзарь [1]) въ престольный Кіевъ,
Шелъ—и сѣлъ дорогой.
Съ нимъ вожакъ [2]). Онъ весь обвѣшанъ
Сумками, убогій.
Мальчуганъ прилегъ и дремлетъ,
Дремлетъ, засыпаетъ;
А кобзарь-слѣпецъ «Ісуса» [3])
Тихо напѣваетъ.
Подаютъ—кто грошъ, кто хлѣба
Край—никто не минетъ:
Всякъ—слѣпому, а молодка—
Та малюткѣ кинетъ.
«И босой-то онъ, и голый»!
Думаетъ молодка:
«Есть краса, да нѣту счастья,
Потому сиротка!»

Шевченко.

103. Ярема.

Не зналъ сиротина, что выросли крылья,
Что неба коснется, когда полетитъ,
Не зналъ, изгибался... Напрасны усилья!
Жить тяжко па свѣтѣ, а хочется жить:

---

[1]) Слѣпой нищій съ кобзою, музыкальнымъ инструментомъ.
[2]) Мальчикъ, который водитъ слѣпца.
[3]) Пѣсня объ Іисусѣ.

И хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
И хочется слышать, какъ море играетъ,
Какъ пташка щебечетъ, какъ роща шумитъ
И какъ чернобровая въ ней распѣваетъ...
О Боже мой, Боже, какъ весело жить!

Горько жить Яремѣ. Жизнь его убога:
Ни сестры, ни брата нѣтъ у бѣдняка.
Сирота, онъ выросъ гдѣ-то у порога,
Но людей и доли не клянетъ пока.
И за что ихъ клясть-то? Вѣдь они не знаютъ,
Нужно ли ласкать имъ, нужно ли карать.
Пусть себѣ пируютъ! ихъ судьба ласкаетъ,
Сироту же въ свѣтѣ не кому ласкать.
Поглядишь—и плакать потихоньку станешь,
И не отъ того, что сердце заболитъ:
Что нибудь увидишь, что нибудь вспомянешь—
И опять за дѣло. Вотъ какъ надо жить!

Шевченко.

104. Богомольцы.

Видится мнѣ дряблая, разбитая ногами и голосомъ, старушоночка, въ крашенинномъ сарафанѣ, съ остроносой сорокой на головѣ, баба плаксивая, богомольная: вывела она сыновей, дождалась и баловливыхъ внуковъ. И вотъ, въ товарществѣ попова Горанюшки-дурачка, да Матвѣюшки, что позапрошлый годъ медвѣдь ломалъ, да не обломалъ совсѣмъ, сама съ клюкой Христовымъ именемъ пробирается въ невѣдомый ей край.

И дребезжитъ ея разбитый голосъ подъ волоковыми окнами спопутныхъ городовъ, селъ и деревушекъ. Въ деревушкахъ видятъ у старухи котомку за плечами, старенькіе лаптишки подъ котомкой—въ избу зовутъ:

— Богомолушка, кормилица?

— Нешто, родимые.

— Куда Богъ несетъ?

— А къ Соловецкимъ, родители, за грѣхи свои Богу помолиться.

— Далеко, кормилушка, далеко! Возьми-ко, сердобольная, гривенку; поставь и за насъ свѣчку тамъ, не погнушайся, богоданная! А вотъ тебѣ пятакъ за проходъ, пирогъ на дорогу; да присядь-ко касатушка, пообѣдай. Бредетъ эта старушонушка и цокаетъ [1]), разсказываетъ про свою родину за густыми сосновыми лѣсами ветлужскими и кедровыми лѣсами вологодскими, молитъ она милостынки; приходитъ, наконецъ, и въ дальній Архангельскъ, но уже не съ пустыми руками, хотя и съ разбитыми, сильно отяжелѣвшими ногами. Поскупится она заплатить, изъ бережливости и скопидомства, лишній грошъ, ее заставятъ щипать паклю или прясть капатное прядево—и безъ денегъ свезутъ...

И вотъ она на палубѣ огромнаго судна—монастырской ладьи, плоскодонной, безобразной, съ старой оснасткой и покроемъ—посреди густой толпы богомольнаго люда. Ѣдетъ тутъ и бородатый, раздобрѣвшій купецъ, ѣдетъ тутъ и оставленный за штатомъ недальній чиновникъ изъ духовнаго званія, распѣвающій въ досужее время церковныя стихиры и не пропустившій на своемъ вѣку ни одной заутрени и обѣдни въ воскресный день; ѣдетъ тутъ и сухой монахъ дальняго монастыря изъ подъ Кіева, отправленный съ сборною памятью [2]) и игуменскимъ благословеніемъ... Ѣдутъ тутъ: и свѣтская архангельская дама-вдова, и бойкая щебетунья баба-солдатка, и длинный семинаристъ богословскаго класса, и дальній сельскій попъ и... и...

Паруса уже наложены, снасти подобраны, остается только вытащить рычагомъ якорь. Всѣ богомольцы стоятъ безъ шапокъ и чего-то ждутъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и при сдержанномъ молчаніи. Вотъ раздается сладенькій голосокъ кормщика:

— Молись, господа! Молись, благословенные, въ путь-дорогу пора! Читай, Кондратушка, молитву на путь шествующимъ.

Вслѣдъ затѣмъ раздается звонкій, выровненный, развитый до поразительной чистоты голосъ монастырскаго служки. Богомольцы творятъ молитвы на городскія церкви и потомъ на всѣ четыре стороны, изъ которыхъ на каждой непремѣнно блеститъ по одному, по два церковныхъ креста.

---

[1]) Говоритъ всегда *ц* вмѣсто *ч*.

[2]) Книжкой, куда записывается сборъ.

Судно трогается и бѣжитъ, если вѣтеръ крѣпко попутный, и плыветъ лѣниво и вяло, плохо лавируя, если повѣтерье, говоря поморскимъ выраженіемъ, кормщику въ зубы. Бѣжитъ монастырское судно вблизи лѣтняго берега Бѣлаго моря къ Ухтъ Наволоку и далѣе открытымъ моремъ.

Трудными повѣнецкими [1]) дорогами съ Онежскаго озера идутъ другія партіи богомольцевъ изъ ближнихъ къ Петербургу губерній. То пробираются они по узкимъ тропинкамъ, черезъ гранитныя скалы, покрытыя тундрой съ оленьимъ мохомъ и лѣсами, и дряблыми деревьями; то плывутъ они по зеркальнымъ, глубокимъ озерамъ въ утлыхъ, неудобныхъ лодкахъ.

Но тѣмъ или другимъ путемъ подвигаются богомольцы къ завѣтнымъ Соловкамъ—они тамъ будутъ, и тамъ отдыхаютъ они...

С. Максимовъ.

105. Булыня.

Стукъ-брякъ по улицѣ косами да серпами. Съ конца деревни до другаго веселые крики несутся...

— А! старый знакомый... Краснобайный языкъ! добро пожаловать, милости просимъ!

Это булыня [2]). Вотъ идетъ онъ возлѣ подводы, а самъ подпрыгиваетъ, косами да серпами побрякиваетъ, затѣйными прибаутками народъ смѣшитъ. У него на возу косы-литовки и косы-горбуши [3]), и серпы нѣмецкіе, а захочешь, такъ найдутся и топоры изъ самого Пучежа... Брякнетъ булыня косой о косу, звякнетъ серпомъ о серпъ—не успѣешь Богородицу прочитать, цѣлая деревня отъ мала до велика кругомъ воза стоитъ. Краснобай отъ клепки косъ, отъ зубренья серповъ мужиковъ отговариваетъ—берите, молъ, новые, не впримѣръ дешевле обойдутся. И денегъ добрый человѣкъ не беретъ—по осени, говоритъ, пріѣду: бабы льномъ заплатятъ, какъ имъ въ ту пору бу-

---

[1]) Повѣнецъ городъ на сѣверномъ берегу Онежскаго озера.

[2]) Бродячій по деревнямъ скупщикъ, преимущественно льну по осени и зимой. Лѣтомъ онъ торгуетъ косами и серпами, отдавая ихъ въ долгъ.

[3]) Литовка—русская большая коса съ прямой рукояткой; горбуша—малая коса съ короткой и кривой рукояткой.

деть сподручнѣе. Мнѣ вѣдь, говоритъ, все едино—всякій Демидъ въ мой кошель угодитъ. И въ тотъ же день во всякомъ дому появляются новые серпы и новыя косы. Лѣтошнихъ нѣтъ, напридачу булынѣ пошли. А по осени краснобай возьметъ свое. Деньгами ни гроша не получитъ; зато льномъ да пряжей туго на туго нагрузитъ воза, да еще въ каждой деревнѣ его отцомъ-благодѣтелемъ назовутъ, да не то что хлѣбъ-соль—пшенники, лапшенники, пшенницы, лапшенницы на столъ ему поставятъ. Появятся и оладьи, и пряженцы, и курочка съ насѣтки, и косушка вина, ради почести булынѣ и знакомства съ нимъ напредки.

А лѣтъ черезъ десять, глядишь, тотъ булыня въ купцы выписался, фабрику завелъ, каменный домъ себѣ склалъ. А лѣснымъ бабамъ, заволжанкамъ того и не въ домекъ, что булынинъ-отъ домъ изъ ихъ льна строенъ, ихъ *новинкой* покрытъ, ихъ *тальками* [1]) огороженъ.

Печерскій.

106. Дядюшка Яковъ.

Домъ—не телѣжка у дядюшки Якова.
Господи Боже! чего-то въ ней нѣтъ!
Сѣденькій самъ, а лошадка каракова—
Вмѣстѣ обоимъ сто лѣтъ.
Ѣздитъ старикъ, продаетъ понемногу,
Рады ему, да и онъ-то того:
Выпито вѣчно, и сытъ, слава Богу!
Пусто въ деревнѣ, ему ничего;
Знаетъ, гдѣ люди: и куплю, и мѣну
На полосахъ [2]) поведетъ старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрѣну,
Онъ тебѣ все, что полюбится—на!
Богъ, видно, далъ ему добрую душу.
Ѣздитъ, кричитъ то и знай:
    По грушу, по грушу!
    Купи, смѣняй!..

---

[1]) *Новинка* кусокъ холста въ 30 аршинъ; *талька* мотокъ нитокъ.
[2]) Т. е. въ полѣ, гдѣ работаютъ.

Стой старина! Старика обступили
Парней, и дѣвокъ, и дѣтушекъ тьма.
Всѣ намѣняли сластей, накупили—
То-то была суета, кутерьма!
Смѣхъ на какого-то Кузю печальнаго:
Держитъ коня передъ носомъ сусальнаго—
Конь заглядѣнье, и лакомъ кусокъ...
Гдѣ тебѣ выдержать? Ѣшь, паренекъ!
Жалко дѣвочку, сиротку Ѳеклушу:
Всѣ-то жуютъ, а ты слюнки глотай...
По грушу, по грушу!
Купи, смѣняй!
У дядюшки, у Якова
Про бабъ товару всякаго.
Ситцу хорошаго —
Нарядно, дешево!
Эй! молодицы!
Красны-дѣвицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Все—чего надо!
Зубы у дѣвокъ, у бабъ разгорѣлись.
Ленъ и полотна, и пряжу несутъ.
Стойте, не вдругъ! белены вы объѣлись!
Тише, поспѣете! Такъ вотъ и рвутъ!
Зорокъ торгашъ, а то просто бѣда бы,
Затормашили старинушку бабы,
Клянчутъ, ласкаются, только держись:
— Цвѣтъ ты нашъ маковъ,
Дядюшка Яковъ,
Не дорожись.

— Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь, бери, а не хочешь—прощай.
По грушу, по грушу!
Купи, смѣняй!
И букварей таки много купили—
Будетъ вамъ пряниковъ; нате-ка вамъ!
Пряники, правда, послаще бы были,
Да разсудилось ужъ такъ старикамъ.
Книжки съ картинками, писаны четко—
Того дойти бы, что писано тутъ!
Молча крѣпилась Ѳеклуша сиротка,
Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ,
А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки,
Такъ на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, далъ ей букварь старина:
Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!
Экой старикъ! видно добрую душу!
Будь же ты счастливъ, торгуй, наживай!
По грушу, по грушу!
Купи, смѣняй!

Некрасовъ.

107. Какъ умираетъ русскій мужикъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у моего сосѣда въ деревнѣ мужикъ въ овинѣ обгорѣлъ. (Онъ такъ-бы и остался въ овинѣ, да заѣзжій мѣщанинъ его полуживаго вытащилъ: окунулся въ кадку съ водой, да съ разбѣга и вышибъ дверь подъ пылавшимъ навѣсомъ). Я зашелъ къ нему въ избу. Темно въ избѣ, душно, дымно. Спрашиваю, гдѣ больной!—

«А вонъ, батюшка, на лежанкѣ», отвѣчаетъ мнѣ нараспѣвъ подгорюнившаяся баба. Подхожу — лежитъ мужикъ, тулупомъ покрылся, дышетъ тяжко. «Что! какъ ты себя чувствуешь?» Завозился больной на печи, подняться хочетъ, а весь въ ранахъ, при смерти. «Лежи, лежи, лежи... Ну, что? какъ?»

— «Вѣстимо, плохо», говоритъ.—«Больно тебѣ?»—Молчитъ.

— «Не нужно-ли чего?»—Молчитъ.—«Не прислать-ли тебѣ чаю,

что-ли?»—«Не надо».—Я отошелъ отъ него, присѣлъ на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса,—гробовое молчанье въ избѣ. Въ углу, за столомъ подъ образами, прячется дѣвочка лѣтъ пяти, хлѣбъ ѣстъ. Мать изрѣдка грозится на нее. Въ сѣняхъ ходятъ, стучатъ, разговариваютъ; братнина жена капусту рубитъ.—«А, Аксинья!» проговорилъ наконецъ больной. — «Чего!» — «Квасу дай». — Подала ему Аксинья квасу. Опять молчанье. Спрашиваю шепотомъ: «причастили его?»—«Причастили».—Ну, стало быть, и все въ порядкѣ: ждетъ смерти да и только.—Я не вытерпѣлъ и вышелъ.....

А то, помнится, завернулъ я однажды въ больницу села Красногорья, къ знакомому мнѣ фельдшеру Капитону, страстному охотнику.

Больница эта состояла изъ бывшаго господскаго флигеля; устроила ее сама помѣщица, т. е. велѣла прибить надъ дверью голубую доску съ надписью бѣлыми буквами: «Красногорская больница», и сама вручила Капитону красивый альбомъ для записыванія именъ больныхъ.

Фельдшеръ купилъ на свои деньги шесть кроватей и пустился, благословясь, лѣчить народъ Божій. Кромѣ его, при больницѣ состояло два человѣка: подверженный сумасшествію рѣщикъ Павелъ и сухорукая баба Меликитриса, занимавшая должность кухарки. Они оба приготовляли лѣкарства, сушили и настаивали травы; они-же укрощали горячечныхъ больныхъ. Сумасшедшій рѣщикъ былъ на видъ угрюмъ и скупъ на слова; по ночамъ пѣлъ пѣсню «о прикрасной Венерѣ» и къ каждому проѣзжему подходилъ съ просьбой позволить ему жениться на какой-то дѣвкѣ Маланьѣ, давно уже умершей. Сухорукая баба била его и заставляла стеречь индюшекъ.

Вотъ сижу я однажды у фельдшера Капитона. Начали мы было разговаривать о послѣдней нашей охотѣ, какъ вдругъ на дворъ въѣхала телѣга, запряженная необыкновенно-толстой сивой лошадью, какія только бываютъ у мельниковъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ плотный мужикъ въ новомъ армякѣ съ разноцвѣтной бородой.—«А, Василій Дмитричъ, закричалъ изъ окна Капитонъ, «милости просимъ.... Любовшинскій мельникъ», шепнулъ онъ мнѣ. Мужикъ, покряхтывая, слѣзъ съ телѣги, вошелъ въ фельдшерову комнату, поискалъ глазами образа и перекрестился.

— Ну что, Василій Дмитричъ, что новенькаго?... Да вы, должно быть, нездоровы: лицо у васъ не хорошо? — «Да, Капитонъ Тимо-

феичъ, не ладно что-то».—«Что съ вами?»—«Да вотъ что, Капитонъ Тимофеичъ, недавно купилъ я въ городѣ жернова; ну, привезъ ихъ домой, да какъ сталъ ихъ съ телѣги-то выкладывать, понатужился, знать, что ли, въ черевѣ-то у меня такъ и екнуло, словно оборвалось что... да вотъ съ тѣхъ поръ все и нездоровится. Сегодня даже больно не ладно.—«Гм....» промолвилъ Капитонъ и понюхалъ табаку: «значитъ грыжа. А давно съ вами это приключилось?»—«Да десятый денекъ пошелъ».—«Десятый?» (Фельдшеръ потянулъ въ себя сквозь зубы воздухъ и головой покачалъ). «Позволь-ко пощупать».—«Ну, Василій Дмитричъ, проговорилъ онъ наконецъ: жаль мнѣ тебя сердечнаго, а вѣдь дѣло-то твое не ладно: ты боленъ не нашутку, оставайся-ко здѣсь у меня; я съ своей стороны все стараніе приложу, а впрочемъ, ни за что не ручаюсь».—«Будто такъ худо?» пробормоталъ изумленный мельникъ.—«Да, Василій Дмитричъ, худо, пришли бы вы ко мнѣ денькамп двумя пораньше,—и ничего-бы, какъ рукой-бы снялъ; а теперь у васъ воспаленіе, вотъ что; того и гляди, антоновъ огонь сдѣлается».—«Да быть не можетъ, Капитонъ Тимофеичъ».—«Ужъ я вамъ говорю».—«Да какъ-же это?»—(Фельдшеръ плечами пожалъ).—«И умирать мнѣ изъ-за этакой дряни?»—«Этого я не говорю.... а только оставайтесь здѣсь». Мужикъ подумалъ, подумалъ, посмотрѣлъ на полъ, потомъ на насъ взглянулъ, почесалъ затылокъ, да за шапку. «Куда-же вы, Василій Дмитричъ?»

— Куда? Вѣстимо куда,—домой, коли такъ плохо. Распорядиться слѣдуетъ, коли такъ».—«Да вы себѣ бѣды надѣлаете, Василій Дмитричъ, помилуйте, я и такъ удивляюсь, какъ вы доѣхали: останьтесь».—«Нѣтъ, братъ, Капитонъ Тимофеичъ, ужъ умирать, такъ дома умирать, а то что-жъ я здѣсь умру,—у меня дома и Господь знаетъ, что приключится».—«Еще неизвѣстно, Василій Дмитричъ, какъ дѣло-то пойдетъ... Конечно, опасно, очень опасно, спору нѣтъ... да оттого-то и слѣдуетъ вамъ остаться». (Мужикъ головой покачалъ).—«Нѣтъ, Капитонъ Тимофеичъ, не останусь... а лѣкарствица развѣ пропишете».—«Лѣкарство одно не поможетъ».—«Не останусь, говорятъ».—«Ну, какъ хочешь.... чуръ потомъ не пенять».

Фельдшеръ вырвалъ страничку изъ альбома, и прописавъ рецептъ, посовѣтовалъ, что еще дѣлать. Мужикъ взялъ бумажку, далъ Капитону полтинникъ, вышелъ изъ комнаты и сѣлъ на телѣгу.—

«Ну, прощайте, Капитонъ Тимофеичъ, не поминайте лихомъ, да сиротокъ не забывайте, коли что»...—«Эй, останься, Василій».—Мужикъ только головой тряхнулъ, ударилъ вожжей по лошади и съѣхалъ со двора. Я вышелъ на улицу и поглядѣлъ ему вслѣдъ. Дорога была грязная и ухабистая; мельникъ ѣхалъ осторожно, не торопясь, ловко правилъ лошадью и со встрѣчными раскланивался.... На четвертый день онъ умеръ.

Вообще, удивительно умираютъ Русскіе люди.

Тургеневъ.

108. Анчаръ.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.
Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.
Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.
Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ, лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь, уже тлетворный.
И если туча оросптъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.
Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ;
И онъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.
Принесъ онъ смертную смолу,

Да вѣтвь съ увядшими листами—
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями.
Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.
А князь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ, въ чуждые предѣлы.

Пушкинъ.

109. Старина.

— А скажите-ка, Лука Петровичъ, правду, вѣдь прежде, въ ваше-то время, лучше было?

— Иное точно лучше было, скажу вамъ, возразилъ Овсянниковъ:—спокойнѣе мы жили; довольства больше было, точно... А все-таки теперь лучше; а вашимъ дѣткамъ еще лучше будетъ, Богъ дастъ.

— А я такъ ожидалъ, Лука Петровичъ, что вы мнѣ старое время хвалить станете.

— Нѣтъ, стараго времени мнѣ особенно хвалить не изъ чего. Вотъ хоть-бы примѣромъ сказать, вы помѣщикъ теперь, такой-же помѣщикъ, какъ вашъ покойный дѣдушка, а ужъ власти вамъ такой не будетъ; да и вы сами не такой человѣкъ. Нѣтъ ужъ я теперь не увижу, чего въ молодости насмотрѣлся.

— А чего-бы, напримѣръ?

— А хоть-бы, напримѣръ, опять-таки скажу про вашего дѣдушку. Властный былъ человѣкъ! Обижалъ нашего брата. Вѣдь вотъ вы, можетъ, знаете,—да какъ вамъ своей земли не знать,—клинъ-то, что идетъ отъ Чаплыгина къ Малинину?... Онъ у васъ подъ овсомъ теперь... Ну, вѣдь онъ нашъ,—весь, какъ есть, нашъ. Вашъ дѣдушка у насъ его отнялъ; выѣхалъ верхомъ, показалъ рукой, говоритъ: мое владѣнье,—и завладѣлъ. Отецъ-то мой, покойникъ (царство ему небесное!), человѣкъ былъ справедливый, горячій былъ тоже человѣкъ, не вытерпѣлъ,—да и кому охота свое доброе терять?—и въ судъ

просьбу подалъ. Да одинъ подалъ, другіе не пошли,—побоялись. Вотъ вашему дѣдушкѣ и донесли, что Петръ Овсянниковъ, молъ на васъ жалуется: землю, вишь, отнять изволили... Дѣдушка вашъ къ намъ тотчасъ и прислалъ ловчаго Бауша съ командой... Вотъ и взяли моего отца и въ вашу вотчину повели. Я тогда былъ мальчишка маленькій, босикомъ за нимъ побѣжалъ. Чтожъ?... Привели его къ вашему дому, да подъ окнами и высѣкли. А вашъ-то дѣдушка стоитъ на балконѣ да посматриваетъ; а бабушка подъ окнами сидитъ и тоже глядитъ. Отецъ мой кричитъ: «матушка, Марья Васильевна, заступитесь, пощадите хоть вы!» А она только знай приподнимается да поглядываетъ. Вотъ и взяли съ отца слово отступиться отъ земли и благодарить еще велѣли, что живаго отпустили. Такъ она и осталась за вами. Подите-ко, спросите у своихъ мужиковъ: какъ, молъ, эта земля прозывается. Дубовщиной она прозывается, потому что дубьемъ отнята. Такъ вотъ отъ этого и нельзя намъ, маленькимъ людямъ, очень-то жалѣть о старыхъ порядкахъ.

Я не зналъ, что отвѣчать Овсянникову, и не смѣлъ взглянуть ему въ лицо.

— А то другой сосѣдъ у насъ въ тѣ поры завелся,—Комовъ, Степанъ Никтополіоныч. Замучилъ было отца совсѣмъ: не мытьемъ, такъ катаньемъ. Пьяный былъ человѣкъ и любилъ угощать, и какъ подопьетъ да скажетъ пофранцузски: «се бонъ», да облизнется — хоть святыхъ вонъ неси! По всѣмъ сосѣдямъ шлетъ просить пожаловать. Тройки такъ у него наготовѣ и стояли; а не поѣдешь,—тотчасъ самъ нагрянетъ... И такой былъ странный человѣкъ! Въ «тверезомъ» видѣ не лгалъ; а какъ выпьетъ—и начнетъ разсказывать, что у него въ Питерѣ три дома на Фонтанкѣ: одинъ красный съ одной трубой, другой желтый съ двумя трубами, а третій синій безъ трубъ,—и три сына (а онъ и женатъ-то не бывалъ): одинъ въ инфантеріи, другой въ кавалеріи, третій самъ по себѣ... И говоритъ, что въ каждомъ домѣ живетъ у него по сыну, что къ старшему ѣздятъ адмиралы, ко второму генералы, а къ младшему все англичане. Вотъ и поднимется, и говоритъ: «за здравіе моего старшаго сына, онъ у меня самый почтительный!»—и заплачетъ. И бѣда, коли кто отказываться станетъ. «Выстрѣлю—говоритъ—и хоронить не позволю!». А то вскочитъ и закричитъ: «пляши, народъ Божій, на свою потѣху и мое утѣшеніе!»

Ну, ты и пляши, хоть умирай, а пляши. Дѣвокъ своихъ крѣпостныхъ вовсе замучилъ. Бывало всю ночь, какъ есть, до утра хоромъ поютъ, и какая выше голосомъ забираетъ, той и награда. А станутъ уставать,—голову на руки положитъ и загорюетъ: «охъ, сирота я сиротливая! покидаютъ меня, голубчика!» Конюха тотчасъ дѣвокъ и пріободрятъ. Отецъ-то мой ему и полюбись; что прикажешь дѣлать? Вѣдь чуть въ гробъ отца моего не вогналъ и точно вогналъ-бы, да самъ, спасибо, умеръ: съ голубятни въ пьяномъ видѣ свалился... Такъ вотъ какіе у насъ сосѣдушки бывали!

— Какъ времена-то измѣнились! замѣтилъ я.

— Да, да, подтвердилъ Овсянниковъ... Ну и то сказать: въ старые-то годы дворяне живали пышнѣе. Ужъ нечего и говорить про вельможъ: я въ Москвѣ на нихъ насмотрѣлся. Говорятъ, они и тамъ перевелись теперь.

— Вы были въ Москвѣ?

— Былъ, давно, очень давно. Мнѣ вотъ теперь семьдесятъ третій годъ пошелъ, а въ Москву я ѣздилъ на шестнадцатомъ году.

Овсянниковъ вздохнулъ.

— Кого же вы тамъ видѣли?

— А многихъ вельможъ видѣлъ,—и всякъ ихъ видѣлъ; жили открыто, на славу и удивленіе. Только до покойнаго графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго не доходилъ ни одинъ. Алексѣя-то Григорьевича я видѣлъ часто; дядя мой у него дворецкимъ служилъ. Изволилъ графъ жить у Калужскихъ воротъ, на Шаболовкѣ. Вотъ былъ вельможа. Такой осанки, такого привѣта милостиваго вообразить невозможно и разсказать нельзя. Ростъ одинъ чего стоилъ, сила, взглядъ! Пока не знаешь его, не войдешь къ нему—боишься, точно, робѣешь; а войдешь—словно солнышко тебя пригрѣетъ, и весь повеселѣешь. Каждаго человѣка до своей особы допускалъ, и до всего охотникъ былъ. На бѣгу самъ правилъ и со всякимъ гонялся; и никогда не обгонитъ сразу, не обидитъ, не оборветъ, а развѣ подъ самый конецъ переѣдетъ; и такой ласковый,—противника утѣшитъ, коня его похвалитъ. Голубей-турмановъ держалъ первѣйшаго сорта. Выйдетъ, бывало, на дворъ, сядетъ въ кресла и прикажетъ голубковъ поднять; а кругомъ, на крышахъ люди стоятъ съ ружьями противъ ястребовъ. Къ ногамъ графа большой серебряный тазъ поста-

вятъ съ водой, онъ и смотритъ на голубковъ. Убогіе, нищіе сотнями на его хлѣбѣ живали... и сколько денегъ онъ передавалъ! А разсердится,—словно громъ прогремитъ. Страху много, а плакаться не на что: смотришь, ужъ и улыбается. Пиръ задастъ—Москву споитъ! И вѣдь умница былъ какой! вѣдь турку-то онъ побилъ. Бороться тоже любилъ; силачей къ нему изъ Тулы возили, изъ Харькова, изъ Тамбова, отовсюду. Кого поборетъ — наградитъ; а коли кто его поборетъ — задаритъ вовсе и въ губы поцалуетъ... А то въ бытность мою въ Москвѣ, затѣялъ садку [1]) такую, какой на Руси не бывало: всѣхъ, какъ есть, охотниковъ со всего царства къ себѣ въ гости пригласилъ и день назначилъ, и три мѣсяца срока далъ. Вотъ и собрались. Навезли собакъ, егерей,—ну, войско наѣхало, какъ есть, войско! Сперва попировали, какъ слѣдуетъ, а тамъ и отправились за заставу. Народу сбѣжалось тьма тьмущая!.. И что вы думаете?.. Вѣдь вашего дѣдушки собака всѣхъ обскакала.

— Не Миловидка-ли? спросилъ я.

— Миловидка, Миловидка... Вотъ, графъ его и началъ упрашивать: «продай мнѣ, дескать, твою собаку: возьми, что хочешь». «Нѣтъ, графъ», говоритъ, «я не купецъ: тряпицы ненужной не продамъ, а изъ чести хоть жену готовъ уступить, только не Миловидку... Скорѣе себя самого въ полонъ отдамъ». И Алексѣй Григорьевичъ его похвалилъ: «люблю», говоритъ. Дѣдушка-то вашъ ее назадъ въ каретѣ повезъ; а какъ умерла Миловидка, съ музыкой въ саду ее похоронилъ—псицу похоронилъ и камень съ надписью надъ псицей поставилъ.

— Вѣдь вотъ Алексѣй Григорьичъ не обижалъ же никого, замѣтилъ я.

— Да оно всегда такъ бываетъ: кто самъ мелко плаваетъ, тотъ и задираетъ.

— А что за человѣкъ былъ этотъ Баушъ? спросилъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ-же это вы про Миловидку слыхали, а про Бауша нѣтъ?.. Это былъ главный ловчій и доѣзжачій [2]) вашего дѣдушки. Дѣ-

---

[1]) Травля звѣря собаками.

[2]) Обучающій гончихъ собакъ, главный надъ псарями.

душка-то вашъ его любилъ не меньше Миловидки. Отчаянный былъ человѣкъ, и что-бы вашъ ни приказалъ — мигомъ исполнитъ, хоть на ножъ полѣзетъ... И какъ порскалъ [1])—такъ стонъ въ лѣсу, бывало, и стоитъ. А то вдругъ заупрямится, слѣзетъ съ коня и ляжетъ... И какъ только перестали собаки слышать его голосъ—кончено! Горячій слѣдъ бросятъ, не погонятъ ни за какія блага. И вашъ дѣдушка разсердится. «Живъ быть не хочу, коли не повѣшу бездѣльника!» На изнанку антихриста выворочу! Пятки душегубцу сквозь горло протащу!» А кончится тѣмъ, что пошлетъ узнать, чего ему надобно, отчего не порскаетъ? И Баушъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно потребуетъ вина, выпьетъ, поднимется и загогочетъ опять на славу.

— Вы, кажется, также любите охоту, Лука Петровичъ?

— Любилъ-бы... точно,—не теперь: теперь моя пора прошла,—а въ молодыхъ годахъ... да знаете, не ловко, по причинѣ званія; за дворянами нашему брату не приходится тянуться. Точно, и изъ нашего сословія иной, пьющій и неспособный, бывало присосѣдится къ господамъ... да что за радость!.. Только себя срамитъ. Дадутъ ему лошадь дрянную, спотыкливую, то и дѣло шапку съ него наземь бросаютъ, арапникомъ, будто по лошади, по немъ задѣваютъ; а онъ все смѣйся, да другихъ смѣши. Нѣтъ, скажу вамъ: чѣмъ мельче званіе, тѣмъ строже себя держи, а то какъ разъ себя замараешь.

— Да, продолжалъ Овсянниковъ со вздохомъ: много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтѣ живу: времена подошли другія. Особенно въ дворянахъ вижу я перемѣну большую. Мелкопомѣстные—всѣ либо на службѣ побывали, либо на мѣстѣ не сидятъ; а что покрупнѣй—тѣхъ и узнать нельзя. Насмотрѣлся я на нихъ, на крупныхъ-то, вотъ по случаю размежеванія. И долженъ я вамъ сказать: сердце радуется, на нихъ глядя: обходительны, вѣжливы.

Тургеневъ.

110. Семейное горе.

1. Верстахъ въ пяти отъ Осиповки, среди болотъ и перелѣсковъ, стоитъ маленькая, дворовъ въ десятокъ, деревушка Поромово. Про-

---

[1]) Крикомъ и хлопаньемъ арапника выгонять звѣря въ поле.

живалъ тамъ крестьянинъ Трифонъ Михайловъ, прозвищемъ Лохматый. Исправный мужикъ былъ: промыселъ шелъ у него ладно, залежныя деньжонки водились. По другимъ мѣстамъ за богатѣя пошолъ-бы, но за Волгой много такихъ.

Было у Трифона двое сыновей, одинъ работникъ матерой, другой только что вышелъ изъ подростковъ, дочерей—двѣ дѣвки.

Старшій сынъ Трифона, звали Алексѣемъ, парень былъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, слылъ за перваго искусника по токарной части. И красавецъ былъ изъ себя. Росту чуть не въ сажень, стоитъ бывало середь мужиковъ на базарѣ, всѣхъ выше головой; здоровый, бѣлолицый, румянецъ во всю щеку такъ и горитъ, а кудрявые темнорусые волосы такъ и вьются. И уменъ-же Алеша былъ, разсудливъ не по годамъ, каждое дѣло по крестьянству не хуже стариковъ могъ разсудить, къ тому же грамотой Господь его умудрилъ. Хоть за Волгой грамотѣи издавна не въ диковину, но такихъ, какъ Алексѣй Лохматый и тамъ водится немного: опричь божественныхъ книгъ, читалъ гражданскія и до нихъ большой былъ охотникъ. Деньгу любилъ, а любилъ ее потому, что хотѣлось въ довольствѣ, въ богатствѣ, во всемъ изобиліи пожить, славы, почета хотѣлось... Не говаривалъ онъ про то ни отцу съ матерью, ни другу-пріятелю; одинъ съ собой думу такую держалъ.

Жилъ старый Трифонъ Лохматый, да Бога благодарилъ. Тихо жилъ, смирно, съ сосѣдями въ любви да въ совѣтѣ; добрая слава шла про него далеко. Обиды отъ Лохматаго никто не видалъ, каждому человѣку онъ по силѣ своей радъ былъ сдѣлать добро. Пуще всего не любилъ мірскихъ пересудовъ. Терпѣть не могъ, какъ иной разъ дочери, набравшись вѣстей на супрядкахъ, аль у колодца, зачнутъ языками косточки кому нибудь перемывать.

— Расшумѣлись, какъ воробьи къ дождю! крикнетъ, бывало, на нихъ. Люди врутъ, а вы вранье разносить?.. Дѣвки ни гугу. Никогда, бывало, ни единой сплетни или пересудовъ изъ Трифоновой избы не выносилось.

2. Безъ горя, безъ напасти человѣку вѣка не прожить. И надъ Трифономъ Лохматымъ сбылось то слово, стряслась и надъ нимъ бѣда, налетѣла напасть нежданно, негаданно. На самое Вздвиженье токарня у него сгорѣла съ готовой посудой ста на два рублей. Ра-

ботали въ токарнѣ до сумерекъ, огня и въ заводахъ не было. Въ самую полночь вспыхнула. Стояла токарня на рѣчкѣ, въ полуверстѣ отъ деревни—покуда проснулись, покуда прибѣжали — вся въ огнѣ. Въ одно слово рѣшили мужики, что лихой человѣкъ Трифону краснаго пѣтуха пустилъ. Долго Лохматый умомъ разумомъ по міру раскидывалъ, долго гадалъ, кто-бы таковъ былъ лиходѣй, что его обездолилъ. Никого, кажись, Трифонъ не прогнѣвалъ, со всѣми жилъ въ ладу да въ добромъ совѣтѣ, а токарню подпалили. Гадалъ, гадалъ Трифонъ Михайловичъ, не надумалъ ни на кого, и гадать перестадъ.

— Подавай становому объявленье, говорилъ ему удѣльнаго приказа писарь Карпъ Алексѣичъ Морковкинъ,—произведутъ слѣдствіе, сыщутъ злодѣя.

Ни слова Трифонъ не молвилъ на отвѣтъ писарю. На міру потомъ такую рѣчь говорилъ:

Ни за что на свѣтѣ не подамъ объявленія, ни за что на свѣтѣ не наведу суда на деревню. Судъ наѣдетъ, не одну мою копѣйку потянетъ, а міру и безъ того туго приходится. Лучше-жъ я какъ-нибудь, съ Божьей помощью, перебьюсь. Сколочусь по времени деньжонками, нову токарню поставлю. А злодѣя, что меня обездолилъ,— суди Богъ на страшномъ Христовомъ судищѣ.

Любовно принялъ міръ слово Трифоново. Урядили, положили старики, если объявится лиходѣй, что Лохматаго токарню спалилъ, потачки ему, вору, не давать: изъ лѣтъ не вышелъ — въ рекруты, вышелъ изъ лѣтъ — въ Сибирь на поселенье. Такъ старики порѣшили.

Съ одной бѣдой трудовому человѣку не больно хитро справиться. Одну бѣду заспать можно, можно и съ хлѣбомъ съѣсть. Но бѣда не живетъ одна. Такъ и съ Лохматымъ случилось. Съ самаго пожару пошелъ ходить по бѣдамъ: на Покровъ пару лошадей угнали, на Казанскую воры въ клѣть залѣзли. Разбили злодѣи укладку [1]) у Трифона, хорошую одежу всю выкрали, все годами припасенное дочерямъ приданое да триста цѣлковыхъ наличными, на которыя думалъ Трифонъ къ веснѣ токарню поставить. Обобрали бѣднягу,

[1]) Сундукъ.

какъ малинку, согнуло горе старика, не глядѣлъ-бы на вольный свѣтъ, бѣжалъ-бы куда изъ дому: жена воетъ не своимъ голосомъ, убивается, дочери ревутъ, причитаютъ надъ покраденными сарафанами, ровно по покойникамъ. Сыновья, какъ ночь, ходятъ. Что дѣлать, какъ бѣдѣ пособить? Денегъ нѣтъ, перехватить развѣ у когонибудь? Но Трифонъ въ жизнь свою ни у кого не займовалъ, зналъ, что деньги занять—остуду [1]) принять.

3. Прихвати, Михайлычъ, сколько ни-на-есть деньжонокъ, говоритъ жена его, Ѳекла, баба тихая, смиренная, внезапнымъ горемъ совсѣмъ почти убитая.—И токарню вѣдь надо ставить, и безъ лошадей нельзя...

— Радъ бы прихватить, Абрамовна, да негдѣ прихватить-то; ни у котораго человѣка теперь денегъ для чужаго кошеля не найдешь. Хоть проси, хоть нѣтъ—все едино.

— Да вотъ хоть-бы у писаря, у него деньги завсегда водятся, подхватила Ѳекла, покучиться-бы [2]) тебѣ у Карпа Алексѣича. Дастъ.

Молчитъ Трифонъ, лучину щиплетъ, Ѳекла свое:

— Что-жъ Михайлычъ? Заемъ дѣло вольное, любовное; безчестія тутъ никакого нѣтъ, а намъ, самъ ты знаешь, безъ токарни да безъ лошади не прожить. Подь, покланяйся писарю, говорила Ѳекла мужу, утирая рукавомъ слезы.

— Не пойду, отрывисто, съ сердцемъ молвилъ Трифонъ и нахмурился. И не говори ты мнѣ, старуха, про этого міроѣда, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ, — не вороти ты душу мою... Отъ него весь міръ сохнетъ. Знаться съ писарями мнѣ не рука.

Ѳекла ни гугу, перемываетъ у печи горшки, да Іисусову молитву творитъ.

— Алёха! Неча, парень, дѣлать, надо въ чужи люди идти, въ работники. Сказываютъ, Потапъ Максимычъ Чапуринъ большой подрядъ на посуду снялъ. Самому, слышь, управиться сила не беретъ, такъ онъ токарей пріискиваетъ. Порядись съ нимъ на лѣто, аль до зимняго Николы. Десятковъ пять, шесть, Богъ дастъ заработаешь, къ тому-жъ и съ харчей долой. У Чапурина можно и впередъ денегъ взять, не от-

[1]) Осужденіе, стыдъ.

[2]) Покланяться—попросить.

кажетъ; на эти деньги токарню по веснѣ справили-бы, на первое время не больно мудрящую. А Саввушку, думаю я, Ѳекла, въ Хвостиково послать, онъ мастеръ ложкарить (дѣлать ложки). Заработаетъ сколько нибудь. А сами, Богъ милостивъ, какъ-нибудь перебьемся.

— Я, батюшка, всей душой радъ послужить, за твою родительскую хлѣбъ-соль заработать; сколько силы да умѣнья хватитъ, и дома радехонекъ, и на сторонѣ—гдѣ прикажешь, сказалъ красавецъ Алексѣй.

— Спасибо парень. Руки у тебя золотыя, добывай отцу, молвилъ Трифонъ. Саввушка, а Саввушка! крикнулъ онъ, отворивъ дверь въ сѣни, гдѣ младшій сынъ рѣзалъ ложки.

— Чего, тятенька! весело тряхнувъ кудрями, спросилъ красивый подростокъ, лѣтъ пятнадцати, входя въ избу.

— Избнымъ тепломъ, сидя возлѣ материна сарафана, уменъ не будешь, Саввушка. Знаешь ты это? спросилъ его отецъ.

— Знаю, бойко отвѣтилъ Саввушка, вопросительно глядя на отца.

— Поживя въ чужихъ людяхъ, умнѣе будешь. Такъ али нѣтъ?

— Ты, тятя, лучше меня знаешь, отвѣчалъ Саввушка, ясно и любовно глядя на отца.

Бросила горшки свои Ѳекла, сѣла на лавку, и ухватясь руками за колѣна, вся вытянулась впередъ, зорко глядя на сыновей. И вдругъ стала такая блѣдная, что краше въ гробъ кладутъ. Чужимъ тепломъ Трифоновы дѣти не грѣлись, чужаго куска не ѣдали, родительскаго дома отродясь не покидали. И никогда у отца съ матерью на мысли того не бывало, чтобъ когда нибудь ихъ сыновьямъ довелось на чужой сторонѣ хлѣбъ добывать. Горько бѣдной Ѳеклѣ. Глядѣла, глядѣла старуха на своихъ соколиковъ и заревѣла въ источный голосъ.

— Чего завыла? Не покойниковъ провожаешь? сердито попрекнулъ ей Трифонъ; но въ суровыхъ словахъ его слышалось что-то плачевное, горестное. А не задать бабѣ окрику нельзя, не плакать-же мужику, не бабиться. Ѳекла, сказалъ Трифонъ женѣ поласковѣй,—подька, помолись.

И Ѳекла покорно пошла въ заднюю, гдѣ была у нихъ небольшая моленна. Взявши въ руку лѣстовку [1]), встала за налой. Читая канонъ

[1]) Четки.

Богородицѣ, хотѣлось ей забыть новое, самое тяжкое изо всѣхъ постигшихъ ее горе.

— Ужъ вы порадѣйте, ребятки, пособите отцу, говорилъ Трифонъ. Пустилъ ли бы я васъ въ чужіе люди, какъ-бы не бѣда наша, не послѣднее дому раззоренье? Ужъ вы порадѣйте. А живите въ людяхъ умненько, не балуйте, работайте путемъ. Не знаю, какъ въ Хвостиковѣ у ложкарей, Саввушка, а у Чапурина въ Осиповкѣ такое заведеніе, что если который работникъ, окромѣ положенной работы, лишковъ наработаетъ, за всѣ лишки особая плата ему сверхъ ряженой. Чапуринъ человѣкъ добрый, обиды никому не сдѣлаетъ. Служи ему, Алексѣй, какъ родному отцу; онъ тебя и впередъ не покинетъ. Порадѣй-же хорошенько, Алексѣюшка, постарайся побольше денегъ заработать. Справиться бы намъ поскорѣе! Тебѣ же подходитъ пора и законъ совершить[1]), такъ надо тебѣ, Алексѣй, объ отцѣ съ матерью порадѣть.

4. Долго толковалъ Трифонъ съ сыновьями, какъ имъ работу искать. Порѣшили, Алексѣю завтра-жъ идти въ Осиповку рядиться къ Потапу Максимычу, а въ середу, какъ на сосѣдній базаръ хвостиковскіе ложкари пріѣдутъ, порядить и Саввушку.

Спать улеглись, а Ѳекла все еще клала въ моленной земные поклоны. Кончивъ молитву, вошла она въ избу и стала на колѣни у лавки, гдѣ, разметавшись, крѣпкимъ сномъ спалъ любимецъ ея, Саввушка. Бережно взяла она въ руки сыновнюю голову, припала къ ней и долго, чуть слышно рыдала.

Рано поутру, еще до свѣту, на другой день Алексѣй собрался въ Осиповку. Это было какъ разъ черезъ недѣлю послѣ Крещенья. Помолившись со всею семьей Богу, простившись съ отцомъ, съ матерью, съ братомъ и сестрами, пошелъ онъ рядиться. Къ вечеру надо было ему назадъ къ отцу въ Поромово придти, повѣстить, на чемъ въ рядѣ сошлись. Былъ слухъ, что Чапуринъ цѣны даетъ хорошія, что дѣло у него наспѣхъ, самъ де не знаетъ, успѣетъ-ли къ сроку заподряженный товаръ поставить. Всѣ работники, что были по околодку, нанялись ужъ къ нему; кромѣ того, много работы роздано было по домамъ и задатки розданы хорошіе.

---

[1]) Жениться.

Свѣтало, когда Алексѣй, напутствуемый наставленіями отца и тихимъ плачемъ матери, пошелъ изъ дому. Выйдя за ворота, перекрестился онъ на всѣ стороны, и поникнувъ головой, пошелъ по узенькой дорожкѣ, проложенной межъ сугробовъ. Не легко человѣку впервые оставлять теплое семейное гнѣздо, идти въ чужіе люди хлѣбъ зарабатывать. Много было передумано Алексѣемъ во время медленнаго пути. Думалъ онъ, что-то ждетъ его въ чужомъ дому, ласковы-ль будутъ хозяева, каковы-то будутъ до него товарищи, не было-бъ отъ кого обиды какой, не нажить бы ему чьей злобы своей простотой; чужбина, вѣдь, не податлива—ума прибавитъ, да и горя набавитъ.

А. Печерскій.

111. Поморы.

1. На всемъ протяженіи поморья, начиная отъ городка Онеги и оканчивая послѣдними деревнями дальней Кандалажской губы, во всякомъ почти селеніи найдется по одному, нерѣдко по три и даже болѣе богачей, у которыхъ ведется туго набитая киса[1]) съ деньгами, неразлучная съ ними страсть къ пріобрѣтенію еще большихъ суммъ, и наконецъ, исконній (у иныхъ еще прадѣдовскій) обычай *обряжать покрутъ*, т. е. нанимать работниковъ для промысла трески и палтасины на дальнемъ Мурманскомъ берегу океана. За работниками дѣло не стоитъ: всегда тутъ же, подлѣ, домъ-о-домъ въ той-же деревнѣ живутъ цѣлыя семьи недостаточныхъ мужиковъ, у которыхъ нужда отняла возможность дѣйствовать самостоятельно, по себѣ; а съ другой стороны, природа наградила крѣпкимъ здоровьемъ и силами, не отказавши, въ то-же время, ни въ терпѣніи, ни въ смѣлости. Привычка приспособила небогатыхъ поморовъ къ тому, чтобы цѣлые полгода не видѣть семьи и часто даже не получать отъ нея никакихъ вѣстей, а короткое и близкое знакомство съ моремъ отлучило ихъ отъ жаркой печи и отъ теплыхъ полатей. Помору въ избѣ и тѣсно, и душно, если только онъ еще въ силахъ и если еще не изломали его въ конецъ житейскія нужды и трудныя ломовыя работы. Богачъ припасай только деньги и свою добрую волю, а бѣднякъ-наемщикъ не заставитъ просить и кланяться.

---

[1]) Кошель.

2. Передъ походомъ покрутчиковъ бываетъ обѣдъ, на который сзываютъ промышленниковъ мальчишки—зуйки, являющіеся въ назначенныя хозяиномъ покрута избы съ поклономъ и приговоромъ: «звали пообѣдать — пожалуй-ко!» Повторивши еще разъ послѣднее слово, зуйки стремглавъ убѣгаютъ въ другіе домы, къ другимъ званымъ—желаннымъ. Обѣдъ прощальный, по обыкновенію, бываетъ сытный и жирный, гдѣ первымъ блюдомъ—треска, облитая яйцами и плавающая въ маслѣ, послѣднимъ жареная семга или навага—все это подправляемое обильнымъ количествомъ національной водки, а у тароватаго хозяина и ромомъ, и хересомъ, которые такъ *дешево* достаются въ Норвегіи. Естественно, къ концу обѣда, когда гости, что называется, распояшутся и войдутъ во вкусъ, начинаются крупные разговоры, затѣмъ споры; гости, пожалуй, побранятся и поцалуются, подерутся и опять поцалуются; потомъ поговорятъ про себя и для себя всякаго пьянаго, безтолковаго вздору, споютъ нѣсколько безалаберныхъ, безсмысленныхъ пѣсенъ безъ конца и начала и, разбредясь кое-какъ по своимъ угламъ, покончатъ такимъ образомъ дѣло съ хозяиномъ до будущей осени, когда вернутся домой уже съ промысловъ. Наконецъ наступаетъ и самый день проводъ, съ вѣчнымъ бабьимъ воемъ на цѣлую деревню. Мужья, братья и сыновья, обрядившись [1]) по дорожному и помолившись на свою сельскую церковь, цѣлой ватагой идутъ на дальный Мурманъ за треской, а стало-быть, и за деньгами. Теперь пока они всѣ еще въ кучѣ и не разстались съ остающимися дома родными.

3. Огромная толпа народа, запрудившая всю главную улицу отъ одной стороны ея до другой, едва колеблясь, медленно, какъ только возможно медленно, подвигается впередъ. Разноцвѣтно-пестрая по бокамъ, однообразно-сѣрая въ серединѣ, толпа эта молчитъ, какъ-бы выслушивая всю до конца длинную пѣсню, которую тянетъ середина народной массы:

Ужъ и гдѣ-жь, братцы, будемъ день дневать,
Ночь коротати?
Будемъ день дневать во чистомъ полѣ.
Ночь коротати во сыромъ бору,

---

[1]) Одѣвшись.

Во темномъ лѣсу все подъ сосною
Подъ кудрявою, подъ жаравою [1]).
Намъ постелюшка—мать сыра земля,
Изголовьице—зло кореньице,
Одѣялышко—вѣтры буйные,
Покрывалышко—снѣга бѣлые,
Обмываньице—частый дождичекъ,
Утираньице—шелкова трава,
Родной батюшка нашъ—свѣтелъ мѣсяцъ,
Красно солнышко—родна матушка,
Заря бѣлая—молода жена.

Воютъ бабы цѣлымъ селеніемъ въ перегонку одна передъ другой, когда мужики, съ ногъ до головы укутанные въ оленя, потянутся изъ деревни на задворья и дальше въ снѣжную степь; повоютъ потомъ и въ домахъ цѣлыми артелями и въ одиночку; назавтра поохаютъ, повздыхаютъ тяжело и глубоко, но уже не дольше, на томъ простомъ основаніи, что нудой (нуждой) поля не изъѣздишь, тугой (тоской) моря не переплывешь: не на вѣкъ же и не первый же годъ такъ-то.

4. Съ тѣмъ же хладнокровіемъ переносятъ и мужья ихъ болѣе тягостную, болѣе безутѣшную разлуку съ родными семьями и деревней, тѣмъ болѣе что безпріютная, голая дѣйствительность обступаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и не даетъ покою своимъ холодомъ, крѣпко на крѣпко заправляемымъ постоянными упорными вѣтрами съ моря и своими глубокими снѣгами. Рады путники какъ находкѣ, какъ особой наградѣ за свою рѣшимость и трудный дальній путь, когда морозъ прокуетъ рыхлый подвесенній снѣгъ крѣпкимъ настомъ (корою), давая имъ возможность легче и удобнѣе бѣжать по немъ на лыжахъ. Картина странствія значительно оживляется и хотя не слышно разговоровъ, уступившихъ мѣсто серьезной работѣ для того, чтобы по возможности скорѣе сократить разстояніе до мѣста привала, зато учащеннѣе слышатся и взвизги и лай большихъ желтыхъ собакъ, запряженныхъ въ салазки съ необходимой поклажей и управляемыхъ ребятенками, съ малолѣтства обреченными привыкать къ трудовымъ работамъ на океанѣ. Впереди несутся на лыжахъ въ перегонку и только отдуваются, быстро

[1]) Высокій, стройный.

перемѣняя одну ногу другой и подкатывая себя все дальше и дальше, большаки артельные. Сзади прыгаетъ и замѣтно отстаетъ весь поѣздъ съ собаками и ребятенками, а между тѣмъ вдали уже чернѣетъ одинокая, промысловая изба, до половины зарытая снѣгомъ—мѣсто привала, если только бьетъ уже кровь въ ноги и подгибаются колѣни, и если далеко еще путникамъ до селенія, которыя не бываютъ ближе 40—50 верстъ одно отъ другого на всемъ пути по прибрежьямъ.

5. Въ промысловой избенкѣ промышленники находятъ немного: четыре закоптѣлыхъ стѣны, замшенныя [1]) кое-какъ, съ щелями; въ одной стѣнѣ какимъ-то чудомъ уцѣлѣла еще рамка со стекломъ, играющимъ всѣми цвѣтами радуги; другое отверстіе просто уже заткнуто кускомъ армячины... Въ углу печка, кое-какъ смятая изъ глины съ пескомъ, потрескавшаяся и закоптѣлая; кругомъ покрившіяся лавки; обнаженная скамеечка, двѣ доски, изъ которыхъ сооружается столъ; въ другомъ углу двѣ самодѣлки-ложки деревянныя, берестяная коробочка съ отсырѣвшею грязнаго вида солью, ведерко для воды, ножикъ, мѣшочекъ съ мукой и сухарями, сачокъ для рыбы. Все, по обыкновенію, издавна укоренившемуся въ безлюдномъ и безпріютномъ архангельскомъ краѣ, запасенное для всякаго прохожаго, имѣющаго ежечасную возможность спутаться съ дороги, просидѣть въ пустой избѣ и умереть съ голоду, если надолго завяжется бойкая, порывистая погода съ сильными вѣтрами и истощится весь запасъ взятой съ собой провизіи.

6. Горькое горе, только привычнымъ человѣкомъ выносимое,—это тѣ мятели, когда снѣгъ носится цѣлыми тучами съ одного мѣста на другое, подрывая бѣгущихъ на лыжахъ и сбивая съ ногъ собаченокъ, ежеминутно грозя засыпать все это высокимъ снѣжнымъ курганомъ; тутъ одинъ исходъ, если нѣтъ подлѣ спасительной избушки и высокаго подвѣтреннаго бугра: обернувши сани вверхъ копыльями, ложиться подъ нихъ, предаваясь волѣ Божьей и пережидать, пока вѣтеръ перестанетъ нагребать новые сугробы. Но и это не въ диво испытаннымъ въ путевыхъ лишеніяхъ поморамъ; лежатъ они и толкуютъ:

— А тепло, братцы, что въ банѣ! хоть бы и вѣкъ такъ.

---

[1]) Отъ слова *мохъ:* законопаченныя мохомъ.

— Мокро ужъ больно, ишь, словно капель какая! всего такъ и обливаетъ тебя.

— Бери-ко шесты, да порастолкайте—легче будетъ.

— А ты бы, Матвѣюшко, налегалъ бокомъ-то, уминалъ-бы снѣгъ-отъ; все, гляди, и дышать-то просторнѣе стало. А что, крутитъ, братцы, вѣтеръ-отъ? разгрябись-ко, да выстань!

— Крѣпче серчаетъ, такъ и заслѣпило всю рожу, какъ выглянулъ.

— Ну, лежи, братцы, плотнѣй да дружнѣй; твори молитву: помилуй мя, Боже!..

— Водки-бы теперь выпить!..

— Рому-бы аглецкаго!

— Плетью-бы васъ дураковъ, поперекъ живота, чтобы знали, что къ чему и какую молитву творить надо передъ смертью... Лежи-ко дружнѣй, да разговаривай меньше; попусту только духъ-отъ глотаете!

— Ну, братцы, знать еще не писана про насъ смерть эта,—говорятъ уже они въ лучшихъ обстоятельствахъ, въ теплой знакомой избѣ ближайшаго селенія. Знать, еще въ книгѣ-то судебъ Божіихъ имена наши не похерены: быть намъ, стало быть, и нонѣ на Мурманѣ.

Лопать (все, что носится на себѣ) высохнетъ, ребятенки выспятся, хозяева отдохнутъ, собаки отлежатся, и путники опять отправляются дальше, крѣпко заправивши желудки и съ прежнею вѣрою въ лучшую долю и болѣе или менѣе отрадное будущее. **Максимовъ.**

112. Лопари и самоѣды.

1. Рѣзко бросается въ глаза низенькій лопарь, всѣмъ обликомъ своимъ замѣтно отмѣченный отъ сосѣдняго русскаго люда. Глянцовито-черные волосы щетинисто торчатъ на головѣ и, кажется, никогда не способны улечься, а висятъ какими-то неровными клочьями надъ лбомъ, изъ-подъ котораго тупо и лѣниво глядятъ маленькіе глаза, большею частію каріе. Нѣсколько выдавшіяся скулы, значительной величины разрѣзъ рта дѣлаютъ изъ лопаря нѣкоторое подобіе самоѣда, еслибы разрѣзъ глазной былъ уже и самая смуглость лица былабы сильнѣе. Лопарь, напротивъ, въ этомъ отношеніи, составляетъ какъ-бы переходъ отъ инородческаго племени къ русскому, хотя бы, напримѣръ, отъ того же самоѣда къ печорцу. Правда, что въ тоже

время лопарь, сравнительно выше ростомъ самоѣда, менѣе плечистъ и коренастъ, хотя и далеко не дошелъ до русскихъ, между которыми попадаются истинные богатыри и красавцы. Но зато въ свою очередь, несравненно легче и понятнѣе говоритъ лопарь порусски, чѣмъ картавый самоѣдъ, и хотя лопарь любитъ вставлять (*уснащивать*, по мѣстному выраженію) въ свою рѣчь лишніе, не имѣющіе никакого смысла слоги, вродѣ *ба*, *ото* и проч., и свои родные, коренные слова—все же его понять можно и даже, при случаѣ, разговориться съ нимъ.

2. Продолжая далѣе сравненіе лопарей съ самоѣдами, находимъ нелишнимъ сказать, что самоѣды уходятъ далеко отъ своей родной тундры, сбираютъ милостыню въ Архангельскѣ; лопарь-же, въ свою очередь, рѣдкій и случайный гость этого города и почти никогда не оставляетъ своей вежи надолго. Если самоѣдское племя многолюднѣе, а лопарское малочисленнѣе, и если самоѣдовъ только въ послѣднія десятилѣтія настоящаго вѣка начали обращать въ христіанство, то лопари уже давно христіане.

3. Закутанный въ оленьи мѣха, лопарь живетъ по зимамъ въ своихъ зимнихъ погостахъ внутри Лапландскаго полуострова и только на лѣто перекочевываетъ къ морю или къ океану.

Та же малица (верхняя теплая одежда), что и у самоѣда (но на этотъ разъ называемая *печокъ*, не распашная, съ колпакомъ для головы), тѣ же оленьи высокіе сапоги, *яры*, съ длиннымъ и острымъ носкомъ, шапка съ длинными ушами, опушенная разсомашечьимъ мѣхомъ, спасаютъ лопаря отъ суровостей полярнаго холода. *Юпа*—тотъ же *печокъ*, но не мѣховой, а изъ сѣраго сукна, съ такимъ же куколемъ, или колпакомъ, въ родѣ шапки, служитъ лопарю на его лѣтнихъ морскихъ промыслахъ, спасая его и отъ крѣпкихъ вѣтровъ, и отъ миріадъ комаровъ, вьющихся надъ гнилой тундрой его отечества.

4. Тотъ же, наконецъ, конусообразный шатеръ, что чумъ у самоѣдовъ, называемый у лопарей вежой, составляетъ его жилище. Разница между чумомъ и вежой незначительна. Тѣ же обточенные шесты, сажени въ двѣ длиною, составляютъ ея основаніе, то же отверстіе наверху для дыму, тотъ же, наконецъ, земляной полъ, устилаемый оленьими постелями, какъ и въ самоѣдскомъ чуму. Разница только въ томъ, что вежа устанавливается прочнѣе и не перевозится, какъ

чумъ, съ мѣста на мѣсто (въ этомъ случаѣ вежа составляетъ какъ-бы нѣчто среднее, переходное отъ кочевой палатки къ избѣ или дому). Для этой цѣли внѣшняя сторона вежи не обшивается оленьими мѣхами, а обкладывается сначала хворостомъ и вѣтвями хвойныхъ деревьевъ а потомъ, сверхъ всего, широкими пластами дерна. Въ одномъ боку, вежи, въ противоположной сторонѣ отъ сѣвера, оставляется отверстіе, которое на этотъ разъ закрывается опять таки не оленьимъ мѣхомъ, а дверью, сколоченною изъ трехъ-четырехъ досчечекъ; дверь эта приподнимается кверху и тяжестью своей готова придавить и способна ушибить больно всякаго неловкаго, неопытнаго гостя, какъ западня, какъ защелка хотя бы той же звѣрпной ловушки.

Такихъ вежъ у такъ называемыхъ кочующихъ лопарей для каждаго семейства по двѣ: одна, зимняя, остается при озерахъ *незапертою*, когда лопарь перекочевываетъ въ весеннее время къ морю, гдѣ уже ждетъ его готовая лѣтняя вежа, точь-въ-точь такого же строенія и вида какъ и прежняя. Многіе погосты имѣютъ уже лопарскія избы, выстроенныя по образцу русскихъ. Ту же скудную пищу и тотъ же крѣпкій сонъ вкушаетъ и лапарь въ своихъ вежахъ, или избахъ, какими пользуются самоѣды въ своихъ чумахъ.

5. Отъ тѣхъ же оленьихъ стадъ зависитъ участь и судьба большей части лопарскаго населенія, какъ и самоѣдскаго. Разница только въ томъ, что лопари давно уже перестали находить въ оленяхъ единственныхъ друзей и единственное, неизбѣжное подспорье въ жизни, а потому обращаютъ на нихъ меньшее вниманіе. Олени лопарскіе больше ростомъ, значительно крѣпчайшіе силой, не гоняются стадами при передвиженіи, а живутъ по большей части на назначенныхъ мѣстахъ, на издавна отведенныхъ пастбищахъ и часто оставляются безъ надзора на все лѣтнее время морскихъ промысловъ. Огромныя стада дикихъ оленей вознаграждаютъ утраты, въ случаѣ нападенія на стада домашнихъ оленей волковъ, разсомахъ и медвѣдей, которыхъ, какъ говорятъ, на Лапландскомъ полуостровѣ несравненно больше, чѣмъ въ Мезенской тундрѣ. Точно также, по большей части съ пятилѣтняго возраста, пускаютъ и лопари (какъ и самоѣды) оленей своихъ въ упряжь; разница здѣсь только въ томъ, что лопарскія сани имѣютъ форму корыта. Точно также и на Лапландскомъ полуостровѣ, какъ и по мезенской тундрѣ, врагами оленей, помимо волковъ, можно счи-

тать докучливыхъ слѣпней. Оригиналенъ здѣсь только тотъ обычай, что пригнаннымъ къ морю оленямъ лопари позволяютъ пить соленую воду. Олени пьютъ ее съ жадностью, но только одинъ разъ въ лѣто; другіе разы они въ этой водѣ только спасаются отъ слѣпней но, какъ замѣчаютъ, никогда уже не пьютъ ея больше. Терскіе лопари (предпочтительно передъ другими одноплеменниками) изъ оленьихъ шкуръ приготовляютъ хорошую лосину и замшу.

6. Продолжая сравненіе лопарей съ самоѣдами, найдемъ, что точно также и лопари, въ своей торговлѣ съ русскими промышленниками, забирающими у нихъ лѣтніе уловы рыбы въ становищахъ Мурманскаго и Терскаго береговъ, скорѣе остаются въ накладѣ, чѣмъ въ прибыли. Лишняя чарка водки рѣшаетъ иногда дѣло къ немалому ущербу лопаря, всегда добраго, всегда сговорчиваго и всегда вѣрующаго въ честность промышленниковъ русскихъ, но почти всегда ошибающагося.

7. Наконецъ, несравненно лучшимъ здоровьемъ пользуется лопарь передъ самоѣдами, по той причинѣ, что, къ счастію, нѣтъ у нихъ наслѣдственныхъ заразительныхъ болѣзней, нѣтъ и другихъ, исключая неизбѣжныхъ морскихъ. Можетъ быть, способствуютъ къ тому правильно обусловленныя перекочеванья два раза въ годъ; а можетъ быть, и не такъ грязная, не такъ животная жизнь, какъ жизнь самоѣдовъ. Если прибавить ко всему сказанному, что лопарки необыкновенно пугливы, и что громкій неожиданный стукъ или крикъ способенъ произвести во всемъ ихъ организмѣ значительное нервное разстройство, подчасъ доводящее ихъ до состоянія бѣшенства, то этимъ, кажется, придется сказать все о лопаркахъ.

8. Тою же кротостью, тѣмъ же миролюбивымъ характеромъ дышатъ всѣ сношенія лопарей съ русскими, какъ и сношенія самоѣдовъ съ зырянами. Даже, какъ кажется, лопарь еще честнѣе, еще характернѣе самоѣда, а простодушіе его не ищетъ дальнихъ доказательствъ. Также патріархально-гостепріимный въ своей вежѣ лопарь, въ то же время, въ сношеніяхъ своихъ съ русскими, любитъ заводить тѣсную дружбу, родъ братства, однимъ словомъ, любитъ блюсти вѣковой обычай *крестованья*. Угодитъ въ чемъ нибудь, понравится чѣмъ нибудь, угоститъ хорошо или дастъ выгодную плату за промыселъ давній лопарскій знакомецъ, поморъ—лопарь не замедлитъ предложить ему *покрестоваться*, т. е. обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми

братьями. Лопарь, по совершеніи обряда обмѣна крестовъ, даритъ «крестовому» все, что есть у него лучшаго: лучшій оленій мѣхъ, лучшую звѣриную шкуру, бобровую или чернобурой лисицы. Крестовой русскій долженъ, въ свою очередь, отдарить, чѣмъ можетъ, своего крестоваго брата-лопаря.

9. Одинъ изъ нашихъ русскихъ промышленниковъ былъ въ одно лѣто на Мурманскомъ берегу около норвежской границы. Тамъ нашъ промышленникъ случайно встрѣтился съ однимъ, дотолѣ ему неизвѣстнымъ, лопаремъ, котораго все богатство состояло въ оленьихъ стадахъ. Разсудивъ, что не худо имѣть знакомаго человѣка, съ которымъ, можетъ быть, приведется на будущее время имѣть какое-нибудь дѣло, промышленникъ пригласилъ этого лопаря къ себѣ на ладью. Лопарю понравился новый его знакомый, такъ что онъ предложилъ ему свою дружбу; друзья покрестовались. Лопарь, получивъ, по обычаю подарокъ, (весьма, впрочемъ, незначительный), пригласилъ своего крестоваго къ себѣ. Они съѣхали на берегъ и, пройдя нѣсколько верстъ, очутились на небольшой равнинѣ, окруженной скалами. Лопарь громко свистнулъ, и на этотъ свистъ послышался лай собакъ. Въ ту же минуту лопарь повелъ своего знакомца на ближайшій холмъ. Лишь только они успѣли на него взобраться, какъ, вдругъ, откуда ни возмись, со всѣхъ сторонъ набѣжали на равнину стада оленей, ловко загоняемыя собаками. Нашъ промышленникъ, стоя на холмѣ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на это безчисленное стадо оленей, которые покрыли всю равнину.

— Вотъ всѣ мои олени, сказалъ наконецъ лопарь, обращаясь къ своему крестовому:—выбирай себѣ любого, какого хочешь.

Крестовый съ минуту оставался въ недоумѣніи: онъ зналъ, что, по обычаю, долженъ былъ въ замѣнъ своего подарка получить подарокъ и отъ лопаря; но вспомнивъ о ничтожности своего подарка, въ сравненіи съ тѣмъ, который предлагалъ ему лопарь, онъ невольно смутился, тѣмъ болѣе, что лопарь нарочно для него раскинулъ передъ нимъ *все* свое богатство и великодушно предлагалъ выбрать самое лучшее.

— Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ наконецъ промышленникъ—куда уже мнѣ выбирать? Спасибо! Самъ ты дѣлай, какъ знаешь!

Лопарь тотчасъ сошелъ съ горы, и, выбравъ лучшаго изъ оленей,

ловко набросилъ на рога его петлю. Тотчасъ же олень былъ убитъ, и нашъ промышленникъ разстался съ своимъ крестовымъ, неся съ собою прекрасную шкуру и мясо оленя — залоги новаго знакомства и дружбы съ добродушнымъ лопаремъ.

Эта черта показываетъ высокое качество души людей, которыхъ мы привыкли считать грубыми; это качество сдѣлало бы честь всякому образованному человѣку.

По нашему мнѣнію, случай этотъ, какъ и нѣсколько другихъ, подобныхъ ему, служитъ не маловажною причиною къ опроверженію того мнѣнія, которое хранятъ еще нѣкоторые изъ поморовъ, что будто бы лопарь склоненъ къ убійству, что будто бы безъ товарищей и оружія нельзя довѣряться его гостепріимству, что такимъ образомъ недавно пропавшій безъ вѣсти кемскій поморъ, имѣвшій при себѣ значительную сумму денегъ, убитъ лопарями, и будто бы за то только, что у него было много денегъ! Въ то же время и тѣ же русскіе, уходя домой съ мурманскихъ промысловъ, оставляютъ лопаря сторожемъ всего запаса на будущую весну, всего, что было бы лишняго дома, но что можетъ пригодиться на будущій годъ. Семь мѣсяцевъ блюдетъ лопарь, за ничтожную сумму, становища промысловыя и все въ поразительной цѣлости передаетъ хозяевамъ, не утаивъ за собою малѣйшаго пустяка. А между тѣмъ надзору лопарей довѣряется весьма часто нѣсколько сотенъ пудовъ трески, палтасины, семги, на нѣсколько же сотенъ рублей снастей и проч. А между тѣмъ такъ рѣдки судебные случаи о смертоубійствѣ, въ которомъ бы замѣшался лопарь (извѣстны только два), а между тѣмъ лопари охотно и часто выселяются ближе къ русскимъ селеніямъ и не строятъ уже своихъ погостовъ далеко, въ глуби Лапландіи; охотно, особенно въ послѣднее время, они женятся на русскихъ дѣвушкахъ.

Максимовъ.

113. Цыганы.

1. Вечеръ. Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ

И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.

2. Утро. ... Съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ,
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ, и младъ во слѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай, и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,

Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, непокойно.

Пушкинъ.

114. Уральскій козакъ.

1. Проклятовъ Гурьевскій козакъ стариннаго закалу: ростомъ не великъ, плотенъ, широкъ въ плечахъ, навертываетъ и въ 30 град. морозу на ноги, для легкости, по одной портянкѣ, надѣваетъ въ зимніе степные походы кожаные либо холщовые шаровары, и если буранъ очень рѣзокъ, то сидя верхомъ, прикрывается съ навѣтренной стороны полою полушубка. Морозу онъ не боится, потому что морозъ крѣпитъ; да и оводъ, и муха, и комаръ не обижаютъ у него коня; жару не боится, потому что паръ костей не ломитъ; воды, сырости, дождя не боится потому, какъ говоритъ, что сызмала въ мокрой работѣ, по рыбному промыслу, что Уралъ золотое дно, серебряна покрышка, кормитъ и одѣваетъ его, стало быть на воду сердиться грѣхъ: это даръ Божій, тотъ же хлѣбъ. Проклятовъ до того любитъ воду—коли нѣтъ вина—что на морскомъ рыболовствѣ и на морской службѣ по Каспійскому морю, пьетъ безъ всякихъ околичностей воду морскую.

Борода ему дороже головы, въ этомъ отношеніи Проклятовъ сущій турокъ; но отправляя сына на внѣшнюю службу, въ Москву, онъ выбрилъ ему бороду, приказавъ отпустить ее, когда воротится домой, и утѣшивъ и себя и сына въ этомъ несчастіи тѣмъ, что де родительницы замолятъ грѣхъ. Дома Проклятовъ не пѣвалъ отроду пѣсни, не сказывалъ сказки, не пѣлъ, не плясалъ, не скоморошничалъ никогда; о трубкѣ и говорить нечего, онъ дома ненавидѣлъ ее пуще водянаго сверчка, да и не бывало ея таки въ заводѣ ни у кого въ цѣломъ войскѣ.

На походѣ—Проклятовъ первый пѣсенникъ, хоть и гнуситъ немного, на старинный церковный ладъ — первый плясунъ, и балалайка явится на третьемъ переходѣ, словно изъ земли выростетъ—и явится трубка и табакъ; а родительницы дома на досугѣ отмаливаютъ и замаливаютъ.

Родительницами называетъ онъ не только старуху мать свою, но и тетку, и сестру, и хозяйку, и дочь: весь женскій полъ. Онѣ всѣ знаютъ церковной грамотѣ, служатъ сами по старопечатнымъ

книгамъ, хозяйничаютъ изъ покупнаго добра — потому что своего кромѣ рыбы и скота нѣтъ ничего, ниже хлѣба — ткутъ шелковые пояски, шьютъ сарафаны на себя, съ отборной девятой пуговицей— а рубахи съ шелковыми рукавами; вяжутъ понемногу чулки — другой работы у нихъ нѣтъ. Главное занятіе ихъ — воспитывать ребятъ въ постоянныхъ правилахъ и обычаяхъ домашняго изувѣрства, которое, какъ мы видѣли, соблюдаясь съ неприкосновенною святостію на дому, нарушается безъ всякаго стѣсненія на службѣ и вообще внѣ войсковыхъ предѣловъ.

2. Пришла осень — старикъ опять идетъ съ цѣлымъ войскомъ, ровно на войну, па рыболовство. На тѣсной и быстрой рѣкѣ столпятся отъ рубежа до рубежа тысячи бударокъ (лодокъ) — тутъ булавкѣ упасть негдѣ, не только сѣти выкинуть: а Проклятовъ, какъ и всѣ другіе, плаваетъ связками, попарно, вытаскиваетъ рыбу и сваливаетъ въ бударку. Саратовскіе и московскіе промышленники слѣдятъ берегомъ плавучую толпу рыбаковъ и держатъ деньги наготовѣ; къ вечеру раздѣлка. Тутъ, кажется, всѣ другъ друга передушатъ, передавятъ и до вечера не доживутъ: крикъ, шумъ, брань, стукъ, толкотня на водѣ, какъ въ самой жаркой рукопашной свалкѣ: давятъ и душатъ другъ друга, бударки трещатъ, козаки, стоя въ нихъ и управляя ими, раскачиваются въ обѣ стороны, чуть носомъ воды не достаютъ—вотъ всѣ потонутъ, всѣ другъ друга замнутъ и затопятъ—ничего не бывало; всѣ разойдутся живы—здоровы, чтобы завтрашній день начать со слѣдующаго рубежа, опять по пушкѣ, ту же продѣлку; и такъ вплоть до Гурьева, до взморья или, по крайней мѣрѣ, до низовыхъ станицъ. Проклятовъ гребетъ, рвется изъ шкуры, лѣзетъ, летитъ въ запуски, гребетъ сильно коротенькимъ весельцемъ своимъ, имъ же правитъ, имъ же расчищаетъ себѣ дорогу въ этомъ непроходимомъ лѣсу бударокъ, расталкиваетъ ихъ вправо и влѣво, не заботясь о томъ, куда которая летитъ; и его толкаютъ взадъ и впередъ—нужды нѣтъ, онъ только кричитъ и бранится и зная уже, что никто его не слышитъ и не слушаетъ, потому что всякій занятъ своимъ, онъ и самъ продолжаетъ свое, облегчая только стѣсненное положеніе свое бранью на-вѣй-вѣтеръ. Впрочемъ, никогда не употребляетъ онъ коренныхъ русскихъ ругательствъ: и это также можно дѣлать только въ командировкахъ и въ походахъ: дома грѣшно.

Пришла зима.—Уралъ замерзъ, снѣжное море покрыло необозримую степь, голодные и холодные киргизы сидятъ смирно и спокойно въ зимовкахъ: не до того имъ, чтобы прорываться по ночамъ тутъ или тамъ и угонять стада и табуны—все замерзло; а Проклятовъ опять снаряжается на рыболовство, на багренье. Опять онъ тутъ, подъ самымъ Уральскомъ, гдѣ въ сборѣ цѣлое войско, опять мечется, по пушкѣ, какъ угорѣлый, зря, очертя голову, на ледъ, на людей, топчетъ, давитъ, не щадя себя, ни другихъ — просѣкаетъ наваренною сталью пешней [1]) въ три маха двѣнадцати-вершковый ледъ, опускаетъ шестисаженный багоръ, коего другой конецъ, перегибаясь черезъ плечо, волочится по льду—поддѣваетъ рыбу, подхватываетъ ее подбагренникомъ—кричитъ, какъ будто кто его рѣжетъ: Ой, братцы, помогите,—коли сила не беретъ управиться одному съ бѣлугой, кричитъ неумолчно, хоть и знаетъ, что ему никто не пособитъ, какъ и самъ онъ никому не подастъ помощи за недосугомъ—а кричитъ; вытаскиваетъ ее наконецъ кой-какъ самъ на ледъ, упарившись зимой въ одной рубахѣ до мокраго поту—и окунувшись раза три по шею въ воду, выбирается съ добычей своей на сухой берегъ. Окунулся онъ потому, что тысячи рыболововъ, кинувшихся на ледъ, на одну зазнамо хорошую ятовь [2]), искрошили въ четверть часа весь ледъ подъ собою, вытаскивая на всѣхъ точкахъ рыбу, и вскрыли всю рѣку. Проклятовъ выгородилъ себѣ кой-какъ небольшой комокъ льду, отстоялъ его, удержался на немъ, сложивъ тутъ же три, четыре рыбки, рублей на сто или побольше, и упираясь багромъ, который гнется, какъ веревка, и захвативъ пешню свою ногами, а подбагренникъ въ зубы, переправился на этомъ паромѣ благополучно, сдалъ тутъ же товаръ и взялъ деньги. Льдина переворачивалась подъ нимъ раза три, да Проклятовъ на нее и не глядѣлъ: онъ только берегъ рыбу свою, привязавъ ее къ ногѣ обрывкомъ или поясомъ, да снарядъ.

Пришла весна—ледъ тронулся, рѣка вздулась, разлилась; утки, гуси потянулись огромными вереницами вслѣдъ за журавлями на сѣверъ—и Проклятовъ опять уже ладитъ бударку, снаряжаетъ пла-

---

[1]) *Пешня*—ломъ.

[2]) Ятовь—омутъ, въ который ложится красная рыба на зимовку. Она ложится тѣсно, въ нѣсколько ярусовъ и спитъ; шумъ и стукъ ее въ то время не пугаютъ, и ее просто ощупываютъ баграми и вытаскиваютъ.

венныя сѣти и тянется безъ малаго 400 верстъ сухимъ путемъ вверхъ по рѣкѣ, чтобы послѣ воротиться внизъ, домой, водою. Спросите у него, когда онъ, прищуривъ лѣвый глазъ, ровно прицѣливается, слѣдитъ низкую стаю лебедей, неужто де птица летитъ своимъ разумомъ въ указанный ей перелетъ; и онъ вамъ, не призадумавшись, отвѣтитъ: «У звѣря не разумъ, а *побудка* [1]); и птица въ перелетъ идетъ побудкой».

Проѣздомъ Проклятовъ распрашиваетъ обстоятельно стариковъ, т. е. смотрителей за водами и лѣсами, о томъ, «благополучно-ли рыба съ осени ложилась, и каковъ надеженъ заловъ?» Если вамъ случалось видѣть неистовыхъ голубятниковъ, псовыхъ и ружейныхъ охотниковъ, которые выходятъ изъ себя, если при нихъ только помянутъ слово объ охотѣ, то можете вообразить себѣ и Проклятова. Сѣрые глаза его загораются каждый разъ, когда дѣло коснется рыбы и рыболовства; брови двигаются, играютъ, высокій лобъ сіяетъ, губы подбираются. У Проклятова не дрогнула бы рука приколотить всякаго, не говоря о киргизахъ на лѣвомъ берегу, приколоть на мѣстѣ, во время ходу рыбы, всякаго, кто осмѣлился бы напоить скотъ изъ Урала; «Рыба тотъ же звѣрь», говоритъ старикъ съ ожесточеніемъ, «шуму и людей боится; уйдетъ, а тамъ ищи ее».

Впрочемъ, козакъ нашъ сражался на своемъ вѣку не съ однимъ этимъ звѣремъ, съ красной рыбой; онъ, не говоря о походахъ туда, сюда и о тогдашней войнѣ съ кайсаками, уходилъ не малое число кабановъ. Кабанъ подсѣкъ даже подъ нимъ однажды коня.

3. Въ походѣ не брали Проклятова ни зной, ни стужа, ни холодъ, ни голодъ. «Обтерпѣлся», говаривалъ онъ, «да съ измаленьку привыкъ; только лошадь жаль, коли безъ корму стоитъ, а человѣку ничего не станется. Изъ всего оружія козачьяго, Проклятовъ менѣе всего жаловалъ саблю, называя ее *темлякомъ*, который де болтается безъ пользы. Винтовка на рожкахъ, изъ которой стрѣлялъ онъ лежа, растянувшись ничкомъ на землѣ, и пика, которою онъ работалъ,— вотъ вся его надежда. Въ открытую атаку онъ не хаживалъ; «не случилось», говоритъ, «да нашему брату ломовая атака и не сподручна»; крикомъ и гикомъ бралъ, врасплохъ бралъ, и съ тылу, и въ засадѣ;

---

[1]) Инстинктъ.

а подмѣтивъ, гдѣ жидко, гдѣ прискочить и прорваться можно, не жалѣя коня, гналъ и билъ непріятеля до нельзя и не щадилъ никого. «Коли бѣжитъ непріятель» говаривалъ Проклятовъ, «такъ развѣ въ землю отъ тебя уйдетъ, а то покидать его нельзя; гони со свѣту долой, покуда бѣжитъ, да не оглянется и не увидитъ, что ты за нимъ одинъ. И бей тоже, покуда бѣжитъ; опомнится да станетъ, такъ того гляди, упрется, и вся работа твоя пропала».

4. Лошадь выѣзжалъ онъ всякую въ двѣ, три недѣли, подпругъ никогда туго не подтягивалъ, а считалъ плеть — нагайку лучшимъ самоучителемъ, безъ которой наука ни одному неучу не дается. Подпрукаетъ, подойдетъ, погладитъ, ухватитъ за уши, дастъ подержать сыну либо племяннику, накинетъ сѣдло, сядетъ — а тамъ дѣло уже поневолѣ пойдетъ своимъ чередомъ; сколько бы ни носила лошадь, сколько бы ни била, когда нибудь да уходится и присмирѣетъ. Въ упряжку выѣздить иную, особенно киргизскую, помудренѣе, да и то ничего. Сперва бокомъ, за одинъ гужъ, вертись и вези, какъ знаешь; а тамъ какъ обойдется маленько, въ постромки, да въ оглобли. Плеть первая наука.

5. Не только на конѣ и на прѣсной водѣ, но и на морѣ Проклятовъ былъ какъ у себя дома. Въ старые годы пускался онъ, бывало, и въ открытое море на бударкѣ своей, на крошечномъ долбленомъ челночкѣ, за лебедями, промышлять перьями, и шкурами, и пухомъ; нынѣ промыслъ этотъ, какъ слишкомъ опасный, давно уже запрещенъ. Проклятовъ былъ, самъ того не подозрѣвая, отчаянный морякъ; лавировалъ и боролся мастерски съ бурей и волнами, какъ съ своимъ братомъ; и это дѣлалъ онъ также отъ того, какъ объяснялся, что «привыкъ такъ съ молодыхъ лѣтъ, что море у нихъ дѣло сосѣднее, подъ рукой». Бывалъ онъ и въ относѣ (вдали отъ берега) на рыболовствѣ, и таскало его на льдинѣ по морю недѣли по двѣ; а между тѣмъ льдина все крошилась да крошилась, отъ волнъ и бури, и Проклятовъ видѣлъ день за днемъ и часъ-за-часомъ мокрую и холодную смерть подъ собою. Но Господь миловалъ, козака приносило опять къ берегу. Тогда козакъ нашъ, бывало, тужитъ только о томъ, что снасти пропали и собраться бѣдняку опять не съ чѣмъ. Впрочемъ, если бы и не вынесло его на льдинѣ, такъ козаку и на саняхъ ину пору изъ моря выѣхать удается, да не по льду, котораго уже нѣтъ, потому что

его изломало бурей, разбило и разнесло; а таки просто на саняхъ по водѣ, по волнамъ: такъ по крайней мѣрѣ отправился недавно, на нашей памяти, товарищъ Проклятова, козакъ Дервяновъ, котораго таскало нѣсколько недѣль въ относѣ. Когда лошадь, въ крайнемъ положеніи этомъ, была уже съѣдена, то Дервяновъ, какъ человѣкъ догадливый и запасливый, снявши съ нея шкуру, бурдюгомъ или дуткой, т. е. цѣликомъ, завязалъ ее на взрѣзахъ, подвелъ подъ сани, вздулъ, привязалъ, и изъ оглобель сдѣлалъ весла, изъ кафтана парусъ и добился на кораблѣ этомъ благополучно до встрѣчной рыбопромышленной посуды, вышедшей изъ Астрахани.

6. Проклятовъ съ десяти годовъ пасъ табуны, ѣздилъ съ отцомъ на рыболовство и, выставивъ на саняхъ или телѣгѣ значокъ, какую нибудь тряпицу, шапку, либо сапогъ, ѣхалъ берегомъ въ тысячной толпѣ саней и лошадей, провожалъ управлявшагося на водѣ отца и *зъвалъ*, т. е. кричалъ, впродолженіи цѣлыхъ сутокъ во всю глотку. Безъ этого рыбакъ въ суматохѣ толпы не нашелъ бы вечеромъ, приставъ къ стану, повозки своей, а потому каждый съ воды и съ берегу даютъ другъ другу голосъ, *зъваютъ* и ровняются. Тутъ наострпшь поневолѣ и глаза и ухо. Поэтому Проклятовъ и видѣлъ сѣрыми глазами своими ясно и чисто тамъ, гдѣ нашъ братъ не видалъ ничего кромѣ неба и земли; а гдѣ Проклятовъ, поглядѣвши, скажетъ бывало: «чуть мельтешитъ (мелькаетъ) что-то», тамъ безъ хорошей подзорной трубы и не думай разгадать задачу.

Скотъ ходитъ у козаковъ Уральскихъ на подножномъ корму зиму и лѣто, круглый годъ, пастухи и табунщики ходятъ за нимъ въ ведро и въ непастье, въ мятель, дождь, зной и стужу. Пастухъ и табунщикъ выгоняетъ скотъ свой на Уралѣ не съ рожкомъ и со свирѣлкой, какъ въ другихъ мѣстахъ, а съ винтовкой за плечомъ, съ копьемъ въ рукахъ и всегда верхомъ. Тамъ изъ станицы въ станицу рѣдко кто поѣдетъ безъ оружія, и козакъ-ямщикъ садится къ вамъ на козлы съ ружьемъ и въ подсумкѣ съ боевыми патронами. И такъ не мудрено, что Проклятовъ привыкъ къ винтовкѣ сызмала, съ двѣнадцати годовъ; въ опасномъ мѣстѣ всегда, не говоря ни слова и не дожидаясь приказанія, вынетъ бывало тряпицу изъ подъ курка, осмотритъ полку, прикроетъ ее огнивомъ и поставитъ курокъ на первый взводъ. Подъѣзжая къ станицѣ, онъ бережно опять закладываетъ полку

мячикомъ или клочкомъ овчинки, спускаетъ на нее курокъ въ упоръ, а потомъ еще попробуетъ, не сыплется-ль порохъ съ полки, подбирая съ кучи бережно каждое зернышко.

Проклятовъ ходитъ подъ гладкой, круглой стрижкой, какъ всѣ староверы наши, т. е. не подъ русской, не въ скобку, а остригаясь просто, довольно гладко и ровно кругомъ. Отправляясь съ полками на внѣшнюю службу, стригся онъ покозачьи. На Уралѣ ходилъ онъ постоянно въ хивинскомъ стеганомъ полосатомъ халатѣ и подпоясывался киргизской *калтой*, кожанным ремнемъ съ карманомъ и съ ножомъ; по праздникамъ щеголялъ въ черной бархатной курткѣ или *круткѣ*, какъ онъ ее называлъ.

Зимой на немъ была высокая черная смушковая шапка, лѣтомъ синяя фуражка съ голубымъ околышемъ и съ козырькомъ. Сверхъ рубахи онъ всегда опоясывался плетенымъ узенькимъ поясомъ—обстоятельство въ глазахъ его большой важности, потому что въ рубахѣ безъ опояски ходятъ одни татары. И ребятишекъ маленькихъ Проклятова тщательно всегда подпоясывала и била ихъ больно, если который изъ нихъ распоясывался или терялъ поясокъ: по опояскѣ этой и на томъ свѣтѣ отличаютъ ребятъ отъ некрещеныхъ татарчатъ и когда въ прогулкѣ по вертоградамъ небеснымъ, разрѣшается имъ собирать виноградныя грозды, то у нихъ есть куда ихъ складывать, за пазуху; татарчатамъ же, напротивъ, виноградъ собирать некуда.

7. И такъ Маркіанъ Проклятовъ дослуживалъ 34-й годъ службы и глядѣлъ, хоть еще и крѣпокъ былъ, въ отставные; да не выпускали, велѣли послужить еще съ годъ, а тамъ обѣщали начать забирать справки. Между тѣмъ, потребовали съ Уралу полкъ въ турецкую войну. Вышелъ на базарную площадь въ Уральскѣ экзекуторъ войсковой канцеляріи, прежде дѣлывалъ это войсковой есаулъ, прочиталъ вслухъ козакамъ, которые собрались въ кружокъ и слушали, снявъ шапки, что «велѣно-де поставить полкъ къ такому-то числу, приходится пяти служивымъ козакамъ поставить одного; сборное мѣсто городъ Уральскъ». Прочелъ и пошелъ домой; только и заботъ войсковому начальству, и полкъ въ срокъ будетъ.

Заложилась наемка, какъ говорятъ козаки, или установилась цѣна, подможныхъ мірскихъ денегъ, по 800 руб. Проклятову негдѣ взять двухсотъ рублей на свою долю, надо идти служить самому. Дай пойду,

говоритъ, возьму еще разъ деньженки, авось въ послѣдній, самъ соберусь и своихъ надѣлю и послужу на послѣдяхъ великому государю.

Пошелъ, запѣлъ опять пѣсни, обзавелся трубкой, добылъ на походъ чубараго [1]) коня, рѣдкой прыти. Полкъ пробылъ два года въ Турціи, тутъ еще позадержали въ Польшѣ слишкомъ годъ, наконецъ спустили; пошли домой на Уралъ. Выбыло изъ полка однакоже человѣкъ полтораста.

Большой былъ праздникъ въ Уральскѣ, когда вступилъ туда съ пѣснями 4-й полкъ. Родительницы выѣхали навстрѣчу изъ всѣхъ низовыхъ станицъ, усѣяли всю дорогу отъ города верстъ на десять; вынесли узелки, узелочки, мѣшочки, сткляночки, штофчики, сумки, все, вишь, жалѣючи своихъ; думаютъ, голодные прійдутъ, такъ напоить и накормить. Стоитъ старуха въ синемъ кумачномъ сарафанѣ, повязанная чернымъ китайчатымъ платкомъ, держитъ въ рукахъ узелокъ и бутылочку, кланяется низехонько, спрашиваетъ:

«Проклятовъ, родные мои, гдѣ Маркіанъ?»

Не слыхать голосу ея изъ-за пѣсенниковъ, подходитъ она ближе, достаетъ рукой козака: «гдѣ Проклятовъ?» Сзади, матушка, сзади. Идетъ вторая сотня, спрашиваетъ старуха: «гдѣ-же Маркіанъ Елисеевичъ Проклятовъ, спаси васъ Христосъ и помилуй, гдѣ Проклятовъ?» Сзади, говорятъ. Идетъ третья сотня — тотъ же привѣтъ, тотъ же отвѣтъ. Идетъ и послѣдняя сотня, прошелъ и послѣдній взводъ послѣдней сотни, а козаки говорятъ ей, кивнувъ головой назадъ: «сзади, матушка, сзади». Когда прошелъ и обозъ и всѣ отвѣчали *сзади*, то Харитина и поняла въ чемъ дѣло — ударилась объ земь и завопила страшнымъ голосомъ. Козаки увели ее домой, и Маркіана своего она уже болѣе не видала. Даль.

115. Чухонцы въ Питерѣ.

1. У насъ, не безъ основанія, называютъ чухнами все не русское поколѣніе коренныхъ жителей Петербургской, Выборгской и сосѣднихъ Балтійскихъ губерній. Не только каждый народъ, но и уроженцы извѣстныхъ мѣстъ, приходя на заработки въ столицу нашу, держатся своего рода жизни и какихъ либо особыхъ промысловъ. Такъ каси-

[1]) Пестрый, пятнистый, крапчатый.

мовскіе татары всѣ почти идутъ въ дворники; рязанцы въ сидѣльцы и еще болѣе въ цѣловальники; тверитяне въ каменьщики и штукатуры; бѣлоруссы исключительно въ земляную работу м прочее. Чухонца или финляндца вы не увидите ни въ дворникахъ, ни въ сидѣльцахъ, ни даже въ разнощикахъ, кромѣ привозящихъ яйца, масло и молоко и выпрашивающихъ въ домахъ, послѣ продажи припасовъ своихъ, лоскутки и ленточки для дочерей и сестеръ. Высшій кругъ ремесленнаго или рабочаго сословія изъ этого народа, это серебренники; за ними слѣдуютъ трубочистные мастера; черный народъ, осѣдлый въ Петербургѣ, идетъ смолода въ трубочисты, иногда нанимается въ кучера; идущіе на заработки промышляютъ легковымъ извозомъ, и то болѣе зимой, изъ ближайшихъ деревень, верстъ за сто, полтораста; въ ломовыхъ же извощикахъ вы никогда не увидите чухонца. Кромѣ того, выборгскіе крестьяне возятъ въ столицу песокъ, па лодкахъ и гужемъ, булыжный камень и всѣ вообще сельскіе припасы, пригоняя иногда, напридачу, нѣсколько головъ своего малорослаго рогатаго скота.

2. Встрѣтивъ, особенно въ воскресенье, такого трубочистнаго мастера, вы не всегда съ перваго взгляда догадаетесь, съ кѣмъ столкнулись. Черный фракъ и золотая цѣпочка, зимой даже енотовая шуба, могла бы ввести васъ въ обманъ и заставить предполагать, что передъ вами, по крайней мѣрѣ, почетный гражданинъ. Ремесло трубочистнаго мастера, у котораго только изрѣдка остаются па рукахъ, по праздникамъ, слѣды прежнихъ собственноручныхъ занятій—ремесло это хлѣбное. Мастера получаютъ плату съ дома, или вѣрнѣе съ дыма, берутъ на себя подрядомъ обязанность чистить трубы во всѣхъ, и самыхъ огромныхъ казенныхъ зданіяхъ, и держатъ цѣлую артель рабочихъ и мальчишекъ, содержа ихъ, по крутому финскому нраву и тугому скопидомству, очень строго и на весьма умѣренной пищѣ. Салакушка и вообще плохая и дешевая соленая рыба да еще картофель,—обыкновенная ихъ пища; мясо видятъ они рѣдко. Не смотря на это, вы въ воскресенье, на Крестовскомъ острову [1]), должны заглянуть иному чухонцу вплотную за уши, чтобы узнать трубочистнаго подмастерья или ученика въ толпѣ ремесленныхъ, веселыхъ гулякъ,

---

[1]) Одинъ изъ петербургскихъ острововъ.

для коихъ Крестовскій островъ составляетъ истинную отраду: тамъ они, бѣдные, отводятъ душу и, собираясь съ силами на наступающую седмицу, забываютъ по разу въ недѣлю, какъ больно мастеръ надралъ чубъ въ понедѣльникъ и въ среду, какъ зло ущипнулъ во вторникъ, выдралъ за ухо два дня сряду, въ четвергъ и въ пятницу, и какъ натолкалъ бока въ субботу. Зимой и эта отрада не дается; изрѣдка только удается забраться съ товарищами въ Красный кабачекъ [1]), а впрочемъ, все праздничное утѣшеніе состоитъ въ томъ, что сходишь въ субботу въ баню, — непремѣнная льгота всѣхъ трубочистовъ,—да гуляешь въ воскресенье съ товарищами, не съ чумичкой, ядромъ, скрябкой, метлой и веревкой, и не въ бархатномъ черномъ платьѣ, какъ сами они называютъ будничній нарядъ свой, а въ сюртукѣ и, замѣтьте непремѣнно въ *бѣлой* манишкѣ, или по крайней мѣрѣ съ бѣлыми воротничками. Эти бѣлые воротнички придаютъ каждому трубочисту, въ собственныхъ глазахъ, сто-на-сто цѣны и вѣсу; ему, въ будничномъ быту, бѣлое бѣлье такое диво, что оно ему дѣлается всего дороже и милѣе.

Чухны вообще народъ самый честный, то есть, крѣпкій и вѣрный на слово; но разныя житейскія уловки и ухищренія, особенно среди всѣхъ соблазновъ столицы, водятся и въ ихъ грѣшномъ быту, какъ и во всякомъ иномъ. Подряжаясь чистить трубы въ большомъ казенномъ зданіи, съ отвѣтственностью за выкидку изъ трубы, трубочисты берутъ порядочныя деньги, по сотнѣ и по два цѣлковыхъ въ годъ: но разсказать ли вамъ, какъ трубочистный мастеръ, перехитривъ, хотѣлъ чистить въ пяти большихъ зданіяхъ трубы круглый годъ за полтину серебра?

Были, по законному порядку, назначены торги. Господа трубочисты сошлись въ срокъ и, не смотря на обыкновенное единодушіе свое по предварительной стачкѣ, немного погорячились и съ пяти сотъ цѣлковыхъ запроса сбили цѣну непомѣрно низко, на двѣсти. Видя такую бѣду и опомнившись нѣсколько, одинъ изъ самыхъ бойкихъ заневскихъ урожепцевъ, именитый начальникъ чернобархатной дружины, выступилъ смѣло впередъ и сказалъ: «полтину серебра». Начальство съ недоумѣніемъ приподняло голову и рѣшилось просить объясненія.

[1]) Въ 10 верстахъ за городомъ.

«Я прошу полтину серебра», отвѣчалъ тотъ же мастеръ, между тѣмъ какъ прочіе, понявъ эту уловку, самодовольно поглядывали другъ на друга и улыбались; «я берусь чистить трубы не за 400 и не за 200 руб. серебромъ, а за полтину». «Что это ты шутить что ли сюда пришелъ?» спросилъ его строгій голосъ, между тѣмъ какъ очки были приподняты съ переносья на самое темя. «Чего шутить, какая шутка!» предолжалъ тотъ же мастеръ; «я вамъ говорю дѣло, я берусь за полтину серебра».

Торги были остановлены, журналъ подписанъ и подписка съ подрядчика взята. Не дрогнула у него рука и при подписи; смѣло и бойко расчеркнулся онъ, закусивъ губу, а прочіе съ какимъ-то удовольствіемъ перешептывались посвоему и поглядывали черезъ плечо мастера на подпись его.

На этотъ разъ, разсчетъ его былъ вѣренъ и удаченъ. Долго думало присутствіе, какъ тутъ быть и что дѣлать. Какъ-де отдать за полтину подрядъ, за который плачивали всегда по 300 рублей? Это курамъ на смѣхъ; онъ просто дурачитъ людей; а наконецъ какое же будетъ ручательство въ томъ, что онъ выполнитъ подрядъ? Залогу съ него слѣдуетъ всего-то треть годовой платы — и того, за годъ $16^2/_3$ копѣйки; что же съ этимъ станешь дѣлать? — И на этомъ основаніи не утвердили торговъ, а предписали произвести новые. На этихъ новыхъ торгахъ, мастера наши явились уже болѣе спокойные и разсудительные, установивъ между собою послѣднюю цѣну 400 рублей сереб., и положивъ сдать работу одному, по жребію, а прочимъ получать съ него отсталаго. Такъ и осталось.

3. Большая часть здѣшнихъ серебренниковъ средней руки земляки трубочистамъ, и между прочимъ, все, что вы покупаете подъ Думой [1]) выходитъ изъ подъ ихъ рукъ. Есть изъ нихъ также довольно мастеровъ золотыхъ дѣлъ. Люди эти надежны, трезвы, работящи; но и у нихъ не рѣдко голова походитъ на половую щетку: съ такимъ упорствомъ у нихъ волоса подымаются на дыбы, не ложась подъ гребень, и такъ упрямы и поровисты эти головы. Если вы заказываете какую нибудь вещь, желая, чтобы она была сдѣлана, какъ вамъ хочется, то землякъ трубочиста сперва споритъ

[1]) Въ домѣ, принадлежащемъ городской думѣ.

съ вами, увѣряя, что этого сдѣлать нельзя, а что надо сдѣлать иначе; коли вы настаиваете положительно и готовы уйти по несогласію мастера, то онъ смолчитъ, кивнувъ разъ-другой головой и сказавъ: хорошо, хорошо; а между тѣмъ непремѣнно сдѣлаетъ ее по своему и отвѣтитъ вамъ впослѣдствіи сухо, что такъ надо было и что иначе нельзя. Ни одинъ васъ не обвѣситъ; у всякаго положенная цѣна за работу; но и финляндецъ, какъ русскій человѣкъ, рѣдко поставитъ вамъ работу въ обѣщанный срокъ и, сверхъ того, какъ упомянуто, весьма неохотно уклонится отъ привычной формы вещи.

4. Въ числѣ сельскихъ произведеній, привозимыхъ чухнами, пахтанное, или собственно, чухонское масло занимаетъ не послѣднее мѣсто. Замѣчательно, что обычай пахтать масло принадлежитъ всѣмъ чухонскимъ, или вѣрнѣе чудскимъ, финскимъ поколѣніямъ, а обычай топить его, турецкому или татарскому и монгольскому племенамъ. По этому незначительному обычаю, кажется, можно довольно вѣрно распознавать у насъ эти два поколѣнія тамъ, гдѣ есть сомнѣніе.

Хозяйки наши падки на чухонское масло, которое крестьяне разносятъ по столицѣ; но и этотъ честный промыселъ, къ сожалѣнію, подалъ поводъ къ мошенничеству, которое многимъ хозяйкамъ крѣпко досаждаетъ. Я не говорю о томъ, что и честные чухны выучились класть на исподъ въ кадочку прогорклое масло или сыпать туда крупную соль, продавая ее вмѣстѣ съ масломъ; но хочу сказать нѣсколько словъ объ отъявленномъ и болѣе утонченномъ мошенничествѣ предпріимчивыхъ столичныхъ кулаковъ. Они скупаютъ масло зимой, разбиваютъ его въ теплѣ, наливъ водой, а потомъ выносятъ на морозъ и сбиваютъ воду вмѣстѣ съ масломъ, образуя какое-то масляное мороженое, весьма невыгодное для покупателей, отому что въ немъ бываетъ болѣе половины воды или льду. Чтобы затѣмъ удобнѣе и вѣрнѣе сбыть этотъ товаръ, они поручаютъ распродажу его захожимъ сюда чухонцамъ, кои разносятъ его по дворамъ, будто только что привезли изъ деревни. За это нельзя не попенять честнымъ финляндцамъ, хотя они тутъ только плуты подставные, а настоящіе мошенники скрываются въ какихъ нибудь подвалахъ или мелочныхъ лавкахъ.

5. Подгорные жители разсказываютъ, что чухны, пріѣзжающіе въ столицу съ сельскими припасами, а въ томъ числѣ и съ рыбой и раками, въ бочкахъ, не продаютъ товара дорóгой, по упрямству, а можетъ быть, и боясь продешевить, не зная настоящихъ цѣнъ въ городѣ. Отнѣкиваясь, они обыкновенно, чтобы отвязаться, говорятъ: мы привеземъ вамъ въ другой разъ, теперь нельзя отдать. Тогда стоитъ только убѣдить чухонца, не зная его въ глаза, взять задатокъ: и онъ уже не обманетъ, а непремѣнно привезетъ, что обѣщалъ. Мнѣ говорили объ этомъ люди, испытавшіе такой способъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, и увѣряли, что изъ числа десяти или двѣнадцати задатковъ, у нихъ вообще пропадало не болѣе одного, и что иной чухонецъ привозилъ обѣщанное, хотя полгода и даже цѣлый годъ спустя. Эта черта такъ хороша, что, конечно, ее всякій народъ пожелалъ бы присвоить себѣ: но она не всякому далась!

Спросите, какъ дѣлаютъ подрядчики или поставщики булыжнаго камня и песку, для полученія этого товара изъ Финляндіи: они отправляются на мѣста, приглашаютъ черезъ пасторовъ крестьянъ для сбора и поставки камня къ сроку, раздаютъ имъ тутъ же задатки, отъ трехъ до шести цѣлковыхъ на брата, записываютъ имена ихъ, для одного счета, и безъ всякихъ дальнѣйшихъ удостовѣреній, залоговъ и околичностей, уѣзжаютъ въ Питеръ. Списки эти не могутъ въ сущности служить ни къ чему, не только потому, что не облечены въ законную форму, но уже и потому, что въ нихъ насчитаны цѣлые десятки Іогансоновъ, Андерсоновъ и Михельсоновъ, коихъ едва-ли кто былъ-бы въ состояніи отыскать на бѣломъ свѣтѣ, если бы они не явились сами. Но будьте спокойны, задатки ваши не пропадутъ: весною день-за-день лодочники являются къ вамъ на дворъ, сдаютъ камень, привозятъ вѣсти о тѣхъ, кои еще не успѣли его поставить, просятъ за нихъ отсрочки или возвращаютъ задатки; а если вы ихъ разсчитаете безъ задержки и безъ притязаній и дадите еще по стакану вина, то они готовы, воротившись домой, объѣздить за васъ всю околицу и понукнуть менѣе радивыхъ земляковъ своихъ или заставить ихъ, въ случаѣ какихъ либо важныхъ помѣхъ, передать обязательство и задатокъ другому.

Будучи однажды случайно свидѣтелемъ такого пріема булыжника отъ чухонъ, я невольно обратилъ вниманіе на рослаго, молодого дѣтину, со свѣтлыми, гладкими и длинными волосами, словно вычесан-

ными изъ пакли, съ голубыми глазами, въ коихъ отражалась какая-то сильная печаль. Онъ стоялъ очень спокойно и тихо, не проталкивался впередъ, ждалъ очереди, говорилъ мало и тихо и часто вздыхалъ. Наконецъ очередь до него дошла. Какъ тебя зовутъ? спросилъ хозяинъ или прикащикъ его, сидя за именнымъ спискомъ поставщиковъ. Тотъ сказалъ имя, прозванiе свое и мѣсто рожденiя.

Хозяинъ пробѣжалъ списокъ и возразилъ, что такого человѣка въ этой деревнѣ у него не записано.

— Нѣтъ, отвѣчалъ чухонецъ, у васъ записанъ братъ мой, Андрей, да его ужъ нѣтъ; и слезы навернулись у него на глазахъ.

— А гдѣ-же братъ твой, умеръ?

— Умеръ, потонулъ. Оттого мы и запоздали немного; не взыщите. Онъ отправился въ срокъ, буря захватила его за Кронштадтомъ, лодку разбило, все пропало, и самъ потонулъ. Я, младшiй братъ, принялъ все наслѣдство, что было, а съ тѣмъ и долги и обязательства брата, такъ ужъ надо было исполнить: получайте.

6. Другого рода явленiе, которое не служитъ къ чести чухонъ и относится собственно до ближайшихъ, подгородныхъ деревень, встрѣчаете вы не рѣдко лѣтомъ по выборгской дорогѣ, а иногда и среди города: это обычай вымаливать подаянiе на снаряженiе небывалой невѣсты. Во многихъ странахъ, между прочимъ также въ Финляндiи и въ Польшѣ, небольшое приданое для бѣдной четы собирается отъ доброхотныхъ дателей; въ Финляндiи мать или тетка отправляется для этого въ обходъ, съ дочерью невѣстой, а въ Польшѣ женихъ съ невѣстой, въ сопровожденiи подругъ и всѣхъ свадебныхъ гостей, иногда еще съ музыкой и пляской, ходятъ по улицамъ и собираютъ, за благодарный поцѣлуй невѣсты, небольшое подаянiе. Лѣтомъ вы частенько встрѣтите на выборгской дорогѣ двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна повязана по головѣ какою-то бѣлою вѣтошкой, а другая простоволосая, съ алой гарусной тесьмой на головѣ, подстриженная поперекъ лба въ обрубъ, босая, но съ парою новыхъ башмаковъ въ рукахъ; одна изъ нихъ кланяется и проситъ подаянiя для невѣсты, указывая при этомъ на другую. Не рѣдко обѣ почти въ однихъ лѣтахъ, старухи, или одна изъ нихъ ребенокъ; словомъ тутъ по первому взгляду видна комедiя.

7. Большая часть петербургскихъ кухарокъ чухонки; онѣ опрятны и, если не избалованы столичными соблазнами, вѣрны и честны; по

онѣ всегда очень упрямы, а подъ старость дѣлаются злы и бранчивы до нестерпимости. Тѣ изъ нихъ, кои смотрятъ изъ-подлобья, отворачиваются въ какой-то судорожной дѣятельности и сиплымъ, грубымъ голосомъ много разсказываютъ о великихъ заслугахъ своихъ и о томъ, какимъ важнымъ господамъ онѣ служили, никуда не годятся. Такого рода *ведки* обокрадутъ васъ кругомъ въ хозяйственныхъ покупкахъ, и все, что есть у нихъ, пропьютъ на кофе. Кофе пьютъ онѣ вообще запоемъ, страстно, и ни за что не пойдутъ служить въ домъ, гдѣ вздумали отпотчивать ихъ одной чашечкой въ день. Переходя на заработки въ столицу, чухонки вообще оставляютъ и сельскую некрасивую одежду свою и одѣваются, какъ говорятъ, по-нѣмецки.

8. Нельзя не упомянуть и еще объ одномъ пути, коимъ чухны попадаются зимой въ Петербургъ.

Въ Финляндіи, какъ говорится у насъ, все дешево; иностранные ситцы, а въ особенности кофе, тамъ вдвое дешевле; а потому огромная прибыль слишкомъ часто соблазняетъ смѣлыхъ сосѣдей нашихъ. Въ Финляндію ежегодно пріѣзжаютъ прикащики изъ Гамбурга и другихъ мѣстъ съ образцами дешеваго товара, предлагаютъ его финляндскимъ купцамъ въ долгъ, каждому на извѣстную сумму и доставляютъ съ срокъ. Честность финляндца обезпечиваетъ иностранца въ этомъ случаѣ, а если одинъ должникъ и раззорится, то потеря эта вознаграждается значительными барышами, получаемыми съ прочихъ десяти или пятнадцати домовъ. Взявшіе товаръ, съ своей стороны должны стараться сбыть его; между тѣмъ финляндцы сами такъ бережливы, такъ мало привыкли сорить деньгами, что аршинный товаръ тамъ сходитъ очень плохо, а кофе не болѣе извѣстнаго количества, которое разочтено до четверти фунта въ каждомъ семействѣ. Сосѣдняя Русь—богата, потребителей много, и денегъ довольно; дѣло въ томъ только, какъ-бы доставить туда товаръ: и на это есть средство, потому что пограничные чухны этимъ промышляютъ и берутся за дѣло смѣло и искусно.

Нагружаютъ небольшой обозъ, выбравъ для того самыхъ бойкихъ и нашколенныхъ лошадей. Погонщиковъ бываетъ мало, какъ можно меньше, чтобы въ случаѣ нападенія легче было бѣжать. Въ темную ночь обозъ этотъ подъѣзжаетъ къ столицѣ, не торными дорогами, а трущобами и проселками, и не рѣдко при одномъ или двухъ вершни-

кахъ, опознающихъ предварительно мѣстность и извѣщающихъ особымъ крикомъ и свистомъ объ опасностяхъ. Обозъ этотъ крадется мимо выборгской заставы черезъ Черную рѣчку, или еще ниже по взморью; иногда онъ объѣзжаетъ всю столицу кругомъ и пробирается съ противуположной стороны. Если нельзя проѣхать, то нерѣдко взваливаютъ мѣшки на плечи и переносятъ на себѣ, сдавая прямо по условію въ вѣрныя руки. Если такой обозъ бываетъ настигнутъ объѣздчиками, то поданный знакъ мгновенно извѣщаетъ о томъ всѣхъ возчиковъ, и первая уловка ихъ состоитъ въ томъ, чтобы разогнать весь обозъ въ разныя стороны, въ лѣсъ. Привычныя къ тому лошади, по особому крику, кидаются со всѣхъ ногъ въ чащу и мчатъ, сколько духу есть, покуда не свалятся гдѣ-нибудь въ канаву, если не завязнутъ съ возомъ между двухъ пней. Возницы, между тѣмъ, покинувъ обозъ на произволъ судьбы, также бросаются въ сторону и стараются скрыться, что имъ и удается почти всегда. Такимъ образомъ объѣздчикамъ стоитъ большаго труда нагнать, по глубокому снѣгу въ лѣсу, легкія чухонскія сани и вывести ихъ на дорогу; но большая часть обоза, по темнотѣ и непроходимости путей, благополучно скрывается. Увѣряютъ даже, что хорошо пріученныя лошади контрабандистовъ, при первомъ удобномъ случаѣ, при малѣйшей оплошности стражи, вырываются изъ рукъ и скачутъ во весь опоръ проселками обратно, не даваясь никому въ руки. Эти лошади, будучи захвачены, продаются здѣсь, какъ и сани, сбруя и самый товаръ, съ молотка; тайные повѣренные прежнихъ хозяевъ стараются выкупить ихъ, дорожа ими, и бывали примѣры, что за плохую на видъ чухонскую кляченку, которую нельзя оцѣнить на видъ свыше двадцати цѣлковыхъ, платили по сту и по двѣсти руб. сер. Когда, во время продажи съ наддачи, цѣна лошадямъ возростала до такой неимовѣрной степени, то всѣ съ любопытствомъ обращали взоры на тароватаго покупщика, а иные говорили ему въ полголоса: смотри, держи ее крѣпче! не то, придется въ другой разъ выкупать ее здѣсь за такую-то цѣну! Впрочемъ, изобличая этотъ преступный промыселъ нашихъ сосѣдей, надобно, согласно истинѣ, сознаться, что съ ними никогда почти не бываетъ кровавыхъ сшибокъ и побоищъ, коими, напротивъ, ославились пограничные жители нѣкоторыхъ мѣстъ западныхъ губерній. Чухны, привыкшіе, какъ говорятъ, и дома къ порядку, тишинѣ и повиновенію, бро-

саютъ тотчасъ все, если бываютъ открыты, и предаютъ товаръ и обозъ свой на жертву, получая впрочемъ, по условію, вознагражденіе отъ хозяевъ за лошадей.

9. Хотя наружность чухонца, особенно въ зимней одеждѣ, не слишкомъ рѣзко отличается у насъ въ толпѣ прочаго народа, не менѣе того, его обыкновенно можно узнать съ перваго взгляда. Огромный треухъ рысьяго мѣха и ничѣмъ неизгладимое, косноязычное произношеніе—это его принадлежности. Есть однако-же около Петербурга, но не въ Финляндіи, до такой степени обрусѣвшіе чухны, какъ по одеждѣ, такъ даже и по языку, что ихъ почти нельзя распознать отъ русскихъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что чудское или финское племя вообще довольно склонно къ этому переходу, или преобразованію, и русѣетъ гораздо легче, чѣмъ племена монгольскія или татарскія. Такъ, напримѣръ, Вогулы и Вотяки безъ сомнѣнія вскорѣ исчезнутъ вовсе: даже языкъ ихъ утрачивается, и они, соединившись съ нами по вѣрѣ, мало-по-малу соединятся также во всѣхъ прочихъ житейскихъ отношеніяхъ, и одно только преданіе будетъ указывать на нихъ, какъ на бывшихъ инородцевъ. Почти тоже можно сказать о нѣкоторой части Мордвы: даже Зыряне, гдѣ они живутъ не особнякомъ, а близъ русскихъ, легко съ ними сближаются; а слабосильные Чуваши и Черемисы весьма охотно называютъ себя русскими, принимаютъ русскую стрижку и носятъ рубашку по русскому обычаю, сознаваясь, однако-же, въ уничиженіи своемъ, что изъ нихъ вышелъ доселѣ только «дрянная русская человѣка, но авось, Богъ дастъ, выйдетъ и матерая». Вообще нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что значительная часть нынѣшней Россіи была населена народами чудскаго происхожденія—Меря, Мурома, Мещера, Кривичи и пр., кои въ теченіи вѣковъ обрусѣли. Даже въ произношеніи народа нашего можно еще отыскать мѣстами это происхожденіе, а тщедушный складъ, хотя и несвойственный собственно чухнамъ, чувашское лицо и глаза и нѣсколько сохранившихся издревле обычаевъ слишкомъ ясно наводятъ на это заключеніе, подтверждаемое бытописаніемъ. Тамъ, гдѣ народъ говоритъ «это такая благая путь», можно, по справедливости, усомниться, коренные ли русскіе такъ изъясняются; а приглядѣвшись поближе къ алымъниткамъ на рубахахъ, къ шитымъ-же коймамъ, къ холодникамъ и балахонамъ, и наконецъ къ безобразнымъ рогатымъ жен-

скимъ кичкамъ съ низанными назатыльниками, невольно скажешь: это Мордва. Такъ напримѣръ, въ бо́льшей части Орловской губерніи бабы одѣваются совершенно по-мордовски.

10. Въ Питерѣ вы нерѣдко увидите пять, шесть и болѣе человѣкъ, идущихъ мѣрными шагами гусемъ, одинъ за другимъ всѣ въ высокихъ сапогахъ, смурыхъ кафтанахъ или въ тулупахъ съ огромными рысьими треухами на головѣ. Это заѣзжіе чухны, идущіе за городскими покупками. Вошедъ въ тѣсную лавку, они занимаютъ ее собою всю: другому покупателю нѣтъ мѣста; по привычкѣ не вбирая рукъ и ногъ въ себя, они даютъ имъ полный просторъ.

Одинъ изъ нихъ парень бывалый, который слыветъ знатокомъ русскаго языка, идетъ впередъ, прочіе за нимъ, какъ бараны. Передній заднему мостъ. Вожакъ этотъ спрашиваетъ лентъ, купецъ ставитъ ему коробку съ лентами, приглашаетъ говорить цѣну; вожака не смущаютъ льстивые возгласы продавца; вожакъ прикидываетъ ленту на свѣтъ, и съ замѣчаніемъ знатока: «рѣдко больно», кладетъ ее на мѣсто и уходитъ. Дѣло рѣшено: чухонцы здѣсь лентъ не купятъ; не менѣе того, каждый изъ нихъ непремѣнно, выждавъ свою очередь, подойдетъ къ коробочкѣ, возьметъ ленту, прикинетъ ее на свѣтъ и положитъ на мѣсто. Только она перейдетъ черезъ семь рукъ, если опытный купецъ не догадается ее прибрать. Если-же она будетъ прибрана, то замѣтьте, это озадачитъ и разстроитъ того чухонца, который подойдетъ въ свою очередь къ прилавку и протянетъ руку къ пустому мѣсту; онъ постоитъ нѣсколько, оглянется, понесетъ руку въ затылокъ и въ смущеніи отойдетъ. Проходя за тѣмъ мимо бакалейной лавки, вся ватага въ нее забьется, и оглядываясь, молча, на повторительное приглашеніе хозяина и на вопросъ его: что вамъ угодно?—ждетъ развязки отъ вожака. Когда-же этотъ, подошедъ къ боченку съ сельдями, возьметъ одну селедку щепотью, перевернетъ и разглядитъ ее, кинетъ опять въ боченокъ и, облизавъ пальцы, выйдетъ спокойно изъ лавки, то всѣ пятеро послѣдуютъ его примѣру; каждый поочередно, возьметъ и разглядитъ селедку, оближетъ пальцы и пойдетъ. Если-же вожакъ рѣшится купить за семь коп. мѣди селедку, то прочіе достаютъ заблаговременно кошели свои изъ-за пазухи, отсчитываютъ деньги и

также берутъ по селедкѣ. Все это дѣлается чинно и молча; изрѣдка тотъ или другой роняетъ ненарокомъ скромное словечко.

11. Но подъ веселый часъ, то есть, подъ чару зелена-вина—навеселѣ, чухонецъ говорливъ и веселъ; угрюмость его проносится какъ облачко; онъ забываетъ трудъ и горе—живетъ и оживаетъ. Можетъ быть, вамъ случалось иногда встрѣтить, по близости кабака или харчевни, такихъ счастливыхъ жильцовъ подлуннаго міра: они поютъ изо всей мочи, сколько можно пѣть тому, кому Богъ не далъ ни тѣни голоса; поютъ всѣ вмѣстѣ, но каждый порознь, каждый по себѣ, и ни одинъ не хочетъ слушать никого, кромѣ себя самого. Пѣсня ихъ скорая, плясовая, очень однообразная, по четыре такта въ колѣнцѣ, и пѣвецъ, выразительно помахивая руками, показываетъ, что ему теперь нѣтъ нужды ни до кого и ни до чего. Этого пѣвца вы можете встрѣтить черезъ нѣсколько часовъ позже въ одноколкѣ за выборгской заставой: завалившись въ ларчикъ этотъ поперегъ тряской оси, свѣсивъ голову и согнувъ колѣни кочергой, онъ спитъ мертвымъ сномъ, блаженствуя въ грезахъ, покуда не придется ему очнуться по ту, либо по другую сторону дороги, въ канавѣ.

Оканчивая этимъ статейку, я обязанъ однако сказать, что чухонъ отнюдь нельзя назвать пьяницами, но напротивъ, народомъ весьма трезвымъ.

Даль.

116. Черкесъ.

I.

Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный,
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный,
Гроза безпечныхъ козаковъ.
Его богатство—конь ретивый,

Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшилъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги,
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги.
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ—
Онъ въ глубь кипящую несется;
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;

Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, козаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
И мимо нихъ во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
  Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась и падаетъ козакъ
Съ окровавленнаго кургана.

II.

Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ,
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ,
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня:
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ ласково встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь [1]) отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный.

III.

Когда же въ свѣтлый байранъ [2])
Сберутся юноши толпою,

---

[1]) Красное грузинское вино.
[2]) Праздникъ розговенья послѣ мусульманскаго поста *рамазана*.

Игра смѣняется игрою:
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ миръ однообразный
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

Пушкинъ.

ОТДѢЛЪ III.

117. Ярило [1]) и Мать-Сыра-Земля.

Вотъ сказанье нашихъ праотцевъ о томъ, какъ богъ Ярило возлюбилъ Мать-Сыру-Землю и какъ она породила всѣхъ земнородныхъ.

Лежала Мать-Сыра-Земля во мракѣ и стужѣ.

Мертва была—ни свѣта, ни тепла, ни звуковъ, никакого движенья.

И сказалъ вѣчно юный, вѣчно радостный свѣтлый Яръ:

«Взглянемъ сквозь тьму кромѣшную на Мать-Сыру-Землю, хороша-ль, пригожа-ль, придется-ли по мысли намъ?»

И пламень взора свѣтлаго Яра въ одно мановенье прониэалъ неизмѣримые слои мрака, что лежали надъ спавшей Землею. И гдѣ Ярилинъ взоръ прорѣзалъ тьму, тамъ возсіяло солнце красное.

И полились черезъ солнце жаркія волны лучезарнаго Ярилина свѣта. Мать-Сыра-Земля ото сна пробуждается... Жадно пила она золотые лучи живоноснаго свѣта, и отъ того свѣта палящая жизнь разлилась по нѣдрамъ ея.

Несутся въ солнечныхъ лучахъ сладкія рѣчи вѣчно юнаго бога Ярилы: «Охъ ты гой еси, Мать-Сыра-Земля! полюби меня, бога свѣтлаго; за любовь за твою я украшу тебя синими морями, желтыми песками, зеленой муравой, цвѣтами алыми, лазоревыми; родится у тебя милыхъ дѣтушекъ число несмѣтное...»

Любы Землѣ Ярилины рѣчи, возлюбила она бога свѣтлаго и разукрасились злаками, цвѣтами, темными лѣсами, синими морями, голубыми рѣками, серебристыми озерами...

---

[1]) Богъ солнца, по языческому вѣрованію русскаго народа въ древности.

Изъ нѣдръ ея вылетали поднебесныя птицы, изъ вертеповъ выбѣгали лѣсные и полевые звѣри, въ рѣкахъ и моряхъ заплавали рыбы, въ воздухѣ затолклись мелкія мушки, да мошки... И все жило, все любило и все пѣло хвалебныя пѣсни отцу-Ярилѣ, матери-Сырой-Землѣ.

И вновь изъ краснаго солнца рѣчи Ярилы несутся: «Охъ ты гой еси, Мать-Сыра-Земля! Разукрасилъ я тебя красотою, народилось у тебя милыхъ дѣтушекъ число несмѣтное, полюби меня пуще прежняго и родится у тебя дѣтище любимое».

Любы были тѣ рѣчи Матери-Сырой-Землѣ, жадно пила она живоносные лучи и родился человѣкъ...

И когда вышелъ онъ изъ нѣдръ земныхъ, ударилъ его Ярило по головѣ золотой вожжей—ярой молніей. И отъ той молоньи умъ въ человѣкѣ зародился. Здравствовалъ Ярило любимаго земнороднаго сына небесными громами, потоками молній. И отъ тѣхъ громовъ, отъ той молніи вся живая тварь въ ужасѣ встрепенулась; разлетались поднебесныя птицы, попрятались въ пещеры дубравные звѣри; одинъ человѣкъ поднялъ къ небу разумную голову и на рѣчь отца громовую отвѣчалъ вѣщимъ словомъ, рѣчью крылатою... И услыша то слово и узрѣвъ царя своего и владыку, всѣ древа, всѣ цвѣты и злаки передъ нимъ преклонились; звѣри, птицы и всякая живая тварь ему подчинились.

Ликовала Мать-Сыра-Земля въ счастьи, въ радости, чаяла, что Ярилиной любви ни конца, ни края нѣтъ... Но по маломъ времени красно солнышко стало низиться, свѣтлые дни укоротились, дунули вѣтры холодные, замолкли птицы пѣвчія, завыли звѣри дубравные, и вздрогнулъ отъ стужи царь и владыка всей твари дышащей и недышащей... Затуманилась Мать-Сыра-Земля: и съ горя печали оросила поблекшее лицо свое слезами горькими—дождями дробными.

Плачется Мать-Сыра-Земля: «О вѣтре вѣтрило?.. Зачѣмъ дышишь на меня постылою стужей?.. Око Ярилино — красное солнышко!.. Зачѣмъ грѣешь и свѣтишь ты не попрежнему?.. Разлюбилъ меня Ярило-богъ—лишиться мнѣ красоты своей, погибать моимъ дѣтушкамъ и опять мнѣ во меракѣ и стужѣ лежать!.. И зачѣмъ узнавала я свѣтъ, зачѣмъ узнавала я жизнь?.. Зачѣмъ спознавалась съ лучами ясными?..

Безмолвенъ Ярило.

«Не себя мнѣ жаль, плачется Мать-Сыра-Земля, сжимаясь отъ холода, скорбитъ сердце матери по милымъ по дѣтушкамъ».

Говоритъ Ярило: «Ты не плачь, не тоскуй, Мать-Сыра-Земля, покидаю тебя не надолго. Не покинуть тебя на время—сгорѣть тебѣ до тла подъ моими лучами. Храня тебя и дѣтей нашихъ, убавлю я навремя тепла и свѣта, опадутъ на деревьяхъ листья, завянутъ травы и злаки, одѣнешься ты снѣговымъ покровомъ, будешь спать-почивать до моего приходу... Придетъ время, пошлю къ тебѣ вѣстницу—Весну Красну, слѣдомъ за весною я самъ приду».

Плачется Мать-Сыра-Земля: «Не жалѣешь ты Ярило, меня бѣдную, не жалѣешь, свѣтлый боже, дѣтей своихъ!.. Пожалѣй хоть любимое дѣтище, что на рѣчи твои громовыя отвѣчалъ тебѣ вѣщимъ словомъ, рѣчью крылатою... И нагъ онъ, и слабъ — сгинуть ему прежде всѣхъ, когда лишишь насъ тепла и свѣта»...

Брызнулъ Ярило на камни молоньей, облилъ палючимъ взоромъ деревья дубравныя.

И сказалъ Матери-Сырой-Землѣ: «Вотъ я разлилъ огонь по камнямъ и деревьямъ. Я самъ въ томъ огнѣ. Своимъ умомъ-разумомъ человѣкъ дойдетъ, какъ изъ дерева и камня свѣтъ и тепло брать. Тотъ огонь — даръ мой любимому сыну. Всей живой твари будетъ на страхъ и ужасъ, ему одному на службу».

И отошелъ отъ земли богъ Ярило... Понеслись вѣтры буйные, застилали темными тучами око Ярилино—красное солнышко, нанесли снѣга бѣлые, ровно въ саванъ окутали въ нихъ Мать-Сыру-Землю. Все застыло, все заснуло, не спалъ не дремалъ одинъ человѣкъ—у него былъ великій даръ отца Ярилы, а съ нимъ и свѣтъ, и тепло...

Такъ мыслили старорусскіе люди о смѣнѣ лѣта зимою и о началѣ огня.

Оттого наши праотцы и сожигали умершихъ:—заснувшаго смертнымъ сномъ Ярилина сына отдавали живущему въ огнѣ отцу. А послѣ стали отдавать мертвецовъ ихъ матери—опуская въ лоно ея.

Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарованіе Ярилой огня человѣку.

Праздники тѣ совершались въ долгіе лѣтніе дни, когда солнце, укорачивая ходъ, начинаетъ разставаться съ землею. Въ память

дара, что даровалъ богъ свѣта, жгутъ купальскіе огни. Что Купало, что Ярило, все едино, одного бога званія.

И донынѣ въ Иванову ночь пылаютъ на Руси купальскіе огни, и донынѣ по полямъ и перелѣскамъ слышатся веселыя пѣсни:

Купала на Ивана!
Гдѣ Купала ночевала?
Купала на Ивана!
Купала на Ивана!
Ночевала у Ивана.

Андр. Печерскій.

118. Ярь-Хмѣль.

На пасхѣ усопшихъ не поминаютъ. Таковъ народный обычай; такъ и церковный уставъ положилъ... Въ великій праздникъ Воскресенья нѣтъ рѣчи о смерти; нѣтъ помина о тлѣніи. «Смерти празднуемъ умерщвленіе!...» поютъ и въ церквахъ, и въ раскольничьихъ моленныхъ, а на обительскихъ трапезахъ и по домамъ благочестивыхъ людей читаются восторженныя слова Златоуста и гремятъ побѣдные клики апостола Павла: «гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде, побѣда?...» Нѣтъ смерти, нѣтъ и мертвыхъ — всѣ живы въ воскресшемъ Христѣ.

Но въ русскомъ народѣ, особенно по захолустьямъ, рядомъ съ христіанскими вѣрованіями и строгими обрядами церкви твердо держатся обряды стародавніе, заботно берегутся обломки вѣрованій въ веселыхъ старорусскихъ боговъ....

Вѣритъ народъ, что великъ Громъ-Гремучій каждую весну подымается отъ долгаго сна, и сѣвъ на коней своихъ — сизыя тучи, — хлещетъ золотой вожжей — палючей молоньей Мать-Сыру-Землю... Мать-земля отъ того просыпается, молодѣетъ, краситъ лицо цвѣтами и злаками, пышетъ силой, здоровьемъ — жизнь по жиламъ ея разливается.... Все оживаетъ: и поля, и луга, и темныя рощи, и дремучіе лѣса ... Животворящая небесная стрѣла будитъ и мертвыхъ въ могилѣ.... Встаютъ они изъ гробовъ и незримые земнымъ очамъ носятся середь остающихся въ живыхъ милыхъ людей.... Слышатъ гробные жильцы все, видятъ все, что люди на землѣ дѣлаютъ, слова только молвить не могутъ....

Какъ не встрѣтить, какъ не угостить дорогихъ гостей?.. Какъ не помянуть сродниковъ, вышедшихъ изъ сырыхъ, темныхъ жальниковъ [1]) на свѣтъ поднебесный?... Услышатъ «окличку» [2]) родныхъ, придутъ на зовъ, раздѣлятъ съ ними поминальную тризну...

Встаютъ мертвецы въ радости, выйдя изъ жальниковъ, любуются свѣтлымъ небомъ, краснымъ солнышкомъ, серебрянымъ мѣсяцемъ, частыми мелкими звѣздочками... Радуется и живое племя, разставляя снѣди по могиламъ для совершенія тризны... Оттого и день тотъ зовется Ра́дуницей.

Стукнетъ Громъ Гремучій по небу горючимъ молотомъ, хлестнетъ золотой вожжей—и пойдетъ по землѣ веселый Ярь [3]) гулять... Ходитъ Ярь-Хмѣль по ночамъ, и тѣ ночи «хмѣлевыми» зовутся. Молодежь въ тѣ ночи пѣсни играетъ, хороводы водитъ, въ горѣлки бѣгаетъ отъ вечерней зари до утренней...

Ходитъ тогда Ярило ночною порой въ бѣломъ объяринномъ [4]) балахонѣ, на головушкѣ у него вѣнокъ изъ алаго мака, въ рукахъ спѣлые колосья всякой яри [5]). Гдѣ ступитъ Ярь Хмѣль—тамъ не сѣянный яровой хлѣбъ выростаетъ, глянетъ Ярило на чистое поле—лазоревы цвѣточки на немъ запестрѣютъ, глянетъ на темный лѣсъ — птички защебечутъ и пѣснями громко зальются, на воду глянетъ— бѣлыя рыбки весело въ ней заиграютъ. Только ступитъ Ярило на

---

[1]) Жальникъ — могила, собственно бугоръ земли, насыпанный надъ нею

[2]) Окличка—обращеніе къ мертвымъ на кладбищахъ, зовъ.

[3]) Словомъ Ярь означалась весна, а также божество жизни и плодородія иначе Ярило. Онъ-же именуется Купалой. Мѣстами зовутъ его «Ярь-Хмѣль»— отсюда «хмѣлевыя ночи», т. е. весенніе хороводы и другія игры молодежи, продолжающіеся до утренней зари: Радуница, Красная Горка, Русальная недѣля, Бисериха, Земля Именинница (10 Мая), Семикъ, Зеленыя Святки, Девята Пятница, Ярило, Кострома, Клечалы, Кукушки, Купало; хороводы: радуницкіе, русальные, никольщина, златовы, семицкіе, троицкіе, всесвятскіе, ивановскіе или купальскіе,—все это рядъ праздниковъ одному и тому-же Ярилѣ или Купалѣ. На Радуницу празднуется его приходъ, на Купалу похороны; причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хоронятъ соломенную куклу, называемую Ярилой, Костромой, Кострубомъ и пр. Отъ Ѳоминой недѣли до Иванова дня продолжаются «хмѣлевыя ночи», и это самое веселое время деревенской молодежи.

[4]) Объярь—волнистая шелковая матерія (муаръ) съ серебряными струями, иногда съ золотыми.

[5]) Яровой хлѣбъ: пшеница, ячмень, овесъ, греча, просо и др.

землю—соловьи прилетятъ, помретъ Ярило въ Ивановъ день—соловьи смолкнутъ.

Ходитъ Ярилушка по темнымъ лѣсамъ, бродитъ Хмѣлинушка по селамъ-деревнямъ. Самъ собою Яръ-хмѣль похваляется: «нѣтъ меня, Ярилушки, краше, нѣтъ меня, Хмѣля, веселѣе—безъ меня, веселаго, пѣсни не играютъ, безъ меня молодого свадебъ не бываетъ...»

По людямъ ходитъ Ярило не торопко, безъ спѣха—ходитъ онъ веселый,—по сѣнямъ, по клѣтямъ, по высокимъ теремамъ.

Таковы народныя повѣрья про возстанія мертвыхъ и про веселаго бога жизни, весны и любви...

Только минетъ Святая, и смолкнетъ пасхальный звонъ, по сельщинѣ-деревеньщинѣ «помины» и «оклички» зачинаются. Въ «навій день» [1]) старъ и младъ спѣшатъ на кладбище съ мертвецами христоcоваться. Отпѣвъ церковную панихиду, за старорусскую тризну садятся.

Разсыпается народъ по Божьей нивѣ, зарываетъ въ могилки красныя яйца, поливаетъ жальники сыченой [2]) брагой, убираетъ ихъ свѣжимъ дерномъ, раскладываетъ по жальникамъ блины, оладья, пироги, кокурки [3]), крашены яйца, пшенники, да лапшенники, ставитъ вино, пиво и брагу...

Затѣмъ окликаютъ загробныхъ гостей, просятъ ихъ попить-поѣсть на поминальной тризнѣ.

Оклички женщинами справляются, мущинами — никогда. Когда вслушаешься въ эти оклички, въ эти «жальныя причитанья», глубокой стариной пахнётъ... Тѣ слова десять вѣковъ переходятъ въ устахъ народа изъ рода въ родъ... Старымъ богамъ тѣ пѣсни поются Грому-Гремучему, да Матери-Сырой-Землѣ:

Со восточной со сторонушки
Подымалися вѣтры буйные,
Расходились тучи черныя,
А на тѣхъ-ли на тученькахъ

---

[1]) «Навій день», а въ Малороссіи «мертвецкій велыкъ день»—другое названіе Радуницы. Навь, навье—мертвецъ.

[2]) Подслащенной медомъ.

[3]) Пшеничный хлѣбецъ съ запеченными въ немъ яйцами.

Громъ Гремучій со молоньями,
Со молоньями, да съ палючими...
Ты ударь, Громъ-Гремучій, огнемъ полымемъ,
Расшиби ты, громова стрѣла,
Еще матушку—Мать-Сыру-Землю...
Охъ ты, матушка, Мать-Сыра-Земля,
Разступись на четыре сторонушки,
Ты раскройся, гробова доска,
Распахнитесь бѣлы саваны,
Отвалитесь, руки бѣлыя,
Отъ ретиваго сердечушка...
Государь ты нашъ, родной батюшка,—
Мы пришли на твое житье вѣковѣчное,
Пробудить тебя ото сна отъ крѣпкаго;
Мы раскинули тебѣ скатерти браныя;
Мы поставили тебѣ явства сахарныя,
Принесли тебѣ пива пьянаго,
Садись съ нами, молви слово сладкое,
Ужъ мы сядемъ супротивъ тебя,
Мы не можемъ на тебя наглядѣтися,
Мы не можемъ съ тобою набаиться.

Наплакавшись на «жальнихъ причитаніяхъ», за тризну весело принимаются. Вмѣсто раздирающей душу, хватающей за сердце «оклички», веселый говоръ раздается по жальникамъ...

Пошелъ пиръ на весь міръ—Яръ-Хмѣль на землю ступилъ.

Другія пѣсни раздаются на кладбищахъ. Поютъ про «калинушку съ малинушкой—лазоревый цвѣтъ», поютъ про кручинушку, «крытую бѣлою грудью, запечатанную крѣпкой думой», поютъ про то, «какъ прошли наши вольные веселые дни, да наступили слезовы-горьки времена». Не жаркимъ весельемъ—тоской горемычной звучатъ онѣ... Нѣтъ, то новыя пѣсни, не Ярилины.

Клонится солнце на западъ... Пусть ихъ, старухи да молодки, по домамъ идутъ, а батьки, да свекры, похмѣльными головами прильнувъ къ холоднымъ жальникамъ, спятъ богатырскимъ сномъ... Молодцы-удальцы!.. Ярило на поле зоветъ Красну Горку справлять,

пѣсни играть, хороводы водить, просо сѣять, плетень заплетать... Дѣвицы-красавицы!.. Ярило зоветъ—бѣгите...

Ша́ромъ-валомъ катитъ молодежь съ затихшаго кладбища на зеленѣющія луговины.

Тамъ игры, смѣхи... Всѣхъ обуялъ Ярый-Хмѣль...

— Красну Горку!.. Плетень заплетать!.. Сѣру утицу!.. раздаются веселые голоса.

И громко заливается пѣсня:

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, камка хрущатая!..
Ой мимо двора,
Мимо широка̀
Не утица плыла
Да не сѣрая,
Тутъ шла-ли, прошла
Красна дѣвица,
Изъ-за Красной горки,
Изъ-за синя моря,
Изъ-за чиста поля—
Утицъ выгоняла,
Лебедей скликала:
Тига-тига, мои ути:
Тига, лебеди домой!..

Спряталось за небесный закро́й солнышко, алой тканью раскинулась заря вечерняя, заблисталъ синій сводъ яркими, безмолвно сверкающими звѣздами, а веселыя пѣсни льются да льются по полямъ, по лугамъ, по темнымъ перелѣскамъ... По людямъ пошелъ веселый Яръ разгуливать...

Перелѣски чернѣютъ, пушистыми волнами серебряный туманъ кроетъ Мать-Сыру-Землю...

Грозный Громъ-Гремучій не кроетъ неба тучами, со звѣздной высоты любуется онъ на Ярилины гулянки, глядитъ, какъ развеселый Яръ межъ людей увивается...

Холодно стало, но звонкія пѣсни не молкнутъ, стономъ стоятъ голоса... Дохнётъ Яръ-Хмѣль своимъ жаркимъ дыханьемъ—кровь у молодежи огнемъ горитъ, ключемъ кипитъ, на сердцѣ легко, радостно а пѣсня такъ и льется,—сама собой поется, только знай да слушай. Прочь горе, долой тоска и думы!.. Какъ солью сытымъ не быть, такъ горя тоской не избыть, думами его не размыкать. Гуляй, душа, веселися... Нѣтъ слаще веселья, какъ сердечная радость!..» Таково слово Яръ-Хмѣль говоритъ. Слово то крѣпко, недвижно стоитъ оно о́тъ вѣка до́ вѣку. Гдѣ тотъ день, гдѣ тотъ часъ, когда прейдетъ вѣко-

вѣчное, животворное Ярилино слово? Пока солнце грѣетъ землю, пока дышитъ живая тварь, не минуть словесамъ веселаго бога...

— Въ горѣлки! кричатъ голоса.

— Въ горѣлки! Въ огарыши! раздается со всѣхъ сторонъ.

Начинается извѣстная игра, старая, древняя какъ міръ славянскій.

Андр. Печерскій.

119. Похороны Ярилы.

У молодежи накапунѣ Петрова дни свои хлопоты: послѣдняя «хмѣлевая ночка» подходитъ, завтра надо Кострому [1]) хоронить...

Еще пройдетъ день, лѣта макушка придетъ, начнется страда, лѣтнимъ гулянкамъ конецъ...

Вечеромъ только закатится солнце и сумракъ начнетъ по землѣ разстилаться, дѣвушки съ молодицами, звонко пѣсни играя, выходятъ гурьбой за околицу, каждая охапку соломы тащитъ. Выбравъ укромное мѣсто, раскладываютъ костры и при свѣтѣ ихъ вяжутъ Кострому изъ соломы. Одѣвши ее въ нарядный сарафанъ недавно вышедшей замужъ молодицы и убравши цвѣтами, молча, безъ шутокъ, безъ смѣха, кладутъ на доску возлѣ воды... Тутъ молодцы приходятъ, начинаются пѣсни, хороводы. Всю ночь на пролетъ молодежь веселится, а когда зачнетъ утреняя заря разгораться, приходятъ на игрище люди пожилые, даже старики: посмотрѣть-поглядѣть, какъ солнышко красное станетъ играть.

Тухнутъ костры на землѣ, гаснутъ звѣзды на небѣ... Блѣднѣютъ на сводѣ небесномъ ночные покровы, свѣтлѣй и свѣтлѣй на восточномъ краю небосклона.

Рой мелкихъ перистыхъ облаковъ усыпалъ поднебесье, лучи невидимаго еще солнца зажгли ихъ разноцвѣтными огнями. Съ каждой минутой ярче и ярче горятъ облака, блещутъ золотомъ, сверкаютъ пурпуромъ, переливаются алыми волнами... Разлились свѣтлые потоки по всему небесному раздолью... Окропляется свѣжей росой, изумрудами блещетъ трава муравая, алмазами сверкаютъ капли росы на листьяхъ древесныхъ. Раскрываютъ цвѣты лепестки свои и въ утрен-

---

[1]) Чучело Ярилы изъ соломы.

ней прохладѣ со всѣхъ сторонъ льются благовонные воздушные токи... Близко, близко небесный олень златорогій.

Ведутъ хороводъ и звонкою пѣснью зовутъ небесное свѣтило:

Не стучитъ, не гремитъ,
Ни копытомъ говоритъ,—
Каленой стрѣлой летитъ
Молодой олень!
Ты Дунай-ли, мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!

* *
*

У оленя-то копыта
Серебряныя,
У оленя-то рога
Красна золота!
Ты Дунай-ли мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!

* *
*

Ты олень-ли мой олень,
Ты Олешенька!
Ты куда-куда бѣжишь,
Куда путь держишь,
Ты Дунай-ли мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!

* *
*

Я бѣгу-ли, побѣгу
Ко студеной ко водѣ,
Мнѣ копытцомъ ступить,
Ключеву воду студить!
Ты Дунай-ли мой Дунай!
Донъ Ивановичъ Дунай!
Молодой олень!

* *
*

И кончивъ пѣсню, рѣзво бѣгутъ на пригорки. Съ непокрытыми головами, опершись на посохи, тамъ уже стоятъ старики. Умильно склонивъ голову на правыя руки, рядомъ съ ними старушки. Глазъ не сводятъ сѣдые съ восточнаго края небесъ, набожно ждутъ того часа, какъ солнышко въ небѣ станетъ играть...

Густыми толпами стариковъ молодежь обступила. Все тихо, безмолвно. Только и слышны сердечные вздохи старушекъ, да шелестъ листвы древесной, слегка колыхаемой свѣжимъ заревомъ [1])—вѣтеркомъ... Раскаленнымъ золотомъ сверкнулъ край солнца, и радостный крикъ громко по всполью раздался.

Солнце взыграло, грянула громкая пѣсня:

Ой Диդъ, Ладо!.. на курганѣ
Соловей гнѣздо свиваетъ,
А иволга развиваетъ!..
Хоть ты вей, хоть не вей, соловей—

---

[1]) Тихій вѣтеръ, обыкновенно бывающій на утренней зарѣ.

Не бывать твоему гнѣзду совитому,
Не бывать твоимъ дѣткамъ вывожатымъ, [1])
Не летать твоимъ дѣткамъ по дубравѣ,
Не клевать твоимъ дѣткамъ бѣлотурой пшеницы!
Ой Дидъ, Ладо, пшеницы!..

Поднялось солнце въ полдерева, всѣ пошли по домамъ съ ночнаго гулянья. Впередъ толпа ребятишекъ, какъ въ барабаны, колотятъ въ лукошки, и громкое ихъ грохотанье далеко разносится въ тиши ранняго утра. За ними дѣвушки съ молодицами несутъ на доскѣ Кострому. Мущины за ними поодаль идутъ. Подобье умершаго Ярилы медленно проносятъ по деревнѣ подъ звуки тихой заунывной пѣсни. «То первыя похороны».

Дѣвицы да молодицы передъ солнечнымъ закатомъ съ громкими пѣснями изъ деревни въ чистое поле несутъ Кострому. Молодые парни, заслышавъ тѣ пѣсни, идутъ слѣдомъ за красными дѣвицами и за молодицами.

Кладутъ Кострому на доскѣ на прежнемъ мѣстѣ, становятся вкругъ нея хороводомъ и печальными пѣснями отпѣваютъ Ярилу:

Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ.
Клали его во гробочекъ,
Зарывали его во песочекъ!
«Встань, батюшка, встань!
«Встань, родимый, вздынься!»
Нѣтъ ни привѣту, нѣтъ ни отвѣту—
Лежитъ во гробочкѣ,
Во желтомъ песочкѣ.
Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

* *
*

Приходили къ батюшкѣ четыре старушки,
Приносили батюшкѣ четыре ватрушки:
«Встань, батюшка, встань!
«Встань, родимый, вздынься!»

---

[1]) Выведеннымъ.

Нѣтъ ни привѣту, нѣтъ ни отвѣту—
Лежитъ во гробочкѣ, во желтомъ песочкѣ.
Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

* *
*

Приходили къ батюшкѣ четыре молодки,
Приносили батюшкѣ четыре сочовки: [1])
«Встань, батюшка, встань!
«Встань, родимый, вздынься!»
Нѣтъ ни привѣту, нѣтъ ни отвѣту—
Лежитъ во гробочкѣ, во желтомъ песочкѣ.
Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, помeръ!

* *
*

Приходили къ батюшкѣ четыре дѣвчонки,
Приносили батюшкѣ четыре печонки:
«Встань, батюшка, встань!
«Встань, родимый, вздынься!»
Ждемъ твово привѣту, ждемъ твово отвѣту,
Встань изъ гробочка,
Встань изъ песочка!
Ожилъ, нашъ батюшка, ожилъ,
Вздынулся, родимый нашъ, всталъ!

И другія пѣсни поются надъ соломенной Костромой...

Съ тоскливымъ плачемъ, съ горькими причитаньями, съ барабаннымъ грохотомъ въ лукошки, со звономъ печныхъ заслоновъ и сковородъ, несутъ Кострому къ рѣчкѣ, раздѣваютъ и, растрепавъ солому, пускаютъ на воду. Пока вода не унесетъ все до послѣдней соломинки, молодежь стоитъ у берега и долго слышится унылая пѣсня:

Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!..

А потомъ начинаются хороводы и веселыя игры.

Въ «селезня» играютъ, въ «воробушки», въ «оленюшку», въ

---

[1]) Прѣсная на маслѣ лепешка съ кашей, съ творогомъ или со сметаной.

«заиньку», «просо сѣютъ», «макъ ростятъ», «ленъ засѣваютъ»— и все съ пѣснями.... Здѣсь брянчитъ балалайка, тамъ заливается пастушій рожокъ, дальше гудятъ гудки и гармоники...

До солнечнаго всхода они веселятся. Ясно горятъ звѣзды въ глубокомъ темносинемъ небѣ, блѣднымъ свѣтомъ тихо мерцаетъ «Моисеева дорога» [1]), по краямъ небосклона то и дѣло играютъ зарницы, кричатъ во ржи горластые перепела, трещитъ дергачъ у рѣчки, и въ послѣдній разъ уныло кукуетъ рябая кукушка. Пришла лѣта макушка, вѣщуньѣ больше не куковать... Сошла весна со неба, красно лѣто на небо вступаетъ, хочетъ жарами землю облить.

Встало солнце надъ лѣсомъ, облило лучами землю поднебесную... Конецъ веснѣ, дошла до людей страда—сухота.... Не разгибать людямъ спины вплоть до поздней глубокой осени. Анд. Печерскій.

120. Златорогій олень.

Не стучитъ, не гремитъ, ни копытомъ говоритъ, безмолвно, беззвучно по синему небу стрѣлой каленой несется олень златорогій [2])... Безъ огня онъ горитъ, безъ крыльевъ летитъ, на какую тварь ни взглянетъ, тварь возрадуется... Тотъ олень златорогій—око и образъ свѣтлаго бога Ярилы—красное солнце...

Бѣжитъ олень, летитъ златорогій, серебрянымъ копытомъ хочетъ въ воду ступить. И станетъ отъ того вода студена, и пойдетъ солнце на зиму, а лѣто на жары. Шумитъ въ лѣсахъ, трещитъ въ кустахъ, брянчитъ по травѣ-муравѣ звонко-копытный олень. Солнечнымъ лучомъ, что ременнымъ бичомъ, гонитъ его свѣтоносный Ярило изъ темнаго бора на свѣтлую поляну, ради людскаго моляну [3])... Брать его руками, колоть его ножами и на братчинѣ на Петровщинѣ людямъ ѣсть благодарно моленный кусъ [4]).

---

[1]) Млечный путь.

[2]) Златорогій олень, какъ олицетвореніе солнца, нерѣдко встрѣчается въ старинныхъ пѣсняхъ, сказкахъ и преданіяхъ русскаго Сѣвера.

[3]) Общественное моленье (языческое)—принесеніе въ жертву животнаго, съѣдаемаго молельщиками.

[4]) Жертвенное мясо. Теперь моленнымъ (иногда «пѣтымъ») кусомъ зовутъ снѣди, освящаемыя въ церкви: куличи, сыръ и проч.

Затѣмъ летитъ по небу олень златорогій, затѣмъ хочетъ серебрянымъ копытомъ воду студить, что настаѣлъ день прощанья свѣтлаго бога Ярилы съ Матерью-Сырой-Землей и со всѣми земнородными чадами ихъ... Каждыя сутки тотъ олень по небесной тропѣ съ востока на западъ бѣжитъ, но только два раза въ годъ онъ играетъ... Въ тѣ дни восходящее солнце то покажется изъ-за края небеснаго, то опять за нимъ спрячется, то вздынется къ верху, то къ низу опустится, то заблещетъ цвѣтами алыми, бѣлыми, лазоревыми, то возсіяетъ во всей славѣ своей такъ, что никакому глазу глядѣть на него невозможно. Дважды въ году такъ солнце играетъ: въ день прихода Ярилы, на Пасхѣ; да въ день отхода его,—на Петровъ день [1]).

Затѣмъ изъ темнаго бора гонитъ Ярило лѣснаго оленя, было-бы людямъ чѣмъ справить день разставанья свѣтлаго бога съ землей, день отхода его на малое время въ область мрака и стужи. Ѣсть того оленя людямъ на молянѣ, поминать отходящаго бога на пиру, на братчинѣ, на братчинѣ на Петровщинѣ [2]).

121. Иванова ночь.

Собираются дѣвицы во единъ кругъ и съ пѣснями идутъ вереницей изъ деревни собирать Иванъ-да-Марью и любистокъ (заря). Тѣми цвѣтами на-канунѣ Аграфены-Купальницы въ банѣ имъ париться. А полъ, лавки, полки въ банѣ на то время густымъ-густехонько надо устлать травою-купальницей. Послѣ бани сходятся дѣвицы къ одной изъ подругъ. Съ пахучими вѣнками изъ любистка на головахъ, съ веселыми пѣснями, съ криками, со смѣхомъ, толкнутъ онѣ гдѣ-нибудь на огородѣ ячмень на обѣтную кашу и ѣдятъ ее у рѣчки аль у озера, бережно блюдя, чтобы каши не осталось ни маковой росинки. Съѣдятъ кашу, за другіе, изстари установленные, обряды принимаются: парни возятъ дѣвокъ на переднихъ телѣжныхъ колесахъ, громко распѣвая купальскую пѣснь:

---

[1]) Народное повѣрье.

[2]) Есть повѣрье, что въ лѣта стародавнія ежегодно на Петровъ день выходилъ изъ лѣсу олень и самъ давался людямъ въ руки на разговѣнье. Братчина иначе ссыпчина—праздникъ на общій счетъ.

Иванъ да Марья
Въ рѣкѣ купались:
Гдѣ Иванъ купался,
Берегъ колыхался;
Гдѣ Марья купалась,
Трава разстилалась.
Купала на Ивана!
Купался Иванъ
Да въ воду упалъ.
Купала на Ивана.

Надвинулись сумерки, наступаетъ Иванова ночь... Рыбаки сказываютъ, что въ ту ночь вода подергивается серебристымъ блескомъ, а бывалые люди говорятъ, что въ лѣсахъ тогда деревья съ мѣста на мѣсто переходятъ и шумомъ вѣтвей межъ собой бесѣды ведутъ.... Сорви въ ту ночь огненный цвѣтъ папоротника, поймешь языкъ всякаго дерева и всякой травы, понятны станутъ тебѣ разговоры звѣрей и рѣчи домашнихъ животныхъ... Тотъ «цвѣтъ-огонь» — даръ Ярилы... То—«царь-огонь»!...

Не много часовъ остается до полночи, когда на одно мгновенье тотъ чудный цвѣтокъ распускается. Только что наступитъ полночь, изъ середины широколистнаго папоротника поднимается цвѣточная почка, шевелится она, двигается, ровно живая, и вдругъ съ страшнымъ трескомъ разрывается, и тутъ является огненный цвѣтъ... Незримая рука тотчасъ срываетъ его... То «цвѣтъ-огонь», дарованный богомъ Ярилой первому человѣку... То—царь-огонь!.. Страшно подходить къ чудесному цвѣту; рѣдкій кто рѣшится идти за нимъ въ Иванову ночь. Такой смѣльчакъ развѣ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ выищется, да и тотъ не добромъ кончаетъ... Духи мрака, духи хлада, духи смерти, искони враждебные Солнцу-Ярилѣ, жадно стерегутъ отъ людей его даръ: они срываютъ цвѣтъ-огонь, они напускаютъ ужасы, страсти и напасти на смѣльчака, что пойдетъ за нимъ въ завѣтную Иванову ночь... Они увлекаютъ его за собой въ страну мрака и смерти, гдѣ ужъ не властенъ отецъ Ярило... Страшно поклоняться Ярилѣ въ лѣсу передъ таинственнымъ цвѣтомъ-огнемъ, зато весело и радостно чествовать свѣтлаго ярокупальскими огнями.

Напередъ набравъ шиповнику, крапивы и другихъ колючихъ и жгучихъ растеній, кроютъ ими давно заготовленныя кучи хвороста и сухихъ сучьевъ. И лишь только за небеснымъ закроемъ спрячется солнышко, лишь только зачнетъ гаснуть заря вечерняя, начинаютъ во славу Яра живой огонь «взгнетать»... Для того въ сухой березовой плахѣ прорѣзываютъ круглое отверстіе и плотно пригоняютъ къ нему сухое-же березовое, очищенное отъ коры, круглое полѣно... Его треніемъ въ отверстіе плахи вытираютъ огонь... И то дѣло однихъ стариковъ... И когда старики взгнетаютъ живой огонь, другіе люди безмолвно и недвижно стоятъ вкругъ священнодѣйствія, ожидая въ благоговѣйномъ страхѣ чуднаго явленья «божьяго посла»—царя-огня....

Потомъ обливаются старики, «творя божіе дѣло»... Впившись глазами въ отверстіе плахи, стоитъ возлѣ нихъ по праздничному разодѣтая, вѣнкомъ изъ цвѣтовъ увѣнчанная, перворожденная своею матерью, дѣвочка-подростокъ съ сухой лучиной въ высоко поднятой рукѣ... Разгорѣлось дѣтское личико, смотритъ она, не смигнетъ, сама дыханья не переводитъ, но не дрожитъ поднятая къ небесамъ рученка... Безмолвно, набожно глядитъ толпа на работу старцевъ..... Въ вечерней тиши только и слышны шуркъ сухого дерева, молитвенные вздохи старушекъ да лепетаніе христіанскихъ молитвъ.... Но вотъ задымилось въ отверстіи плахи, вотъ вспыхнулъ огонекъ, и просіявшая восторгомъ дѣвочка въ строгомъ молчаньи бережно подноситъ къ нему лучину... Снишелъ божій посолъ!... Явился «царь-огонь!»... Загорѣлся въ кострѣ великій даръ живоноснаго бога!... Радостнымъ крикамъ, веселому гомону, громкимъ пѣснямъ ни конца, ни краю.

Въ густой влажной травѣ свѣтятся Ивановы червяки (иначе свѣтлякъ, появляющійся обыкновенно около 24 іюня), ровно зеленымъ полымемъ они переливаются; въ заливной, сочной пожнѣ сверкаетъ мышиный огонь [1]); тускнетъ заря на небѣ, ярко разгораются купальскіе костры, обливая красноватымъ свѣтомъ темные перелѣски и отражаясь въ сонныхъ водахъ алыми столбами.... Вся молодежь передъ кострами—дѣвушки въ вѣнкахъ изъ любистка и краснаго мака, иныя съ травяными поясами, у всѣхъ молодцовъ цвѣты на шляпахъ...

[2]) Мышинымъ огнемъ называется древесная гнилушка, издающая по ночамъ фосфорическій свѣтъ, также растеніе, цвѣтки котораго иногда свѣтятся ночью.

Крѣпко схватившись за руки, прыгаютъ они черезъ огонь попарно: не разойдутся руки во время прыжка, быть парѣ, быть мужемъ-женой, разойдутся — свадьбы не жди... До утра кипитъ веселье молодежи вкругъ купальскихъ костровъ. Анд. Печерскій.

122. Весенніе крестьянскіе праздники.

Не успѣли оглянуться послѣ Радуницы [1]), какъ рѣки въ берега вошли и наступило пролѣтье... Еще день-два миновало, и прикатилъ теплый Микула съ кормомъ [2]). Гдѣ хлѣба довольно въ закромахъ уцѣлѣло, тамъ къ Микулину дню брагу варятъ, меда́ ставятъ, братчину-микульщину справляютъ, но такихъ мѣстъ не много. Вешнему Микулѣ за чарой вина больше празднуютъ.

Въ лѣсахъ на сѣверѣ въ тотъ день первый оратай Русской земли вспоминается, любимый сынъ Матери-Сырой-Земли, богатырь, крестьянствомъ излюбленный, Микула Селяниновичъ, съ его сошкой дорога́ черна дерева, съ его гужиками шолко̀выми, съ омешикомъ [3]) серебрянымъ, съ присошками краснаго золота.

Микулу больше всего смердъ [4]) чествовалъ... Ему, попльцу, ему, милостивому кормильцу и честнѣе, и чаще справлялъ онъ праздники... Ему въ почесть бывали пиры-столованья на братчинахъ-микульщинахъ.

Въ день Микулы съ кормомъ, послѣ пировъ-столованій у богатыхъ мужиковъ, заволжскіе ребята съ лошадьми всю ночь въ полѣ празднуютъ... Тогда-то въ ночной тишинѣ раздаются громкія Микульскія пѣсни... Ими привѣтствуютъ наступающій день именинъ Матери-Сырой-Земли:

Микула свѣтъ, съ милостью
Приходи къ намъ съ радостью,
Съ великою благостью!
Держимся за сошку,

---

[1]) Языческій весенній праздникъ.

[2]) 9-го мая, когда поля совсѣмъ покрываются травой—кормомъ для скота.

[3]) Омежь—сошникъ, лемехъ—часть сохи. Присошекъ—желѣзная лопаточка у сохи, служащая для отвала земли.

[4]) Крестьянинъ, земледѣлецъ.

За кривую ножку...
Мать-Сыра Земля добра,
Уроди намъ хлѣба:
Лошадушкамъ овсеца,
Коровушкамъ травки!..

Минулъ праздникъ Микулы, минули именины Матери-Сырой-Земли, съ первымъ сборомъ цѣлебныхъ зелій. Глядь, честной Семикъ на дворѣ — завиванье вѣнковъ, задушныя поминки. Въ тотъ день подъ вечеръ, однѣ, безъ молодцовъ, сбираются дѣвушки. Надѣвъ зеленые вѣнки на головы, уходятъ онѣ съ пѣснями на вполье и тамъ подъ ракитовымъ кустомъ стряпаютъ «сборную яичницу», припѣвая семицкія пѣсни. Завивъ вѣнки, цѣлуются черезъ нихъ, и «кумятся» при звонкихъ веселыхъ пѣсняхъ:

Покумимся, кума, покумимся,
Мы семицкой березкой покумимся.
Ой Дидъ, Ладо! честному Семику.
Ой Дидъ, Ладо! березкѣ моей,
Еще кумушкѣ да голубушкѣ!
Покумимся,
Покумимся,
Не сваряся, не браняся [1]).
Ой Дидъ, Ладо! березка моя!

Тутъ-же и «кукушку крестятъ». Для того нагнувъ двѣ молодыя березки, связываютъ верхушки ихъ платками, полотенцами или лентами и вѣшаютъ на нихъ два креста-тѣльника (крестъ, носимый на шеѣ). Подъ березками разстилаютъ платки, кладутъ на нихъ сдѣланную изъ кукушкиныхъ слезокъ (растеніе) птичку и, надѣвъ на нее крестъ, попарно дѣвушка съ дѣвушкой ходятъ другъ другу навстрѣчу вкругъ березки припѣвая:

Ты кукушка ряба,
Ты кому-же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,

[1]) Не ссорясь.

Чтобы жить намъ, не браниться,
Чтобы другъ съ дружкой не свариться.

Съ тѣхъ поръ семицкія кумушки живутъ душа въ душу цѣлыхъ три дня, вплоть до Троицы. Случается однако, что долгій язычекъ и до этого короткаго срока остужаетъ семицкое кумовство... Не даромъ говорится пословица: «кукушку кстили [1]), да языка не прикусили». А черезъ день отъ честнаго Семика—«клечальна [2]) суббота»...—Въ тотъ день рубятъ березки, въ домахъ и по улицамъ ихъ разставляютъ ради Троицы, а вечеромъ, послѣ всенощной, молодежь ходитъ къ рѣкамъ и озерамъ русалокъ гонять. Всю семицкую недѣлю, что слыветъ въ народѣ «зелеными святками», шаловливыя водяницы рыщутъ по полямъ, катаются по зеленой ржи, качаются на деревьяхъ, залучая неосторожныхъ путниковъ, чтобы защекотать ихъ до смерти и увлечь за собой въ подводное царство дѣдушки Водяного. Всю Троицкую ночь съ березками въ рукахъ молодые парни и дѣвушки рѣзво и весело съ громкимъ смѣхомъ, съ радостными кликами бѣгаютъ по полямъ, гоняя русалокъ, и на солнечномъ всходѣ купаются... На Троицу у молодежи хороводы, на Троицу развиванье семицкихъ вѣнковъ, пусканье ихъ на воду, и гаданье на нихъ... А у степенныхъ женщинъ и старушекъ на тотъ день свои заботы — идутъ онѣ на кладбища и цвѣтными пучками, что держали въ рукахъ за вечерней, прочищаютъ онѣ глазыньки родителямъ [3]).

И такъ день за день, недѣля за недѣлей, вплоть до Петрова дня... Что ни день, то веселье, что ни вечеръ, то «гулянки» съ пѣснями, съ играми, съ хороводами и гаданьями... Развеселое время!...

Анд. Печерскій.

123. Старинныя суевѣрія.

(Бѣжинъ лугъ).

Я лежалъ подъ кустомъ въ сторонѣ и поглядывалъ на мальчиковъ [4]). Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней; въ

---

[1]) Сокращено изъ «крестили»

[2]) Прилагается къ празднику Троицы. Клечь-стебель, хмѣлина.

[3]) Пучками цвѣтовъ или березками обматаютъ онѣ могилу; это и называется «прочищать глаза у родителей».

[4]) Крестьянскіе мальчики ночью пасли лошадей въ полѣ.

немъ варились «картошки». Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка. Ильюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и напряженно щурился. Костя понурилъ голову и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ и о семъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ, но вдругъ Ѳедя обратился къ Ильюшѣ и, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

— Ну и что-жъ ты, такъ и видѣлъ домоваго?

— Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, отвѣчалъ Ильюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ выраженію его лица:—а слышалъ... Да и не я одинъ.

— А онъ у васъ гдѣ водится? спросилъ Павлуша.

— Въ старой рольнѣ [1]).

— А развѣ вы на фабрику ходите?

— Какъ же, ходимъ. Мы съ братомъ Авдюшкой въ лисовщикахъ состоимъ [2]).

— Вишь ты—фабричные!

— Ну, такъ какъ-же ты его слышалъ? спросилъ Ѳедя.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой Сухоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки: всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять—какъ есть вся смѣна; и пришлось намъ въ рольнѣ заночевать, то есть не то, чтобы этакъ пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ, запретилъ: говоритъ, что, молъ, вамъ, ребятамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите Вотъ мы остались и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить, что, молъ, ребята, ну, какъ домовой пріидетъ?.. И не успѣлъ

[1]) «Рольней» или «черпальней» на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Оно находится у самой плотины, подъ колесомъ.

[2]) «Лисовщики» гладятъ, скоблятъ бумагу.

онъ, Авдѣй-отъ, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ: вотъ прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ по колесу какъ зашумитъ, зашумитъ, застучитъ, застучитъ—колесо завертится; но а заставки у дворца-то [1]) спущены. Дивимся мы:—кто-же это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако, колесо повертѣлось, повертѣлось да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери на верху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ и этакъ спущается, словно не торопится; ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ... Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ,—дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ—ничего... Вдругъ, глядь, у одного чана форма [2]) зашевелилась, поднялась, окунулась, походила-походила этакъ по воздуху, словно кто ей полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другого чана крюкъ снялся съ гвоздя да опять на гвоздь, потомъ будто кто-то къ двери пошелъ, да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно такъ... Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли... Ужъ какъ же мы напужались о ту пору!

— Вишь какъ! промолвилъ Павелъ. Чего-жъ онъ раскашлялся?

— Не знаю, можетъ, отъ сырости.

Всѣ замолчали.

— А что, спросилъ Ѳедя: картошки сварилисі?

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры... Вишь, плеснула, прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направленіи рѣки:—должно быть щука... А вонъ звѣздочка покатилась.

— Нѣтъ, я вамъ что, братцы, разскажу, заговорилъ Костя тонкимъ голосомъ:—послушайте-ка, намеднись, что тятя при мнѣ разсказывалъ:

— Ну, слушаемъ, съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Ѳедя.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободскаго плотника?

---

1) «Дворцомъ» называется мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.

2) Сѣтка, которой бумагу черпаютъ.

— Ну да, знаемъ.

— А знаете-ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчитъ, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, тятенька говоритъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ куда зашелъ. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои,—нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужъ ночь на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево, давай, молъ, дождусь утра,—присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ и слышитъ вдругъ: кто-то его зоветъ. Смотритъ—никого. Онъ опять задремалъ, — опять зовутъ. Онъ опять глядитъ, глядитъ: а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется... А мѣсяцъ-то свѣтитъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяцъ,—все братцы мои, видно. Вотъ зоветъ она его и такая сама вся свѣтленькая, бѣленькая сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пискарь—а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣловатый, серебряный... Гаврило-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ этакъ рукой зоветъ. Ужъ Гаврило было и всталъ, послушался было русалки, братцы мои, да, знать, Господь его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ... А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои, говоритъ: рука, просто, какъ каменная, не ворочается... Ахъ, ты эдакой, а!.. Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврило, да и сталъ ее спрашивать: «чего ты, лѣсное зелье, плачешь»? А русалка-то какъ взговоритъ ему: «не креститься бы тебѣ», говоритъ, «человѣче, жить-бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней: а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся-же и ты до конца дней». Тутъ, она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то есть, выйти... А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ не веселый ходитъ.

— Эка! проговорилъ Ѳедя послѣ недолгаго молчанья:—да какъ же это можетъ этакая лѣсная нечисть христіанскую душу спортить,—онъ же ея не послушался?

— Да вотъ, поди ты, сказалъ Костя. И Гаврило баилъ, что голосокъ, молъ, у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы.

— Твой батька самъ это разсказывалъ? продолжалъ Ѳедя.

— Самъ. Я лежалъ на полатяхъ, все слышалъ.

— Чудное дѣло! Чего ему быть не веселымъ?.. А знать онъ ей понравился, что позвала его?

— Да, понравился! подхватилъ Ильюша. Какже! защекотать она его хотѣла, вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то.

— А, вѣдь, вотъ и здѣсь должны быть русалки, замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Костя:—здѣсь мѣсто чистое, вольное, одно,—рѣка близко.

Всѣ смолкли. Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься,—и какъ будто нѣтъ ничего, а звенитъ. Казалось, кто-то долго, долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— Съ нами крестная сила! шепнулъ Илья.

— Эхъ вы, вороны! крикнулъ Павелъ: — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Всѣ пододвинулись къ котельчику и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся). Чего-же ты? сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, ребятки, началъ Ильюша: что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то, спросилъ Ѳедя.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ уже нечистое мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все казюли [1]) водятся.

— Ну что такое случилось? сказывай...

---

[1]) Змѣи.

— А вотъ что случилось. Ты, можетъ быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна—такъ бугорочекъ... Вотъ на дняхъ, зоветъ прикащикъ псаря Ермила: говоритъ, ступай, молъ, Ермилъ, на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѣхалъ Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужъ онъ хмѣленъ. А ночь, и свѣтлая ночь; мѣсяцъ свѣтитъ...

Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ его дорога вышла. Ѣдетъ онъ эдакъ, псарь Ермилъ, и видитъ у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: семъ возьму его, что ему такъ пропадать, да и слѣзъ, и взялъ его на руки... Но а барашекъ ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, храпитъ, головой трясетъ; однако, онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять: барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то-псарю, что, молъ, не помню я, чтобы эдакъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако, ничего, сталъ онъ его эдакъ по шерсти гладить, говоритъ: «бяша бяша»! баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: «бяша, бяша»...

— А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое (сказалъ Ильюша).

— Варнавицы?.. Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали—покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ и все эдакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимъ повстрѣчалъ.

Экое диво! промолвилъ Костя:—я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую субботу видѣть.

— Покойниковъ во всякъ часъ видѣть можно, съ увѣренностью подхватилъ Ильюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія повѣрья... Но и въ родительскую субботу ты можешь и живаго увидать, за кѣмъ, то есть, въ томъ году очередь помирать. Стоитъ только ночью сѣсть на паперть на церковную,

да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому то- есть, умирать въ томъ году. Вотъ у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну и видѣла она кого—нибудь? съ любопытствомъ спросилъ Костя.

— Какъ-же: перво на перво она сидѣла долго, долго, никого не видала и не слыхала... только все какъ-будто собачка эдакъ залаетъ, залаетъ гдѣ-то... Вдругъ, смотритъ: идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашонкѣ. Она приглянулась—Ивашка Федосѣевъ идетъ... .

— Тотъ, что умеръ весной? перебилъ Ѳедя.

— Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ...

А узнала его Ульяна... Но а потомъ смотритъ: баба идетъ. Она вглядываться, вглядываться, — ахъ, ты, Господи! — сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна.

— Неужто сама? спросилъ Ѳедя.

— Ей Богу, сама.

Ну что-жъ, вѣдь, она еще не умерла!

— Да году то еще не прошло. А ты посмотри на нее: въ чемъ душа держится.

Всѣ опять притихли...

Страшный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе...

Костя вздрогнулъ... «Что это?»

— Это цапля кричитъ, спокойно возразилъ Павелъ.

Цапля, повторилъ Костя... А что такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ, прибавилъ онъ, помолчавъ немного: — ты, можетъ быть, знаешь...

— Что ты слышалъ?

А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной гряды въ Шашкино; и шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ—знаешь, тамъ гдѣ онъ сугибелью [1]) выходитъ,—тамъ, вѣдь, есть бучило [2]); знаешь, оно еще все камышемъ заросло; вотъ, по-

[1]) Сугибель—крутой поворотъ въ оврагѣ.

[2]) Бучило—глубокая яма съ весенней водой, оставшейся послѣ половодья, которая не пересыхаетъ даже лѣтомъ.

шелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ, изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо, жалостливо: у-у...у-у... у-у! Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позднее, да и голосъ такой болѣзный. Такъ вотъ, кажется, самъ бы и заплакалъ... Что- бы это такое было? ась?

— Въ этомъ бучилѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры замѣтилъ Павлуша:—такъ, можетъ быть, его душа жалобится.

— А, вѣдь, и то, братцы мои, возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза... Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили: я бы еще не такъ напужался.

— А то, говорятъ, есть такія лягушки махонькія, продолжалъ Павелъ:—которыя такъ жалобно кричатъ.

— Лягушки? ну... нѣтъ, это не лягушки... какіе это... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой). Экъ ее! невольно произнесъ Костя,—словно лѣшій кричитъ.

— Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой, подхватилъ Ильюша: — онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ...

— А ты его видѣлъ, лѣшаго-то что ли? насмѣшливо перебилъ его Өедя.

— Нѣтъ, не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть; но а другіе видѣли. Вотъ на дняхъ онъ мужика обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу и все вокругъ одной поляны... Едва къ свѣту домой добился.

— Ну и видѣлъ онъ его?

— Видѣлъ. Говоритъ, такой стоитъ большой, большой, темный скутанный эдакъ, словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ, глядитъ глазами-то, моргаетъ ими, моргаетъ...

— Эхъ ты! вскликнулъ Өедя, слегка вздрогнувъ плечами:—пфу!...

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась? замѣтилъ Павелъ,—не понимаю.

— Не бранись: смотри, услышитъ, замѣтилъ Илья. Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани:—гляньте на Божьи звѣздочки,—что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ подъ рогожи, оперся на кулачекъ и медленно поднялъ къ верху свои большіе, тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

Павелъ всталъ и взялъ въ руку пустой котельчикъ.

— Куда ты? спросилъ его Ѳедя.

— Къ рѣкѣ водицы зачерпнуть: водицы захотѣлось испить. Собаки поднялись и пошли за нимъ.

— Смотри, не пади въ рѣку! крикнулъ ему въ слѣдъ Ильюша. Отчего ему упасть, сказалъ Ѳедя: — онъ остережется.

— Да, остережется. Всяко бываетъ: онъ вотъ нагнется, станетъ черпать воду, а водяной его за руку схватитъ да потащитъ къ себѣ. Станутъ потомъ говорить—упалъ, дескать, малый въ воду... А какое упалъ?.. Во-онъ, въ камыши полѣзъ, прибавилъ онъ, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», какъ говорится у насъ.

— А правда-ли, спросилъ Костя:—что Акулина дурочка съ тѣхъ поръ и рехнулась, какъ въ водѣ побывала?

— Съ тѣхъ поръ... Какова теперь! Но а говорятъ, прежде красавица была. Водяной ее испортилъ. Знать, не ожидалъ, что ее скоро вытащутъ. Вотъ онъ ее, тамъ у себя на днѣ и испортилъ.

Тургеневъ.

ОТДѢЛЪ IV.

БАСНИ КРЫЛОВА.

124. Обозъ.

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ,
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень; косо! криво!
Смѣлѣе! вотъ толчекъ опять:
А тутъ-бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро-бы было въ гору,
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду-бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья?
Глядитко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ!
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!
Тутъ выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ-гору она перевалилась,

Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу,
По камнямъ, рытвинамъ, пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ—бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

125. Слонъ и Моська.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно, на показъ.—
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ—
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись навстрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться,»
Ей шавка говоритъ: «тебѣ-ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.»
—«Эхъ, эхъ!» ей Моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай-же говорятъ собаки:
Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

126. Обезьяна.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился.
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:

Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы,— какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ:
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

127. Орелъ и кротъ.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, Орелъ съ Орлицею вдвоемъ,
Задумали навѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣтвистый дубъ высокій,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша Кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ быть, свалится;
Такъ чтобъ Орелъ гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кстати-ли Орлу принять совѣтъ изъ норки,
И отъ Крота! а гдѣ-же похвала,
Что у Орла
Глаза такъ зорки?

И что за стать кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ Кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря.—
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у Орлицы.
Но что-жъ?—Однажды, какъ зарей,
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ Орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣту,
«Несчастный!» онъ сказалъ:
«За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣту.
Но можно-ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Кротъ совѣтъ могъ добрый дать?»
—«Когда-бы ты не презрѣлъ мною,»
Изъ норки Кротъ сказалъ: «то вспомнилъ-бы, что рою
Свои я норы подъ землей,
И что, случаясь близъ корней,
Здорово-ль дерево, я знать могу вѣрнѣй.»

128. Лебедь, Щука, и Ракъ.

Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка,
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ,—судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

129. Скворецъ.

Какой-то смолоду Скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто-бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій Скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ честью;
Но Скворушка услышь, что хвалятъ соловья,
А Скворушка завистливъ былъ, къ несчастью!—
И думаетъ: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ».
И подлинно запѣлъ;
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ;
То верещалъ козленкомъ,
То не путемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ;
И словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ.
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

130. Демьянова уха.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожайлуста, покушай».
—«Сосѣдушка, я сытъ по горло»—«Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
—«Я три тарелки съѣлъ».—«И, полно, что за счеты!
Лишь стало-бы охоты,—
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! да какъ жирна:
Какъ-будто янтаремъ подернулась она.

Потѣшь-же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся жена!»
Такъ подчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако-же еще тарелку онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай-же еще тарелочку, мой милый!»—
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

131. Зеркало и Обезьяна.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой:
«Смотри-ка», говоритъ: «кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки?
Я удавилась бы съ тоски,
Когда-бы на нея хоть чуть была похожа.
А, вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть».
— «Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвѣчалъ.
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

132. Слонъ въ случаѣ.

Когда-то въ случай слонъ попалъ [1]) у Льва.
Въ минуту по лѣсамъ прошла о томъ молва,
И такъ какъ водится, пошли догадки,
Чѣмъ въ милость втерся Слонъ?
Не то красивъ, не то забавенъ онъ;
Что за пріемъ, что за ухватки!
Толкуютъ звѣри межъ собой.
«Когда-бы» говоритъ, вертя хвостомъ, лисица,
Былъ у него пушистый хвостъ такой,
Я не дивилась-бы».—«Или, сестрица»,
Сказалъ медвѣдь: «хотя бы по когтямъ
Онъ сдѣлался случайнымъ,
Никто того не счелъ-бы чрезвычайнымъ:
Да онъ и безъ когтей, то всѣмъ извѣстно намъ».
—«Да не вошелъ-ли онъ въ случай клыками?
Вступился въ рѣчь ихъ волъ:
«Ужъ не сочли-ли ихъ рогами»?
—«Такъ вы не знаете», сказалъ оселъ,
Ушами хлопая, «чѣмъ могъ онъ полюбиться,
И въ знать добиться?
А я такъ отгадалъ—
Безъ длинныхъ-бы ушей онъ въ милость не попалъ».

133. Туча.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая туча пронеслась;
Ни каплею ее не освѣжа одною,
Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась,
И щедростью своей хвалилась предъ Горою.
«Что сдѣлала добра
Ты щедростью такою?»

---

[1]) Попасть въ случай значитъ, благодаря какому либо случаю, приблизиться къ царю и пользоваться его милостями.

Сказала ей Гора:
«И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила;
Ты-бъ область цѣлую спасла:
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно».

134. Охотникъ.

Охотникъ, взявъ ружье, патронницу, суму
И друга вѣрнаго, по праву и обычью,
Гектора,—въ лѣсъ пошелъ за дичью,
Не зарядя ружья, хоть былъ совѣтъ ему,
Чтобъ зарядилъ ружье онъ дома,
«Вотъ вздоръ, онъ говоритъ: дорога мнѣ знакома,
На ней ни воробья не видѣлъ я, родясь;
До мѣста-жъ ходу цѣлый часъ,
Такъ зарядить еще успѣю я сто разъ».
Но что-жъ? Лишь вонъ изъ жила—
(Какъ будто-бы надъ нимъ Фортуна подшутила)
По озерку
Гуляютъ утки цѣлымъ стадомъ;
И нашему-бъ тогда Стрѣлку
Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ
Убить
И на недѣлю съ хлѣбомъ быть,
Когда-бъ не отложилъ ружья онъ зарядить.
Теперь къ заряду онъ скорѣе: только утки
На это чутки;
Пока съ ружьемъ возился онъ,
Онѣ вскричали, встрепенулись,
Взвились и—за лѣса веревкой потянулись,
А тамъ изъ виду скрылись вонъ.
Напрасно по лѣсу Стрѣлокъ потомъ таскался,
Ни даже воробей ему не попадался;
А тутъ къ бѣдѣ еще бѣда:

Случись тогда
Ненастье.
И такъ Охотникъ мой,
Измокши весь, пришелъ домой
Съ пустой сумой;
А все-таки пенялъ не на себя,—на счастье!

135. Пчела и муха.

Двѣ мухи собрались летѣть въ чужіе краи,
И стали подзывать съ собой туда Пчелу:
Имъ насказали Попугаи
О дальнихъ сторонахъ большую похвалу.
Притомъ-же имъ самимъ казалося обидно,
Что ихъ, на родинѣ своей,
Вездѣ гоняютъ изъ гостей:
И даже до чего (какъ людямъ-то не стыдно,
И что они за чудаки!)
Чтобъ поживиться имъ не дать сластями
За пышными столами,
Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки;
А въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки.
«Путь добрый вамъ», Пчела на это отвѣчала:
«А мнѣ
И на моей пріятно сторонѣ:
Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ снискала,
Отъ поселянъ и до вельможъ.
Но вы летите,
Куда хотите!
Вездѣ вамъ будетъ счастье то-жъ:
Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны,
А рады пауки лишь будутъ вамъ
И тамъ».

136. Лисица и виноградъ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись,
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко.
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ неймётъ.
Пробившись по-пусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: «Ну что-жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь».

137. Медвѣдь въ сѣтяхъ.

Медвѣдь
Попался въ сѣть.
Надъ смертью издали шути, какъ хочешь смѣло,
Но смерть вблизи—совсѣмъ другое дѣло.
Не хочется Медвѣдю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и отъ драки,
Да весь опутанъ сѣтью онъ,
А на него со всѣхъ сторонъ
Рогатины, и ружья, и собаки:
Такъ драка не по немъ.
Вотъ хочетъ Мишка взять умомъ,
И говоритъ ловцу: «Мой другъ, какой виною
Я проступился предъ тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль вѣришь клеветамъ напраснымъ на медвѣдей,
Что злы они? Ахъ, мы совсѣмъ не таковы!
Я, напримѣръ, сошлюсь на всѣхъ сосѣдей,
Что изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному

Никто не сдѣлаетъ упрека,
Чтобъ мертваго я тронулъ человѣка».
— «То правда», отвѣчалъ на то ловецъ ему:
«Хвалю къ усопшимъ я почтеніе такое;
Зато, гдѣ случай ты имѣлъ,
Живой ужъ отъ тебя не вырывался цѣлъ
Такъ лучше-бы ты мертвыхъ ѣлъ,
И оставлялъ живыхъ въ покоѣ».

138. Трудолюбивый Медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ,
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими-же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березняка и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта
И говоритъ: «Сосѣдъ, что за причина эта?
Деревья таки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?»
— «Въ томъ» отвѣчалъ сосѣдъ,
«Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ».

139. Булыжникъ и алмазъ.

Потерянный Алмазъ валялся на пути;
Случилось наконецъ купцу его найти.
Онъ отъ купца
Царю представленъ,
Имъ купленъ, въ золотѣ оправленъ.
И украшеніемъ сталъ царскаго вѣнца.

Узнавъ про то, Булыжникъ развозился,
Блестящею судьбой Алмаза онъ прельстился,
И, видя мужика, его онъ проситъ такъ:
«Пожалуйста, землякъ,
Возьми меня въ столицу ты съ собою!
За что здѣсь подъ дождемъ и въ слякоти я ною?
А нашъ Алмазъ въ чести, какъ говорятъ.
Не понимаю я, за что онъ въ знать попался?
Со мною сколько лѣтъ здѣсь рядомъ онъ валялся.
Такой-же камень онъ, и мнѣ набитый братъ.
Возьми-же ты меня. Какъ знать? Коль я тамъ покажуся,
То также, можетъ-быть, на дѣло пригожуся».
Взялъ камень мужичокъ на свой тяжелый возъ,
И въ городъ онъ его привезъ.
Ввалился камень мой и думаетъ, что разомъ
Засядетъ рядомъ онъ съ Алмазомъ;
Но вышелъ для него случай совсѣмъ иной:
Онъ точно въ дѣло взятъ, но взятъ для мостовой.

140. Плотичка.

Не помню, у какой рѣки,
Злодѣи царства водяного,
Пріютъ имѣли рыбаки.
Въ водѣ, по близости у берега крутаго,
Плотичка рѣзвая жила.
Проворна и притомъ лукава,
Не боязливаго была Плотичка нрава:
Вкругъ удочекъ она вертѣлась, какъ юла,
И часто съ ней рыбакъ свой промыслъ клялъ съ досады.
Когда за пожданье онъ, въ чаяньѣ награды,
Закинетъ уду, глазъ не сводитъ съ поплавка;
Вотъ, думаетъ, взяла; въ немъ сердце встрепенется;
Взмахнетъ онъ удой: глядь, крючекъ безъ червяка;
Плутовка, кажется, надъ рыбакомъ смѣется,
Сорветъ приманку, увернется,

И, хоть ты что, обманетъ рыбака.
—«Послушай, говоритъ другая ей Плотица:
Не сдобровать тебѣ, сестрица!
Иль мало мѣста здѣсь въ водѣ,
Что ты всегда вкругъ удочекъ вертишься?
Боюсь я: скоро ты съ рѣкой у насъ простишься:
Чѣмъ ближе къ удочкамъ, тѣмъ ближе и къ бѣдѣ
Сегодня удалось, а завтра—кто порука?»
Но глупымъ, что глухимъ разумныя слова.
«Вотъ» говоритъ моя Плотва:
«Вѣдь я не близорука!
Хоть хитры рыбаки, но страхъ пустой ты брось:
Я вижу хитрость ихъ насквозь.
Вотъ видишь уду! Вонъ закинута другая!
Ахъ вотъ еще, еще! Смотри-же, дорогая,
Какъ хитрецовъ я проведу!»
И къ удочкамъ стрѣлой пустилась;
Рванула съ той, съ другой, на третьей зацѣпилась,
И, ахъ, попалася въ бѣду!
Тутъ поздно бѣдная узнала,
Что лучше-бы бѣжать опасности сначала.

141. Лисица и Оселъ.

«Отколѣ умная бредешь ты, голова?»
Лисица встрѣтяся съ Осломъ, его спросила.
—«Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти, бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ отъ этого урода.
А нынѣ въ старости и дряхлъ, и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ;
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь-ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ.

И поплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По своему:
Кто зубомъ, кто рогами....»
—«Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ!»
Лиса перерываетъ.
—«Вотъ на!» Оселъ ей отвѣчаетъ:
«А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ!
Пускай ослиныя копыта знаетъ!»

142. Два мужика.

«Здорово, кумъ Ѳадей!»—«Здорово, кумъ Егоръ!»
—«Ну, каково, пріятель, поживаешь?»
—«Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ,
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ».
—«Какъ-такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
—«Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну ты какъ?»—«Охъ Ѳадей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь, я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, то-жъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ;
И тоже черезъ чуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару;
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка».
—«Пеняйте на себя, друзья!»

Сказалъ имъ сватъ Степанъ. «Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ не хуже-ль и въ потьмахъ».

143. Собака и Лошадь.

У одного крестьянина служа,
Собака съ Лошадью считаться какъ-то стали:
«Вотъ» говоритъ Барбосъ: «большая госпожа!
По мнѣ хоть-бы тебя съ двора совсѣмъ согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Объ удальствѣ твоемъ другого не слыхать;
И можно-ли тебѣ ровняться въ чемъ со мною?
Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою:
Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу,
А ночью домъ я стерегу.»
—«Конечно,» Лошадь отвѣчала:
«Твоя правдива рѣчь;
Однако-же, когда-бъ я не пахала,
То нечего-бъ тебѣ здѣсь было и стеречь.»

144. Бѣдный богачъ.

«Ну стоитъ-ли богатымъ быть,
Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить,
И только деньги лишь копить!
Да и на что? Умремъ, вѣдь все оставимъ;
Мы только лишь себя и мучимъ, и безславимъ.
Нѣтъ, еслибъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
Не только-бы рубля, я-бъ тысячъ не жалѣлъ,
Чтобъ жить роскошно, пышно,
И о моихъ пирахъ далеко-бъ было слышно;
Я даже дѣлалъ-бы добро другимъ.
А богачей скупыхъ на муку жизнь похожа.»
Такъ разсуждалъ Бѣднякъ съ собой самимъ,
Въ лачужкѣ низменной, на голой лавкѣ лежа:

Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,
Кто говоритъ, колдунъ, кто говоритъ, что бѣсъ;
Послѣднее едвали не вѣрнѣе,
Изъ дѣла будетъ то виднѣе.
Предсталъ—и началъ такъ: «Ты хочешь быть богатъ,
Я слышалъ для чего; служить я другу радъ.
Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ не болѣ,
Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой.
И такъ, пріятель мой,
Разбогатѣть теперь въ твоей лишь волѣ,
Возьми-жъ, и изъ него безъ счета вынимай,
Доколѣ будешь ты доволенъ;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не воленъ,
Пока въ рѣку не бросишь кошелька.»
Сказалъ—и съ кошелькомъ оставилъ Бѣдняка.
Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался,
Но лишь опомнился, за кошелекъ принялся,
И что-жъ!—Чуть вѣрится ему, что то не сонъ;
Едва червонецъ вынетъ онъ,
Ужъ въ кошелькѣ другой червонецъ шевелится.
Бѣднякъ мой говоритъ:
Червонцевъ я себѣ повытаскаю груду;
Такъ завтра-же богатъ я буду,
И заживу какъ сибаритъ.»
Однако-жъ поутру онъ думаетъ другое!
«То правда,» говоритъ: «теперь я сталъ богатъ;
Да кто-жъ добру не радъ!
И почему-бы мнѣ не быть богаче вдвое?
Неужто лѣнь
Надъ кошелькомъ еще провесть хоть день?
Вотъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;
Но если накупить могу я деревень,
Не глупо-ли, когда случай къ тому утрачу?
Такъ удержу чудесный кошелекъ;
Ужъ такъ и быть, еще я поговѣю

Одинъ денекъ,
А, впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю.»
Но что-жъ? Проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ—
Бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ;
Межъ тѣмъ онъ скудно ѣстъ и скудно пьетъ;
Но чуть лишь день, а онъ опять за ту-жъ работу.
День кончится, и по его разсчету,
Ему всегда чего нибудь не достаетъ.
Лишь кошелекъ нести сберется,
То сердце у него сожмется:
Придетъ къ рѣкѣ, воротится опять.
«Какъ можно,» говоритъ, «отъ кошелька отстать,
Когда мнѣ золото само рѣкою льется?»
И наконецъ, Бѣднякъ мой посѣдѣлъ,
Бѣднякъ мой похудѣлъ,
Какъ золото его, Бѣднякъ мой пожелтѣлъ.
Ужъ и о пышности онъ болѣ не смекаетъ:
Онъ сталъ и слабъ, и хилъ; здоровье и покой,
Утратилъ все, но все дрожащею рукой
Изъ кошелька червонцы вонъ таскаетъ.
Таскалъ, таскалъ... и чѣмъ-же кончилъ онъ?
На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,
На той-же лавкѣ онъ скончался,
Досчитывая свой девятый милліонъ.

145. Волкъ и Котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ—бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ
Кота,

И молвитъ: «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной».—«Проси скорѣй Степана;
Мужикъ предобрый онъ»! Котъ-Васька говоритъ.
—«То такъ; да у него я ободралъ барана».
—«Ну попытайся у Демьяна».
—«Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка».
—«Бѣги-жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ».
—«Къ Трофиму! Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка»!
—«Ну, плохо-жъ! Но авось, тебя укроетъ Климъ»!
—«Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка»!
—«Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ»,
Сказалъ тутъ Васька Волку;
«Какую-жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы,—самъ себя вини!
Что ты посѣялъ—то и жни.

146. Бѣлка.

Въ деревнѣ, въ праздникъ подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ,
Народъ толпился;
На бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.
Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ:
Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвостъ.
— «Землячка старая», спросилъ тутъ дроздъ: «нельзя-ли
Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь»?
— «Охъ, милый другъ! тружусь день весь:
Я по дѣламъ гонцомъ у барина большого;

Ну некогда ни пить, ни ѣсть,
Ни даже духу перевесть».
И Бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.
— «Да», улетая, дроздъ сказалъ: «то ясно мнѣ,
Что ты бѣжишь—а все на томъ-же ты окнѣ».

147. Лиса.

Зимой, ранехонько, близъ жи́ла,
Лиса у проруби пила въ большой морозъ.
Межъ тѣмъ, оплошность-ли, судьба-ль (не въ этомъ сила),
Но кончикъ хвостика лисица замочила,
И ко льду онъ примерзъ.
Бѣда не велика, легко-бъ ее поправить:
Рвануться только посильнѣй
И волосковъ хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорѣй.
Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать— вѣдь спитъ еще народъ;
А между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ,
Глядитъ—и день свѣтаетъ,
Народъ шевелится, и слышны голоса.
Тутъ бѣдная моя Лиса
Туда-сюда метаться;
Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью, Волкъ бѣжитъ.—«Другъ милый! кумъ! отецъ»!
Кричитъ Лиса: «спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ»!—
Вотъ кумъ остановился—
И въ спа́сенье Лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура,
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

148. Пустынникъ и Медвѣдь.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:
Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: «А лужокъ? а темная дубрава,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова»?
— «Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова».
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Что-бъ съ кѣмъ нибуь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей!
И точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ.
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ;
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ-бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.

Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
«Прилягъ-ко, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу».
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ—да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: «Молчи-жъ, ужъ я тебя, воструху!»
И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

149. Волкъ и Журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.

Не можетъ Волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ Журавль случился.
Вотъ кой-какъ знаками сталъ Волкъ его манить,
И проситъ горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ Волку въ пасть, и съ трудностью большою
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь»! звѣрь вскричалъ коварный:
«Тебѣ за трудъ? Ахъ, ты неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ!
Поди-жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся.»

150. Муха и Пчела.

Въ саду, весной при легкомъ вѣтеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ
Качалась Муха, сидя,
И на цвѣткѣ Пчелу увидя,
Спесиво говоритъ: «Ужъ какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера трудиться цѣлый день!
На мѣстѣ бы твоемъ я въ сутки захирѣла.
Вотъ, напримѣръ, мое
Такъ, право, райское житье!
За мною только лишь и дѣла,
Летать по баламъ, по гостямъ:
И, молвить не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ домы.
Когда-бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!
Гдѣ только свадьба, именины,—
Изъ первыхъ я ужъ вѣрно тутъ,
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины.
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю, изъ лакомыхъ сластей».

—«Все это знаю я», отвѣтствуетъ Пчела,
«Но и томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирахъ лишь морщатся отъ мухи,
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ».
—«Вотъ», Муха говоритъ: «гоняютъ! Что-жъ такое?
Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое».

151. Змѣя и Овца.

Змѣя лежала подъ колодой
И злилася на цѣлый свѣтъ;
У ней другаго чувства нѣтъ,
Какъ злиться: создана ужъ такъ она природой.
Ягненокъ въ близости рѣзвился и скакалъ;
Онъ о Змѣѣ совсѣмъ не помышлялъ.
Вотъ, выползши, она въ него вонзаетъ жало:
Въ глазахъ у бѣдняка туманно небо стало;
Вся кровь отъ яду въ немъ горитъ.
«Что сдѣлалъ я тебѣ»? Змѣѣ онъ говоритъ.
—«Кто знаетъ? Можетъ быть, ты съ тѣмъ сюда забрался,
Чтобъ раздавить меня», шипитъ ему Змѣя:
«Изъ осторожности тебя караю я».
—«Ахъ, нѣтъ»! онъ отвѣчалъ,—и съ жизнью тутъ разстался.

ОТДѢЛЪ V.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ЖУКОВСКАГО.

152. Дѣдушкины разсказы.

День былъ ясенъ и тепелъ, къ закату сходящее солнце
Ярко сіяло на чистомъ, лазоревомъ небѣ. Спокойно
Дѣдушка, солнцемъ согрѣтый, сидѣлъ у воротъ на скамейкѣ;
Глядя на ласточекъ, быстро кружившихъ въ воздушномъ пространствѣ,
Вслѣдъ за ними пускалъ онъ дымокъ изъ маленькой трубки;
Легкими кольцами дымъ подымался и, съ воздухомъ слившись,
Въ немъ пропадалъ. Маргарита, Луиза и Лотта за пряжей
Чинно сидѣли кругомъ; самопрялки жужжали и тонкой
Струйкой нити вилися; Фрицъ работалъ, а Енни,
Вѣчный лѣнивецъ, игралъ на травѣ съ курчавою шафкой.
Всѣ молчали, какъ будто ангелъ тихій провѣялъ.
«Дѣдушка», Лотта сказала, «что ты примолкъ? Разскажи намъ
Сказку; вечеръ ясный такой; намъ весело будетъ
Слушать».—«Сказку, старикъ проворчалъ, высыпая изъ трубки
Пепелъ, все бы вамъ сказки; не лучше-ль послушать вамъ были?
Быль разскажу вамъ и быль не одну, а двѣ».—Опроставши
Трубку и снова набивъ ее табакомъ изъ мошенки,
Дѣдушка вынулъ огниво и, трутъ на кремень положивши,
Крѣпко ударилъ сталью въ кремень, посыпались искры,
Трутъ загорѣлся, и трубка опять задымилась. Собравшись
Съ мыслями, дѣдушка такъ разсказывать съ важностью началъ.

I. Эми и Брандъ.

Дѣти, смотрите, какъ все передъ нами прекрасно: какъ солнце,
Медленно съ неба спускаясь, все осыпаетъ лучами;
Рейнъ золотомъ льется; жатва какъ тихое море;
Холмы зеленые въ свѣтѣ вечернемъ горятъ; по дорогамъ
Шумъ и движенье; поднявъ паруса, нагруженныя барки
Быстро бѣгутъ по водамъ; а наша приходская церковь...
Окна ея, какъ огни межъ темными липами, блещутъ,
Вкругъ мелькаютъ кресты на кладбищѣ, и въ воздухѣ тепломъ
Птицы вьются, мошки блестящею пылью мелькаютъ;
Весь онъ полонъ говоромъ, пѣньемъ, жужжаньемъ... прекрасенъ
Міръ Господень! сердцу такъ радостно, сладко и вольно!
Скажешь: гдѣ бы въ этомъ прекрасномъ мірѣ Господнемъ
Быть несчастью? Анъ нѣтъ, и не только несчастье—злодѣйство
Мѣсто находитъ въ немъ. Видите-ль тамъ на высокомъ пригоркѣ
Замокъ въ обломкахъ? Теперь по стѣнамъ разцвѣтаетъ зеленый
Плющъ, и солнце его золотитъ, и звонкую пѣсню безпечно,
Сидя въ травѣ, на рожкѣ тамъ играетъ пастухъ. А на Рейнѣ,
Видите-ль вы небольшой островокъ? Молодая изъ кленовъ
Роща на немъ расцвѣла; подъ тѣнью ея разостлавши
Сѣти, рыбакъ готовитъ свой ужинъ, и дымъ голубою
Струйкой вьется по зелени темной. Взглянуть, такъ прекрасный
Рай. Ну слушайте-жъ: очень недавно, тамъ на пригоркѣ
Близко развалинъ замка, стояла гостиница, чистый
Свѣтлый, просторный домъ, подъ вывѣской *Чернаго вепря.*
Въ этой гостиницѣ каждый прохожій въ то время могъ видѣть
Бѣдную Эми. Подлинно бѣдная! дико потупивъ
Голову, въ землю глаза неподвижно уставивъ, по цѣлымъ
Днямъ сидѣла она передъ дверью трактира на камнѣ.
Плакать она не могла, но тяжко, тяжко вздыхала;
Жалобъ никто отъ нея не слыхалъ, но, Боже мой! всякій,
Разъ поглядѣвши ей бѣдной въ лицо, узнавалъ, что на свѣтѣ
Все для нея миновалось: мертвою блѣдностью щеки
Были покрыты, глаза изъ глубокихъ впадинъ сверкали
Острымъ огнемъ; одежда была въ безпорядкѣ; какъ змѣи

Черныя кудри по голымъ плечамъ раскиданы были.
Вѣчно молчала она и была тиха какъ младенецъ;
Но порою, если случалось, что вѣтеръ просвищетъ,
Вдругъ содрогалась, на что-то глаза упирала, и пальцемъ
Быстро туда указавъ, смѣялась смѣхомъ безумнымъ.
Бѣдная Эми! такою-ль видали ее? Беззаботно
Жизнью, бывало, она веселилась, какъ вольная пташка.
Помню и я, и старые гости *Чернаго вепря*,
Какъ насъ радушной улыбкой и ласковымъ словомъ встрѣчала
Эми, какъ весело шло угощенье. И всѣ ей друзьями
Были въ нашей округѣ. Кто веселость и живость
Всюду съ собой приносилъ? Кого, какъ любимаго гостя,
Съ криками вся молодежь встрѣчала на праздникахъ? Эми!
Кто всегда такъ опрятно и чинно одѣтъ былъ? Кого нашъ священникъ
Дѣвушкамъ всѣмъ въ образецъ поставлялъ? Кто шумя, какъ ребенокъ
Рѣзвый на игрищахъ, былъ такъ набожно тихъ за молитвой?
Словомъ: кто бѣднымъ былъ другъ, за больными ходилъ, съ огорченнымъ
Плакалъ, съ дѣтьми игралъ, какъ дитя? Все Эми, все Эми!
Господи Боже! она ли не стоила счастья? А вышло
Все напротивъ. Она полюбила Бранда. Признаться,
Этотъ Брандъ былъ молодъ, уменъ и красивъ; но худые
Слухи носились объ немъ: онъ съ людьми не добрыми знался;
Въ церковь онъ не ходилъ; а въ шинкахъ, за картами, кто былъ
Первый? Брандъ! Колдовствомъ ли какимъ онъ понравился Эми,
Самъ ли Господь ей хотѣлъ послать на землѣ испытанье,
Съ тѣмъ, чтобъ душа ея, въ страданьяхъ очистившись, прямо
Въ рай перешла—не знаю, но Эми была ужъ невѣстой
Бранда и всѣ жалѣли объ ней. Ну послушайте жъ: вечеръ
Былъ осенній и бурный; въ гостинницѣ *Чернаго вепря*
Два сидѣли гостя; яркое пламя трещало въ каминѣ.
«Что за погода»! сказалъ одинъ. «Не раздолье-ль въ такую
«Бурю сидѣть у огня и слушать, какъ вѣтеръ холодный
«Рвется въ оконницы?»—«Правда, другой отвѣчалъ: ни за что-бы
Я теперь отсюда не вышелъ: ужасъ, не буря.
Мѣсяцъ на небѣ есть, а ночь такъ темна, что хоть оба
Выколи глаза; плохо тому, кто въ дорогѣ».—«Желалъ-бы

«Знать я; найдется ль такой удалецъ, чтобъ теперь въ тотъ старинный
«Замокъ сходить! Онъ близко, шаговъ съ три сотни не болѣ;
«Но, признаться, днемъ я не трусъ, а ночью въ такое
«Время пойти туда, гдѣ, быть можетъ, въ потемкахъ
«Гость изъ могилы встрѣтитъ тебя—извините! А въ этомъ
«Замкѣ, всѣ знаютъ нечисто; и въ тихую ночь тамъ не тихо;
«Что же въ бурю, когда и мертвецъ повернется въ могилѣ?»—
—«Страшно, правда; а я объ закладъ побьюся, что наша
Эми не струситъ и въ замокъ одна одинешенька сходитъ».
«Бейся, пробьешь».—«Изволь, по рукамъ; ты слышала, Эми?
Хочешь-ли новую шляпку выиграть къ свадьбѣ? Сходи же
Въ за́мокъ и вѣтку намъ съ клена, который между обломковъ
Тамъ ростетъ, принеси; я знаю, что ты не боишься
Мертвыхъ и бреднямъ не вѣришь. Согласна ли Эми?»—«Согласна,»
Эми сказала съ усмѣшкой. «Бояться тутъ нечего, развѣ
Бури; а противъ ночныхъ привидѣній защитой молитва».
Съ этимъ словомъ Эми пошла. Развалины были
Близко; но вѣтеръ вылъ и ревѣлъ; темнота гробовая
Все покрывала, и тучи, какъ черныя горы, задвинувъ
Небо, страшно ворочались. Эми знакомой тропинкой
Входитъ безъ всякаго страха въ средину развалинъ.
Кленъ не далеко; вдругъ вѣтеръ утихъ на минуту, и Эми
Слышитъ, что кто-то идетъ, живой, а не мертвый; ей стало
Страшно... слушаетъ... вѣтеръ снова поднялся и снова
Стихъ, и снова, послышалось ей, что идутъ; въ испугѣ
Къ грудѣ развалинъ прижалася Эми. Въ это мгновенье
Вѣтромъ раздвинуло тучи, и мѣсяцъ очистился. Что-же
Эми увидѣла? два человѣка—двѣ черныя тѣни—
Крадутся между обломковъ и тащатъ мертвое тѣло.
Вѣтеръ ударилъ сильнѣй; съ головы одного сорвалася
Шляпа, и къ Эминымъ прямо ногамъ прикатилась; а мѣсяцъ
Въ ту минуту пропалъ, и все опять потемнѣло.
«Стой!» (послышался голосъ) «шляпу вѣтромъ умчало».—
«Послѣ отыщешь; прежде окончимъ работу: зароемъ
«Кладъ свой»; другой отвѣчалъ, и они удалились. Схвативши
Шляпу, стремглавъ пустилась къ гостинницѣ Эми. Блѣднѣе

Смерти, въ двери вбѣжала она, и долго промолвить
Слова не въ силахъ была; отдохнувъ, наконецъ разсказала
То, что ей въ замкѣ привидѣлось. «Вотъ обличитель убійцамъ!»
Шляпу поднявши, громко промолвила Эми; но тутъ же
Въ шляпу всмотрѣлась... «Ахъ!» и упала на полъ безъ чувства:
Брандово имя стояло на шляпѣ. Мнѣ нечего болѣ
Вамъ разсказывать. Въ этотъ мигъ помутился разсудокъ
Бѣдной Эми; Господь милосердый недолго страдать ей
Далъ на землѣ: ее отнесли на кладбище... Но долго
Видѣли столпъ съ колесомъ[1]) на пригоркѣ близъ замка: прохожимъ
Онъ приводилъ на память и Бранда, и бѣдную Эми.
Все исчезло теперь, и гостиницы нѣтъ; лишь могила
Бѣдной Эми цвѣтетъ, какъ цвѣла, и надъ нею спокойно.

Дѣдушка кончилъ и молча сталъ выколачивать трубку.
Внучки также молчали и съ грустью смотрѣли на церковь:
Солнце играло на ней и темныя липы бросали
Тѣнь на кладбище, гдѣ Эми давно покоилась въ гробѣ.

II. Каспаръ.

Вотъ вамъ другая быль, сказалъ, опять раскуривши
Трубку, старикъ. Каспаръ былъ бѣденъ. Къ буйной, развратной
Жизни привыкъ онъ, и сердце въ немъ сдѣлалось камнемъ. Но жаднымъ
Окомъ смотрѣлъ на чужое богатство Каспаръ. На злодѣйство
Трудно-ль рѣшиться тому, кто шатается праздно, не помня
Бога? Такъ и случилось. Каспаръ на ночную добычу
Вышелъ. Вы видите островъ на Рейнѣ? Вдоль берега вьется
Противъ этого острова, мимо утеса, дорожка.
Тамъ, у самой дорожки, подъ темнымъ утесомъ, въ ночное
Позднее время Каспаръ засѣлъ и ждалъ: не пройдетъ-ли
Кто нибудь мимо? Ночь прекрасна была; освѣщенный
Полной луной островокъ отражался въ водѣ и густые
Клены, глядясь въ нихъ, стояли тихо, какъ черныя тѣни;

[1]) Орудіе казни, которая называлась *колесованьемъ*.

Все покоилось... волны изрѣдка въ берегъ плескали,
Въ листьяхъ журчало и пѣлъ соловей. Но злодѣйскимъ
Замысломъ полный, Каспаръ не слыхалъ ничего; онъ иное
Жаднымъ подслушивалъ ухомъ. И вотъ напослѣдокъ онъ слышитъ:
Кто-то идетъ по дорогѣ; то былъ одинокій прохожій.
Выскочилъ, словно какъ звѣрь изъ берлоги, Каспаръ; и не долго
Длилась борьба между ними: бѣдный путникъ съ тяжелымъ
Стономъ упалъ на землю, зарѣзанный. Мертвое тѣло
Въ воду стащилъ Каспаръ и вымылъ кровавыя руки;
Брызнули волны, раздавшись подъ трупомъ, и снова слилися
Въ гладкую зыбь; все стало попрежнему тихо, и сладко
Пѣть продолжалъ соловей. Каспаръ беззаботно съ добычей
Въ путь свой пошелъ; свидѣтелей не было; совѣсть молчала.
Скоро истратилъ разбойникъ добытое кровью, и скоро
Голымъ сталъ онъ попрежнему. Годы прошли: о убійствѣ
Кромѣ Бога никто не провѣдалъ; послушайте далѣ.
Разъ Каспаръ сидѣлъ за столомъ въ гостиницѣ. Входитъ
Старый знакомецъ его, арендарь Веньяминъ; онъ садится
Подлѣ Каспара; онъ крѣпко, крѣпко задумчивъ; и вправду
Было о чемъ призадуматься: денно и нощно работалъ,
Честно жилъ Веньяминъ, а все понапраспу—тяжелый
Крестъ достался ему: семью имѣлъ онъ большую;
Всѣхъ одѣнь, напой, накорми... а чѣмъ? И въ добавокъ
Новое горе постигло его: жена отъ тяжелой
Скорби слегла въ постель, и деньги пошли на лѣкарство;
Богъ помогъ ей; но съ той поры все хуже, да хуже; и часто
Нечего ѣсть; жена молчитъ, но таетъ какъ свѣчка;
Дѣти крикомъ кричатъ; наконецъ остальное помѣщикъ
Въ домѣ силою взялъ, въ уплату за долгъ, и изъ дома
Выгнать грозился. Эта бѣда съ Веньяминомъ случилась
Утромъ, а вечеромъ онъ Каспара въ гостиницѣ встрѣтилъ.
Рядомъ съ нимъ онъ сидѣлъ у стола; опершись на колѣно
Локтемъ, рукою закрывши глаза, молчалъ онъ, какъ мертвый.
«Что съ тобой, Веньяминъ?» спросилъ Каспаръ. «Ты какъ будто
«Въ воду опущенъ. Послушай, сосѣдъ, не распить-ли намъ вмѣстѣ
«Кружку вина? Веселѣе на сердцѣ будетъ; отвѣдай».

Кружку взялъ Веньяминъ и выпилъ. «Тяжко приходитъ
Жить, сказалъ онъ. Жена умираетъ, и хилыя кости
Не на чемъ ей успокоить: злодѣи послѣднюю взяли
Нынче постелю. А дѣти—Господи Боже мой! лучше бъ
Имъ и мнѣ въ могилу. Помѣщикъ нашъ нынѣшней ночью
Въ замокъ свой пышный поѣдетъ, и тамъ на мягкихъ подушкахъ,
Вкусно поужинавъ, сладко заснетъ... а я, воротяся
Въ домъ мой, гдѣ голыя стѣны, что найду тамъ? Бездушный!
Я ли Христомъ да Богомъ его не молилъ? У него ли
Мало добра?.. Пускай же Всевышній Господь на судилищѣ страшномъ
Такъ же съ нимъ немилостивъ будетъ, какъ онъ былъ со мною!»
Слушалъ Каспаръ и въ душѣ веселился, какъ злой искуситель;
Въ кружку сосѣда вино подливалъ онъ и скоро зажегъ въ немъ
Кровь, и потомъ изъ гостиницы вышелъ съ нимъ вмѣстѣ. Ужъ было
Поздно. «Сосѣдъ,» Веньямину онъ тихо шепнулъ, «господинъ твой
«Нынѣшней ночью одинъ въ замокъ поѣдетъ; дорога
«Близко, она пуста; а мщенье, знаешь ты, сладко».
Рѣчью такой былъ сраженъ Веньяминъ; но тяжкая бѣдность,
Горе семьи, досада, хмѣль, темнота, обольщенье
Словъ коварныхъ... довольно, чтобъ слабое сердце опутать.
Такъ ли, не такъ ли, но вотъ пошелъ Веньяминъ за Каспаромъ;
Противъ знакомаго острова сѣли они подъ утесомъ,
Близко дороги, и ждутъ: ни одинъ ни слова; не смѣютъ
Вслухъ дышать и слушаютъ молча. Ихъ окружала
Тихая, темная ночь; звѣздъ не сверкало на небѣ,
Листъ едва шевелился, безъ ропота волны лилися,
Все покоилось сладко и пѣлъ соловей. Душа Веньямина
Вдругъ согрѣлась: въ ней совѣсть проснулась, и онъ содрогнулся:
«Нечего ждать» онъ сказалъ; «ужъ поздно; уйдемъ; не придетъ онъ».
«Будь терпѣливъ», злодѣй возразилъ, «подождемъ и дождемся.
«Долѣ за то дожидаться его возвращенья придется
«Въ замкѣ женѣ; да будетъ напрасно ея нетерпѣнье».
Сердце отъ этихъ словъ повернулось въ груди Веньямина;
Вспомнилъ свою онъ жену и сказалъ: «теперь прояснилась
Совѣсть моя; не поздно еще; не хочу оставаться!—
«Что ты?» воскликнулъ Каспаръ. «Послушался совѣсти, бредитъ!

«Ночь темна, рѣка глубока, здѣсь мѣсто глухое;
«Кто насъ увидитъ»? Морозъ подралъ Веньямина по кожѣ.
«Кто насъ увидитъ? А развѣ нѣтъ свидѣтеля въ небѣ?»
«Сказки! здѣсь мы одни. Въ ночной темнотѣ не примѣтитъ
«Насъ ни земной, ни небесный свидѣтель». Тутъ не оглядкой
Прочь отъ него побѣжалъ Веньяминъ. И въ это мгновенье
Темное небо яркимъ, страшнымъ лучемъ раздвоилось;
Все кругомъ могильная мгла покрывала; на томъ лишь
Мѣстѣ, гдѣ спрятаться думалъ Каспаръ, было какъ въ ясный
Полдень свѣтло. И вотъ предъ глазами его повторилось
Все, что онъ нѣкогда тутъ совершилъ во мракѣ глубокой
Ночи одинъ: онъ услышалъ шумъ отъ упавшаго въ воду
Трупа; онъ черный трупъ на волнахъ освѣщенный увидѣлъ;
Волны разпнулись; трупъ нырнулъ въ нихъ, и все потемнѣло...
Дѣти, долго съ тѣхъ поръ подъ этимъ утесомъ, какъ дикій
Звѣрь, гнѣздился Каспаръ съумасшедшій. Не вѣдалъ онъ кровли,
Былъ безобразенъ; лицо какъ кора, глаза какъ два угля,
Волосы клочьями, ногти на пальцахъ какъ черные когти,
Вмѣсто одежды гнилое тряпье; худой, изможденный,
Чахлый, всѣ ребра наружу, онъ въ страхѣ все жался къ утесу,
Все какъ будто хотѣлъ въ немъ спрятаться, и все озирался
Смутно кругомъ; но порою вдругъ выбѣгалъ, и на небо
Дико уставивъ глаза, шепталъ: *онъ видитъ, онъ видитъ!*
Дѣдушка, быль досказавъ, посмотрѣлъ, усмѣхаясь, на внучекъ.
Что же вы такъ присмирѣли? спросилъ онъ. Видно, разсказъ мой
Былъ не на шутку печаленъ? Постойте-же, я кое что вспомнилъ,
Что разсмѣшитъ васъ и вмѣстѣ научитъ.
Слушайте:

III. Каннитферштанъ.

. . . . Часто
Мы на свою негодуемъ судьбу; а если разсудишь,
Какъ все на свѣтѣ невѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе
Опытъ такой достается, иному легче. И вотъ какъ
Разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто

Случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой добрался
Бѣдный нѣмецкій ремесленикъ. Былъ по какому то дѣлу
Онъ въ Амстердамѣ, Голландскомъ городѣ; городъ богатый,
Пышный, зданья огромныя, тьма кораблей; заглядѣлся
Бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались; вдругъ онъ увидѣлъ
Домъ, какого не снилось ему и во снѣ: до десятка
Трубъ, три жилья, зеркальныя окна, ворота
Съ добрый сарай—удивленье! Съ смиреннымъ поклономъ спросилъ онъ
Перваго встрѣчнаго: «чей этотъ домъ, въ которомъ такъ много
«Въ окнахъ тюльпановъ, нарцисовъ и розъ»? Но видно прохожій
Или былъ занятъ, или столько же зналъ по-нѣмецки,
Сколько тотъ по-голландски, то есть не зналъ ни полслова;
Какъ бы то ни было, *Каннитферштанъ!* отвѣчалъ онъ. А это
Каннитферштанъ есть голландское слово, или лучше, четыре
Слова, и значитъ оно «*не могу васъ понять*». Простодушный
Нѣмецъ напротивъ подумалъ, что такъ назывался владѣлецъ
Дома, о которомъ онъ спрашивалъ. «Видно, богатъ не на шутку
Этотъ «*Каннитферштанъ*», сказалъ про себя онъ, любуясь
Домомъ. Потомъ отправился далѣ. Приходитъ на пристань.
Новое диво: тамъ кораблей числа нѣтъ; ихъ мачты
Словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова, и сначала
Онъ не видалъ ничего, такъ много онъ разомъ увидѣлъ.
Но наконецъ на огромный корабль обратилъ онъ вниманье.
Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Остъ-Индіи: много
Вкругъ суетилось людей; его выгружали. Какъ горы
Были навалены тюки товаровъ: множество бочекъ
Съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарацинскимъ. Разинувъ
Ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ нѣмецъ; и свѣдать
Крѣпко ему захотѣлось, чьи были они. У матроса
Несшаго тюкъ огромный, спросилъ онъ: «какъ назывался
Тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ
Разомъ прислало?» Нахмурясь, матросъ проворчалъ мимоходомъ:
Каннитферштанъ. «Опять! Смотри пожалуй! Какой же
Этотъ Каннитферштанъ молодецъ! Мудрено ли построить
Домъ съ богатствомъ такимъ и разставить въ горшкахъ золоченыхъ
Столько тюльпановъ, нарцисовъ и розъ по окошкамъ?» Пошелъ онъ

Медленнымъ шагомъ назадъ и задумался: горе
Взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ
Въ свѣтѣ и какъ онъ бѣденъ. Но только что началъ съ собою
Онъ разсуждать, какое было бы счастье, когда бъ онъ
Самъ былъ *Каннитферштанъ*, какъ вдругъ передъ нимъ—погребенье.
Видитъ: четыре лошади въ черныхъ, длинныхъ попонахъ
Гробъ на дрогахъ везутъ и тихо ступаютъ, какъ будто
Зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу навѣки отвозятъ;
Вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые, молча,
Въ траурѣ идутъ; вдали одиноко звонитъ погребальный
Колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной,
Доброй душѣ, при видѣ мертваго тѣла; и снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами
Ходъ погребальный; потомъ подошелъ къ одному изъ послѣднихъ
Шедшихъ за гробомъ, который въ эту минуту былъ занятъ
Важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой
Будетъ ему отъ продажи корицы и перцу; тихонько
Дернувъ его за кафтанъ, онъ спросилъ: «конечно покойникъ
Былъ вамъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? кто онъ?»
Каннитферштанъ! былъ короткій отвѣтъ. Покатилися слезы
Градомъ изъ глазъ честнаго нѣмца; сдѣлалось тяжко
Сердцу его, а потомъ и легко; и вздохнувши, сказалъ онъ:
«Бѣдный, бѣдный *Каннитферштанъ!* отъ такого богатства
Что осталось тебѣ? Не тоже-ль, что рано иль поздно
Мнѣ отъ моей останется бѣдности? Саванъ и тѣсный
Гробъ».—И въ мысляхъ такихъ побрелъ онъ за тѣломъ: какъ будто
Самъ былъ роднею покойнику; въ церковь вошелъ за другими,
Тамъ голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова,
Выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ; потомъ, когда опустили
Каннитферштана въ землю, заплакалъ; потомъ съ облегченнымъ
Сердцемъ пошелъ своею дорогой. И съ тѣхъ поръ, какъ скоро,
Грусть посѣщала его и ему становилось досадно
Видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда утѣшался,
Вспомнивъ о *Каннитферштанѣ*, его несмѣтномъ богатствѣ
Пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ и тѣсной могилѣ.

153. Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ.

Черезъ песчаную пустыню шелъ
Съ своею ратью Александръ. Въ страну,
Лежавшую за рубежомъ пустыни,
Онъ несъ войну. И вдругъ пришелъ къ рѣкѣ
Широкой онъ. Измученный путемъ
По знойному песку, на тучномъ брегѣ
Рѣки онъ рать остановилъ; и скоро вся
Она заснула въ глубинѣ долины,
Прохладою потока освѣженной.
Но Александръ заснуть не могъ; и въ зной,
И посреди спокойствія долины,
Гдѣ не было слѣда тревогъ житейскихъ,
Нетерпѣливой онъ кипѣлъ душою;
Ее и мигъ покоя раздражалъ:
Погибель войскъ, разрушенные троны,
Побѣда, власть, вселенной рабство, слава
Носилися предъ ней, какъ привидѣнья.
Онъ подошелъ къ потоку, наклонился,
Рукою зачерпнулъ воды студеной
И напился; и чудно освѣжила
Божественно-цѣлительная влага
Его всѣ члены; въ грудь его проникла
Удвоенная жизнь. И понялъ онъ,
Что изъ страны, благословленной небомъ,
Такой потокъ былъ долженъ вытекать,
Что близъ его истоковъ надлежало
Цвѣсти земному счастью, что вѣрно
Тамъ въ благоденствіи, въ богатствѣ, въ мирѣ
Свободные народы ликовали.
«Туда! туда! съ мечемъ, съ огнемъ войны!
Моей они должны поддаться власти,
И отъ меня удѣлъ счастливый свой
Принять, какъ даръ моей щедроты царской».
И онъ велѣлъ гремѣть трубѣ военной;

И раздалась труба, и пробудилась,
Минутный сонъ вкусивши, рать; и быстро
Ея потокъ, кипящій истребленьемъ,
Вдоль мирныхъ береговъ рѣки прекрасной
Къ ея истокамъ свѣтлымъ побѣжалъ.
И много дней, не достигая цѣли,
Велъ Александръ свои полки. Куда-же
Онъ наконецъ привелъ ихъ? Ко вратамъ
Эдема. Но предъ нимъ не отворился
Эдемъ; былъ стражъ у вратъ съ такимъ ужасно
Пылающимъ мечомъ, что задрожала
И Александрова душа, его
Увидя. «Стой,» сказалъ привратникъ чудный,
«Кто-бъ ни былъ ты, сюда дороги нѣтъ.»—
«Я царь земли» воскликнулъ Александръ,
Прогнѣванный нежданнымъ запрещеньемъ. —
«Царемъ земныхъ царей я здѣсь поставленъ,» —
«Я Александръ!» — «Ты самъ свой приговоръ,
Назвавшись, произнесъ; одни страстей
Мятежныхъ обуздатели, одни
Душой смиренные вратами жизни
Вступаютъ въ рай; тебѣ-жъ подобнымъ, міра
Грабителямъ, ненасытимо жаднымъ,
Рай затворенъ». На это Александръ:
«И такъ назадъ мнѣ должно обратиться,
Тогда какъ я уже стоялъ ногой
На этихъ ступеняхъ, туда проникнувъ,
Гдѣ отъ созданья міра ни одинъ
Изъ смертныхъ не бывалъ? По крайнѣй мѣрѣ
Дай знаменіе мнѣ, чтобы могла
Провѣдать вся земля, что Александръ
У вратъ Эдема былъ». На это стражъ:
«Вотъ знаменье! да просвѣтитъ оно
Твой темный умъ высокимъ разумѣньемъ;
Возьми!»—Онъ взялъ и въ путь пошелъ обратный;
А на пути, созвавши мудрецовъ,

Передъ собою знаменье велѣлъ
Имъ изъяснить. «Мнѣ! повторялъ онъ въ гнѣвѣ:
Мнѣ, Александру! Даръ такой презрѣнный!
Кусокъ истлѣвшей кости»!—«Сынъ Филипповъ,»
На то сказалъ одинъ изъ мудрецовъ:
«Не презирай истлѣвшей этой кости;
Умѣй спросить и дастъ тебѣ отвѣтъ».
Тутъ принести велѣлъ мудрецъ вѣсы;
Одну изъ чашъ онъ золотомъ наполнилъ;
Въ другую чашу кость онъ положилъ.
И... чудо! золото перетянула
Кость. Изумился Александръ; онъ вдвое
Велѣлъ насыпать золота; онъ самъ
Свой скипетръ золотой, свою корону,
И съ ними тяжкій мечъ свой бросилъ въ чашу—
Ни на волосъ она не опустилась.
Затрепеталъ на тронѣ царь могучій,
И онъ спросилъ: «Какою тайной силой
Нарушенъ здѣсь законъ природы? Чѣмъ
Ей власть ея возможно возвратить».—
«Щепоткою земли», сказалъ мудрецъ.
И бросилъ онъ на кость земли щепотку:
И чаша съ костью быстро поднялася,
И быстро чаша съ золотомъ упала.
Мудрецъ сказалъ: «великій Государь,
Былъ нѣкогда подобно твоему
Разрушенъ черепъ; въ немъ же эта кость
Была частицей впадины, въ которой
Глазъ, твоему подобный, заключался.
Глазъ человѣческій въ объемѣ малъ;
Но съ ненасытной жадностью объемлетъ
Онъ все, что насъ здѣсь въ области видѣній [1])
Такъ увлекательно плѣняетъ; цѣлый
Онъ міръ готовъ сожрать голоднымъ взоромъ.

---

[1]) Въ видимомъ мірѣ.

Все золото земное всыпьте въ чашу,
Всѣ скипетры и всѣ короны бросьте
На золото... все будетъ мало; но
Покрой его щепоткою земли—
И пропадетъ его ненасытимость;
Сквозь легкій праха грузъ ужъ не пробьется
Онъ жаднымъ взоромъ. Ты-жъ, великій царь,
Въ семъ знаменьи уразумѣй прямое
Значеніе и времени и жизни.—
Ненасытимости передъ тобою
Лежитъ символъ [1]) въ истлѣвшей этой кости».
Но царь внималъ съ поникшей головой,
Съ челомъ нахмуреннымъ. Вдругъ онъ вскочилъ;
Сверкнулъ на всѣхъ могучимъ окомъ льва
И возгласилъ такъ громко, что скалы
Окрестныя ужасный дали голосъ:
«Греми, труба, впередъ мои дружины!
Жизнь коротка; уходитъ время; стыдъ
Тому, кто жизнь и время праздно тратитъ»!
И вихрями взвился песокъ пустыни;
И рать великая, какъ змѣй съ отверстымъ
Голоднымъ зѣвомъ, шумно побѣжала
Къ предѣламъ Индіи. Завоеватель
Потоками лилъ кровь и побѣждалъ;
И съ каждою побѣдой разгорался
Сильнѣйшей жаждою побѣды новой,
И наконецъ они ему щепоткой
Земли глаза покрыли—онъ утихъ.

154. Повѣсть о Мудрецѣ Керимѣ.

Жилъ на востокѣ царь; а у царя
Жилъ во дворцѣ мудрецъ: онъ назывался
Керимъ, и царь его любилъ и съ нимъ
Бесѣдовалъ охотно. Разъ случилось,

[1]) Знакъ.

Что задалъ царь такой вопросъ Кериму:
Съ чѣмъ можемъ мы сравнить земную жизнь
И свѣтъ? Но на вопросъ мудрецъ не вдругъ
Отвѣтствовалъ; онъ попросилъ отсрочки
Сначала на день, послѣ на два, послѣ
На цѣлую недѣлю; наконецъ
Пришелъ къ царю и такъ ему сказалъ:
«Вопросъ твой, Государь, неразрѣшимъ.
Мой слабый умъ его объять не можетъ;
Позволь людей мудрѣйшихъ мнѣ спросить».
И въ путь Керимъ отправился искать
Отвѣта на вопросъ царя. Сначала
Онъ посѣтилъ одинъ богатый городъ,
Гдѣ, говорили, находился славный
Философъ; но философъ тотъ имѣлъ
Великолѣпный домъ, былъ другъ сердечный
Царя, жилъ самъ какъ царь, и упивался
Изъ полной чаши сладостію жизни.
Керимъ ему вопросъ свой предложилъ.
Онъ отвѣчалъ: «свѣтъ уподобить можно
Великолѣпной пировой палатѣ,
Гдѣ всякій часъ открытый столъ—садись,
Кто хочетъ, и пируй. Надъ головою
Гостей горятъ и ходятъ звѣзды неба;
Ихъ слухъ плѣняютъ звонкимъ хоромъ птицы;
Для нихъ цвѣты благоуханно дышатъ,
А на столахъ передъ ними безъ числа
Стоятъ съ ѣдою блюда золотыя,
И янтаремъ кипящимъ въ чашахъ блещетъ
Вино, и все кругомъ ласкаетъ чувства.
И гости весело сидятъ другъ съ другомъ,
Бесѣдуютъ, смѣются, шутятъ, спорятъ;
И новые подходятъ безпрестанно;
И каждому есть мѣсто; кто-жъ довольно
Насытился, встаетъ, и съ тѣми, кто
Сидѣли съ нимъ, простясь, уходитъ спать

Домой, хозяину сказавъ: спасибо
За угощенье! Вотъ свѣтъ и жизнь!»
Керимъ философу не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя-же
Такъ разсуждалъ: твоя картина, другъ
Философъ, невѣрна; не всѣ мы здѣсь
Съ гостями пьемъ, ѣдимъ и веселимся;
Не мало есть голодныхъ, одинокихъ
И плачущихъ. — Кериму тутъ сказали,
Что недалеко жилъ въ густомъ лѣсу
Отшельникъ набожный, смиренномудрый.
Ему убѣжищемъ была пещера;
Онъ спалъ на голомъ камнѣ; ѣлъ одни
Коренья, пилъ лишь воду; дни и ночи
Всѣ проводилъ въ молитвѣ. И не медля,
Къ нему отправился Керимъ. Отшельникъ
Ему сказалъ: «послушай: черезъ степь
Однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ
Верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать,
Храпѣть, бросаться; путникъ испугался
И побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда
Укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ
У самой онъ дороги водоемъ
Ужасной глубины, но безъ воды;
Изъ нѣдра темнаго его торчали
Вѣтвями длинными кусты малины,
Разросшейся межъ трещинами стѣнъ,
Покрытыхъ мохомъ старины. Въ него,
Гонимый бѣшенымъ верблюдомъ, путникъ
Въ испугѣ прянулъ; онъ за гибкій сукъ
Малины ухватился и повисъ
Надъ темной бездной. Голову поднявъ,
Увидѣлъ онъ разинутую пасть
Верблюда надъ собой: его схватить
Рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ

Глаза ко дну пустаго водоема:
Тамъ змѣй ворочался и на него
Зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая,
Что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ.
Такъ онъ висѣлъ на гибкой тонкой вѣткѣ
Межъ двухъ погибелей. И что-жъ еще
Ему представилось? Въ томъ самомъ мѣстѣ,
Гдѣ кустъ малины (за который онъ
Держался) корнемъ въ землю сквозь проломъ
Стѣны состарѣвшейся водоема
Входилъ, двѣ мыши, бѣлая одна,
Другая черная, сидѣли рядомъ
На корнѣ, и его поочередно
Съ большою жадностію грызли, землю
Со всѣхъ сторонъ скребли и обнажили
Всѣ вѣтви корня; а когда земля
Шумѣла, падая на дно, оттуда
Выглядывалъ проворно змѣй, какъ будто
Спѣша провѣдать, скоро-ль мыши корень
Перегрызутъ, и скоро-ль съ ношей кустъ
Къ нему на дно обрушится. Но что-же?
Вися надъ этимъ страшнымъ дномъ, безъ всякой
Надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ
На ближайшей вѣткѣ путникъ много ягодъ
Малины, зрѣлыхъ, крупныхъ: сильно
Желаніе полакомиться ими
Зажглося въ немъ; онъ все тутъ позабылъ:
И грознаго верблюда надъ собою,
И подъ собой на днѣ далекомъ змѣя,
И двухъ мышей коварную работу;
Оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда,
Внизу зіять голодной пастью змѣя,
И въ сторонѣ грызть корень и копаться
Въ землѣ мышей—а самъ рукой добравшись
До ягодъ, началъ ихъ спокойно рвать
И ѣсть; и страхъ его пропалъ. Ты спросишь:

Кто этотъ жалкій путникъ? *Человѣкъ.*
Пустыня-жъ съ водоемомъ *Свѣтъ*; а путь
Черезъ пустыню—наша *Жизнь* земная;
Гонящійся за путникомъ верблюдъ
Есть врагъ души, тревогъ создатель, *Грѣхъ*;
Намъ гибелью грозитъ онъ; мы-жъ безпечно
На вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездной
Гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта *Смерть*—
Тотъ змѣй, который, пасть разинувъ, ждетъ,
Чтобъ вѣтка тонкая переломилась.
А мыши? Ихъ названье—*День* и *Ночь*;
Безъ отдыха, смѣняяся, онѣ
Работаютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку жизни,
Которая межъ смертію и свѣтомъ
Тебя не вѣрно держитъ, перегрызть;
Прилежно черная грызетъ всю ночь,
Прилежно бѣлая грызетъ весь день;
А ты, прельщенный ягодой душистой,
Усладой чувствъ, желаній утоленьемъ,
Забылъ и грѣхъ—верблюда въ вышинѣ,
И смерть—внизу зіяющаго змѣя,
И быструю работу дня и почи —
Мышей грызущихъ тонкій корень жизни;
Ты все забылъ—тебя манитъ одно
Невѣрное минуты наслажденье.
Вотъ свѣтъ и жизнь и смертный человѣкъ.
Доволенъ-ли ты повѣстью моею?»
Керимъ отшельнику не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя-же
Такъ разсуждалъ: «святой отшельникъ, твой
Разсказъ замысловатъ, но моего
Вопроса онъ еще не разрѣшилъ;
Не такъ печальна наша жизнь, какъ степь,
Ведущая къ одной лишь безднѣ смерти;
И не однимъ минутнымъ наслажденьемъ

Плѣняется безпечно человѣкъ».
И ѣхалъ онъ, куда глаза глядятъ.
Вотъ повстрѣчался съ нимъ какой-то странный,
Убогимъ рубищемъ покрытый путникъ.
Онъ шелъ босой: черезъ плечо висѣла
Котомка; въ ней-же было много хлѣба,
Плодовъ и всякаго добра; онъ самъ,
Казалось, былъ веселаго ума,
Глаза его сверкали остротою,
И на лицѣ пріятно выражалось
Простосердечіе. Керимъ подумалъ:
Задамъ ему на всякій случай мой
Вопросъ! Быть можетъ, дѣло скажетъ этотъ
Чудакъ. И онъ у нищаго спросилъ:
«Съ чѣмъ можно намъ сравнить земную жизнь
И свѣтъ?»—«На это у меня въ запасѣ
Есть повѣсть, нищій отвѣчалъ. Послушай:
Одинъ *нѣмой* сказалъ *слѣпому:* если
Увидишь ты *арфиста*, попроси
Его ко мнѣ, чтобъ сына моего,
Въ унылость впавшаго, своей игрою
Развеселилъ. На то сказалъ *слѣпой:*
Такого мнѣ *арфиста* ужъ случалось
Видѣть здѣсь; я *безногаго* за нимъ
Отправлю; онъ его во одну минуту
Найдетъ. *Безногій* побѣжалъ и скоро
Нашелъ *арфиста*; былъ *арфистъ* безъ рукъ,
Но онъ упрямиться не сталъ, и такъ
Прекрасно началъ на безструнной арфѣ
Играть, что меланхоликъ безъ ума
Расхохотался; то *слѣпой* увидя,
Всплеснулъ руками; вслухъ *нѣмой* хвалить
Сталъ музыканта, а *безногій* началъ
Плясать и такъ распрыгался, что много
Сбѣжалося людей, и изъ толпы
Вдругъ выскочилъ *дуракъ*: онъ изъявилъ

Арфисту, прыгуну и всѣмъ другимъ
Свое благоволенье. Мимо нихъ
Прошла тихонько *Мудрость*, и, увидя,
Что дѣлалось, шепнула про себя:
«Таковъ смѣшной, безумный, жалкій свѣтъ
И такова на свѣтѣ наша жизнь.
Доволенъ-ли ты повѣстью моею?»
Керимъ прохожему не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя-же
Такъ разсуждалъ: затѣйливъ твой разсказъ;
Но моего вопроса не рѣшилъ онъ.
Хотя мы въ жизни много пустоты,
Дурачества и лжи встрѣчаемъ, но
И высшая значительность, и правда
Святая въ ней заключены благимъ
Создателемъ. Подумавъ такъ, рѣшился
Керимъ отправиться въ обратный путь,
Чтобъ донести царю, что никакого
Не удалось ему найти отвѣта
На заданный вопросъ. Дорогой онъ
Молился Богу, чтобъ своею правдой
Богъ просвѣтилъ его разсудокъ темный
И жизни таинство ему открылъ.
И предъ царя явился онъ съ веселымъ
Лицемъ, и все, что свѣдалъ отъ другихъ,
Ему пересказалъ; а царь спросилъ:
«Что-жъ напослѣдокъ самъ теперь, Керимъ,
Ты думаешь?»—«Сперва благоволи,»
Сказалъ Керимъ, «услышать, что со мной
Самимъ случилось на пути. Извѣстно
Тебѣ, что я лишь только по твоей
Высокой волѣ въ этотъ трудный путь
Отправился, что, милостію царской
Хранимый, я вездѣ проводниковъ
Имѣлъ, и пищу находилъ дневную,

И никакихъ не испыталъ тревогъ;
Что-жъ на дорогѣ добраго, худаго
Мнѣ повстрѣчалося, о томъ нѣтъ нужды
Упоминать—оно ничто въ сравненьи
Съ той бездной благъ, какими ты такъ щедро,
Мой царь, меня осыпалъ. И мое
Одно желанье было: *угодить*
Тебѣ, съ усердіемъ стараясь правду
Найти между людьми, чтобъ, возвратившись,
Тебѣ отчетъ принесть въ своихъ трудахъ.
Теперь ты самъ рѣши по царской правдѣ:
Достоинъ-ли я милости твоей!»
Царь, не сказавъ ни слова, подалъ руку
Въ знакъ милости Кериму. Умиленно
Керимъ ее поцѣловалъ; потомъ
Промолвилъ: «такъ я думалъ про себя
Во время странствія. Но, подходя
Къ твоимъ палатамъ царскимъ и печалясь,
Что безъ малѣйшія передъ тобой
Заслуги нынѣ я къ тебѣ, мой царь,
Былъ долженъ возвратиться, вдругъ у самой
Обители твоей, какъ скорлупа
Съ моихъ упала глазъ, и я постигнулъ,
Что наша жизнь есть *странствіе по свѣту*
Такое-жъ, какъ мое, *во исполненье*
Верховной воли высшаго Царя.»
Мудрецъ умолкъ; а царь ему сказалъ:
«Другъ вѣрный, будь моимъ отцомъ отнынѣ.»

155. Маттео Фальконе.

(Корсиканская повѣсть).

Въ кустахъ, которыми была покрыта
Долина Порто-Веккіо, со всѣхъ
Сторонъ звучали голоса и часто
Гремѣли выстрѣлы; то былъ отрядъ

Разсыльныхъ егерей; они ловили
Бандита стараго, Санпьеро; но
Проворно межъ кустовъ ныряя, въ руки
Имъ не давался онъ, хотя на вылетъ
Прострѣленъ пулей былъ. И вотъ на верхъ
Горы взбѣжавъ, онъ хижины достигнулъ,
Въ которой жилъ съ своей семьей Маттео
Фальконе, но къ несчастью въ это время
Одинъ лишь мальчикъ, сынъ его, былъ дома.
Онъ у воротъ стоялъ и на долину
Смотрѣлъ, прислушиваясь къ шуму. Вдругъ
Изъ ближнихъ выбѣжавъ кустовъ, Санпьеро
Бросается къ нему и говоритъ:
«Спаси меня: я раненъ: егеря
За мною гонятся; они ужъ близко!—
«Да я одинъ, отца нѣтъ дома; съ нимъ
Ушла и мать.»—«Что нужды! спрячь меня
Скорѣй».—«Да что отецъ на это скажетъ?»—
«Отецъ тебя похвалитъ: отъ меня же
На память вотъ тебѣ монета».—Мальчикъ
Монету взявши, ввелъ на дворъ Санпьеро;
Онъ спрятался тамъ въ сѣно; Фортунато-жъ
(Такъ звали мальчика) проворно сѣномъ
Его закрылъ и кровь втопталъ въ песокъ,
И видъ спокойный принялъ. Въ этотъ мигъ
Вбѣжалъ на дворъ съ своими Гамба (главный
Разсыльщикъ; онъ былъ родственникъ Маттео).
«Не попадался-ли тебѣ Санпьеро!»
У мальчика спросилъ онъ: «вѣрно здѣсь
Его ты видѣлъ».—«Нѣтъ, я спалъ».—«Ты лжешь;
Когда стрѣляютъ, спать нельзя».—«Да мой
Отецъ стрѣляетъ громче васъ, а я
И тутъ не просыпаюсь»—«Отвѣчай-же:
Куда ушелъ Санпьеро? Ты его
Здѣсь видѣлъ; правду говори, не то
Тебѣ достанется».—«Попробуй тронуть

Меня хоть пальцемъ; мой отецъ Маттео
Фальконе, знаешь»?—«Твой отецъ тебя
За то, что лжешь ты, высѣчетъ».—«Анъ нѣтъ,
Не высѣчетъ».—«Да гдѣ-же твой отецъ?»—
«Онъ въ лѣсъ пошелъ за дичью; видишь самъ,
Что я одинъ».—Къ товарищамъ тогда
Въ недоумѣньи обратившись, Гамба
Сказалъ: «кровавый слѣдъ привелъ насъ прямо
Сюда; онъ вѣрно здѣсь; но этотъ домъ
Обыскивать не стану я: съ Маттео
Фальконе ссориться опасно».—Гамба
Стоялъ нахмурившись и тыкалъ въ сѣно
Своимъ штыкомъ, не думая, чтобъ тамъ
Санпьеро спрятанъ былъ; а Фортунато,
Какъ будто безъ намѣренья, цѣпочкой
Часовъ его играя, непримѣтно
Его отвесть отъ мѣста роковаго
Старался. Гамба, вынувъ изъ кармана
Часы, сказалъ: «я ужъ давно тебѣ
Подарокъ, Фортунато, приготовилъ.
Вѣдь у тебя до сихъ поръ нѣтъ часовъ?»—
«Отецъ сказалъ, что мнѣ ихъ дастъ, какъ скор
Двѣнадцать лѣтъ мнѣ будетъ».—«А тебѣ
Теперь лишь только десять. Эта пѣсня
Долга. Вотъ посмотри сюда, какіе
Прекрасные часы».—И онъ на солнцѣ
Вертѣлъ ихъ, и они сверкали ярко.
Глазами жадными за ними бѣгалъ
Встревоженный ихъ блескомъ Фортунато...
Футляръ съ эмалью, стрѣлки золотыя,
И голубой узорный циферблатъ.
«Ну что-же, гдѣ Санпьеро?—«А часы
Ты дашь мнѣ?»—«Дамъ». И Гамба поднялъ
Часы; какъ чаша роковыхъ вѣсовъ,
Надъ головой ребенка, раза два
Шатнувшися, они остановились.

Онъ искушенія не вынесъ; въ немъ
Вся внутренность зажглась; какъ въ лихорадкѣ
Онъ задрожалъ, и, правую тихонько
Поднявши руку, вдругъ, какъ звѣрь когтями,
Схватилъ часы, а лѣвою рукою,
Закинувъ за спину ее, въ молчаньи
На сѣно Гамбѣ указалъ. Безъ словъ
Былъ конченъ торгъ кровавый. Фортунато,
Добычу взявъ, о проданной имъ жертвѣ
Забылъ. Санпьеро изъ подъ сѣна тутъ же
Былъ вытащенъ; съ презрѣньемъ поглядѣлъ онъ
На мальчика, и, въ руки егерямъ
Отдавшися, сказалъ: «другъ Гамба, ты
Ужъ въ этомъ мнѣ конечно не откажешь,
Найди носилки: я идти не въ силахъ;
Весь кровью изошелъ я; признаюсь,
Стрѣлять ты мастеръ, и въ меня такъ ловко
Попалъ, что ужъ теперь со мной конецъ;
Но видѣть могъ ты также, что и я
Не промахъ».—И о немъ, какъ о родномъ
(Любя за храбрость и врага), они
Заботиться усердно принялися.
Ему хотѣлъ монету Фортунато
Отдать назадъ; но молча оттолкнулъ
Онъ мальчика, который, уронивъ
Монету, отошелъ краснѣя въ уголъ.
Маттео, въ это время возвращаясь
Съ женою изъ лѣса, гостей незванныхъ
Увидѣлъ въ хижинѣ; поспѣшно онъ
Свое ружье на выстрѣлъ приготовилъ,
И подалъ знакъ женѣ, чтобъ и она
Съ другимъ ружьемъ была готова. Смѣло
И осторожно онъ подходитъ. Гамба,
Его вдали узнавши, закричалъ:
«Маттео, это мы, друзья!» И тихо,
Въ его лицо всмотрѣвшися, онъ дуло

Ружья нацѣленнаго опустилъ.
«Маттео»—Гамба продолжалъ, къ нему
На встрѣчу вышедъ—«мы лихаго
Поймали звѣря; но добыча эта
Намъ дорого досталась: двое изъ нашихъ
Легли».—Кого?—«Саньеро, твоего
Пріятеля; вѣдь онъ и у тебя
Укралъ двухъ козъ».—«То правда! но большая
Семья у бѣдняка; а голодъ, знаешь,
Не свой братъ».—«Вотъ стрѣлокъ! Отъ насъ бы вѣрно
Онъ ускользнулъ, когда-бъ не Фортунато!»—
Маттео вскрикнулъ.—Фортунато!—мать
Со страхомъ повторила.—«Да, Саньеро
Здѣсь въ сѣно спрятался; а Фортунато
Его и выдалъ намъ; за это всѣ вы
Получите спасибо отъ начальства».—
Холоднымъ потомъ обдало Маттео;
Онъ въ хижину вошелъ. Тамъ егеря
Вкругъ старика, который чуть дышалъ,
Отъ раны изнемогши, суетились;
И, чтобъ ему лежать покойнѣй было,
Свои плащи постлали на носилки.
Не шевелясь и молча, онъ смотрѣлъ
На ихъ работу; но какъ скоро шумъ
Услышалъ и глаза поднявъ, увидѣлъ
Въ дверяхъ стоявшаго Маттео, громко
Захохоталъ, и страшенъ былъ тотъ хохотъ.
Онъ плюнулъ на стѣну, и, задыхаясь,
Глухимъ, осиплымъ голосомъ сказалъ:
«Будь проклятъ этотъ домъ; Іуды здѣсь
Предатели живутъ!»—Какъ полотно,
Маттео поблѣднѣлъ и кулакомъ
Себя ударилъ въ лобъ; онъ былъ какъ мертвый,
Стоялъ безгласно. Вотъ ужъ старика
Уклали на носилки, понесли
Изъ хижины: вслѣдъ за другими Гамба,

Хозяину пожавши руку, вышелъ;
И вотъ ужъ всѣ пропали за кустами...
Маттео ничего не замѣчалъ;
Онъ, губы стиснувъ, яростно и страшно
Смотрѣлъ на сына. Фортунато, робко
Подкравшися, хотѣлъ отцову руку
Поцаловать; Маттео вздрогнулъ: прочь!
У мальчика подрѣзалися ноги:
Не въ силахъ былъ онъ убѣжать, и блѣдный,
Къ стѣнѣ прижавшись, плакалъ и дрожалъ.
«Моя-ль въ немъ кровь?» сверкнувши на жену
Глазами тигра, закричалъ Маттео?..»
Рыдающая мать, взглянувъ на сына,
Увидѣла часы.—Кто далъ тебѣ ихъ?
Она спросила.—«Дядя Гамба».—Вырвавъ
Съ свирѣпымъ бѣшенствомъ изъ рукъ у сына,
Часы, ударилъ о́земь ихъ Маттео,
И въ дребезги они разбились. Долго
Потомъ, какъ будто въ забытьи, стучалъ
Ружьемъ онъ въ полъ; потомъ, очнувшись, сыну
Сказалъ: «за мной!»—И онъ пошелъ; за нимъ
Пошелъ и сынъ. Неся ружье подъ мышкой,
Онъ прямо путь направилъ къ лѣсу. Мать,
Схвативъ его за полу платья: «онъ
Твой сынъ! твой сынъ!» кричала. Вырвавъ полу
Изъ рукъ ея, онъ прошепталъ: «а я
Его отецъ, пусти».—Поцѣловавши
Съ отчаяньемъ невыразимымъ сына,
И руки судорожно сжавъ, въ дверяхъ
Осталась мать, чтобы хотя глазами
Ихъ проводить; когда-жъ они изъ глазъ
Вдали исчезли, плача и рыдая
Передъ Мадонною она упала.
Маттео, въ лѣсъ вошедши, на полянѣ,
Деревьями густыми окруженной,
Остановился. Землю онъ ружьемъ

Копнулъ: земля рыхла. «Стань на колѣни,
Ребенку онъ сказалъ, читай молитву!»
Ставъ на колѣни, мальчикъ руки поднялъ
Къ отцу и завизжалъ: «отецъ, прости
Меня; не убивай меня, отецъ!»—
«Читай молитву».—Мальчикъ, задыхаясь,
Пролепеталъ со страхомъ: Отче нашъ
И Богородицу. «Ты кончилъ?»—Нѣтъ,
Еще одну я знаю литанею;
Ее мнѣ выучить отецъ Франческо
Велѣлъ.—«Она длинна; но съ Богомъ».—Дуломъ
Ружья подперши локоть, онъ руки сжалъ
И про себя за сыномъ повторилъ
Его молитву. Кончивъ литанею,
Сынъ замолчалъ. «Готовъ ты?»—Ахъ, отецъ,
Не убивай меня.—«Готовъ ты?»—Ахъ!
Прости меня, отецъ.—«Тебя проститъ
Всевышній Богъ». И выстрѣлъ загремѣлъ...
Отъ мертваго отворотивъ глаза,
Пошелъ назадъ Маттео. На ногахъ онъ
Былъ твердъ: но жизни не было въ его
Лицѣ; съ подпорой старости своей
И сердце онъ свое убилъ. Онъ шелъ
За заступомъ, чтобы могилу вырыть
И тѣло схоронить. Ему навстрѣчу,
Услышавъ выстрѣлъ, кинулась жена:
«Мое дитя! нашъ сынъ! что сдѣлалъ ты,
Маттео?»—«Долгъ свой! Тамъ онъ на полянѣ
Лежитъ. По немъ поминки будутъ: онъ
Какъ христіанинъ, умеръ съ покаяньемъ;
Господь его младенческую душу
Помилуетъ и успокоитъ. Ты же,
Когда сберешься съ силой, объяви
Паоло, зятю нашему, мою
Рѣшительную волю, чтобъ нынче-жъ
Къ намъ на житье съ женой переселился».

156. Изъ сказки объ Иванѣ Царевичѣ.

Иванъ Царевичъ изъ саду [1]) съ царевной
Еленою прекрасной вышелъ, взять
Не позабывши гусли самогуды,
Жаръ-птицу и коня Золотогрива.
Когда-жъ они съ крутой горы спустились
И, сѣвши на коней, въ обратный путь
Поѣхали, гора, ужасно затрещавъ,
Упала съ замкомъ, и на мѣстѣ томъ
Явилось озеро и долго черный
Надъ нимъ клубился дымъ, распространяясь
По всей окрестности съ великимъ смрадомъ.
Тѣмъ временемъ Иванъ Царевичъ, давъ
Конямъ на волю ихъ везти, какъ имъ
Самимъ хотѣлось, весело съ прекрасной
Невѣстой ѣхалъ. Скатерть самобранка
Усердно имъ дорогою служила.
И былъ всегда готовъ имъ вкусный завтракъ,
Обѣдъ и ужинъ въ надлежащій часъ:
На муравѣ душистой утромъ, въ полдень
Подъ деревомъ густовершиннымъ, ночью
Подъ шелковымъ шатромъ, который былъ
Всегда изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ
Составленъ. И за каждой ихъ трапезой
Играли гусли самогуды; ночью
Свѣтила имъ жаръ птица, а дубинка
Стояла на часахъ передъ шатромъ;
Кони-же, подружась, гуляли вмѣстѣ,
Каталися по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль, голову кладя поочередно
Другъ другу на спину, спокойно спали.
Такъ ѣхали они путемъ-дорогой,

---

[1]) Изъ сада Кощея-чудовища, котораго онъ убилъ, спасая царевну.

И наконецъ пріѣхали въ то царство,
Которымъ властовалъ отецъ Ивана
Царевича, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ. И царство все отъ самыхъ
Его границъ до царскаго дворца
Объято было сномъ непробудимымъ [1]);
И гдѣ они ни проѣзжали, все
Тамъ спало; нá полѣ передъ сохой
Стояли спящіе волы; близъ нихъ
Съ своимъ бичемъ, взмахнутымъ и заснувшимъ
На взмахѣ, пахарь спалъ; среди большой
Дороги спалъ ѣздокъ съ конемъ, и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижимымъ клубомъ
Стояла; въ воздухѣ былъ мертвый сонъ;
На деревахъ листы дремали молча;
И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы;
Въ селеньяхъ, городахъ, все было тихо,
Какъ будто въ гробѣ: люди по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все: собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ,
Все спало. Такъ въ отцовскую столицу
Иванъ Царевичъ напослѣдокъ прибылъ
Съ царевною Еленой прекрасной.
И на широкій въѣхавъ царскій дворъ,
Они на немъ лежащіе два трупа
Увидѣли: то были Климъ и Петръ
Царевичи, убитые Кощеемъ.
Иванъ царевичъ, мимо караула,
Стоявшаго въ парадѣ соннымъ строемъ,
Прошедъ, по лѣстницѣ повелъ невѣсту
Въ покои царскіе. Былъ во дворцѣ,
По случаю прибытія двухъ старшихъ

---

[1]) Этотъ сонъ навелъ на царство Кощей.

Царевыхъ сыновей, богатый пиръ
Въ тотъ самый часъ, когда убилъ обоихъ
Царевичей и сонъ на весь народъ
Навелъ Кощей: весь пиръ въ одно мгновенье
Тогда заснулъ; кто какъ сидѣлъ, кто какъ
Ходилъ, кто какъ плясалъ; и въ этомъ снѣ
Еще ихъ всѣхъ нашелъ Иванъ Царевичъ;
Демьянъ Даниловичъ спалъ стоя; подлѣ
Царя храпѣлъ министръ его двора
Съ открытымъ ртомъ, съ неконченнымъ во рту
Докладомъ; и придворные чины,
Всѣ вытянувшись, сонные стояли
Передъ царемъ, уставивъ на него
Свои глаза, потухшіе отъ сна,
Съ подобострастіемъ на сонныхъ лицахъ,
Съ заснувшею улыбкой на губахъ.
Иванъ Царевичъ, подошедъ съ царевной
Еленою прекрасною къ царю,
Сказалъ: «играйте, гусли-самогуды!»
И заиграли гусли самогуды...
Вдругъ все очнулось, все заговорило,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не былъ прерванъ пиръ:
А царь Демьянъ Даниловичъ, увидя,
Что передъ нимъ съ царевною Еленой
Прекрасною стоитъ Иванъ Царевичъ,
Его любимый сынъ, едва совсѣмъ
Не обезумѣлъ: онъ смѣялся, плакалъ,
Глядѣлъ на сына, глазъ не отводя
И целовалъ его, и миловалъ,
И напослѣдокъ такъ развеселился,
Что руки въ боки, и пошелъ плясать
Съ царевною Еленой прекрасной.
Потомъ онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ,
Звонить въ колокола и бирючамъ [1])

[1]) Люди, которые объявляли въ старину княжескую волю.

Столицѣ возвѣстить, что возвратился
Иванъ Царевичъ, что ему полцарства
Теперь-же уступаетъ царь Демьянъ
Даниловичъ, что онъ наименованъ
Наслѣдникомъ, что завтра бракъ его
Съ царевною Еленой совершится
Въ придворной церкви и что царь Демьянъ
Даниловичъ весь свой народъ зоветъ
На свадьбу къ сыну, всѣхъ военныхъ, статскихъ
Министровъ, генераловъ, всѣхъ дворянъ
Богатыхъ, всѣхъ дворянъ мелкопомѣстныхъ,
Купцовъ, мѣщанъ, простыхъ людей и даже
Всѣхъ нищихъ. И на слѣдующій день
Невѣсту съ женихомъ повелъ Демьянъ
Даниловичъ къ вѣнцу: когда-же ихъ
Перевѣнчали, тотчасъ поздравленье
Имъ принесли всѣ знатные чины
Обоихъ половъ; а народъ на площади
Дворцовой той порой кипѣлъ какъ море;
Когда же вышелъ съ молодыми царь
Къ нему на золотой балконъ, отъ крика:
*Да здравствуетъ нашъ Государь Демьянъ
Даниловичъ съ наслѣдникомъ Иваномъ
Царевичемъ и съ дочерью Царевной
Еленою прекрасною!* всѣ зданья
Столицы дрогнули и отъ взлетѣвшихъ
На воздухъ шапокъ Божій день затмился.
Вотъ на обѣдъ всѣ званые царемъ
Сошлися гости—вся его столица;
Въ домахъ осталися одни больные,
Да дѣти, кошки и собаки. Тутъ
Свое проворство скатерть самобранка
Явила: вдругъ она на цѣлый городъ
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами, и столы
По улицамъ въ два ряда протянулись;

На всѣхъ столахъ сервизъ былъ золотой
И не стекло, хрусталь; а подъ столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всѣмъ гостямъ служили
Гайдуки въ золотыхъ ливреяхъ. Былъ
Обѣдъ такой, какого никогда
Никто не слыхивалъ: уха какъ жидкій
Янтарь, сверкавшая въ большихъ кастрюляхъ,
Огромножирныя длиною въ сажень
Изъ Волги стерляди на золотыхъ
Узорныхъ блюдахъ, кулебяка съ сладкой
Начинкою, съ груздями гуси, каша
Съ сметаною, блины съ икрою свѣжей
И крупной какъ жемчугъ, и пироги
Подовые, потопленные въ маслѣ;
А для питья шипучій квасъ въ хрустальныхъ
Кувшинахъ, мартовское пиво, медъ
Душистый и вино изъ всѣхъ земель:
Шампанское, венгерское, мадера
И ренское, и всякія наливки.

157. Овсяный кисель.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву.
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться.
Кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь Богъ сказалъ: поди домой, не заботься.
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ и созрѣетъ.
Слушайте-жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и мирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго, долго
Спитъ онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ, и не пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,

Сокъ изъ роднаго зерна, и ростетъ и невидимо зрѣетъ:
Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
Что-жъ?.. Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ... «Какъ бы провѣдать,
«Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?...» Тайкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли... Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо!
Смотришь — Господь Богъ Ангела шлетъ къ нему съ неба:
«Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй».
Пьетъ онъ... ахъ, какъ же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко, вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ: прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
«Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точитъ облачко́ дождевое.
Смотришь: померкло; вдругъ каплетъ, вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ, но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.
«Нѣтъ (говоритъ онъ) теперь ужъ подъ землю меня не заманятъ.
«Что мнѣ въ потемкахъ? здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ».
Кушайте, свѣты мои, на здоровье! Господь васъ помилуй.
Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.
Ахъ, мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ? какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ! земля заперлась и негдѣ взять пищи.
«Гдѣ же», онъ думаетъ «красное солнышко? Что не выходитъ?
«Или боится замерзнуть, или его нѣтъ на свѣтѣ?
«Ахъ, зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко! дома
«Было мнѣ лучше, сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею».
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется
Вчужѣ межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
«Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣлъ у родимой за печкой...»
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майской

Свѣжесть повѣяла... Солнышко яркое на горы вышло,
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цалуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.
Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами:
Вишня въ саду зацвѣла; зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо.
Наша былиночка думаетъ: «я назади не останусь!»
Кстати-ль! листки распустила... кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался... кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ...
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ:
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ,
Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: «я знаю, что будетъ».
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей многія лѣта;
Въ сумерки-жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ посвѣтить ей въ потемкахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье, Господь васъ помилуй.
Вотъ ужъ Троицынъ день миновался, и сѣно скосили,
Собраны вишни, въ саду ни одной не осталося сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, ячмень, и пшеницу, и просо;
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброшенный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка...
Что-то былиночка дѣлаетъ? О ужъ давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернушекъ; гнется и думаетъ: «полно,
«Время мое миновалось: зачѣмъ мнѣ одной оставаться
«Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?»
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука и Дуняша;
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; уже молотили

Съ трехъ часовъ поутру до пяти пополудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть; и зернышки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшечекъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали спасибо.

158. Воскресное утро въ деревнѣ.

Слушай, дружокъ! (говоритъ воскресенью суббота) деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ покойно;
Время и мнѣ на покой; меня одолѣла дремота:
Полночь близко!... И только успѣла суббота промолвить:
«Полночь!» а полночь ужъ тутъ и ее принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ воскресенье;
Легкой рукою, тихохонько двери свои отворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта; все спитъ, иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой воскресенье.
Въ рощу заглянетъ—тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ—тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрестность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися и молча
Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбище—могилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что дышитъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ—и тамъ все спокойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ, какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни. Спокойно на паперти сѣвъ, воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ утро

На небѣ тронулось... тронулось утро; во тьму и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть... пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шепнуло:
«Солнышко встань!...» И разомъ подернулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ пролетѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучемъ полились, облака зажигая...
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась и видитъ: стоитъ воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя на солнцѣ,
«Доброе утро!» всѣмъ говоритъ. И торжественно тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо трудной недѣлѣ;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ, и въ одеждѣ воскресной
Старый и малый идутъ на молитву... въ деревнѣ молчанье;
Въ церкви дымятся кадила, и тихое слышится пѣнье.

ОТДѢЛЪ VI.

159. Пѣснь о великомъ князѣ Владимірѣ.

I.

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
Свершился обрядъ обвѣнчанья [1]),
Идетъ со княгиней Владиміръ назадъ;
Вдоль улицъ старинныхъ до свѣтлыхъ палатъ
Кругомъ ихъ толпы ликованье.

И князь говоритъ:—Я построю вамъ храмъ
На память, что здѣсь я крестился,
А городъ Корсунь возвращаю я вамъ,
И выкупъ обратно всецѣло отдамъ,
Зане [2]) я душею смирился!

Застольный гремитъ, заливаяся, хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселіемъ блещетъ Владиміра взоръ,
И строить готовится новый соборъ
Крещеная съ княземъ дружина.

Приносится яшма водой и гужомъ,
И мраморъ привозится бѣлый,
И быстро Господенъ возносится домъ,
И ярко на полѣ горятъ золотомъ
Иконы муссійскаго дѣла [3]).

---

[1]) Въ городѣ Корсунѣ, гдѣ Владиміръ принялъ крещеніе и вѣнчался съ греческой царевной.

[2]) Старинное слово вм. *потому что*.

[3]) Мозаичная работа.

И въ запуски князя синклитъ и сенатъ [1])
И сколько тамъ грековъ ни сталось,
Всю зиму пирами честятъ да честятъ;
Но молвитъ Владиміръ: — Пора мнѣ назадъ,
По Кіевѣ мнѣ встосковалось!
— Вы отроки, други, спускайте ладьи;
Трубите дружинѣ къ отбою,
Кленовыя весла берите свои;
Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи,
И въ рощахъ запахло весною;
— Спускайте-жъ ладьи, бо [2]) и ночью и днемъ
Я гласу немолчному внемлю:
Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ,
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ русскую землю.

II.

По лону Днѣпровскихъ сіяющихъ водъ
Гдѣ, празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ, и цвѣтетъ, и поетъ,
Владиміръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву-граду.
Все звонкое птаство [3]) летаетъ кругомъ.
Ликуючи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ.
Забыла княгиня и слезы, и страхъ:
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она, съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣетъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая.

---

[1]) Духовенство и вельможи.
[2]) Старинное слово вм. *ибо*.
[3]) Птицы.

Плыветъ и священства, и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владиміра рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ [1]),
Они оглашаютъ Днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ [2]).

Когда-жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ начинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины [3])

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше ростетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.

Владиміръ съ княжаго сѣдалища всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ [4]),
Открылося новое зрѣнье:

Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владиміру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

Народъ, издалека ихъ поѣздъ узнавъ,
Столпился на берегъ, и много,
Скитавшихся робко безъ крова и правъ,
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славятъ спасителя-Бога.

---

[1]) Черное море.

[2]) Церковный напѣвъ въ греческомъ богослуженіи, иначе называемый *осьмигласный*.

[3]) Пѣсня про русскихъ богатырей.

[4]) Т. е. христіанской вѣры.

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
— Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ, да топоръ,
Но время настало,—и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною!
Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!
Гребите-же, други, гребите сильнѣй,
На весла дружнѣй налегайте!
И на-берегъ вышелъ душой возрожденъ,
Владиміръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ—
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

Гр. А. Толстой.

160. Изъ былины «Змѣй Тугаринъ».

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ средь могучихъ бояръ,
Близъ стольнаго Кіева-града,
Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованныхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
И молвитъ Владиміръ: Чтъ-жъ нѣту пѣвцовъ?
Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада!
И вотъ незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
— Ай, рожа, ай, страшная рожа!
И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ:
—Владычество смѣлымъ награда!
Ты, княже, могучъ и казною богатъ,
И помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ—

Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
—Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ,
Настанетъ тяжелое время,
Обнимутъ твой Кіевъ и пламя, и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золоченое стремя! [1])
И вспыхнулъ Владиміръ при словѣ такомъ,
Въ очахъ загорѣлась досада,
Но вдругъ засмѣялся, и хохотъ кругомъ
Въ рядахъ прокатился, какъ по-небу громъ.
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
Смѣется Владиміръ и съ нимъ сыновья,
Смѣется, потупясь, княгиня,
Смѣются бояре, смѣются князья,
Удалый Поповичъ, и старый Илья,
И смѣлый Никитичъ Добрыня [2]).
Но тотъ продолжаетъ, осклабивши пасть:
—Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!
И съ честной поссоритесь вы стариной,
И предкамъ великимъ на сором̂ъ,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: станемъ къ варягамъ спиной,
Лицомъ, повернемся къ Ободорамъ! [3])
—Стой! молвитъ, поднявшись, Добрыня: не смѣй
Пророчить такого намъ горя!
Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей:
Ты старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй,
Приплывшій отъ Чернаго моря!
На крыльяхъ бумажныхъ ночною порой
Ты часто вкругъ Кіева-града

---

[1]) Т. е. будутъ рабами
[2]) Всѣ русскіе богатыри.
[3]) Т. е. отвернемся отъ Европы и примкнемъ къ Азіи.

Леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой
Поподчую я каленою стрѣлой—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
И началъ Добрыня натягивать лукъ,
И вотъ на потѣху народу,
Струны богатырской послышавши звукъ,
Во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ
И съ шипомъ бросается въ воду.
«Тьфу, гадина!» молвилъ Владимiръ и носъ
Зажалъ отъ несноснаго смрада:
«Чего ужъ онъ въ скаредной пѣсни не несъ—
Но благо удралъ отъ Добрынюшки песъ.»
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
А змѣй, по Днѣпру разстилаясь, плыветъ,
И смѣхомъ преслѣдуя гада,
По немъ улюлюкаетъ русскiй народъ:
—Чай пѣсни теперь уже намъ не споетъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
Смѣется Владимiръ: «Вишь, выдумалъ намъ
Какимъ угрожать онъ позоромъ!
Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!
Нѣтъ, шутишь! живетъ наша русская Русь,
Татарской намъ Руси не надо!
Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь,
За честь нашей родины я не боюсь».—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
А еслибъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
«Бываетъ, промолвилъ свѣтъ-солнышко князь,
Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
Купаться въ ней—свиньи лишь могутъ!
Подайте-жъ мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ,

Добытую съ ханомъ хозарскимъ въ бою—
За Русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!
Я пью за варяговъ, за дѣдовъ лихихъ,
Кѣмъ русская сила подъята,
Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ грекъ пріутихъ,
За синее море, которое ихъ,
Шумя, принесло отъ заката!»
И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ,
Какъ плескъ лебединаго стада,
Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
Народъ отвѣчаетъ· За князя мы пьемъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
—Да правитъ по-русски онъ русскій народъ,
А хана намъ даромъ не надо!
И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройдетъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
Пируетъ Владиміръ, со свѣтлымъ лицомъ,
Въ груди богатырской отрада;
Онъ вѣритъ: побѣдно мы горе пройдемъ,
И весело слышать ему надъ Днѣпромъ:
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники града,
Пируетъ весь Кіевъ, и молодъ, и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованныхъ чаръ!
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Гр. А. Толстой.

161. Ханъ Батый.

I.

По рязанскимъ лѣсамъ и по пустошамъ
Завелося подъ осень не доброе:
Кто ихъ знаетъ тамъ—марево, али и зарево?
Вотъ встаетъ тебѣ къ небу, съ полуночи,

Красный столбъ сполыньей бѣломорскою[1]).
Вотъ калякаетъ кто-то, калякаетъ...
По деревьямъ топоръ ровно звякаетъ...
А кому тамъ и быть, коль не лѣшему?
Нѣтъ дороги ни конному тамъ, и ни пѣшему...
Раскидали разсыльныхъ—вернулися,
Говорятъ: «Насъ впередъ не посылывать,
А не то ужъ не ждать: со полуночи
Мы того навидались-наслышались,
Что храни насъ святые Угодники!
Вы послушайте—что починается...
Отъ царя, отъ Батыя безбожнаго,
Есть на русскую землю нашествіе.
Слышь: стрѣлой громоносною, молнійной,
Спалъ онъ къ намъ, а отколѣ—незнаемо...
Саранча Агарянъ[2]) съ нимъ безсчетная:
Такъ про это и знайте—и вѣдайте...»

II.

Было сказано... Слѣдомъ и прибыли
Два Ордынца, съ женой-чародѣйницей,
Все-жъ къ великому князю рязанскому
И къ другимъ князьямъ—пронскимъ и муромскимъ...
«Такъ и такъ: десятиной намъ кланяйтесь[3])
Съ животовъ, со скотовъ и со прочаго».
Снесся князь съ Володиміромъ-городомъ
И съ другими, да знать ужъ, что въ тѣ-поры,
Гнѣвъ Господень казнилъ Русь безъ милости:
Отступилисъ со страхомъ и трепетомъ...
Ну, тогда старый князь князя Ѳедора
Повѣщаетъ, что вотъ, молъ, безвременье...[4])

---

[1]) Какъ сѣверное сіянье на Бѣломъ морѣ.
[2]) Библейское названіе азіатскихъ народовъ; здѣсь разумѣются татары.
[3]) Отдавайте намъ десятую часть.
[4]) Несчастное время.

Поѣзжай ты, съ великимъ моленіемъ
И съ дарами, къ нему, нечестивому...

III.

И вотъ что случилося:—
Ѣхалъ Нéздила Прокшичъ съ князь-Ѳедоромъ
И за ними рязанскіе вершники [1]), шестеро,
Въ станъ Батыевъ... проѣхали островомъ
Подгороднымъ; проѣхали далѣе
Островами другими, немѣренными,
И ужъ дѣло-то было къ полуночи...
Все—сознякъ, березнякъ, да осинникъ... промежъ листвы
Издалека имъ стало посвѣчивать...
Ѣдутъ по-лѣсу, на свѣтъ ,—прогалина:
Лугъ и рѣчка; за рѣчкой раскинуты
Сплошь и рядомъ шатры полосатые—
Станъ,—и станъ неоглядный... Кишма-кишатъ
Люди не люди—нѣтъ на нихъ образа Божьяго,
А какое-то племя проклятое,
Какъ звѣрье окаянное якобы...
Кто въ гунѣ просмоленной, кто въ панцырѣ,
Кто въ верблюжью шкуру закутался...
Узкоглазые всѣ и скуластые,
А лицо словно въ вѣникахъ крашено.
Шумъ и гамъ! всѣ лепечугъ по своему;
Гдѣ заржетъ жеребецъ остреноженный,
Гдѣ верблюдъ всею пáстью прорявкаетъ...
Тутъ кобылу доятъ; тамъ маханину [2])
Пожираютъ, что волки несытые;
А другіе ковшами да чашками
Тянутъ что-то такое похмѣльное
И хохочутъ, другъ друга подталкивая.
Вдоль по рѣчкѣ топливо навалено,

[1]) Верховые, на коняхъ.
[2]) Лошадиное мясо.

И пылаютъ костры неугасные...
Сторожа въ камышахъ притаплися...
Обокликнули князя и съ Нéздилой:
Отозвались они и поѣхали,
Черезъ весь станъ, къ намету [1]) Батыеву:
Всполошилась орда некрещеная:
Сотенъ пять побѣжало у стремени...
Князь съ бояриномъ ѣдутъ—не морщатся —
Межъ кибитокъ распряженныхъ, войлочныхъ.
Стремянной Ополоница сердится,
А другіе дружинные вершники
Только крестятся, въ сторону сплевывая:
На Руси экой нечисти съ роду невидано...
Закраснѣлась и ставка Батыева:
Багрецовыя ткани натянуты
Вкругъ столпа, весь-какъ-есть золоченаго.
Одаль ставки, а кто и при пологѣ,
Стали цѣлой гурьбою улусники [2])—
Всѣ въ кольчугахъ и въ шлемахъ съ ковыль-травой;
За плечами колчаны; за поясомъ
Заткнутъ ножъ, закаленный съ отравою...
Князя въ ставку впустили и съ Нéздилой.
Ханъ сидитъ на коврѣ; ноги скрещены;
На плечахъ у него пестрый рóспашень,
А на темени самомъ скуфейка парчевая.
По бокамъ, знать, вельможи ордынскіе,
Всѣ въ такихъ же скуфейкахъ и рóспашняхъ...
Сталъ челомъ бить ему нечестивому.
Молитъ князь:
«Не воюй-де, царь, нашей ты волости,
А воюй что иное и прочее.
Съ насъ и взять-то придется по малости,
А что загодя—вотъ мы поминками [3])

[1]) Шатру.
[2]) Татары, улусъ—поселеніе монгольскихъ кочевниковъ.
[3]) Дарами.

Кой какими тебѣ поклонилися».
(Батый приказалъ убить князя).

IV.

Въ это время Батый, царь неистовый,
На Рязань поднялъ всю свою силу безбожную;
И пошелъ прямо къ стольному городу;
Да на полѣ его вся дружина рязанская встрѣтила,
А князья впереди: самъ великій князь,
Князь Давидъ и князь Глѣбъ, и князь Всеволодъ,—
И кровавую чашу съ татарами рóспили.
Одолѣли-бъ рязанскіе витязи,
Да не въ мочь было: по сту татариновъ
Приходилось на каждую руку могучую...
Изрубить-изрубили они силу несмѣтную,
Наконецъ утомились-умаялись,
И сложили удàлыя головы,
Всѣ какъ билися, всѣ до единаго,
А князь Юрій легъ вмѣстѣ съ послѣдними,
Бороня свою землю и отчину,
И семью, и свой столъ [1]), и княженіе...
Какъ объѣхалъ потомъ царь Батый поле бранное,
Какъ взглянулъ онъ на пàдаль татарскую,—
Преисполнился гнѣва и ярости
И велѣлъ всѣ предѣлы рязанскіе
Жечь и грабить, и рѣзать безъ милости
Всѣхъ,—отъ стараго даже до малаго,
Благо ихъ боронить было некому...
И нахлынули орды поганыя
На рязанскую землю изгономъ [2]) неслыханнымъ,
Взяли Пронскъ, Ижеславецъ и Бѣлгородъ,
И людей изрубили безъ жалости,
И пошли на Рязань... Сутокъ съ четверо

---

[1]) Престолъ.
[2]) Изгонъ—нападеніе въ расплохъ.

Отбивались отъ нихъ горожане рязанскіе,
А на пятые сутки ордынцы проклятые
Ворвались-таки въ городъ по лѣстницамъ,
Сквозь проломы кремлевской стѣны, и сквозь полымя;
Ворвалися и въ церковь соборную,—
Тамъ убили княгиню великую,
Со снохами ея и съ княгинями прочими;
Перебили священниковъ, иноковъ;
Храмы Божьи, дворы монастырскіе—
Всѣ пожгли; городъ пре́дали пламени;
Погубили мечемъ все живущее,—
И свершилось по слову Батыеву:
Ни младенца, ни старца въ живыхъ не осталося...
Плакать не́кому было и не́ по комъ...
Все богатство рязанское было разграблено...
И свалило къ Коломнѣ ордынское полчище.

Л. Мей.

162. Евпатій Коловратъ.

Отъ Коломны Ордынцы [1]) пошли прямо къ Суздалю;
Станъ разбили на Сити-рѣкѣ, ради отдыха
И дѣлежки добычею русскою.
Ходенемъ пошло поле окрестное.
И сыръ-боръ зашатался вотъ-словно подъ бурею...
Налетѣла-ль она, многокрылая,
Или сила иная на ставки [2]) татарскія,
Только ломятся ставки и валятся,
Только стонъ поднялся вдоль по стану ордынскому.
Загремѣли мечи о шеломы каленые;
Затрещали и копья, и бердыши;
Отъ броней и кольчугъ искры сыплятся,
Полилася рѣкой кровь горячая...
Варомъ такъ и варитъ всю орду нечестивую:

---

[1]) Татарская орда.
[2]) Шатры.

Рубятъ, колятъ и бьютъ—кто?—невѣдомо.
Тутъ ордынцы совсѣмъ обезпамятѣли,
Точно пьяные или безумные.
Кто ничкомъ лежитъ—мертвымъ прикинулся;
Кто бѣжитъ вонъ изъ стана—коней ловить;
А и кони по полю шарахнулись—
Ржутъ и носятся тоже въ безпамятствѣ.
Тутъ все стадо реветъ—всполошилося:
Тамъ ордынки развылись волчихами;
Здѣсь костеръ развели, да не во время:
Два намета сосѣдніе вспыхнули.
А наѣзжая сила незримая
Бьетъ и рубитъ, и колетъ безъ устали,—
Слышно только, что русскіе витязи,
А нельзя полонить ни единаго...
Вопятъ батыри [1]) въ страхѣ и ужасѣ:
—«Мертвецы, мертвецы встали русскіе,
«Встали съ поля рязанцы убитые!»
Самъ Батый убоялся... Близко отъ ставки Батыевой
Пронеслася толпа русскихъ витязей,
Прогоняя татарву поганую
И топча подъ копытами конскими;
Да въ догонку ей стрѣлы, что ливень, посыпались,—
И упали съ коней на земь пятеро.
Подбѣжали ордынцы къ нимъ, подняли
И къ Батыю свели. Ханъ ихъ спрашиваетъ:
«Вы какой земли, вѣры какой, что невѣдомо—
Почему мнѣ великое зло причиняете?»
И отвѣтъ ему держатъ рязанскіе витязи:
—«Христіанской мы вѣры, дружинники
Князь-Юрья рязанскаго, полку Евпатія
Коловрата: почтить тебя посланы—
Проводить, какъ царю подобаетъ великому».
Удивился Батый ихъ отвѣту и мудрости,

[1]) Татарскіе удальцы, богатыри.

И пославъ на Евпатія шурина,
И полки съ нимъ татарскіе многіе.
Хоздоврулъ похвалялся: «живьемъ возьму,
За сѣдломъ приведу къ тебѣ русскаго витязя».
А заря занималася на небѣ.
И сступились полки... у Евпатія
Всей дружины-то было-ль двѣ тысячи—
Вся послѣдняя сила рязанская,—
А ордынцы шли черною тучею:
Не окинуть и взглядомъ, не то чтобъ довѣдаться—
Сколько ихъ?... Впереди Хоздоврулъ барсомъ носится.
Молодецъ былъ и батырь: коня необгоннѣе
И вѣрнѣе копья у ордынцевъ и не было.
И сступились полки... На Евпатія
Налетѣлъ Хоздоврулъ, только не въ пору:
Исполинъ былъ Евпатій отъ младости силою—
И мечемъ раскроилъ Хоздоврула онъ на-полы [1])
До сѣдла, такъ-что всѣ, и свои, и противники
Отшатнулись со страхомъ и трепетомъ...
Рать ордынская дрогнула, тылъ дала,
Самъ-же кинулся вслѣдъ за ордынцами
И погналъ ихъ до самой ставки Батыевой.
Огорчился Батый и разгнѣвался,
Какъ узналъ, что Евпатій убилъ его шурина,
И велѣлъ навести на Евпатія
Онъ *пороки*, орудія тѣ стѣнобитныя....
И убили тогда крѣпкорукаго,
Дерзосердаго витязя; тѣло-же
Принесли передъ очи Батыевы.
Изумился и Ханъ, и улусники
Красотѣ его, силѣ и крѣпости
И почтилъ Ханъ усопшаго витязя:
Отдалъ тѣло рязанскимъ дружинникамъ
И самихъ отпустилъ ихъ, примолвивши:

[1]) Пополамъ.

«Погребите, вы, батыря вашего съ честію,
По законамъ своимъ и обычаямъ,
Чтобъ и внуки могилѣ его поклонялися». А. Мей.

163. Михаилъ Тверской [1]).

За Узбекомъ вслѣдъ влекомый
Кавгадыемъ, Михаилъ
Въ край чужой и незнакомый
Съ сыномъ-юношей вступилъ.
Мчался Терекъ быстрымъ бѣгомъ
Межъ нависшихъ береговъ;
Зрѣлись горъ хребты подъ снѣгомъ
Изъ-за синихъ облаковъ.
Станъ Узбековъ за рѣкою,
На степи въ глуши пестрѣлъ;
Всюду воины толпою,
Всюду гулъ глухой шумѣлъ.
Ветхимъ рубищемъ покрытый,
Съ мрачной грустію въ груди,
Князь-страдалецъ знаменитый
Сѣлъ въ цѣпяхъ на площади.

---

[1]) Несчастный Михаилъ, сынъ тверскаго князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 г.) долженъ былъ вступить на великокняжескій престолъ; но племянникъ его, Георгій Даниловичъ, князь московскій, началъ оспаривать у него это право. Россія находилась тогда подъ владычествомъ монголовъ: оба князя отправились въ Орду, и ханъ (Тохта) утвердилъ Михаила.

Болѣе десяти лѣтъ протекло мирно; но злоба не угасла въ сердцѣ Георгія; онъ не пропускалъ случая вредить Михаилу. Между тѣмъ Тохта умеръ (1312 г.), ему наслѣдовалъ сынъ его, Узбекъ. Несогласія князей возобновились; и Георгія призвали въ Орду (1315 г.). Цѣлые три года онъ раболѣпствовалъ передъ Узбекомъ; дарами и происками снискалъ себѣ милостивое расположеніе и, въ довершеніе всего, женился на сестрѣ его Кончакѣ (1318 г.). Ханъ наименовалъ Георгія старѣйшимъ изъ князей русскихъ и далъ ему войска. Михаилъ выступилъ къ нему на встрѣчу, сразился и одержалъ побѣду: татарскій полководецъ Кавгадый и супруга Георгія попали въ плѣнъ; послѣдняя умерла скоропостижно въ Твери. Раздраженный Узбекъ призвалъ Михаила въ Орду, жестоко истязалъ его и наконецъ велѣлъ лишить жизни. Церковь причла этого князя-страдальца къ лику св. мучениковъ.

Несчастливца обступили
Любопытные толпой:
«Это князь былъ!» говорили,
И качали головой:
«Онъ обширными странами,
Какъ Узбекъ нашъ, обладалъ.
Онъ съ отважными полками
Кавгадыя поражалъ!»
Въ рѣчи вслушавшись чужія,
Загрустилъ сильнѣе князь;
Вспомнилъ славу—и впервые
Слезы брызнули изъ глазъ:
«До какого униженья»,
Онъ мечталъ, потупя взоръ:
«Довели насъ заблужденья
И погибельный раздоръ!
Тѣ, которыхъ трепетали
Хитрый грекъ и хитрый ляхъ,
Нынѣ вдругъ рабами стали,
Передъ ханомъ пали въ прахъ!
Я любилъ страну родную
И пылалъ разрушить въ ней
Нашихъ бѣдъ вину прямую—
Распри злобныя князей.
О Георгій! ты виною,
Ты одинъ тому виной,
Если кровь согражданъ мною
Пролита въ странѣ родной.
Ты на дядю модиялъ длани;
Ты въ душѣ былъ столь жестокъ,
Что на Русь всю лютость брани,
И татаръ толпы навлекъ!
Смерть свою давно предвижу;
Для побѣга други есть,
Но побѣгомъ не унижу
Незапятнанную честь!

Не хочу своимъ спасеньемъ
    На родимый край привлечь
Кавгадыя съ лютымъ мщеньемъ,
    И Узбека грозный мечъ!»
Подкрѣпленный своей думой,
    Приподнялся Михаилъ,
И спокойный, но угрюмый,
    Тихо въ свой шатеръ вступилъ.
Кавгадыемъ обольщенный,
    Между тѣмъ младой Узбекъ,
Въ сердцѣ трепетный, смятенный,
    Смерть невинному изрекъ...
Ужъ Георгій съ палачами
    И коварный другъ царя
Шли поспѣшными шагами
    Къ жертвѣ, злобою горя...
Предъ иконою святою
    Михаилъ псаломъ читалъ;
Вдругъ съ той вѣстью роковою
    Отрокъ княжескій вбѣжалъ...
Вслѣдъ за нимъ убійцы съ крикомъ
    Ворвались въ густыхъ толпахъ;
Блещетъ гнѣвъ во взорѣ дикомъ,
    Злоба алчная въ чертахъ...
Ворвалися—и напали....
    Какъ гроза въ глухой ночи,
Надъ упавшимъ засверкали
    Ятаганы и мечи....
Князь скончался жертвой мщенья!
    Съ той поры онъ всюду чтимъ:
Михаила за мученья
    Церковь празднуетъ святымъ.

164. Димитрій Донской [1]).

Димитрій, рать обозрѣвая,
Красуясь на конѣ, гремѣлъ,
И въ помощь Бога призывая,
Перуномъ [2]) грознымъ полетѣлъ...
«Къ врагамъ! За Донъ!» вскричали войски
И повторяя кликъ геройскій,
За княземъ ринулися въ Донъ.
Несутся полные отваги,
Волнъ упреждаютъ быстрый бѣгъ;
Летятъ какъ соколы—и стяги [3])
Противный осѣнили брегъ.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега рѣки,
И взору вдалекѣ открыло
Татаръ несмѣтные полки.
Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипятъ;
Всѣхъ силъ объять не могутъ взоры...
Повсюду бердыши [4]) блестятъ.

---

[1]) Димитрій Іоанновичъ Донской родился въ 1350 году; великокняжескій престолъ занялъ 1362 года. Владычествовавшая надъ Русью Золотая или Сарайская Орда въ его время раздиралась междоусобіями. Одинъ изъ князей татарскихъ, Мамай, властвовалъ тамъ, подъ именемъ Мамантъ-Салтана, слабаго и ничтожнаго хана. Недовольный великимъ княземъ, Мамай отправилъ 1378 г. мурзу Бегича со множествомъ татарскаго войска. Ополченіе Димитрія встрѣтило ихъ на рѣкѣ Вожѣ, сразилось мужественно и одержало побѣду. Раздраженный Мамай, совокупивъ еще большія толпы иноплеменниковъ, двинулся съ ними къ предѣламъ Руси. Димитрій вооружился; противники сошлись на Куликовомъ полѣ (при рѣчкѣ Непрядвѣ, впадающей въ Донъ). Бой былъ жестокій и борьба ужасная (8 сент. 1380 г.). На пространствѣ двадцати верстъ кровь русскихъ мѣшалась съ татарскою. Наконецъ Мамай предался бѣгству, и Димитрій восторжествовалъ. Эта знаменитая побѣда доставила ему великую славу и уваженіе современниковъ. Потомство наименовало его Донскимъ. Дмитрій умеръ въ 1389 г.

[2]) Молніей.

[3]) Знамена.

[4]) Старинное оружіе—продолговатый топоръ съ копьецомъ, который насаживался на длинное древко.

Идутъ, какъ мрачныя дубравы—
И вторятъ степи гулъ глухой;
Идутъ... тамъ ханъ, здѣсь чада славы—
И закипѣлъ кровавый бой...
«Богъ намъ прибѣжище и сила!»
Рекъ Дмитрій на челѣ [1]) полковъ:
«Умремъ, когда судьба судила!»
И первый грянулъ на враговъ.
Кровь хлынула—и тучи пыли,
Поднявшись вихремъ къ небесамъ,
Свѣтило дня отъ глазъ сокрыли—
И мракъ простерся по полямъ.
Повсюду хлещетъ кровь ручьями;
Зеленый побагровѣлъ долъ:
Тамъ русскій пораженъ врагами,
Здѣсь палъ растоптанный монголъ;
Тутъ слышенъ копій трескъ и звуки.
Тамъ сокрушился мечъ о мечъ;
Летятъ отсѣченныя руки,
И го́ловы катятся съ плечъ.
Ужъ многіе изъ храбрыхъ пали,
Великодушный сонмъ рѣдѣлъ;
Уже враги одолѣвали,
Татаринъ дикій свирѣпѣлъ;
Къ концу клонился бой кровавый,
И черный стягъ былъ пасть готовъ;
Какъ вдругъ орломъ изъ-за дубравы
Волынскій грянулъ на враговъ.
Враги смѣшались—отъ кургана
Промчалось: «Силенъ русскій Богъ!»
И побѣжала рать тирана,
И сокрушенъ гордыни рогъ!...
Помчался ханъ въ глухія степи,
За нимъ шумящимъ враномъ страхъ;

[1]) Впереди.

Расторгнулъ Русскій рабства цѣпи
И сталъ на вражескихъ костяхъ.
Но кто тамъ блѣденъ, близъ дубравы,
Обрызганъ кровію лежитъ?
Что зрю?... Первоначальникъ славы [1]),
Димитрій раненъ... страшный видъ!...
Ужель изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей!
Но вотъ къ стенящему герою
Притекъ сонмъ воевъ и князей.
Вотъ преклонивъ трофеи брани [2])
Гласятъ: «Ты побѣдилъ! возстань!»
И князь, воздѣвши къ небу длани:
«Великъ насъ ополчившій въ брань!
Великъ!» речетъ: «Къ Нему молитвы!
Онъ Сергія услышалъ гласъ!
Ему вся слава грозной битвы!
Онъ, Онъ одинъ прославилъ насъ»!

165. Ночь передъ приступомъ 1612 г.

Поляки почью темною,
Предъ самымъ Покровомъ,
Съ дружиною наемною
Сидятъ передъ огнемъ.

Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усъ,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И съ польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войной неправою
Враги на россіянъ...

А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ [3]).

Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.

Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,
И въ панцыряхъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ, и въ тафьяхъ,

[1]) Выраженіе лѣтописца.
[2]) Знамена.
[3]) Троице-Сергіевская, въ 60 верстахъ отъ Москвы.

Всю ночь они морозную,
До утренней поры
Рукою держатъ грозною
Кресты, иль топоры.
Священное ихъ пѣніе
Вторитъ высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.
Не разъ они, предъ битвою
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой;
Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестоперами [1])
Литовскихъ удальцовъ.
Ни на день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ;
Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,
Глядятъ на нихъ съ любовію
Святыхъ ликуетъ хоръ;
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!

Гр. А. Толстой.

166. Иванъ Сусанинъ [2]).

«Куда ты ведешь насъ?.. Не видно ни зги!»
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:
«Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга:
Намъ знать не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно, нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ,
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ!..
Веди-жъ насъ—такъ будетъ тебѣ за труды,
Иль бойся—не долго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ мятелью...
Но что тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?»

---

[1]) Стрѣлами.

[2]) Въ исходѣ 1612 г. юный Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ скрывался въ Костромской области. Въ то время Москву занимали поляки: они хотѣли утвердить на русскомъ престолѣ царевича Владислава—сына короля ихъ Сигизмунда III. Одинъ отрядъ проникъ въ Костромскіе предѣлы и искалъ захватить Михаила. Вблизи отъ его убѣжища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы онъ тайно провелъ ихъ къ жилищу Θеодора. Какъ вѣрный сынъ отечества, Сусанинъ захотѣлъ лучше погибнуть, нежели предательствомъ спасти жизнь.

«Деревня!» сарматамъ [1]) въ отвѣтъ мужичекъ:
«Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! въ ворота! избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите—не бойтесь!»—«Ну то-то, москаль!...
Какая-же, братцы, чертовская даль!
Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣгу соколія очи...
Жупанъ мой—хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!»
Вошедъ, проворчалъ такъ сарматъ молодой.
«Вина намъ, хозяинъ! мы смокли, иззябли!
Скорѣй!.. не заставь насъ приняться за сабли!»
Вотъ скатерть простая на столъ постлана,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша, и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ окончины вѣтеръ, бушуя стучитъ;
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.
Давно ужъ за полночь... Сномъ крѣпкимъ объяты
Лежатъ беззаботно по лавкамъ сарматы.
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ, на сторожѣ, Сусанинъ сѣдой,
Въ полголоса молитъ въ углу у Иконы
Царю молодому святой обороны.
Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и въ двери тайкомъ...
«Ты-ль это, родимый?.. А я за тобою,
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а вѣтеръ еще не затихъ...
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!»—
«Приводитъ самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому:
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые ляхи, по злобѣ своей,

[1]) Сарматами здѣсь называются поляки.

Его потаенно убить замышляютъ
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ!
Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ
И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ.» —
«Но что ты затѣялъ? подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?
И съ юной сестрою и съ матерью хилой?» —
«Творецъ защититъ васъ святой своей силой.
Не дастъ онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай-же, о сынъ мой, намъ дорого время!
И помни я гибну за русское племя!»
Рыдая, на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ—и помчался свистящей стрѣлой.
Луна, между тѣмъ, совершила полкруга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря
Проснулись сарматы—злодѣи царя.
«Сусанинъ! вскричали, что молишься Богу?
Теперь ужъ не время—пора намъ въ дорогу!»
Оставивъ деревню шумящей толпой,
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой.
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло:
То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ...
Стоятъ не шелохнясь и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.
Другъ за другомъ идутъ въ молчаньи сарматы,
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ, —

И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними;
И сосны, и ели, вѣтвями густыми
Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще на сторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьѣ и мертво, и глухо...
«Куда ты завелъ насъ?» Ляхъ старый вскричалъ.
«Туда, куда нужно!» Сусанинъ сказалъ.
«Убейте, замучьте!—моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь—я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ».—
«Злодѣй», закричали враги, закипѣвъ:
«Умрешь подъ мечами!»—«Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!»—
«Умри-же!» сарматы герою вскричали—
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
«Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!»
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила!

167. Иванъ Подкова.

I

Было время—по Украйнѣ
Пушки грохотали;
Было время—запорожцы
Жили пировали;
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.

Все то минуло—остались
Лишь могилы въ полѣ.
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое козачье,
Саваномъ повито.
И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы, въ полѣ,
И лишь съ вѣтромъ перелётнымъ
Шепчутся про волю.
Славу дѣдовскую вѣтеръ
По полю разноситъ...
Внукъ услышитъ—пѣсню сложитъ
И съ той пѣсней коситъ.
Было время—на Украйнѣ
Въ пляску шло и горе:
Какъ вина да меду вдоволь—
По колѣна море!

II,

Встала туча надъ Лиманомъ,
Солнце заслоняетъ;
Лютымъ звѣремъ сине-море
Стонетъ, завываетъ.
Днѣпръ надулся. «Что-жъ, ребята,
Время мы теряемъ.
Въ лодки!—море расходилось:
То-то погуляемъ!»
Высыпаютъ запорожцы.—
Вотъ Лиманъ покрыли
Ихъ ладьи. «Играй-же море!»
Волны заходили...
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноетъ; козаки-же
Веселѣе стали.

Плещутъ весла; пѣсня льется;
Чайка вкругъ порхаетъ...
Атаманъ въ передней лодкѣ —
Путь дорогу знаетъ.
Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ:
Трубку сжалъ зубами;
Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво—
Гдѣ-бъ сойтись съ врагами?
Закрутилъ онъ усъ свой черный,
Вскинулъ чубъ косматый,
Поднялъ шапку—лодки стали.
«Сгинь ты, врагъ проклятый!
Поплывемте мы къ Синопу,
Братцы атаманы,
А въ Царьградъ поѣдемъ въ гости
Къ самому султану.»
—«Ладно батька», загремѣло
—«Ну, спасибо, братцы!»
И накрылся.
Вновь горами
Волны громоздятся....
И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходитъ, не садится;
Только молча исподлобья
На волну косится.

Т. Шевченко.

168. Козацкій батька.

Пѣсня кобзаря.

Не орелъ подъ облаками
Носится, летаетъ:
То Максимъ, казацкій батька,
По степи гуляетъ;
Не орелъ степной летаетъ,
А за нимъ орлята:
То Максимъ въ степи гуляетъ—
Съ нимъ его ребята.

Запорожцы—тѣ ребята.
      Онъ имъ скажетъ слово—
Бить-ли, пить-ли, веселиться—
      Мигомъ все готово.
Онъ мигнетъ—и всѣ танцуютъ;
      Только пыль несется;
Запоетъ и всѣ горланятъ:
      Горе съ нимъ смѣется.
Медъ и водку онъ не чаркой,
      Ковшикомъ черпаетъ,
А врага, гдѣ только встрѣтитъ,
      Бьетъ, не выжидаетъ.
Вотъ каковъ орелъ нашъ сизый,
      Атаманъ нашъ новый!
И воюетъ, и гарцуетъ,
      Онъ на все готовый.
Нѣтъ ни хаты у Максима,
      Ни пруда, ни сада....
Степь безлюдная—дорога,
      Море—не преграда....

Т. Шевченко.

169. Петръ Великій.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной;
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Пушкинъ.

      Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
      Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
      Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
      Блисталъ величествомъ въ работѣ.

Державинъ.

170. Кто онъ?

На берегу Невы великой,
По тропиночкѣ лѣсной
Ѣхалъ всадникъ. Вкругъ все дико.
Ель, сосна, да мохъ сѣдой.
    Передъ нимъ рыбачья хата;
    Подъ сосной у синихъ волнъ
    Старый рыбарь бородатый
    Колотилъ дырявый челнъ.
Всадникъ молвитъ: «Дѣдъ, здорово!
«Богъ на помощь! Какъ живешь?
«Много ловишь ты? и лова
«Гдѣ добычу продаешь?»
    Отвѣчалъ старикъ сердито:
    «Рыбы мало ли въ рѣкѣ?
    «Только нѣтъ иного сбыта,
    «Какъ въ сосѣднемъ городкѣ.
«Да теперь мнѣ что въ ловитвѣ?
«Вишь, какая здѣсь возня!
«Вы дрались, а бомбой въ битвѣ
«Челнъ прошибло у меня.» [1])
    Всадникъ прочь съ коня; безмолвно
    Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,
    Мигомъ сбилъ борты у челна,
    Руль привѣсилъ за кормой.
«Ну, старинушка, готово!
«Смѣло въ воду челнъ содвинь
«И на счастіе Петрово
«Сѣти на морѣ закинь!»
    Онъ исчезъ. Старикъ строптивый
    Думалъ молча: «Что за диво?
    «Съ виду смотритъ онъ царемъ,
    «А гораздъ такъ топоромъ».

Майковъ.

---

[1]) Битва русскихъ со шведами на рѣкѣ Невѣ при Петрѣ Великомъ.

171. 1812 годъ [1].

Чу! труба продребезжала!
Русь, тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ.
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ восьми твоихъ морей!

Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, впередъ!
Громче бури истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ [2]) костёръ!

Гдѣ же вы, незваны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
Вамъ почетный былъ пріемъ!
Упилися, еле живы,
Вы въ московскихъ теремахъ,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ,

---

[1]) Нашествіе французовъ въ союзѣ съ другими европейскими народами.

[2]) Фениксъ—баснословная птица, созданная фантазіей древнихъ, величиною съ орла, съ золотыми и красными крыльями. По древнему вѣрованію, фениксъ черезъ пятьсотъ лѣтъ прилеталъ изъ Индіи въ Египетъ, и здѣсь сожигалъ себя; изъ пепла же его рождался червь, который отъ дѣйствія солнечной теплоты производилъ новаго феникса. Въ поэтическомъ слогѣ фениксъ выражаетъ *перерожденіе* или *возрожденіе*.

Вы отвѣдать русской славы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли!

Языковъ.

172. Бородино.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»
—«Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!
Мы долго, молча, отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что-жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синіе верхушки,
Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!

Постой-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ,
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на полѣ грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ, весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
—И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денекъ! сквозь дымъ летучій
Французы двинулись какъ тучи,

И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало:
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...
Да, были люди въ наше время!
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Лермонтовъ.